

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
Рукописного
отдела
Пушкинского
Дома
на 1990 год

Гуманитарное агентство
«Академический проект»
Санкт-Петербург
1993

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1990 ГОД

Гуманитарное агентство
«Академический проект»
Санкт-Петербург
1993

После десятилетнего перерыва возобновляется выпуск «Ежегодника» Рукописного отдела Пушкинского Дома. Время доказало необходимость и ценность этого серийного издания. Сохранена прежняя структура сборника, отделы: обзоры, публикации, новые поступления. В очередном «Ежегоднике» печатаются обзоры материалов А. Н. Веселовского и М. А. Кузмина, неизвестные произведения М. А. Кузмина, Д. И. Хармса и Л. И. Добычина, дневниковые записи А. П. Чапыгина, письма В. И. Иванова, Н. А. Клюева, воспоминания об А. М. Ремизове. Введена и новая рубрика: «Из истории фондов». Она представляет несомненный интерес, так как история документов и их поступления в Рукописный отдел теснейшим образом переплетена с человеческими судьбами.

Как и в прошлые времена, «Ежегодник» ставит своей основной задачей вводить в научный оборот новые историко-литературные материалы и рассчитан как на специалистов-филологов, так и на широкий круг читателей.

Редакционная коллегия:

А. В. Лавров, А. Ф. Лапченко, Н. Н. Скотов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор

Т. С. Царькова

Рецензенты:

Л. А. Иезуитова, Г. В. Филиппов

ISBN 5-7331-0022-2

© Гуманитарное агентство «Академический проект»,
1993

lib.pushkinskiydom.ru

І. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

С. Н. Азбелев

РУКОПИСИ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО ПО НАРОДНОМУ ЭПОСУ

Исследование А. Н. Веселовским народной поэзии продолжалось более тридцати лет. В архиве ИРЛИ сохраняется не все, относящееся к этой области его научных занятий; изданные работы А. Н. Веселовского оригиналами почти не представлены; большая часть их находится здесь в виде печатных оттисков, многие из которых снабжены позднейшими рукописными дополнениями автора.¹ Есть и неопубликованные труды.

Характеристику той части рукописей А. Н. Веселовского, которая имеет отношение к фольклору, удобнее начать с работ о народном эпосе. Относящиеся сюда наследие можно подразделить на четыре группы.

1. Неопубликованные исследовательские работы или части исследовательских работ, не вошедшие в опубликованные автором тексты их.

2. Рукописные дополнения (иногда и поправки) к напечатанным текстам исследовательских работ.

3. Конспекты лекционных курсов, их программы и материалы к ним.

4. Разного рода подготовительные материалы к исследованиям и рецензиям.

¹ Краткие сведения можно найти в работе: *Виноградов Г. С.* Архив А. Н. Веселовского. Краткий обзор // Бюллетени Рукописного отдела Института литературы АН СССР. М.; Л., 1947. Вып. 1. С. 58—65. См. также: *Матренина М. М.* К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского. Каталог выставки, организованной в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л., 1988. 38 с.

Рукописное наследие А. Н. Веселовского будет характеризоваться здесь в основном согласно указанной последовательности, с преимущественным вниманием к наиболее существенному из неопубликованных трудов. Все упоминаемые единицы хранения обозначаются их номерами по описи 1 фонда 45, составляющего целиком архив Веселовского.

Главный труд его по народному эпосу — «Южнорусские былины» — был опубликован самим автором в 1881—1884 гг.² В архиве есть два комплекта оттисков этого труда с многочисленными дополнениями и поправками (№ 114 и 115) и отдельные листы дополнений к нему (№ 116). Все поправки были учтены и все дополнения к печатному тексту внесены при подготовке этого труда для переиздания М. П. Алексеевым и Г. С. Виноградовым. Подготовленная ими в 1939 г. машинопись 17-го тома Собрания сочинений А. Н. Веселовского, — тома, заключающего в себе, согласно общему плану издания, «Южнорусские былины», хранится в С.-Петербургском отделении Архива РАН (ф. 150, оп. 6, № 9 и 10, 270 и 302 с.). Дополнения, поддававшиеся включению в основной текст автора, были туда внесены, но основную массу их публикаторам пришлось поместить в конце, дав отсылки к соответствующим местам основного текста, т. е. поступить так же, как поступал нередко сам Веселовский в случаях, когда у него появлялись дополнения, которые автору оказывалось возможно присоединить при печатании самой дополняемой работы.

Обнаружилось, что существует еще одна глава этого труда, публикация которой Веселовским откладывалась и рукопись которой находится в его архиве в пригодном для подготовки издания виде (№ 292).

Как известно, почти каждая глава «Южнорусских былин» — самостоятельное исследование. Заявленное в предисловии намерение Веселовского свести воедино результаты серии его работ о былинах автор осуществить не успел, как не успел, по-видимому, отобразить полностью в опубликованных работах конкретные свои наблюдения, относящиеся к русскому эпосу. Ряд отдельных статей о нем, напечатанных после «Южнорусских былин», явился, в сущности, продолжением этого труда, так же как и несколько выпусков серии, скромно озаглавленной «Мелкие заметки к былинам». Среди 18 вошедших сюда работ оказалось немало значительных как по объему, так и по содержанию.

² См.: Записки имп. Академии наук (далее: ЗИАН). СПб., 1881. Т. 39, прилож. 5. С. 1—78 (главы 1 и 2); Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (далее: Сборник ОРЯС). СПб., 1881. Т. 22, № 2. С. 1—78 (главы 1 и 2); Там же. СПб., 1884. Т. 36, № 3. С. 1—411 (главы 3—11).

В архиве Веселовского находится неизданная статья, озаглавленная «Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните». Есть ее черновик и есть переписанный самим автором экземпляр с многочисленными позднейшими добавлениями карандашом. Объем статьи приблизительно 3 печатных листа. В рукописи над заголовком проставлена римская цифра III, а из первой фразы явствует, что это глава труда о былинах.

В изданном тексте «Южнорусских былин», однако, существует третья глава; содержание ее не имеет общего с неизданной рукописью. То же можно сказать о третьей главе «Мелких заметок к былинам». Текст рукописи не является вариантом какой-либо из опубликованных глав этих трудов.

Прямого указания на принадлежность к одному из них в статье нет. Но в ней есть косвенные данные, позволившие это выяснить, хотя и не без некоторых затруднений.

Во вступительном разделе рукописи, сказав о зыбкости и текучести бытующих устно эпических песен, Веселовский обосновывает целесообразность сравнительного изучения. Он пишет: «Единственная возможность критически свободно отнестись к этому расплывчатому материалу, не дающему твердой точки опоры, это выйти из его зыбучих песков, изолироваться от его подавляющего, нарастающего разнообразия, найти опору и вместе с нею возможность объективного наблюдения и сравнения. Я пытался достигнуть этого в первой статье, посвященной русским былинам, удалившись в византийские песни; во второй изолирование достигнуто было удалением в область малорусской легенды; генеалогия Тидрексаги невольно ставит вопрос: насколько она соединима с данными русских былин? На этот вопрос я попытался ответить себе. Точкой отправления явился Hertnit-Ortnit, которого пришлось коснуться в предыдущем исследовании» (№ 292, л. 36).

Отсылка к предшествующему исследованию еще более определенно дается в самом начале текста. Здесь сказано: «Круг былин, разобранных нами в предыдущей главе, заставил нас коснуться памятника, на значение которого для истории русского эпоса давно уже было указано исследователями. Я разумею северную Тидрексагу, составленную главным образом на основании немецких сказаний» (№ 292, л. 35).

Столь определенные указания Веселовского на предыдущие главы не находят достаточного соответствия в его опубликованных работах.

«Южнорусские былины» содержат сопоставления с византийским песенным материалом, но этому посвящена не первая, а в основном третья глава. Украинскую легенду Веселовский привлекал в

том же труде, но не во второй его главе, а в первой. Следовательно, неизданная глава могла предназначаться для «Южнорусских былин», но в этом случае написана была раньше, чем установился порядок глав, какой мы имеем в издании. Однако требовало объяснения двукратное и вполне определенное указание Веселовского на предыдущую главу, где, по его словам, уже был предварительный разговор о соотношении былин и русской генеалогии Тидрексаги. Чего-либо похожего нет ни во второй, ни в первой главе «Южнорусских былин»; нет этого и во всех остальных главах.

Разгадка нашлась только при сплошном просмотре рукописей Веселовского, относящихся к народному эпосу. Под № 303 находятся несколько разрозненных листов из разных работ о былинах. Один из этих листов, как оказалось, содержит окончание IV раздела изданной первой главы «Южнорусских былин». Это лист белой рукописи с поправками и дополнениями рукой Веселовского. Перед нами окончательный авторский текст, ибо в издании полностью отображены эти изменения и нет каких-либо дополнительных отличий.

Самое существенное изменение относится к последнему абзацу печатного текста. Лист 9 рукописи № 303, представляющий собой часть IV раздела первой главы, совпадает с ее печатным текстом от с. 46 (строка 11 сверху) до с. 48 (строка 10 сверху). При этом последний абзац, от слов «позволено поставить вопрос» (с. 47, строка 8 снизу), вписан рукой Веселовского на полях вместо зачеркнутого им большего по объему текста, занимавшего почти всю оборотную сторону листа. Этот зачеркнутый текст содержит по преимуществу сопоставления былин об Илье Муромце, Ермаке и Михаиле Даниловиче с Тидрексагой. Здесь, в частности, дается графическая схема «русской генеалогии Тидрексаги», представляющая собой как бы исходный вариант аналогичной схемы, окончательные варианты которой содержит рукопись № 292.

В печатном тексте этот зачеркнутый фрагмент не отображен. Между тем здесь Веселовский действительно сопоставлял Гертнита и других персонажей Тидрексаги с былинными. Бумага этого листа и расположение текста на нем совершенно такие же, как и в чистовом экземпляре интересующей нас главы.

Становится вполне очевидным, что оставшаяся неизданной глава была написана именно для труда «Южнорусские былины» — еще до замены этого окончания, причем Веселовский намеревался поместить ее именно в качестве третьей главы. Первой главой первоначально была нынешняя четвертая, а второй — нынешняя первая. Ее IV раздел тогда был последним и оканчивался краткими сопоставлениями о соотношении русского эпоса и германского.

Естественно возникает вопрос: почему Веселовский, написав исследование «былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните» как одну из первых глав труда «Южнорусские былины», не включил ее в издание, но хранил почти готовый для печати текст по меньшей мере двадцать шесть лет, поскольку первые главы «Южнорусских былин» опубликованы еще в 1881 г.?

Ответ может быть получен при сопоставлении с издававшимися работами Веселовского.

Из упоминания в тексте неопубликованной главы вполне ясно, что издание «Южнорусских былин» Веселовский намеревался начать главой «Былины о Сауле Леванидовиче и греческая песня об Армури». В предварительном кратком виде материал этой главы и отчасти двух других Веселовский напечатал еще в 1879 г. в журнале «Archiv für slavische Philologie». В том же году Орест Миллер отозвался на эту статью критической рецензией.³ Автор широко известного фундаментального труда по русскому эпосу, весьма популярный профессор Петербургского университета по кафедре русской словесности, укорял своего младшего коллегу по кафедре всеобщей литературы в увлечениях, приведших к недостаточной убедительности некоторых суждений, указывал и на дефекты композиции этой первой у Веселовского работы о былинах. Орест Миллер так оканчивал свою рецензию: «Заключу пожеланием, чтобы автор продолжал начатый им ряд исследований, избегая вперед тех излишеств, которые вкрались в первую статью, и оставаясь верным преобладающему в ней характеру осторожности».

Веселовский, как видно из последующих его публикаций, принял далеко не все замечания Миллера. Но они побудили прежде всего дополнительно аргументировать выставленные тезисы. Это потребовало времени, из-за чего работа появилась не через два года, а через пять лет. Она открыла собой не первый, а второй выпуск «Южнорусских былин», существенно увеличившись в объеме и изменившись композиционно.

Призыв Миллера к осторожности побудил, очевидно, Веселовского отложить публикацию главы, посвященной сопоставлению былины о Волхе с поэмой об Ортните и с Тидрексагой, сняв предварительное обращение к этому памятнику в печатаемой главе «Михаил Данилович и младшие богатыри».

Отложенная глава была посвящена аргументированию гипотезы Веселовского о восхождении основы былины о Волхе еще к эпохе славяно-готского общения, к возникшему тогда архаическому сюжету, отобразившемуся через промежуточные стадии не только в до-

³ Миллер О. Ф. Новые домыслы учения о заимствованиях // Русский филологический вестник. 1879. № 4. С. 233—241.

шедшей устно былине, но и в средневековых письменных фиксациях германского эпоса. Отчасти предвосхитив выводы исследований, появившихся много времени спустя после его смерти, Веселовский объяснял наложением архаичного эпического образа на образ исторического лица соотносительность былины с характеристиками князя Всеслава Полоцкого в летописи и в «Слове о полку Игореве».

Гипотеза Веселовского касается и некоторых других былинных персонажей, в которых он видит совмещение образов древнейшего славянского эпоса и исторических лиц Киевской Руси.

Научная осторожность, а вернее сказать высочайшая степень научной добросовестности Веселовского, не зависившая от призыва Миллера, побудила, как видно, провести особенно фундаментальные дополнительные разыскания именно в связи с этой главой. Клабук затронутых в ней вопросов был довольно запутан, нити его тянулись в стороны, побуждая все более расширять круг сопоставлений, относящихся уже собственно к германскому эпосу, к памятникам его, в которых фигурируют русские имена, названия городов, пассажи, претендующие на изложение русской истории.

Работа Веселовского в этом направлении отображена даже его курсами по истории эпоса, читанными в 1880-х годах. Это видно и по сохранившимся авторским конспектам, о которых далее пойдет речь, и по литографированным записям. Особое внимание уделено здесь, например, русской генеалогии саги о Тидреке Бернском. Выражающие ее графические схемы есть в конспекте Веселовского и даже воспроизведены в студенческих записях. Эти схемы присутствовали уже в неопубликованной главе, где сопоставлялись со схемами эпического родства некоторых персонажей по былинам.

В 1890 г. Веселовский публикует в серии «Мелких заметок к былинам» статью «Кто такой Бравлин в житии св. Стефана Сурожского»,⁴ где повторяет предельно кратко дававшиеся им в неизданной главе подробно по вариантам соотношения некоторых мотивов былины о Волхе и поэмы об Ортните, но при этом сопоставляет их с материалом, который в главе не затрагивался.

Через шесть лет в той же серии появилась статья Веселовского «Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском». Она занимает около трех печатных листов, имея, однако, подзаголовок «Предварительное сообщение».⁵ Здесь нет сопоставлений с былиной о Волхе, но зато материал неизданной главы, относящийся собственно к Тидрексаге, к ее русской генеалогии и к поэме об Ортните, трактуется Веселовским на фоне широких сопоставлений при детальном разборе литературы вопроса.

⁴ Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1890. Ч. 268, № 3.

⁵ ЖМНП. 1896. Ч. 307, № 8. С. 235—277.

Интенсивность дальнейшей разработки вширь этой проблематики хорошо видна по сохранившимся рукописям Веселовского. В его архиве находятся три оттиска этой статьи (№ 241). Они снабжены авторскими дополнениями почти на каждой странице. Видно, что работа велась в несколько этапов, а общий объем дополнений в итоге превысил протяженность исходного текста.

Завершением труда по обоснованию периферийных тезисов неизданной главы явилась большая работа «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском».⁶ Она вобрала в себя материал двух ранее опубликованных статей и дополнения к ним. К этому труду Веселовский приложил, как известно, переводы на русский язык всех частей Тидрексаги, представляющих интерес при обосновании связанных с ней его построений. В основе их, как выясняется, лежит глава, не дождавшаяся публикации при жизни автора. Веселовский скончался за три месяца до выхода из печати работы «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском».

Что же касается неизданной главы, то в процессе дополнительных обоснований кое-что из ее содержания, естественно, оказалось отображено опубликованными работами Веселовского. Но это, конечно, не препятствие к тому, чтобы ее напечатать.

Следует еще упомянуть, что черновой вариант неизданной главы о Волхе Всеславьевиче в рукописи № 292 не имеет окончания (отсутствует последний четырехстраничный двойной лист, по авторской нумерации — 29-й). Оно попало в рукопись № 87, где занимает начало ее 13-го раздела. После чернового окончания этой (третьей по первоначальному замыслу) главы «Южнорусских былин» здесь помещен заголовок: «IV. Волх и Микула. — Voyage de Charlemagne à Jérusalem — Песни о Дюке Степановиче». Далее идет текст, представляющий собой, очевидно, начало четвертой главы «Южнорусских былин» по первоначальному плану автора. Но эта глава была только начата, весь текст занимает менее четырех страниц: л. 1 (58) об. — 3 (61). Написанное здесь было позднее использовано Веселовским в шестой главе опубликованного текста «Южнорусских былин», в III ее разделе (с. 237—254). Поэтому в публикации данного фрагмента, думается, нет необходимости.

Несколько глав серии «Мелких заметок к былинам», хранящиеся в виде оттиска под № 202, снабжены дополнениями, хотя и не столь обильными, как в других случаях.

Связанный с темой неопубликованной главы 15-й этюд этой серии, «Кто такой Бравлин в житии Стефана Сурожского», распространен большим числом дополнительных параллелей к

⁶ Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1906. Т. 9, кн. 3.

оборотничеству Волха (параллели не только русские, но и тюркская, монгольские).

В той же единице хранения находятся дополнительные примеры и параллели к главе 13-й «мелких заметок» («К былине о Садко»), 14-й («Финские варианты былин об Илье Муромце»), 16-й («Былины о Ставре Гоудиновиче и песни о девушке-воине»).⁷ Собственноручные добавления Веселовского, сделанные чернилами, перенесены в такой же оттиск № 203, но при этом не учтены его карандашные пометы в оттиске, хранящемся под № 202.

Главы 8-12 «Мелких заметок к былинам»⁸ в оттиске под № 193 не все имеют авторские дополнения. Ими снабжен этюд 9-й («Киевские пещеры»), где использованы данные Лассоты, Бельского, Буслаева, а также этюд 12-й («К сербской легенде о Константине Великом»), где приведены добавочные примеры. Все это перенесено в такой же оттиск, хранящийся под № 192.

Одна из ранних статей Веселовского, «Об одном эпизоде из былины о Святогоре»,⁹ переплетенная в комплекте оттисков (№ 48), на л. 71—83 имеет дополнения, которые перенесены в отдельный экземпляр (№ 63). В этом же комплекте на л. 133—151 об. находится оттиск рецензии Веселовского¹⁰ на книгу И. Н. Жданова «К литературной истории русской былевой поэзии» (Киев, 1881), где к разговору о Святогоре есть значительные дополнения: пять новых параллелей — из материалов, записанных у горцев Кавказа, у румын и др. (они тоже перенесены в отдельный экземпляр, хранящийся под № 144). Тут же на л. 367—395 — снабженный рядом новых иноязычных параллелей оттиск статьи «Сказания о красавице в тереме и русская былина о подсолнечном царстве».¹¹

Обильными дополнениями снабжен оттиск статьи «Былина о Садке»¹² (№ 163) — как приписанными, так и в подклейках и даже на пришитых в конце листах. Здесь и параллели к легенде о Садко (киргизская, французская и др.), и дополнительные сведения, касающиеся культов св. Николая и св. Климента и др. Данные, приведенные в дополнениях, не просто иллюстративный материал: нередко они оказываются существенными для дополнительного аргументирования суждений Веселовского, обоснования его концепции.

⁷ Эти главы напечатаны: ЖМНП. 1890. Ч. 268, № 3.

⁸ Напечатано: ЖМНП. 1889. Ч. 263, № 5.

⁹ Напечатано: Филологические записки. 1876. № 6.

¹⁰ Напечатано: ЖМНП. 1884. Ч. 231, № 2.

¹¹ Напечатано: ЖМНП. 1878. Ч. 196, № 4.

¹² Напечатано: ЖМНП. 1886. Ч. 248, № 12.

Статья «Былины о Потоке и сорока каликах со каликою»¹³ (№ 282) снабжена указанием параллели из Сервантеса к одному из центральных мотивов былины о сорока каликах (подбрасывание — в отместку за отвергнутую любовь — драгоценности, что позволяет затем обвинить в краже).

Заметка Веселовского «Исполин Илья Муромец у Луиса де-Кастильо»¹⁴ (№ 24) снабжена не только добавочными данными, но и интересными соображениями в пользу позднейшего происхождения формы «Муромец» с приведением малоизвестных, но важных сведений из описания рукописей А. Ф. Бычковым, а также данных, приводившихся С. М. Соловьевым.

Дополнительные сведения и параллели, принадлежащие русскому эпосу, встречаются и в не относящихся к нему прямо работах Веселовского. Такова, например, его рецензия «Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. Опыт переводного и объяснительного сборника Гавриила Дестуниса. СПб., 1883»¹⁵ (№ 142). Здесь параллель из зачина о турах былины о Василии Ипатьевиче и добавление к мотиву образа Богоматери — оплота против врагов.

Большая статья Веселовского «Эпические повторения как хронологический момент»,¹⁶ чрезвычайно важная сама по себе, в архивном экземпляре печатного текста (№ 253) содержит не только ценные дополнительные примеры, но и новые соображения автора. Добавления были напечатаны в 1913 г. при переиздании этой работы в первом томе Собрания сочинений А. Н. Веселовского (используемом, к сожалению, очень редко) на с. 504—513. Но в постоянно привлекаемой ныне книге издания 1940 г. «Историческая поэтика», где В. М. Жирмунский перепечатал почти все труды Веселовского из упомянутого первого тома, авторские дополнения опущены, что важно учитывать при использовании названной работы.

Все двадцать четыре главы «Разысканий в области русского духовного стиха» сплетены в два тома: выпуски с первого по четвертый (главы I—X)¹⁷ — № 98 и выпуски пятый и шестой (главы XI—XXIV)¹⁸ — № 197. Каждый выпуск снабжен авторскими руко-

¹³ Напечатано: ЖМНП. 1905. № 4.

¹⁴ Напечатано: ЖМНП. 1883. Ч. 226, № 4.

¹⁵ Напечатано: ЖМНП. 1884. Ч. 234, № 6.

¹⁶ Напечатано: ЖМНП. 1897. Ч. 310, № 4.

¹⁷ Напечатаны одновременно в ЗИАН и в сборнике ОРЯС: ЗИАН. 1880 (отдельный оттиск — 1879). Т. 36, кн. 1, прилож. 3; 1882. Т. 40, кн. 2; 1883. Т. 45, прилож. 1; Сборник ОРЯС. 1880. Т. 20, прилож. 6; Т. 21, прилож. 2; 1882. Т. 28, прилож. 2; 1883. Т. 32, прилож. 4.

¹⁸ Напечатано: Сборник ОРЯС. 1890 (отдельный оттиск — 1889). Т. 46; 1891. Т. 53, прилож. 6.

писными дополнениями, которые находятся на чистых листах, вплетенных между оттисками. Дополнений настолько много, что специальная характеристика их требовала бы особого обзора. Почти все дополнения были перенесены в отдельные оттиски, служившие, видимо, для подготовки переиздания. Но есть некоторые расхождения в двух экземплярах дополнений, которые целесообразно иметь в виду при пользовании этим материалом.

Дополнения к I главе перенесены в отдельный ее оттиск, хранящийся под № 99; ко II главе — в оттиск № 100; к III—V главам (выпуску третьему) — в оттиск № 109. В эти отдельные оттиски внесены также поправки незамеченных опечаток и дополнения в оформлении ссылок.

Дополнения к главам XI—XVII (выпуску пятому) перенесены в оттиски № 205 и 206. Второй содержит только начало пятого выпуска (с. 1—32); сюда перенесено опубликованное в конце шестого выпуска добавление на с. 18 и, кроме того, из неизвестного пока источника добавление на с. 13 и 29. В оттиске № 205 — остальная часть пятого выпуска; сюда внесены дополнения к этому выпуску, напечатанные Веселовским в конце шестого выпуска, а также рукописные дополнения к пятому выпуску из оттиска № 197 и еще из какого-то источника. Дополнения к выпуску шестому перенесены в отдельный его оттиск № 215.

Оттиск статьи «Отрывки византийского эпоса в русском. 1. Поэма о Дигенисе», напечатанной в 1875 г. в апрельской книжке «Вестника Европы» (№ 56), снабжен дополнениями, которые выполнены А. А. Веселовской и внесены на основе сопоставлений с расширенным вариантом этой статьи, напечатанным в том же году на немецком языке в журнале «Russische Revue» (Bd IV, Heft 6). Кроме того, произведено уточнение библиографических ссылок.

Под № 245 хранится окончание вышедшей уже после смерти Веселовского работы его «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском», а также оригиналы переведенных на русский язык отрывков самой саги (часть их — рукой Веселовского), которые к этой работе были при ее публикации приложены.

Встречаются разного рода заготовки Веселовского к его напечатанным работам. Например, под № 128 находится текст на четырех листах с неоконченной последней фразой, озаглавленный «Вопрос о животном эпосе». Это материал, реализованный Веселовским в рецензии на книгу Л. З. Колмачевского «Животный эпос на Западе и у славян» (Казань, 1882). Рецензия была опубликована в 1883 г. на немецком языке в 8-м номере журнала «Literaturblatt für germanische und romanische Philologie».

Сборная единица хранения № 87, обозначенная в каталоге как «наброски», имеет 161 лист и состоит более чем из двух десятков отдельно пронумерованных самостоятельных небольших рукописей разнообразного характера. Кроме упомянутого уже отрывка первоначальной редакции «Южнорусских былин» назовем небольшую заметку «Романсы о графе Кларосе», составляющую фрагмент рукописи № 26, библиографические материалы, выписки и отрывочные соображения по былинам и историческим песням на 18 листах (№ 22) и далеко не полный, сохранившийся фрагментарно конспект курса 1888—1889 гг., озаглавленный «Сравнительное изучение русского и германского эпоса» (№ 21). По нумерации двойных листов рукой Веселовского здесь находятся листы 1, 2, лист без номера, 5 (с вкладкой — дополнением к 5d), 6 (с вкладкой к 6a), 7, 8. За разделом I следует раздел III, потом раздел V, озаглавленный «Русские эпизоды в Тидрексаге» (одна страница, на которой есть графическая схема эпической генеалогии, представляющая вариант аналогичной схемы в более раннем курсе, о котором подробно пойдет речь ниже при характеристике рукописи № 149).

К числу материалов для находящегося в ней общего курса по истории эпоса может быть отнесена незавершенная рукопись № 246 на 47 листах, озаглавленная «Состав немецкого эпоса и русский эпизод в северной саге о Тидреке» (первый раздел озаглавлен «Эпос и условия его развития»). Сюда же попал ошибочно один двойной лист из рукописи № 149.

Перехожу к самой этой рукописи, значение которой требует ее детальной характеристики.

Рукопись озаглавлена рукой Веселовского «Эпос», состоит из трех частей и представляет собой, как будет доказано ниже, авторские конспекты основного курса 1881—1882 гг. (л. 1—146), дополнительного курса 1884—1885 гг. (л. 147—224) и второго дополнительного курса 1885—1886 гг. (л. 225—277 и один лист ненумерованный).

Первая часть рукописи «Эпос» (основной курс) состоит из ряда разделов, представляющих собой, очевидно, конспекты восемнадцати лекций. 1-я озаглавлена «Теория поэтических категорий в историческом развитии» (л. 2), 2-я — «Теория поэтических категорий с историко-сравнительной точки зрения» (л. 8). 3-я лекция (л. 16), являясь продолжением 2-й, переходит непосредственно к эпосу. 4-я (л. 17 об.) и 5-я (л. 25 об.) лекции посвящены эпическому миросозерцанию, эпическому стилю и эпическому певцу. В 6-й лекции рассматривается «внутренний рост эпоса» (л. 50), в 7-й — «внешний рост эпоса» (л. 54), 8-я лекция посвящена разбору гомеровского вопроса (л. 64 об.), 9-я (л. 74) и 10-я

(л. 82) — Нибелунгам. В 11-й лекции речь идет о французском эпосе (л. 90 об.), в 12-й — об испанском (л. 93). Лекции 13—15 посвящены средневековым переработкам древнегерманского эпоса (л. 120). В 16-й лекции рассматривается кельтский эпос (л. 127 об.), в 17-й — «Калевала» (л. 135). Итоговая 18-я лекция озаглавлена «Историческая жизнь эпоса и теоретические выводы» (л. 143—145 об.).

В текст вложены дополнительные листы. Семь таких листов имеет 12-я лекция, по одному — 16-я и 17-я лекции. Есть и небольшие добавления на свободных местах листов основного текста: приписаны библиографические указания на несколько работ, появившихся после прочтения курса (работа 1882 г. приписана на основном листе 176, работы 1888 и 1885 гг. — на дополнительных листах 149 и 159).

Первая часть дополнительного курса состоит из 12 лекций: 1) «Язык мифов и язык поэзии» (л. 151); 2) «Первоначальный синкретизм поэтических родов» (л. 152 об.); 3) «Эпика и ее посетители» (л. 154); 4) «Эпика и песенные своды. Вопрос об образовании эпопей. Вопрос о сербских песнях косовского цикла» (л. 154); 5) «Общие вопросы эпоса, рассмотренные в предыдущих лекциях. Вопрос о гомеровских поэмах» (л. 155 об.); 6) «Вопрос о Нибелунгах» (л. 158); 7) «Вопрос о рукописях и редакциях поэмы. Критические приемы Лахмана» (л. 167); 8) «Гудруна» (л. 168); 9) «Вопрос о так называемом готском и лангобардском цикле» (л. 173 об.); 10) «Ортнит» (л. 175); 11) «Hug и Wolfdietrich» (л. 179 об.); 12) (без заглавия) окончание предыдущей лекции, посвященное повествованиям о Дитрихе Бернском (л. 180—220 об.).

Вторая часть дополнительного курса состоит из 9 лекций: 1) «Введение. Характер курса и цели» (л. 226); 2) «Эпос на скандинавском Севере» (л. 227 об.); 3) «Стихотворная Эдда» (л. 233); 4) «Извлечения и переводы из стихотворной Эдды» (л. 241 об., л. 248—253 посвящены Тидрексаге); 5) «Кельтский эпос» (л. 254); 6) «Калевала» (л. 261); 7) «Новогреческий эпос. Поэма о Дигенисе» (л. 266 об.); 8) «Испанский эпос» (л. 269 об.); 9) «Французский эпос» (л. 270—273). Рукопись завершают небольшая библиография (л. 274) и наброски планов (л. 276—277 и нумерованный лист).

В рукописи № 149 недостает одного двойного листа (14-го по нумерации рукой Веселовского). Он обнаружился, как было упомянуто, в составе единицы хранения № 246; там это листы 9—10 об., которые должны находиться в рукописи № 149 после листа 179 об. Это окончание 11-й лекции первой части дополнительного курса.

Все три части суммарно упомянуты В. М. Жирмунским в примечаниях к «Исторической поэтике» как «рукописный материал, собранный Веселовским» по истории эпоса.¹⁹ Определение В. М. Жирмунского было оспорено В. Е. Гусевым, который, впрочем, полагал, что «рукопись «Эпос» является не конспектом какого-то определенного курса лекций, а обобщением материала ряда курсов» и «относится к самому концу 80-х — началу 90-х годов».²⁰

Но, как обнаружилось, рукопись № 149 настолько близка к литографированным (по записям студентов) курсам, читавшимся Веселовским в 1881—1882, 1884—1885 и 1885—1886 гг., что не может быть никаких сомнений относительно ее датировки и ее жанра. Созданная именно тогда как конспекты лекционных курсов, эта рукопись позднее дополнялась автором, превращаясь в предварительный вариант «общей книги об эпосе», о своей работе над которой Веселовский упомянул в 1885 г.²¹

В целях экономии места не повторяю здесь аргументацию, подкрепляющую выводы о датировке и жанре рукописи № 149, а также результаты сличения ее с литографированными изданиями студенческих записей соответствующих курсов Веселовского. Все это, вместе с характеристикой значения рассматриваемой работы его и публикацией некоторых из наиболее примечательных ее фрагментов, можно найти в моей статье, которая почти вся специально посвящена именно этой рукописи № 149.²² Повторю только, что при всех переключках этой работы с опубликованными трудами Веселовского рукопись в целом представляет собой не менее оригинальный и, думается, не менее заслуживающий издания труда, чем напечатанная посмертно «Поэтика сюжетов», тоже имеющая в основе конспекты лекционных курсов.

Для полноты следует упомянуть еще о двух небольших рукописях, одна из которых, по всей видимости, представляет собой подготовительный материал для курса, конспектом которого является первая часть рукописи № 149. Эта рукопись на 41-м листе, озаглавленная «Теория поэтических категорий» (№ 334). Первые 6 листов ее содержат общие соображения, листы 6 об. — 20 посвящены собственно эпосу, далее речь идет о драме.

¹⁹ См.: *Веселовский А. Н. Историческая поэтика*. Л., 1940. С. 641 (примеч. В. М. Жирмунского).

²⁰ *Гусев В. Е. Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX — начала XX в. // Русский фольклор*. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 225.

²¹ См.: *Веселовский А. Н. Новые исследования о французском эпосе // ЖМНП*. 1885. Ч. 238, № 4. С. 250—251.

²² См.: *Азбелев С. Н. История эпоса в неизданных рукописях А. Н. Веселовского // Русская литература*. 1988. № 1. С. 129—139.

Более ранней заготовкой являются, вероятно, фрагменты, дошедшие под № 329. Здесь былины характеризуются как русская разновидность исторических сказок (под этим термином понимается, по-видимому, международный жанр эпического творчества), которые в свою очередь представляют собой как бы этап развития эпоса от животного к историческому. Обе эти рукописи характеризовались В. Е. Гусевым.²³

²³ См.: Гусев В. Е. Проблемы теории... С. 222—224.

А. Г. Тимофеев

МАТЕРИАЛЫ М. А. КУЗМИНА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА*

Материалы творческого пути Михаила Алексеевича Кузмина (1872—1936) — поэта, прозаика, драматурга, критика, переводчика, композитора и музыканта — не составляют в Рукописном отделе Пушкинского Дома специального фонда, как в иных архивохранилищах.¹ Несмотря на то что эти документы включены в фонды других деятелей культуры, учреждений, являются единицами из рукописных собраний коллекционеров или относятся к так называемым отдельным поступлениям, характер их таков, что при сегодняшней, явно недостаточной изученности кузминского творчества вовлечение новых материалов в научный оборот позволит сделать немало уточнений и дополнений к биографии художника.

К «материалам М. А. Кузмина» мы относим источники, имеющие непосредственное отношение к личности поэта, т. е. его творческие рукописи и переписку, и не рассматриваем ряд сохранившихся в рукописи любопытных критических откликов других авторов на его произведения.² Кроме того, за пределами обзора остались материалы неразобранных фондов.

* Продолжение настоящего описания готовится к печати в следующем выпуске «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома». Помимо материалов, печатаемых в данном и следующем за ним томах «Ежегодника», нами осуществлены следующие публикации произведений М. Кузмина по рукописным источникам Пушкинского Дома: 1) пьеса «Кот в сапогах» (ИРЛИ, р. 1, оп. 6, № 325), см.: Всемирное слово. 1992. № 2. С. 37—41; 2) неизданные стихотворения второй половины 1900-х годов (ИРЛИ, ф. 172, № 321), см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 3.

¹ См.: ГПБ, ф. 400; ЦГАЛИ, ф. 232; ГЛМ, ф. 111; ИМЛИ, ф. 192; ГЦТМ, ф. 131; ЦГАЛИ (СПб.), ф. 437; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, ф. 2.

² См., например, автограф статьи Вяч. Иванова «О прозе М. Кузмина» (ИРЛИ, ф. 607, № 168, л. 1—18; опубликовано: Аполлон. 1910. № 7 (апрель). Отдел «Хроника». С. 46—51); рукопись статьи Р. В. Иванова-Разумника «Салонное. (Поэзия М. Кузмина)» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 375, л. 6—10; опубликовано: *Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922.* Пб.: «Колос», 1922. С. 206—209)

Предлагаемое описание выполнено в жанрово-хронологической последовательности, и основным критерием отбора источников выступает принцип дополнительности по отношению к биографическим, текстологическим и прочим фактам, определяющим современный уровень знаний о жизни и творчестве Кузмина.

М. А. Кузмин родился 6 октября 1872 г.³ в Ярославле в семье члена окружного суда Алексея Алексеевича Кузмина (1812—1886).

В 1873 г. семейство переехало в Саратов; по всей вероятности, причиной был перевод отца будущего поэта по службе.⁴ Позднее, в 1890 г., в одном из писем к своему тогдашнему другу Г. В. Чичерину, впоследствии крупному дипломату, юный Кузмин отзывался о жизни в Саратове неслестно: «Не согласен с тобою и относительно простора степей. Я видел эти степи в Саратовской губернии <...>. Странное дело! Они не производили во мне восторга и энтузиазма,

³ В ряде автобиографий 1920-х годов поэт утверждает, что родился 6 октября 1875 г. (ГПБ, ф. 103, № 85, л. 2; ф. 474, альб. № 2, л. 1). В автобиографии, написанной в ноябре 1927 г. (ИМЛИ, ф. 192, № 18, л. 1—2), Кузмин «переносит» день своего рождения на «октябрь 1876 года». В опубликованной автобиографической заметке 1907 г. он уводит читателей еще дальше от истины: «Скромность, приличествующая людям, и скудость места заставляют меня ограничиться как бы родом эпитафии, могущей быть составленной таким образом: „30 лет он жил, пел, смотрел, любил и улыбался“» (Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Под ред. Модеста Гофмана. СПб.; М., [1909]. С. 383). Тем не менее несколько косвенных упоминаний о подлинной дате рождения поэта сохранилось в его переписке (см., например, письмо Г. В. Чичерину от 28 августа 1891 г.: ГПБ, ф. 1030, № 17, л. 69) и лирике (стихотворение «Уж прожил года двадцать три я...» из сборника «Глиняные голубки», указывающее на посещение Александрии, что имело место в 1895 г.). Подробнее см.: *Malmstad John E. Mikhail Kuzmin: a Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собрание стихов.* [Т.] III. Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad und Vladimir Markov. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977. P. 17—18. На основе документального первоисточника проблема впервые прояснена К. Н. Суворовой (см.: *Суворова К. Н.* Архивист ищет дату. (К изучению архива А. А. Блока) // *Встречи с прошлым.* М., 1976. Вып. 2. С. 119). Исследовательница ввела в научный оборот информацию о находящейся в архиве Петербургской консерватории копии свидетельства о рождении Кузмина, выданного церковью Рождества Христова в Ярославле. Оригинал записи в метрической книге этой церкви (Государственный архив Ярославской области, ф. 230, оп. 10, д. 79, л. 102—103) был опубликован в 1987 г., см.: *Козляков Вячеслав.* Год рождения — 1872-й // *Юность (Ярославль).* 1987. № 98. 13 августа. В Рукописном отделе хранятся две автобиографии Кузмина — 1913 и 1922 гг., в которых указывается неверная дата рождения (ИРЛИ, ф. 377, Собр. автобиографий, л. 1—5; р. 1, оп. 12, № 158, л. 1—4). Ко второй автобиографии прилагается подготовленный Кузминым список работ в области литературы и музыки, который интересен — в отличие от иных материалов такого рода — перечнями изданных музыкальных произведений и переводов на немецкий язык.

⁴ В 1874—1884 гг. А. А. Кузмин состоял членом Судебной палаты г. Саратова. О молодых годах А. А. Кузмина см. воспоминания его брата, Павла Алексеевича Кузмина (1819—1885): *Русская старина.* 1895. Февраль. С. 154—173; Март. С. 75—91; Апрель. С. 71—86. Наборную рукопись «Записок» П. А. Кузмина см.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1355.

но они и не производили на меня такого болезненного, щемящего, безысходно тоскливого впечатления, как это бывает с некоторыми нервными людьми. Я оставался совершенно холоден, я не понимал их прелестей, я чувствую себя совершенно чуждым им, а между тем я 10 лет жил в них, почти родился. (Я приехал в Саратов году) Странно!»⁵ Но было бы ошибочным на основании этого признания заключить, что в раннем детстве Кузмин был наистро лишен радостных впечатлений. О мгновениях детского счастья, об эпизодических восторгах саратовской поры рассказано в письме Чичерину от 18 июля 1893 г.⁶

С переездом семьи Кузминых в Петербург в середине 1880-х годов в жизни юноши начинается новый, куда более насыщенный событиями и впечатлениями период. Гимназия, обучение в Петербургской консерватории в классе композиции Н. А. Римского-Корсакова, занятия музыкой дома и у частного преподавателя, увлечение языками и западноевропейской литературой, поездки в Египет (1895), Германию и Италию (1897). Жизнь не находит пока что адекватного воплощения в художественном слове, но по некоторым страницам надиктованных подлинным вдохновением писем к другу можно предчувствовать высокую одаренность их автора.

Материалы Рукописного отдела не дают развернутого представления о периоде становления личности, формирования эстетических предпочтений и поиска цельного мировоззрения. Наиболее ранние из них относятся к завершающей фазе исканий «долитературного» Кузмина — к началу 1900-х годов.

В их числе нотный автограф Кузмина из собрания А. Е. Бурцева, который следует, вероятнее всего, датировать концом января 1903 г.⁷ Это нотная тетрадка с записью нот и текста. Рукою Кузмина зафиксирован порядок следования произведений и время их создания. Приводим этот перечень целиком (л. 2):

1901

- I. У лукоморья дуб зеленый (А. Пушкин) — 12 января.
- II. Хождение Богородицы по мукам — 12 апреля.
- III. Высоко окно монастырское — 20 апреля.
- IV. Много есть у меня (Кольцов) — 21 сентября.

1902

- V. О старце и льве — 21 января.
- VI. О разбойнике — 16 декабря.⁸

⁵ ГПБ, ф. 1030, № 17, л. 42. (письмо от 20 июля 1890 г.).

⁶ Там же, № 19, л. 18—21.

⁷ ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1073, л. 1—22. В дальнейшем все ссылки на материалы Рукописного отдела ИРЛИ даются в тексте в скобках.

⁸ «Хождение Богородицы по мукам», см. также: ГПБ, ф. 400, № 96, л. № 97, л. 1—6 (датировано 12 апреля без указания года). «О старце и льве» см

В авторском перечне не отмечен небольшой фрагмент «Вокруг поляны дремучий лес...», следующий после перечисленных произведений и помеченный «Январь 21 <1903?»» (л. 21).

Любопытно, что в письмах Кузмина Чичерину 1901—1902 гг. — вопреки принятому корреспондентами обычаю сообщать друг другу о собственных творческих начинаниях — почти нет информации о произведениях из этой нотной тетради. Исключение представляет письмо от 24 января 1902 г., где, в частности, говорится: «Написал: „О старце и льве“ <...>».⁹

Период 1900—1902 гг. — пик увлечения Кузмина старообрядческой культурой, древнерусской литературой и музыкой. Его письма, адресованные Г. В. Чичерину, иногда написаны стилизованным «под старину» кириллическим шрифтом; зачастую даты проставлены буквами старославянского алфавита под титлами. К концу 1901 — началу 1902 г. относится знакомство Кузмина со знатоком древнерусской музыки, в то время преподавателем Петербургской капеллы С. В. Смоленским (1848—1909). Известно минимум о двух встречах историка музыки и будущего поэта: они состоялись 7 декабря 1901 г. и 24 января 1902 г.¹⁰ В письме Чичерину от 24 января 1902 г. Кузмин изложил мнение Смоленского о сочинении «Хождение Богородицы по мукам»: «„Хождение“ не понравилось: не достаточно кантилены, изысканные модуляции и главное — совсем не русское. „Так не написал бы русский человек“, — вот что он твердил все время.

Так что, не имея надежды (положим, и не ожидаемой) на соединение с прежнею нитью, и взятое с современной точки зрения, это совсем не по-русски. А он знаток русской музыки и любитель, и русский человек, он смотрит в корень. Это не французы, которые в Чайковском видят *âme russe*,¹¹ а в Мусоргском чуть не византийство. Это Степан Васильевич Смоленский».¹²

Сохранился еще один ранний музыкальный опыт Кузмина — на музыку был положен сонет Ю. Н. Верховского (1878—1956) «Нарцисс» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 678, л. 1—3). Работа датирована «3 сентября 1903 г.» (л. 3). Как явствует из письма Г. В. Чичерину от

же: ГПБ, ф. 400, № 79, л. 1—4 (дата совпадает с отмеченной в нашем перечне). Эти произведения вошли в сборник Кузмина «Осенние озера. Вторая книга стихов» (М.: «Скорпион», 1912).

⁹ ГПБ, ф. 1030, № 22, л. 2.

¹⁰ См. письма Кузмина Чичерину от 7 декабря 1901 г. (ГПБ, ф. 1030, № 21, л. 65—66) и от 24 января 1902 г. (там же, № 22, л. 1—2). В машинописном тексте копии «Воспоминаний» Смоленского (ГПБ, ф. 1141, № 465) упоминаний о встречах с Кузминым нет.

¹¹ русскую душу (франц.).

¹² ГПБ, ф. 1030, № 22, л. 2.

29 августа 1903 г., Кузмин вернулся в Петербург из летней поездки в Нижегородскую губернию в конце августа.¹³ Общение с семейством Верховских приобретало все большую роль в повседневной жизни Кузмина, начавшего писать самостоятельные, оригинальные стихи. Благодаря состоявшемуся в дружеском кругу признанию проб его пера и участию Верховских в литературной судьбе этих опытов Кузмин выступил со своими произведениями в печати.¹⁴

Поэтическое творчество Кузмина представлено в собраниях Рукописного отдела разнообразно и хронологически неравномерно. Наибольший текстологический интерес вызывает коллекция стихотворений 1920-х годов. Меньшая доля материалов относится ко второй половине 1900-х — началу 1910-х годов.

В собрании историка литературы П. Е. Щеголева находятся автографы двух циклов стихотворений, вошедших в первую поэтическую книгу Кузмина «Сети» (М.: «Скорпион», 1908), — «Мудрая встреча» и «Вожатый» (ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 16, л. 1—5, 7—11). Завершение работы над циклами относится соответственно к декабрю 1907 и январю 1908 г.¹⁵

Текст посвящения цикла «Мудрая встреча» в автографе: «Посвящается навсегда дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову» (л. 1) — отличается от опубликованного.¹⁶ Существует мнение, основанное на разъяснении Кузмина, что цикл был посвящен Вяч. Иванову потому, что стихи очень нравились автору «Эроса», в то время как действительным «героем» «Мудрой встречи», равно как и двух других циклов 1907—1908 гг. — «Ракет» и «Вожатого», был приятель поэта В. А. Наумов.¹⁷

¹³ Там же, № 54, л. 37.

¹⁴ См.: Зеленый сборник стихов и прозы. СПб.: «Щелканово», 1905. Здесь были напечатаны драматическое сочинение Кузмина «История рыцаря д'Алессиво» и стихотворный цикл «Тринадцать сонетов». Альманах вышел в декабре 1904 г. Об этом см.: *Malmstad John E. Mikhail Kuzmin: a Chronicle of His Life and Times.* p. 75—76.

¹⁵ Стихотворения 1—3-е цикла «Мудрая встреча» приведены в письме Кузмина В. В. Руслову от 29 января 1908 г. (ИМЛИ, ф. 192, № 20, л. 4, 3, 5); стихотворения 4—9-е — в письме Руслову от 6 февраля 1908 г. (там же, л. 7, 6, 8), в котором Кузмин сообщал своему корреспонденту: «Последний № и „Вожатый“ в следующем письме» (л. 8); это послание, скорее всего, не сохранилось.

¹⁶ В публикации: «Посвящается Вяч. И. Иванову» (*Кузмин М. Сети. Первая книга стихов.* М., 1908. С. 105). При воспроизведении стихотворений в письмах Руслову посвящение отсутствует.

¹⁷ См. примечания Дж. Малмстада и В. Маркова: *Кузмин М. А. Собрание стихов.* [Т.] III. С. 625. В письме В. В. Руслову от 6 февраля 1908 г. Кузмин пояснял: «„Мудрая встреча“ посвящена Вяч. Иванову, так как к^ак ему особенно нравится, но по-настоящему посвящается, как и все с весны 1907 г., тому лицу, имя которого Вы прочтете над „Ракетами“ и над „Вожатым“» (ИМЛИ, ф. 192, № 20, л. 6). Не исключено, что в этом письме (на него и ссылаются комментаторы) Кузмин намеренно упростил ситуацию. О взаимоотношениях Кузмина и Вяч. Иванова см.: *Guenther*

Поэтические произведения Кузмина 1910-х годов почти не представлены в собраниях Рукописного отдела. Единственный автограф этого периода — стихотворение «Земля, ты мне дала цветок...» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 159, л. 1). Оно является непосредственным откликом поэта на смерть близкого ему В. Г. Князева (1891—1913), наступившую 5 апреля 1913 г.¹⁸ Автограф датирован «11 мая 1913 г.» и в отличие от единственной прижизненной журнальной публикации стихотворения¹⁹ не имеет разбивки на строфы.

Хотя среди стихотворений Кузмина 1920-х годов, автографы которых имеются в коллекциях Пушкинского Дома, на сегодняшний день практически не осталось неопубликованных произведений, рукописи поэта значительно расширяют представление об истории конкретных текстов.

Замечательно собрание черновых автографов поэтических опытов Кузмина, в дальнейшем именуемое тетрадь стихотворений 1921 г. (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 165, л. 6—15). Большинство этих произведений вошло в сборник стихов «Параболы». Известно, что книга, напечатанная «в Берлине, в декабре 1922»,²⁰ попала в Советскую Россию в ограниченном количестве экземпляров.²¹ Исследование тетради стихотворений 1921 г. позволило нам сделать подробные текстологические пояснения к произведениям, которые прежде были известны только по прижизненным публикациям.²² Здесь же

Johannes, von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München. 1969. S. 399—400; Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 138—139; Malnstad John E. Mixail Kuzmin: a Chronicle of His Life and Times. P. 93—97, 119—122, 125—126, 160, 172—173, 212. Ср. дневниковые свидетельства самих поэтов: Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 744—754, 771—773, 773—806; Cheron George. The Diary of Mixail Kuzmin, 1905—1906 // Wiener Slawistischer Almanach. 1986 Bd. 17. S. 391—438 (здесь на с. 437—438 в качестве приложения опубликовано — с неточностями в прочтении рукописи — письмо Вяч. Иванова Кузмину от 24 июля 1906 г.; оригинал см.: ГПБ, ф. 124, № 1793). Литературные связи двух поэтов убедительно, но недостаточно полно проанализированы в статье: Barnstead John A. Mikhail Kuzmin's «On Beautiful Clarity» and Viacheslav Ivanov: a Reconsideration // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. XXIV, N 1. P. 1—10.

¹⁸ См.: *Тименчик Роман. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 120.*

¹⁹ Северные записки. 1914. Март. С. 84

²⁰ Кузмин М. Параболы. Стихотворения 1921—1922. Пб.; Берлин, 1923. С. 4.

²¹ См.: *Malnstad John E. Mixail Kuzmin: a Chronicle of His Life and Times. P. 265.*

²² В дальнейших сопоставлениях учтены отличия рукописных версий от текста в сборнике «Параболы»; сравнения с текстом промежуточных публикаций и варианты опущены (страницы в скобках относятся к печатному тексту «Парабол», листы — к тетради стихотворений 1921 г.): «На площадке пляшут дети...» (с. 83, дата — «1921») — дата уточняется по рукописи. «май 1921» (л. 6); «По черной радуге мушиного крыла.» (с. 33) — даты в книге стихов и в автографе совпадают: «1921»

находится неопубликованный черновой фрагмент неоконченного стихотворения (л. 14):

Руки размахом и лететь, лететь
Через горизонт легким полетом
Пусть покоится бело тело плеч
божьем пилото«м».

Первоначально первые две строки читались иначе:

В небо бросаться и лететь, лететь
Взрезать синеву легким полетом.

Поскольку набросок расположен между стихотворениями, написанными в декабре 1921 г., он датируется именно этим месяцем.

Три поэтических опыта дополняют тетрадь стихотворений 1921 г. (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 165, л. 1—5): это автографы произведений конца 1922—1923 г. Два их них — «Медяный блеск пал на лик твой...» (л. 1—3) и «В гроте Венерином мы горим...» (л. 4) — были опубликованы при жизни автора, причем первое стихотворение дважды.²³ Авторитетным источником текста стихотворения «Медяный блеск пал на лик твой...» следует признать автограф, так как в обеих публикациях есть опечатки и неточности. Дата «1922. Ноябрь» уточняется по автографу (л. 3).²⁴ Что касается

(л. 6); «Ариадна» (с. 39, дата — «1921») — в рукописи без названия, дата уточняется по автографу: «1921. Август» (л. 7); «Звезда Афродиты» (с. 48—50, дата — «1921») — в рукописи под названием «Морские идиллии. I», с вариантами, дата уточняется по автографу: «1921. Август», вторая строфа отделена от третьей (л. 7—9); «Вот барышня под белою березой...» (с. 34, дата — «1921») — с вариантами, в автографе дата не указана (л. 9—10); «Зеленая птичка» (с. 76—77, дата — «1921») — без названия, с вариантами, в автографе дата не указана (л. 11—12); «Рождество» (с. 75) — без названия, даты в книге и в автографе совпадают: «декабрь 1921» (л. 13); «Легче пламени, молока нежней...» (с. 12) — даты в книге и в автографе совпадают: «1921. Дек«абр»» (л. 15). В отдельных случаях приводимые датировки необходимо корректировать с авторскими, имеющимися в списке работ в составе рабочей тетради начала 1920-х годов, о которой см. ниже. Стихотворение «Живется нам не плохо...» (л. 10—11; дата — «1921. Сентябрь» на л. 11) в авторские поэтические сборники не включалось, при жизни Кузмина было напечатано в альманахе, см.: Шиповник. Сборники литературы и искусства. Под ред. Ф. Степуна. М., 1922. № 1. С. 10. В Рукописном отделе сохранился еще один автограф этого стихотворения: оно было вписано в альбом К. М. Маньковского (1904—1938) «30 ноября 1921» (ИРЛИ, р. I, оп. 17, № 557, л. 19).

²³ Петроград. Литературный альманах. I. Пг.; М., 1923. С. 4—5; Стожары. Пб., 1923. Кн. 3. С. 15—16 («Медяный блеск...»); Россия. 1923. № 8 (апрель). С. 5 («В гроте Венерином...»).

²⁴ Прижизненные публикации (см. прим. 23) без даты. В «Собрании стихов» М. А. Кузмина ([Т.] III. С. 489) датировка неверна.

второго стихотворения, то и автограф ИРЛИ, и автограф ГПБ²⁵ датированы 1923 г.; судя по времени опубликования произведения, оно написано в самом начале этого года.²⁶ Третье стихотворение, «В какую высь чашка весов взлетела...», было напечатано посмертно, скорее всего по автографу ЦГАЛИ.²⁷ Автограф ИРЛИ корректирует датировку стихотворения — «январь 1923» (л. 5) и, возможно, позволяет восстановить правильный текст, с разбивкой на двести стихов и рядом мелких поправок.

Сохранились рукописи стихотворений «Не рыбу на берег зову...» и «Олень Изольды», увидевших свет в альманахе Ленинградского Союза поэтов²⁸ (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 160, л. 3, 1—2). Автограф первого стихотворения не датирован (кстати, Дж. Малмстад и В. Марков описали не известный нам автограф, с датой «май 1924»; по мнению комментаторов, стихотворение «принадлежит к продолжению *Нового Гуля*».²⁹) Текст не отличается от напечатанного при жизни Кузмина. Стихотворение «Олень Изольды» датировано — в отличие от прижизненной публикации, где хронологической пометы нет, — 1926 г. (л. 2). В Рукописном отделе имеется еще один автограф этого произведения — в составе альбома, принадлежавшего поэтессе А. Д. Радловой (1891—1949). Справа под текстом стихотворения Кузмин проставил точную дату записи — «17 февраля 1926 г.» (ИРЛИ, р. I, оп. 42, № 68, л. 51); не исключено, что это и есть время создания стихотворения.³⁰

Кроме того, в альбоме Радловой находятся еще два беловых автографа произведений Кузмина — стихотворения «А. Д. Радловой» («Как птица, закликать и биться...»), здесь не имеющего названия, но посвященного «А. Д. Радловой», с датой «28 апреля 1921» (л. 41; ср.: «Параболы», с. 72 — дата «1921. Апрель»)³¹ и

²⁵ ГПБ, ф. 474, альб. № 2, л. 11.

²⁶ Согласно авторскому списку работ за 1920—1928 гг. в рабочей тетради первой половины 1920-х годов (о нем см. ниже), стихотворение написано в январе 1923 г. (ИРЛИ, ф. 172, № 319, л. 109).

²⁷ Кузмин М. А. Собрание стихов. [Т.] III. С. 498.

²⁸ Собрание стихотворений. Л., 1926. С. 27—28.

²⁹ См.: Кузмин М. А. Собрание стихов. [Т.] III. С. 725. «Новый Гуль» — сборник, состоящий из одного цикла стихотворений М. Кузмина ([Л.]: «Academia», 1924).

³⁰ В авторском списке работ за 1920—1928 гг. создание стихотворения так же отнесено к февралю 1926 г. (ИРЛИ, ф. 172, № 319, л. 116). Образная система, движение метафор и источники «Оленя Изольды» тонко проанализированы в посмертно опубликованной статье Геннадия Шмакова «Михаил Кузмин и Рихард Вагнер» (см.: Русская мысль. 1988. № 3750. 11 ноября. Литературное приложение. № 7. С. XII—XVI; Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Ed. by John E. Malmstad. Wien, 1989. С. 31—45. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 24)).

³¹ В авторском списке работ за 1920—1928 гг. стихотворение ошибочно датировано маем 1921 г. (ИРЛИ, ф. 172, № 319, л. 103).

поэмы³² «Форель разбивает лед» (л. 10—29). Поэма эта состоит из 15 главок: двух «вступлений», 12 «ударов» и «заклЮчения». Рукопись ее отличается и от опубликованного текста,³³ и от автографа, описанного издателями поэтического наследия Кузмина Дж. Малмстадом и В. Марковым.³⁴ При сличении с печатным текстом мы насчитали более двадцати вариантов отдельных строк.³⁵ Автограф поэмы содержит посвящение: «Посвящается Анне Радловой» (л. 10) — и дату: «Июль 1927» (там же).

В фонде писателя Н. Н. Ильина (1884—1944) сохранился автограф начала (от строки «Палучий заразу ветер несет» до строки «в синеве тоскующей кедра» включительно) и окончания (от строки «вымыт и выметен» до строки «в Пятидесятницы вихрь вещей!» включительно) стихотворения «Пламень Федры» (ИРЛИ, ф. 385, № 47, л. 1—2; полный текст: «Параболы», с. 63—68). Автограф без даты создания произведения; большая часть текста утрачена. Любопытна дарственная надпись, идущая снизу вверх в правой половине листа: «Николаю Николаевичу Ильину на добрую память о нашей встрече. 1922. Октябрь. М. Кузмин». Инскрипт относится ко времени приезда Ильина из Симбирска, где он жил, в Петроград.

³² Вскоре после того как поэма была написана, Кузмин назвал «Форель разбивает лед» «большим циклом стихов», «без всякой биографической подкладки» (письмо к О. Н. Арбениной-Гильдебранд, датируемое концом июля — началом августа 1927 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 68, л. 1; опубликовано в статье *Cheron George. Kuzmin's «Forel' Razbivaet Led»: the Austrian Connection // Wiener Slavistischer Almanach. 1983 Bd. 12 P. 108—111*)

³³ См.: Кузмин М. Форель разбивает лед. Стили 1925—1928. [Л]. Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. С. 7—27.

³⁴ Кузмин М. А. Собрание стихов [Т] III С. 690—691

³⁵ Приводим наиболее интересные варианты (в скобках указаны соответствующие строки опубликованного текста): «Первое вступление», строка 7 (л. 11) — «Небо—аквамарином» («Солнце аквамарином», с. 9); «Второе вступление», строка 8 (л. 11) — «По швам жидовский лоск» («По швам убогий лоск», с. 10); «Второй удар», строка 26 (л. 15) — «Ах, раздолжны они и строги» («Ах, привольны они и строги», с. 13), «Пятый удар», строка 3 (л. 17) — «В прихожую бильяра переташили» («В переднюю бильяра переташили», с. 15); «Шестой удар», строки 46 и 47 (л. 19) — «Пустого не мели. Знать, ты не видела людей» («И вздора не мели! Знать, не видала ты людей», с. 17); «Восьмой удар», строки 21, 24, 35 (л. 22) — «И будет роза — розой, небо — небом», «Кровь, фосфор, желчь, мозги и лимфа! Боже!», «Его черты покрылись мелкой дрожью» («И станет роза розой, небо небом», «Кровь, желчь, мозги и лимфа Боже», с. 20, «Его лицо покрылось мелкой дрожью», с. 21), «Девятый удар», строки 3, 28 (л. 23, 24) — «Что прошло, о том я не тоскую», «Не примешь в душу ты пока» («Что прошло, о том я не горюю», с. 21, «Не примешь в сердце ты пока», с. 22); «Десятый удар», строки 16, 76 (л. 25, 26) — «Ко мне подходит некий господин», «И тихий треск, и синий звон слилися» («Ко мне подходит некий человек», с. 23, «И легкий треск и синий звон слилися», с. 24); «Двадцатый удар», строка 13 (л. 28) — «Два веночка на фарфоре» («Два веночка из фарфора», с. 26); «ЗаклЮчение», строка 7 (л. 29) — «Накинулись толпой воспоминанья» («Толпой нахлынули воспоминанья», с. 27). В рукописи последняя глава поэмы («ЗаклЮчение») называется «Уход» (л. 29).

Неутомимый организатор симбирского Дома народного творчества, молодой литератор появился «на берегах Невы», стремясь опубликовать некоторые свои сочинения.³⁶

Дарственная надпись-экспромт, сделанная Кузминым на фотографии с известного портрета работы К. А. Сомова, адресована композитору и музыкальному критику Николаю Михайловичу Стрельникову (1888—1939). Текст является вариантом заключительной строфы стихотворения 1916 г. «Унылый дух, отыди...» из книги «Нездешние вечера» (Пб., 1921). Публикуется впервые по автографу (ИРЛИ, поступления 1989 г., № 33):

Н. М. СРЕЛЬНИКОВУ

Взлгчи мне душу, Отче,
И облгчи персты:
Ведь я же — Божий зодчий,
Как приказал мне Ты.

1922. Июль.³⁷

В фонде Государственного института истории искусств хранится рабочая тетрадь Кузмина начала 1920-х годов (ИРЛИ, ф. 172, № 319, л. 1—257). Содержание этой тетради подробно расписано самим поэтом — вероятно, оглавление было составлено им по просьбе Института истории искусств (там же, № 320, л. 1—4). Тетрадь является одним из наиболее ценных рукописных источников произведений Кузмина в собрании Пушкинского Дома. В ней сохранились оригинальные и переводные сочинения различных жан-

³⁶ Представление об этом, а попутно и о степени участия Кузмина в ильинском предприятии, дает письмо поэта Вольфа Иосифовича Эрлиха (1902—1944) Н. Н. Ильину в Симбирск от 17 мая 1923 г.: «Я очень виноват, что до сих пор не написал Вам, как обстоят дела с Вашими рукописями <...>. Мих<аил> Алексеевич рукопись читал, но никаких обязательств по отношению к ней не захотел брать до выхода „Миротелости“. Кстати о последней: он все еще ждет приезда издателя» из Берлина. <...>В результате мое суждение на эту тему таково: несомненно придется ивдать, когда с помощью Бога и Мих<аила> Алексеевича выйдет „Миротелость“. До выхода этой книги продать „Житие святого“ я не вижу возможности Разве — в том случае, если улучшится общее положение рынка. <...>Крепко жму Вашу руку. Мих<аил> Алексеевич и Юрий Ив<анович> Юркун кланяются. Они того же мнения, что и я. Мих<аил> Алексеевич очень жалеет, что Вас нет в Петербурге. Почему — скажу лично. Скоро буду у Вас» (ИРЛИ, ф. 385, № 44, л. 2—4). Письмо Эрлиха, похоже, является ответом на недатированное послание, адресованное Ильиным Кузмину из Симбирска Там говорится следующее: «Забыли Вы меня, не пишете. Как дела с моей поэмой „Миротелость“? Посылаю Вам „Революция в телах“, напишите, пожалуйста, свое мнение о ней. Нельзя ли куда пристроить? <...>Передавали Вам Эрлих мою повесть „Житие Святого“? Когда он был в Симбирске, я ему передал для зачтения ее в Петербурге — но вот уже прошли два месяца, от него ничего нет» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 219, л. 1). К этим письмам примыкают два письма Ильина Кузмину: ЦГАЛИ (СПб), ф. 437, № 52, л. 1—2

³⁷ Аналогичная запись была сделана Кузминым 15 января 1921 г. в альбоме «Алконоста» (вариант 2-й строки — «И окрыли персты») — архив Н. С. Алянской (Москва), сообщено С. В. Беловым.

ров и разной степени завершенности. Черновыми автографами представлены в ней многие стихотворения из сборников «Нездешние вечера» и «Параболы», «лирическая поэма для музыки» «Лесок» (л. 25—49), переводы поэтических фрагментов из фарсов Генри Филдинга «Эвридика» и «Урок старикам» (л. 65—77, 207—213; неосуществленный (?) проект издательства «Петрополис», 1921), стихотворений Анри де Ренье «Семь любовных портретов» (л. 135—143; см. издание: Пб., 1921). Исследователя кузминской прозы привлекут подготовительные материалы к «Жизни Вергилия» с указанием литературы предмета,³⁸ указатель задуманных сюжетов для биографической серии «Новый Плутарх» (л. 245),³⁹ планы рассказов «Подземные ручьи», «Голубое ничто», «Глухие барабаны».⁴⁰ Неоценимую услугу будущим биографам Кузмин оказал тем, что регулярно и аккуратно вел счет своим произведениям, независимо от их значимости и жанровой принадлежности. В рабочей тетради сохранился список работ за 1920—1928 (март) гг. (л. 95—118). Несмотря на некоторые неточности (их немного), этот перечень «трудов и дней» поэта оказывается единственным в своем роде справочником по его творчеству 1920-х годов во всем его многообразии. Кроме того, в составе этой тетради до нас дошли и неопубликованные стихотворные тексты.

Черновики тех стихотворений из рабочей тетради, которые вошли в сборники «Нездешние вечера» и «Параболы», были проанализированы нами по аналогии с рукописями из тетради стихотворений 1921 г. Ниже приводятся результаты сопоставлений печатных и рукописных текстов.⁴¹

1 «Нездешние вечера» (Пб, 1921). (Страницы в скобках после названия стихотворения относятся к этому изданию, листы — к рабочей тетради 1920-х годов (РТ)).

«Эней» (с 104—105, без даты) — в рукописи без названия, дата «27 Май 1920» (РТ, л. 130)

³⁸ При жизни автора были напечатаны только «первые 2 главы» (см.: ИРЛИ, ф. 172, № 320, л. 1), см. Абракасас. Пг, 1923. [Вып. 3]. С. 4—10.

³⁹ Единственным завершенным замыслом этого цикла является жизнеописание Калиостро См Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро В трех книгах Пг., 1919 (на обл. — 1918; Новый Плутарх. I) Впервые опубликовано Стрелец Пг, 1916. Сб. 2. С. 1—103.

⁴⁰ См.: Кузмин М. Подземные ручьи // Новая Россия. 1922. [№ 2]. С. 23—28; Голубое ничто // Петроград. Литературный альманах. I С. 122—130. Рассказ «Глухие барабаны», по свидетельству автора, остался незавершенным (ИРЛИ, ф. 172, № 320, л. 2)

⁴¹ Изученные автографы объединены по книгам стихов; внутри сборников последовательность рабочей тетради оставлена без изменений. Указаны лишь наиболее важные варианты, отмечены случаи восстановления недостоверного, «испорченного» текста. Все даты сверены с авторским списком работ 1920—1928 гг.; несовпадения датировок оговариваются особо

«Венеция» (с. 102—103, без даты) — в черновом автографе без названия; каждые две строки окончательной редакции составляют одну; дата «27 Май 1920» (РТ, л. 131).

«По-прежнему воздух душист и прост...» (с. 26, дата «1920») — в черновике стихотворение начинается со строки «Месяц квадратит книги да пол...», последняя строфа является первой, дата «1920. Июнь» (РТ, л. 131—132). Вариант строки 5-й окончательной редакции: «Когда успокоитесь, о, милый мой?» (РТ, л. 132).

«Амур и Невинность. (Аллегория со свадебного сундука)» (с. 106—107, без даты) — в рукописи без подзаголовка, дата «Июнь 11 1920» (РТ, л. 132—133).

«Ассизи» (с. 108—109, без даты) — в рукописи без названия, дата «11 Июня <1920>» (РТ, л. 134). В списке работ под названием «Умбрия».

«Италия» (с. 112—113, без даты) — в рукописи без названия, дата «Июнь <1920>» (РТ, л. 136—137). Это стихотворение не отмечено Кузминым в оглавлении РТ (ИРАИ, ф. 172, № 320, л. 2). Текст обнаружен среди черновых автографов переводов из А. де Ренье.

«Пять» (с. 95—96, без даты) — в рукописи дата «20 Июня <1920>» (РТ, л. 144—145)

«Равенна» (с. 110—111, без даты) — в автографе не имеет названия, дата «30 Июня <1920>» (РТ, л. 145—146).

«Это все про настоящее, дружок. .» (с. 27—28, дата «1920») — в рукописи дата «8 Июля 1920» (РТ, л. 147).

«Адам» (с. 117—119, без даты, с посвящением «Я. Н. Блоху») — в рукописи без названия и без посвящения, дата «Июль 20 <1920>»; текст черновика начинается со строки «Колебя звонко колбу» и далее до конца по тексту окончательной редакции, после чего следует фрагмент, являющийся началом стихотворения в окончательной редакции, со строки «В осеннем кабинете» до строки «О, кожицы надкус» включительно (РТ, л. 148—149).

«Озеро» (с. 120—123, дата «1920», с посвящением «Е. И. Блох») — в рукописи без названия, без посвящения, дата «Июль <1920>», с вариантами (РТ, л. 150—152); в оглавлении РТ названо «Сон» (ИРАИ, ф. 172, № 320, л. 2).

«Рождение Эроса» (с. 125—129, дата «1920», с посвящением «О. Н. Арбениной») — автограф без названия, без посвящения, дата «Август 1920» (РТ, л. 153—156) Варианты (в том числе, возможно, исправляющие печатный текст): строка 8 — «Туманит струи вод тягучих» (вместо «текучих»); строки 25 и 26 меняются местами; строка 104 — «И сирены вслед тебя» (вместо «И дриады вслед тебе»); строка 108 — «Хороводит ход планет» (вместо «хор»).

«Пушкин» (с. 51—52, дата «1921») — в рукописи без названия, дата «Февраль 1921» (РТ, л. 164—165). Варианты строк 5 и 30: «Пленительно и полнозвучно» (вместо «Пленительны и полнозвучны») и «Живит арабские уста» (вместо «арапские»).

По авторскому списку работ 1920—1928 гг. уточняются даты создания следующих стихотворений: «По-прежнему воздух душист и прост...» — 7 июня 1920 г. (РТ, л. 96), «Италия» («Ворожея зыбей зеленых. ») —

16 июня 1920 г. (там же), «Это все про настоящее, дружок...» — 9 июля 1920 г. (РТ, л. 97), «Озеро» — 21 июля 1920 г. (там же), «Рождение Эроса» — 15 августа 1920 г. (РТ, л. 99).

Датировки стихотворений «Эней», «Венеция» (оба 28 мая 1920 г. — РТ, л. 96), «Адам» (14 июля 1920 г. — РТ, л. 97) не совпадают с хронологическими пометами на черновых автографах в РТ.

2. «Параболы» (Пб.; Берлин, 1923). (Страницы в скобках после названия стихотворения относятся к этому изданию, листы — к РТ).

«В раскосый блеск зеркал забросив сети...» (с. 15, дата «1922. Апрель») — в рукописи стихотворение разбито на четыре (а не две) строфы из четырех строк, дата «1922. Апрель 20» (РТ, л. 62).

«Брызги дождем веселым...» (с. 93, дата «1922») — время создания стихотворения уточняется по рукописи — «1922. Апрель» (РТ, л. 63).

«Венецианская луна» (с. 59, дата «1921») — в рукописи без названия, дата исправляется по автографу — «Апрель 1922» (РТ, л. 63). Вариант строки 1 — «Вождельень полнолуний» (вместо «вождельенья»).

«Безветрие» (с. 45, дата «1922 Май») — в рукописи под названием «Морская идиллия», без разбивки на строфы, дата совпадает с датой в сборнике (РТ, л. 64). В оглавлении РТ под названием «Штиль» (ИРАИ, ф. 172, № 320, л. 1).

«Сумерки» (с. 44, дата «1922. Май») — автограф без названия, дата уточняется по автографу — «7 Май 1922» (РТ, л. 64).

«Сквозь розовый утром лепесток посмотреть на солнце...» (с. 85, дата «1921. Май») — дата исправляется по автографу — «Май 1922» (РТ, л. 79).

«Поручение» (с. 73—74, дата «1922. Май») — в рукописи без названия, дата совпадает со сборником (РТ, л. 80—81). По автографу в печатный текст вносятся следующие исправления: строка 22 — «духовными словесами питались» (вместо «словами»); между строками 37 и 38 должна находиться пропущенная строка «и закрой лицо свое руками»; последняя строка — «смотри на темное летучее солнце» (вместо «телесное»).

«Музыка» (с. 16, дата «1922. Май») — дата рукописи совпадает с датой в сборнике (РТ, л. 81—82).

«Артезианский колодец» (с. 25, дата «1922. Май»; название восстановлено по оглавлению, в тексте сборника под названием «Колодец») — в рукописи без названия, дата совпадает с датой в сборнике (РТ, л. 82).

«Первый Адам» (с. 96, дата «1922. Май») — автограф без названия, дата совпадает со сборником (РТ, л. 83).

«Конец второго тома» (с. 98—99, дата «1922») — в рукописи дата «1922. Май» (РТ, л. 83—84). Варианты: строка 35 — «На персях же Персидского Персея» (вместо «На персях у Персидского Персея»); строка 38 — «одна торчаа грязная. Солдаты» (вместо «одна осталась...»); строка 41 — «„Ашантра Бурта первенец Первантра“» (вместо «„Ашанта бутра первенец Первантра!“»); строка 45 — «И прочитал: „Конец второго тома“» (вместо «Гласящую: „Конец второго тома“»).

«Иона» (с. 95, без названия, однако оно сохранилось в оглавлении сборника, дата «1922. Май») — автограф без названия и даты (РТ, л. 85).

«Новый Озирис» (с. 28—29, без названия, оно сохранилось в оглавлении сборника, дата «1922») — в рукописи дата «Май 1922» (РТ, л. 85—86). В сборнике между строками 38 и 39 пропущена (или намеренно снята?) строка «Ликом Творца живет».

«Сердце» (с. 23—24, без названия, оно сохранилось в оглавлении сборника, с посвящением «А. Радловой», дата «1922 Июнь») — в рукописи под названием «Сердце», без посвящения, дата совпадает с датой в печатном тексте (РТ, л. 87—88). Варианты и уточнения: строка 11 — «Безглазое я вам дарю зрение» (вместо ошибочной формы — обращения «безглазые»); строка 19 — «Старцы, дети» (вместо «Старцы и дети»); строка 26 — «причудливая мозговых частиц» (вместо «причудливых»). Есть графические отличия от печатного текста

«Мы на лодочке катались» (с. 17—22, без названия, которое сохранилось в оглавлении, с посвящением «О. А. Глебовой-Судейкиной», дата «1922») — в рукописи без названия и посвящения, дата «1922 Июнь» (РТ, л. 89—93). Варианты: строка 9 — «А тюлевая ночь в окне лежала» (вместо «дремала»); строка 112 — «Где это, где это?» (вместо «Где это?»); строка 122 — «Что Стенькин утес» (вместо «курган»). Перед автографом стихотворения находится отвергнутый поэтом вариант, где тема «хулиганской» песенки получает иное развитие, нежели в печатном тексте (РТ, л. 89):

И я на лодочке катался,
Не греб, а сладко целовался,
И месяц медленно качался
Над нами в летней синеве

«Элегия Тристана» (с. 43, дата «1921») — автограф без названия, дата «7 Июнь <1921>», строки 6 и 7 в обратной последовательности (РТ, л. 214).

«Fides apostolica» (с. 91—92, дата «1921», с посвящением «Юр Юркуну») — в рукописи без названия и посвящения, отсутствует разбивка на строфы, дата совпадает с печатным текстом (РТ, л. 214—215).

«Летающий мальчик» (с. 89—90, дата «1921») — автограф без названия и разбивки на строфы, дата «Июнь 1921» (РТ, л. 215—216). Строка 12 правильно читается «Жилец волшебных стран» (вместо «жилищ») Вариант строки 22 — «Летучее дитя» (вместо «крылатое»).

«Барабаны воркуют дробно...» (с. 84, дата «1921») — в рукописи дата «1921. Июнь» (РТ, л. 216—217)

«Блаженные рощи» (с. 94, без названия, оно сохранилось в оглавлении, дата «1921») — в рукописи без названия, дата «1921. Июнь» (РТ, л. 217—218). Вариант строки 16 — «Тому, кто раз вступил сюда» (вместо «ступил»).

«Английские картинки» («Осень», «Именины», «Возвращение»; с. 78—81, общая дата «1922») — в рукописи без общего названия, первое стихотворение под названием «Английская осень»; под каждым произведением дата — «Июль 1922» (РТ, л. 218—221).

«Невнятен смысл твоих велений...» (с. 11, дата «1921») — в рукописи под названием «Промедление», которое не подтверждается более ни одним из источников; автограф содержит только первые 3 строфы окончательной редакции, дата не указана (РТ, л. 232).

«А. Д. Радловой» (с. 72, дата «1921. Апрель») — в рукописи без названия, дата совпадает с датой в печатном тексте (РТ, л. 233) (описание белого автографа в альбоме А. Д. Радловой см. выше).

«Поездка в Ассизи» (с. 56—57, дата «1921. Апрель») — автограф без названия и разбивки на строфы, дата «29 Апрель 1921» (РТ, л. 233—234).

«Родина Виргилия» (с. 55, дата «1921. Апрель») — в рукописи под названием «Виргилий», дата «30 Апрель 1921» (РТ, л. 234—235)

«Колизей» (с. 58, дата «1921») — автограф без названия, дата «Май 1921» (РТ, л. 235).

«Катакомбы» (с. 60, дата «1921») — в рукописи дата «Май 1921» (РТ, л. 236) Варианты: строка 3 — «Толпятся к летейскому озеру белые лани» (вместо «тоскуют»); строка 14 — «И благоден круглый закат над верхушкою кедра» (вместо «. за верхушкою кедра»)

«Приглашение» (с. 53, дата «1921 Май») — в рукописи под названием «Вступление», дата совпадает с датой в сборнике (РТ, л. 237).

«Как девушки о женихах мечтают» (с. 10, дата «1921») — автограф датирован «Май 1921» (РТ, л. 237).

«Искусство» (с. 13, дата «1921. Май») — рукопись датирована более точно — «24 мая <1921>» (РТ, л. 238) Варианты: строка 2 — «Сберу я в свежие полотна» (вместо «плотные»); строка 15 — «Лозы былой прозрачный стебель» (вместо «Былой лозы. .»).

«Пламень Федры» (с. 63—68, дата «1921. Май») — рукопись датирована «28 Мая 1921» (РТ, л. 239—242). Имеются варианты. (О другом автографе этого произведения см. выше)

«Купанье» (с. 46—47, дата «1921. 30 Мая») — в рукописи дата совпадает с датой в сборнике, указаны только число и месяц создания произведения (РТ, л. 243—244) Вариант строки 8 — «Брякнула сбруя» (вместо «звякнула»).

По авторскому списку работ 1920—1928 гг. уточняются даты создания стихотворений «Fides apostolica» — июнь 1921 г. (РТ, л. 104), и «Невнятен смысл твоих велений...» — май 1921 г. (РТ, л. 103) Стихотворения «А. Д. Радловой», «Поездка в Ассизи» и «Родина Виргилия», написанные в конце апреля 1921 г., в списке работ ошибочно отнесены к маю 1921 г. (РТ, л. 103).

Среди стихотворений из книги «Нездешние вечера» нами был обнаружен в рабочей тетради неопубликованный и незавершенный поэтический фрагмент. По расположению в этой тетради (между стихотворениями «Озеро» и «Рождение Эроса») он датируется июлем-августом 1920 г. (РТ, л. 152):

Туши мой горн иль не туши,
В насторожившейся тиши
Ударю трижды в камень
Не страшен ведь летучий пламень
Для саламандриной души

Разодран сотней острых жал,
Волнистый воздух побежал,

Колебля спущенные шторы.
Кольшат полные озера
Акварминовый кристал<л>.

Безумство алое с небес
Спустилося на сонный лес.

Между черновыми автографами стихотворений из сборника «Параболы» «Новый Озирис» и «Сердце» в рабочей тетради находится еще один поэтический набросок (РТ, л. 87), который и воспроизводится ниже. Предположительная датировка — май-июнь 1922 г. (основание — местоположение в РТ).

Царевич сумрачный в своем саду сидит,
[Как новый Вахх, синё увенчан гроздьями].
Смуллится лоб от золотого облака.
Стоит недвижим перед ним арабский раб.
Тугие паруса, зачем забыты вы?
[Прогулки морем, парус полосат!]
Припек и мятный дух заветных пчельнико<в>,
[Девичье вёрещанье под кусточками].
Рожки, собаки, кони, доезжачие?!
Купцы прислали золотое яблоко.
Наговоренное то яблоко, заморское, —
Развеселит и окодует мертвого.
Да и купцы на здешних непохожи.

Среди одной из групп стихотворений из сборника «Параболы» в рабочей тетради имеется черновой автограф небольшого поэтического фрагмента «Мне не горьки нужда и плен...», не включенного Кузминым в авторские сборники и напечатанного в альманахе «Шиповник». ⁴² Первоначально текст начинался с третьей строфы окончательной редакции («Лежим, как жалостный помет...»); позднее Кузмин поменял местами первую и третью строфы. Автограф датирован маем 1921 г. (РТ, л. 235).

Проза и драматургия Кузмина представлены в собрании Пушкинского Дома отрывочно.

Сохранился беловой автограф рассказа «Серенада Гретри» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 163, л. 1—15). ⁴³ Созданное в кризисную для писателя пору, это произведение необычайно далеко по своему уровню от высших художественных достижений Кузмина-прозаика. Рассказ датирован: «1914. Август» (л. 1). Инскрипт: «Посвящается

⁴² Шиповник. Сборники литературы и искусства. Под ред. Ф. Степуна. М., 1922. № 1. С. 10.

⁴³ Опубликовано: Аргус. 1914. № 20. [Август]. С. 65—71; Кузмин М. Военные рассказы. Пг., 1915. С. 19—31.

дорогой Т. Г. Шенфельд»⁴⁴ (л. 1) — отличается от посвящения («А. И. Божерянову») в книжной публикации⁴⁵ (первая публикация в журнале без посвящения). Между первой и второй строками посвящения рукой Кузмина, но чернилами иного цвета вписано пояснение: «Совсем не кому-нибудь другому». Отличия автографа от печатного текста незначительны (пунктуация, редукция окончаний слов и ее отсутствие и т. п.).

Особой текстологической значимостью обладает наборная рукопись рассказа «Из записок Тивуртия Пенцля» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 527, л. 1—18).⁴⁶ Опубликованный текст рассказа является испорченным: в нем наблюдается нелепое смешение имен «Терца» (реальное, данное автором имя героини) и «Тереза» (ошибка наборщика, следствие неправильного прочтения). Рукопись свидетельствует и о том, что при публикации рассказа были допущены искажения в синтаксическом членении фраз. Сохранились следы двух правок — синим и простым карандашом. Обе стремятся «улучшить» авторский текст и не имеют к нему никакого отношения.

Беловой автограф одноактного водевиля «Алиса, которая боялась мышей» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 162, л. 1—5) знакомит нас с не публиковавшейся при жизни Кузмина пьесой (см. настоящее издание, с. 41—46).

Автограф «представления в 2-х действиях с пением и танцами» «Венецианские безумцы» датирован «1912 г.» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 164, л. 1—34; всего в тетради 38 л.). Пьеса, действие которой «происходит в Венеции XVIII века» (л. 2), была издана отдельной книгой три года спустя,⁴⁷ уже после спектакля, поставленного в московском доме Евфимии Павловны и Василия Васильевича Носовых 23 февраля 1914 г.⁴⁸ В печатном тексте есть некоторые отступ-

⁴⁴ Шенфельд Т. Г. (псевд — Татиана Краснопольская) — литератор, в первой половине 1910-х годов печаталась (как и Кузмин) в альманахах «Петроградские вечера».

⁴⁵ Кузмин М. Военные рассказы С 19.

⁴⁶ Опубликовано. Дом искусств. 1921 (на обл. — 1920). № 1. С. 14—20. В первом объявлении о предстоящем выпуске журнала в петроградской газете «Жизнь искусства» об участии Кузмина не сообщалось (см. Жизнь искусства 1920. 11 мая). Действительно, рассказ, согласно авторскому списку работ, был написан 19—22 мая 1920 г. (РТ, л. 95) Возникновение замысла (ср. запись «План „Венецианского рассказа“» — РТ, л. 95) относится к 10 мая 1920 г. После завершения нашей работы рассказ был напечатан по рукописи А В Лавровым и Р Д. Тименчиком в кн. Кузмин М. Избр. произв. Л., 1990. С. 480—489.

⁴⁷ Венецианские безумцы. Комедия М Кузмина. М., 1915. Согласно записи Кузмина в автобиографии 1913 г (ИРЛИ, ф. 377, собр. автобиографий, л. 2), пьеса (вместе с другими драматическими сочинениями поэта) намечалась к изданию осенью 1913 г.

⁴⁸ См программу спектакля и именные пригласительные билеты. ИРЛИ, ф. 474 (фонд Сьюннерберга К А.), № 605, л. 7—10, ГРМ, ф. 115 (фонд Добужинского М В), № 235, л. 9—14.

ления от белого автографа. Кроме того, имеются различия и в перечне действующих лиц пьесы: в издании он немного дополнен.

Помимо описанных автографов драматических произведений Кузмина, в Рукописном отделе хранится неавторизированный машинописный список комедии «Принц с мызы» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 526, л. 1—16), опубликованной в альманахе «Альциона» (М., 1914. Кн. 1. С. 15—43).

«Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях» «Лесок»⁴⁹ — произведение смешанного жанра, в котором попытка синтеза поэзии, прозы, музыки и исполнительского искусства могла быть успешной лишь при условии исполнения на сцене.⁵⁰ Черновой автограф «Леска» (РТ, л. 25—49) имеет ряд различий с изданием 1922 г. В рукописи отсутствует «Предисловие», нет посвящения. Дата создания произведения уточняется по автографу — «Июль 1921» (РТ, л. 49). Для истории текста важен отвергнутый Кузминым вариант начала (первые три картины) «Гофмановского леска» (РТ, л. 32—33).

В фонде Института истории искусств хранится неопубликованный перевод драматического сочинения французского поэта Франсиса Вьеле-Гриффена (Francis Vielé-Griffen, 1864—1937) «Королева Ожива». Действие пьесы происходит в эпоху французского короля Карла III Простого (годы правления 898—923). На заглавном листе рукописи переводчиком сделана помета: «перевел М. Кузмин. 1922 Март» (ИРЛИ, ф. 172, № 22, л. 1; полный текст перевода — л. 1—15).

В 1989 г. Рукописный отдел приобрел материалы, существенно дополняющие традиционное представление о деятельности Кузмина-переводчика в 1930-е годы. К авторской нотной записи оперетты Н. М. Стрельникова «Сердце поэта», в основу которой легла одноименная комедия П.-Ж. Беранже (1780—1857), прилагаются автографы (более 20 листов) неизданных кузминских переводов. Стихотворные фрагменты пьесы французского комедиографа были переведены для постановки на сцене Музыкальной комедии.⁵¹

⁴⁹ Кузмин М. Лесок Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях Пг. «Неопалимая Купина», 1922.

⁵⁰ Ср замечания рецензентов. «Вся эта сложная комбинация должна выполняться на театральных подмостках...» (Сполохи (Берлин) 1922 № 7 (май) С 34; подпись: Ревнитель), «...получилось сложное произведение, которое следует оценивать лишь при подлинном его музыкально-вокально-театральном и даже оперном исполнении» (*Шкловский Владимир. Рец. М Кузмин «Лесок» // Книга и революция. 1922 № 6 (июль). С 58*)

⁵¹ См.. Сердце поэта (Беранже) Оперетта в 3-х действиях. Текст А. Ивановского (проза) и М Кузмина (стихи). Музыка Н Стрельникова Л. Государственный Народный Дом Музкомедия, 1934

Объем корреспонденции Кузмина, выявленной в собрании Рукописного отдела, сравнительно невелик. Известные нам эпистолярные материалы охватывают период 1906—1934 гг. Сохранилось всего два-три «цикла» хронологически последовательных писем (послания М. Ф. Ликиардопуло, секретаря редакции журнала «Весы» — 4, художника С. А. Сорина — 5, письма Кузмина в архиве А. А. Измайлова — 9).

Наиболее важная для биографов Кузмина часть его переписки публикуется ниже (см. наст. изд., с. 46—71). Однако наш обзор содержал бы пропуски, если бы мы проигнорировали документы меньшей значимости.

В собрании А. Е. Бурцева сохранились обращения некоторых деятелей культуры к Кузмину. Среди них два письма композитора Николая Карловича Цыбульского (1876?—1919?), уточняющие даты событий, связанных с артистическим кафе «Бродячая собака» (ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 281, л. 1—2);⁵² письмо Валериана Яковлевича Степанова (1875—1943) по делам Троицкого театра (первая половина 1910-х годов) (там же, № 280, л. 1); три письма начинающего литератора Виктора Ивановича Мозалевского (1889—1970) с просьбами дать оценку его сочинениям и оказать содействие в напечатании стихов (там же, № 277, л. 3—4; оп. 1, № 547, л. 1; оп. 2, № 277, л. 1—2);⁵³ недатированное письмо беллетристки Евдокии Аполлоновны Наградской (1866—1930) по поводу делового визита к издателю М. И. Семенову (первая половина 1910-х годов) (там же, оп. 1, № 632, л. 1).⁵⁴

⁵² В письме от 20 октября 1914 г Н К Цыбульский сообщал: «Сегодня в 8 час вечера у меня соберутся Сергей Юрьевич Судейкин, Борис Пронин и еще кой-кто Мы все очень хотели бы видеть Вас и были бы очень рады, если бы Вы были столь милым, что пришли бы к нам <. >P S Кроме того, у нас есть дело к Вам Пожалуйста, будьте» (л. 1). О Б К Пронине (1875—1946) см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры Новые открытия Ежегодник. 1983. Л., 1985. С 162—167. В письме от 28 декабря 1914 г. Цыбульский сетует. «Было очень досадно, что Вас вчера не было в „Собаке“» (л. 2, оба письма на бланках «Художественного общества Интимного театра»). 27 декабря 1914 г в кафе «Бродячая собака» продолжалось празднование Рождества состоялся «второй вечер поэтов» при участии «оркестра серьезных музыкантов» См. *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» С. 239

⁵³ Шифры перечислены в соответствии с хронологической последовательностью писем В И Мозалевского. Первое письмо относится к марту 1912 г Следующее было написано 4 апреля 1912 г Тему этих двух писем продолжает письмо от 6 апреля 1912 г., хранящееся в ГПБ (ф 124, № 2879, л 1). Последнее из писем, хранящихся в ИРЛИ, относится, по всей видимости, к декабрю 1912 г; оно содержит стихотворение «Моей музе — мои молебны», посвященное Кузмину (л 2) К нему примыкает письмо ГПБ, ф 124, № 2879, л 2—3.

⁵⁴ Письмо Е А. Наградской следует рассматривать в контексте ее писем к Кузмину, хранящихся в ГПБ (ф 124, № 2972, л 1—5)

Несколько писем и записок Кузмина находятся в фондах К. А. Эрберга (псевдоним Сюнперберга) (ф. 474) и Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской (ф. 289).⁵⁵

В этом же фонде хранится составленный Ф. К. Сологубом «Журнал с перечнем книг, которые были ему подарены авторами. С копиями их автографов» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 59). Приводим дарственные надписи Кузмина на книгах, подаренных Сологубу, по записям в «Журнале» (особенности ведения записей оставлены без изменений):

«137. М. Кузьмин. Приключения Эме Лебефа. СПб. <19>07. <...> Многоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу преданный М. Кузьмин»;

«828. М. Кузьмин. Сети. Первая книга стихов. К-во Скорпион. Москва. МСМVIII. <...> Многоуважаемому и дорогому Федору Кузьмичу Сологубу, — искренне преданный и дружеский М. Кузьмин. 1908. Май»;

«985. М. Кузьмин. Комедии. О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане. Изд. „Оры“. СПб — <19>09. <...> Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Тетерникову. М. Кузьмин. 1908 г.»;

«1145. М. Кузьмин. Первая книга рассказов. К-во Скорпион. Москва. МСМХ. <...> Многоуважаемому Федору Сологубу искренно преданный М. Кузьмин. 1910»;

«1191. М. Кузьмин. Вторая книга рассказов. К-во Скорпион. М. 1910. <...> Дорогому Федору Сологубу искренно преданный М. Кузьмин. 1910. Апрель».⁵⁶

1989.

⁵⁵ См. ИРЛИ, ф. 474, № 165, л. 1 — записка с просьбой вернуть запись музыки к пьесе Л. А. Блока «Баллаганчик» от 11 (24) февраля 1907 г. Кроме того, см. ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 143, л. 1—5. Письма и записка Кузмина А. Н. Чеботаревской датированы 9 января 1909 г., 24 марта и 30 ноября 1915 г. Их темы — оглашение визита, поздравление, предложение встречи с целью передачи книги и нот.

⁵⁶ Ф. К. Сологуб вел свой «Журнал» до 1912 г. Издание «Приключений Эме Лебефа» сохранилось в Библиотеке ИРЛИ (шифр 44 71). В автографе подпись Кузмина, естественно, без мягкого знака. В Библиотеке ИРЛИ имеются еще два издания с дарственными надписями Кузмина Сологубу — сборники стихов «Глиняные голубки» (СПб, 1914) и «Нездешние вечера» (Пб, 1921). Приводим кузьминские инскрипты по автографам 1) «Всегда дорогому, уважаемому и нежно ценимому Федору Кузьмичу искренне преданный М. Кузьмин» (шифр 104 6/27), 2) «Дорогому, замечательному и единственному Федору Сологубу нежно и благодарно преданный ему М. Кузьмин 1921. Июнь» (шифр 44 70). Кроме того, в Библиотеке ИРЛИ сохранилось несколько книг с дарственными Кузмина А. Н. Чеботаревской (шифры: 44 69, 44 72; 104 6/30).

II. ПУБЛИКАЦИИ

М. КУЗМИН

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПЬЕСА. ПЕРЕПИСКА

Публикация А. Г. Тимофеева

Как показано в обзоре материалов М. А. Кузмина в собраниях Пушкинского Дома (см. наст. изд., с. 17—36), значительная часть кузминских рукописей лишь расширяет наше представление об истории уже опубликованных произведений одного из божественных поэтов «серебряного века» российской словесности, не чуждавшегося и прозы, и критики, и драматургии, не говоря уже о сочинении Кузминым музыки и разноязыком труде в области художественного перевода. Ниже собраны и откомментированы произведения, не публиковавшиеся ранее, либо такие вещи Кузмина, чьи предшествующие публикации в редких и труднодоступных изданиях оставили поле для текстологических и иных уточнений и добавлений.

Незначительная по объему подборка стихотворений (включая приводимое в комментарии к письму М. А. Кузмина А. А. Измайлову от 9 декабря 1915 г. стихотворение «Царьград» — см. письмо № 14, примеч. 4) является скромным дополнением к работе издателей и комментаторов кузминского «Собрания стихов» Дж. Малмстада и В. Маркова, приведшей к первичному выявлению корпуса несобранных и неизданных стихотворных текстов поэта,¹ и новейшим разысканиям Н. А. Богомолова, готовящего к печати том избранных поэтических произведений Кузмина в «Большой серии» «Библиотеки поэта».² Раздел стихотворений в предлагаемой публикации удобно рассматривать в одном ряду с усилиями других исследователей, которые сообщили о выявленных ими поэтических опытах Кузмина, не известных в прошлом или лишь частично известных с неточностями.³

Публикация пьесы «Алиса, которая боялась мышей», воспроизводимой нами по автографу, является своего рода откликом на пробное издание этого водевиля, осуществленное Дж Малмстадом⁴ Как приходилось говорить ранее, «предложенная Дж. Мальмстадом версия является сценическим вариантом подлинного, авторского произведения»⁵

В раздел переписки включены как письма М. А. Кузмина, так и адресованные ему разными, в основном литературными, корреспондентами. Для публикации отобраны, за немногими исключениями, письма, освещающие историю создания и издания кузминских сочинений.

¹ См отдел «Несобранное и неопубликованное» в кн. *Кузмин М. А. Собрание стихов. Несобранное и неопубликованное* Приложения Примечания Статьи о Кузмине. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad und Vladimir Markov. Munchen, 1977. [Т.] III. С. 428—509. Уместно указать на то обстоятельство, что существенным подспорьем для западных ученых стали исследования Г. Г. Шамова в СССР

² Как рецензент книги, публикатор считает возможным отметить наличие не публиковавшихся ранее стихотворений в готовящемся томе.

³ См., в частности: *Русская мысль*. 1987. № 3676. 5 июня. Лит. приложение. № 3—4 (стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером..»; публ. Г. Шамова); *Наше наследие* 1988 № 4. С. 77—78 (стих. «Эфесские строки», публ. Н. А. Богомолова); *Кузмин Михаил*. Стихотворения. Поэмы. Ярославль, 1989 С. 325 (стих. «Намек на жизнь, намеки на любовь ..»; публ. С. С. Куняева), Михаил Кузмин и русская культура XX века Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 172—173 (стих. «Слоями розовыми облака опадали ..»; публ. И. Г. Вишневецкого), 176 (стих «Воздушную и водяную гладь ..»; публ. Н. Г. Князевой), Пятое Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 176—178 (стих. «Зеркальным золотом вращающейся ..»; публ. М. О. Чудаковой и А. Б. Устинова, в составе мемуарных заметок Б Горнунга «Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине», стих. также опубликовано Г М. в изд: *Русская мысль*. 1990. № 3852. 2 ноября. Лит. приложение, № 11. С II.; попутно отметим, что в авторском списке работ М А Кузмина за 1920—1928 гг. это стихотворение фигурирует под названием «Турин» (ИРАИ, ф 172, № 319, л. 110)). Подробнее см. [*Морев Г. А.*] Два стихотворения Михаила Кузмина. От составителя // Михаил Кузмин и русская культура XX века Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г Л., 1990 С. 170—171 В период подготовки настоящей публикации к печати были опубликованы две значительные подборки неизвестных стихотворений М. Кузмина 1900-х годов, см. *Новое литературное обозрение* 1992 № 1. С. 137—139 (стих. «Равнодушные объятия ..», «Обладанье без желанья ..», «Две пары глаз..», «С сердцем своим я вел разговор ..»; публ. Н. А. Богомолова), Там же. 1993 № 3. (стих. «О, райских дней спелительный венок...», «С тобой весь день какое счастье выше?..», «Стрелы», «Рондо» («В полночный час приди в мою долину...»), «Мадригал» («Смотри: звезда с звездою...»), «Децима» («Тот, кто знает, хоть примерно...»), «Терцины» («Вернулось счастье, как вернулся милый..»), «Терцины» («Вернулся милый, и вернулась ревность...»), «Глосса» («Без тебя томлюсь в скуке...»), «Суровый рок опять подул разлукой...», «Зачем опять трепещет страхом сердце...»; публ. А. Г. Тимофеева).

⁴ From the History of the «Teatry miniatjur»: Two Plays of M. A. Kuzmin. Publication of John E. Malmstad. 'Алиса, которая боялась мышей. В одном действии М Кузмина // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin Ed. by John E. Malmstad. Wien, 1989. P. 161—167. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd 24).

⁵ Тимофеев Александр. Некоторые уточнения и добавления к венскому кузминскому сборнику // Русская мысль 1990. № 3852 2 ноября. Лит. приложение. № 11. С. IV.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«С. П. ДОВГЕЛЛО»

Звезда качается зелено,
Родился маленький Христос.
О, если б миру мир принес,
Как и тогда, во время оно.

Ягнята, пес, осел и вол
Ликуют, вверх поднявши морды
Смирится ныне злой и гордый
И минет мрачный произвол.

Но, как Иосиф, я посуплен
Смотрю на праздничный вертеп,
Хоть поворот благих судеб
Ценою милой жизни куплен.

Но лишь услышу полный звук
Малороссийского Довгелло,
И в сердце стайей пролетело —
Колядки, вишни и бунчук.

Благоуветливой Украиной
Овеян, радостно молчу.
И верить снова я хочу:
Спасется мир Христовой тайной.

«1—7 января 1921»

Публикуется по черновому автографу: ИРЛИ, ф. 172, № 319, л. 163. В рукописи без названия, без даты. В списке работ 1920—1928 гг. под названием «С. П. Довгелло», отнесено к периоду «январь—апрель 1921» (см. рабочую тетрадь Кузмина начала 1920-х годов (далее: РТ): там же, л. 103). В оглавлении РТ под названием «Рождество» (там же, № 320, л. 2). Датируется на основании местоположения в РТ,

содержания и даты посещения дома Ремизовых Кузминым (см: Михаил Кузмин. Дневник 1921 года Публикация Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах [Paris, 1991]. [Т] 12. С. 436).

Впервые опубликовано Соной Аронян по беловому автографу из собрания Н. В. Резниковой. См. Из альбома Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло. Preface and notes by Sona Aronian // Russian Literature Triquarterly. 1986 N 19. P. 307. Вариант стиха 9 «И как Иосиф я посуплен»; стихов 13—15: «Но лишь слышу полный звук Полулитовского Довгелло, Как в сердце стаей прилетело», стиха 19 «И снова верить я хочу» Беловой автограф с пометой. «Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло в день Рождества Христова 1920» (*так!*) и датой «январь 1921» Обращено к жене А. М. Ремизова Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло. «Украинская» тема возникает в стихотворении в связи с малороссийскими корнями Серафимы Павловны. По матери она Самойлович; имение Александры Никитичны Довгелло, урожденной Самойлович, находилось возле села Берестовец Черниговской губернии. Много лет спустя, в эмиграции (Ремизовы уехали из Петербурга 5 августа 1921 г.), Серафима Павловна вспоминала родной дом с теплом и любовью (см: Резникова Н. В. Огненная память Воспоминания о Алексее Ремизове Berkeley, 1980. С. 27). М. А. Кузмина и С. П. Ремизову-Довгелло, бесспорно, объединяла любовь к бисеру, в частности к бисерным кошечкам (ср. коллекцию бисерных украшений Серафимы Павловны (Там же С. 23, 73) и знаменитый кузминский цикл «Бисерные кошечки» из книги «Глиняные голубки» (СПб, 1914))

* * *

О прошлом бормотанье,
О будущем мечтанье —
Обманщицы сирены
Неукрепленных сил.
Кто созидает зданье,
Тому одно желанье:
Вести все выше стены,
Что сам он заложил

Не бродит взор лукавый
Налево и направо,
Стремит все время прямо
На вожденный труд
Напрасно веют травы
Расслабленной отравой,
Кто держит путь упрямо,
Того не повернуть

⟨Январь 1921⟩

Печатается по черновому автографу ИРЛИ, ф. 172, № 319, л. 163. В рукописи без даты. В списке работ 1920—1928 гг. не отмечено. В оглавлении РТ охарактеризовано как «отрывок ненапечатанный» (там же, № 320, л. 2) Тем не менее сти-

хотворение было опубликовано в просоветской газете «Путь» (Гельсингфорс) 16 октября 1921 г. (№ 199) с редакционной пометой: «Новое стихотворение М. Кузмина». В публикации датировано «Январь, 1921». Местоположение в РТ подтверждает эту датировку.

ПЬЕСА

Алиса, которая боялась мышей

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алиса.
Тетушка.
Молодой человек.

Спальня Алисы

ЯВЛЕНИЕ 1

Молодой человек». Наконец-то я узнал, где она живет! Я несколько раз видел ее из окна, встречал на улице и сообразил, что ее квартира находится именно здесь. Но и теперь я не совсем уверен, туда ли я попал. Судя по кровати, я нахожусь в спальне, так что могу даже спеть арию Фауста: «Привет тебе, приют священный». * Недостает только, чтобы спальня оказалась не той милой девушки, а противной старухи, что за нею всегда следит. Нет, не может быть! Эти подушки, простыньки, стеганое одеяло! Наверное, здесь покоится та, которая мне дороже жизни.

(Поет № 1.)

Какая милая кроватка!
Какой покой, какой уют!
Как сердцу стало странно сладко,
И очи слезы сладко льют
На этой бсленькой подушке
Представить личико могу.
Ах, ручки-крошки, ножки-душки
А дальше, дальше ни гу-гу...

* Имеется в виду ария Фауста из III действия оперы Шарля Франсуа Гуно «Фауст» (1859). Слова Ж. П. Барбье и М. Карре.

Моя мечта, моя Алиса,
Поверь: не ветреный я франт,
Твое лицо блее риса,
А губы — что пунцовый бант.

Однако я слышу шум и скрываюсь. До свиданья!

(Прячется под кровать.)

ЯВЛЕНИЕ 2.

Алиса *(входит в чепчике со свечкой)*. Как темно и страшно! Тетушка так долго не возвращается... Я слышала тут какой-то шорох.. Не дай Бог, если это мышь... Я их до смерти боюсь. Отчего это?

(Поет № 2.)

Я при народе не трусиха:
Пою, танцую очень лихо,
Но только в спальне остаюсь,
Всего боюсь, всего боюсь.

Ах, отчего мне так взгрустнулось
И отчего так страшно ждать?..
Скорей бы тетушка вернулась,
Боюсь одна ложиться спать.
А-что стрясется,
Когда придется
Взглянуть случайно под кровать?

Боятся тетушка пожаров,
Как будто агент страховой,
Боятся девушки гусаров,
Боятся язвы моровой.
А мне, ей-ей,
Всего страшней
Ложиться спать совсем одной

Молод<ой> чел<овек> *(из-под кровати)*. Послушайте: если вам так страшно, я могу посидеть с вами.

Алиса *(кричит не своим голосом)*. А! а! Тетушка, тетушка!

ЯВЛЕНИЕ 3

Тетушка *(входит)*. Алиса, дитя мое, что с тобою?
Алиса. Тетушка, какой ужас! У меня под кроватью...
Тетушка. Что? мужчина?

Алиса. Ах нет... мышь.

Тетушка. Я ее сейчас выгоню.

(Смотрит под кровать.)

Молод<ой> чел<овек> *(из-под кровати)*. Сударыня, не погубите! Только безумная любовь привела меня в это странное место.

Тет<ушка>. Как? безумная любовь ко мне? Могла ли я надеяться? Успокойтесь, я все улажу... *(К Алисе)*. Успокойся, милочка, это мышь из породы безвредных. Она сейчас вылезет, стоит ей показать кусочек сахара. Мышка, мышка, выйди к нам!

(Молодой человек выходит.)

Алиса. Как! это — мышь?

Тетушка. Ну да, конечно.

Ал<иса>. Но...

(Поет № 3.)

Пятнадцать лет живу на свете,
Но не видала таких мышей:
У них мышиных нет ушей,
Довольно милы мыши эти.

Она запачкалась слегка,
Она совсем проголодалась,
Как жалко, что не догадалась
Оставить ей я молочка.

Я пойду, принесу ей чего-нибудь поесть... хорошо?

Тетушка. Иди, дитя мое: у тебя золотое сердце!

(Алиса удаляется.)

ЯВЛЕНИЕ 4-ое

Тетушка. Ну! говорите скорее, признавайтесь. Неужели в наш век есть люди, способные на героизм?

Мол<одой> чел<овек>. Если мой безрассудный поступок вам угодно так называть...

Тет<ушка>. О, безусловно, безусловно!

(Хочет заключить его в объятия.)

Мол<одой> чел<овек>. Простите, я — не антиквар.

Тет<ушка>. Что вы хотите этим сказать?
Мол<одой> чел<овек>. Я не имею никакого пристрастия к тарине и роскоши... Я люблю вашу племянницу.
Тетушка. О!

ЯВЛЕНИЕ 5-ое

(Входит Алиса с блюдечком и куском сыра.)

Алиса. Вот, мышка, я принесла тебе покушать!

Тет<ушка>. Беги, беги, Алиса! Она сейчас тебя укусит. Я ошиблась: это — самая дрянная порода мышей.

Ал<иса>. Как же, вы мне говорили...

Тет<ушка>. Я говорю, что я ошиблась. Она и меня чуть не кусала.

Мол<одой> чел<овек>. Не верьте ей, Алиса. Я никому не сделал зла. Тем более не сделаю вам, которую люблю больше жизни.

Ал<иса>. Видите: какая милая мышка!

Тет<ушка>. Да это даже и не мышь, а самый обыкновенный шлопай.

Ал<иса>. Как, не мышь? значит, мне вас нечего и бояться. У вас, значит, нет хвоста? Зачем же вы забрались ко мне под кровать?

Мол<одой> чел<овек>. Из любви к вам, Алиса!

Алиса. Какой он смешной, тетушка! Оставимте его, он будет сидеть под кроватью и разгонять настоящих мышей. А знаете, мне даже жалко, что вы — не мышь.

(Поет № 4.)

С такую миленькою мышкой
Я б превосходно зажила,
Но оказался он лгунишкой
И с ним расстаться я должна
Чтоб вас, о мышка, не обидеть,
Я полюбила всех мышей,—
Теперь меня уж вам не видеть,
Как не видать своих ушей.

Мол<одой> чел<овек>. Я не могу поверить. Неужели вы так жестоки? Из-за того только, что я — не мышь, вы меня прогоняете.

Ал<иса>. Что ж делать? Я сама плачу, видите?

(Оба плачут.)

Тетушка. Горе этих детей меня трогает. Успокойся, Алиса. Мышка будет к нам приходить, а когда она совсем приручится, ее посадят в клеточку.

Алиса. Неужели? вот хорошо-то!

Мол<одой> чел<овек> (Тетушке). Вы увидите, что я сумею быть благодарным.

Алиса. А все-таки как я была глупа, что боялась мышей!

(Поют № 5.)

Мол<одой> чел<овек>.

Как глупы, право, все девицы,
Боясь того, боясь сего,
Когда так просто убедиться,
Что слаще нету ничего.

Алиса.

Теперь едва заслышу шорох,
Не буду без толку кричать,
А с сладкой радостью во взорах
К себе мышонка нежно ждать

Все трое.

Никак нельзя ведь поручиться,
Где нас любовь и счастье ждет,
Мышонок скоро приручится —
И в клетку к милой попадет.

КОНЕЦ

Публикуется по автографу. ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 162, л. 1—5. Сценическая версия, восходящая к материалам Н. Ф. Балиева, была напечатана Дж. Малмстадом, см.: *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Ed. by John E. Malinstad. Wien, 1989 (*Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd. 24). С. 163—167. В публикации Дж. Малмстада, помимо отдельных разночтений, представлен сокращенный вариант 1-го явления (без упоминания об «арии Фауста» в реплике Молодого человека и песенного первого номера); заключительный номер исполняется одной Алисой

На заглавном листе рукописи подпись «М. Кузмин» и авторское пояснение по поводу постановок пьесы: «(шла в моск<овской> „Летучей мыши“ и в петек<р>б<урск-ском> „Литейном театре“)» (л. 1).

Водевиль написан в 1913 г. (см. авторский список работ М. А. Кузмина ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 43, л. 10; *Malinstad John E. Mixail Kuzmin. a Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собрание стихов. München, 1977. [Т.] III. P 200*).

Сохранился цензурный машинописный экземпляр пьесы, в котором текст несколько отличается от автографа (С.-Петербургская театральная библиотека, № 35541. С. 1—7). Из цензурской записи на нем явствует, что пьеса была «к представлению дозволена» 7 января 1914 г.

Сообщение Дж. Малмстада о постановке «Алисы» в Литейном Интимном театре еще в 1913 г. оказывается, таким образом, неверным. См. [Malmstad John E.]. From the History of the «Teatry Miniatjur»: Two Plays of M. A. Kuzmin // Studies. P 161. Впервые пьеса была поставлена бароном Р. А. Унгерном в Литейном Интимном театре 11 января 1914 г., в бенефис О. М. Антоновой. См. Обзорение театров. 1914. № 2320 11 января. С. 6. Состоялось всего три представления, см: Там же № 2321. 12 января С. 44; № 2322. 13 января С. 36. Музыка к «Алисе» была также написана Кузминым. Приведем сдержанный отклик корреспондента «Речи»: «Пьеса М. Кузмина изящно поставлена бар. Унгерном и недурно исполнена г-жой Казароза и г. Радошанским, но самая пьеса с ее подделывающейся под примитив убогой краской ланит производит неприятное впечатление» (Речь 1914 № 14. 15 января).

Вскоре, 16 января 1914 г., пьеса была поставлена вторично — на сцене московского театра-кабаре Н. Ф. Балиева «Летучая мышь», в составе очередной новой программы Рецензент газеты «Утро России», отмечая «мастерство и изысканность исполнения» всей программы, охарактеризовал пьесу Кузмина как «фрагмент спектакля времен прабабушек» (И. М. «Летучая мышь» // Утро России. 1914 № 13 17 января). В другой рецензии вещь Кузмина, сыгранная у Балиева, была оценена как «менее удачная» в ряду «прекрасно» поставленных спектаклей. См. Peregrinus [Левинсон А. Я. (?)]. Малый театр. Художественный театр. Свободный театр Опера Зимина. «Летучая мышь» // Маски 1914. № 4 (январь). С. 91—92.

ПЕРЕПИСКА

1

М. Ф. ЛИКИАРДОПУЛО — М. А. КУЗМИНУ

Москва. 14.6.06.

Милостивый Государь г. Кузьмин!¹

Редакция «Весов» предлагает в следующей (июльской) книжке журнала напечатать ряд Ваших стихотворений, избранных из числа Вами присланных.² Мы считаем своим долгом известить Вас, что «Весы» оплачивают стихи, печатаемые целым циклом, не построчно, а *полистно*, по расчету 75 (семьдесят пять) рублей за лист. Просим Вас сообщить о Вашем согласии.

К услугам

Мих. Ф. Ликиардопуло
Секретарь редакции «Весов».

Письма М. Ф. Ликиардопуло М. А. Кузмину 1906 г. печатаются по автографам. ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 276. л 1—3. Все три письма на бланках издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

Михаил Федорович Ликиардопуло (1883—1925) — секретарь редакции журнала «Весы», переводчик. Пять писем Ликиардопуло Кузмину 1907—1912 гг. находятся в ЦГАЛИ (ф. 232, оп 1, № 268, л. 1—6).

¹ Форма обращения свидетельствует об отсутствии личного знакомства с адресатом письма.

² В этом номере журнала «Весы» были напечатаны одиннадцать стихотворений М. А. Кузмина из цикла «Александрийские пёсны» (см: Весы. 1906. № 7. С. 1—12) Высылая тексты 3 марта 1906 г., Кузмин предоставил Брюсову право «сделать выбор годного» (ГБЛ, ф. 386, карт. 91, № 11, л 1)

2

М. Ф. ЛИКИАРДОПУЛО — М. А. КУЗМИНУ

Москва. 11 ноября 1906.

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Ваша повесть «Крылья» будет напечатана целиком в ноябрьской книжке «Весов». ¹ Мы желали бы выпустить ее также и отдельным изданием (в количестве не свыше 1000 экземпляров). ² Если Вы согласны, то, пожалуйста, сообщите немедленно ответ (хорошо бы телеграммой). Условия наши: 300—500 рублей (в зависимости от того, займет ли повесть больше или меньше 5 листов в журнале) за помещение «Крыльев» в «Весех» и за *первое* издание книжкой (в количестве > 1000 экземпляров). Авторских экземпляров Вам будет предоставлено бесплатно 20.

Простите, что пишу так кратко, но спешу поспеть на почту.

Искренно уважающий и ценящий Вас

Мих. Ликиардопуло.

Р. S. Маленькая просьба частного характера: когда выйдет Ваша повесть «Эме Лебеф» в издательстве «Шиповник», ³ Вы, может быть, будете так любезны прислать мне один экземпляр с Вашим автографом. Этим Вы меня крайне обрадуете. ⁴

¹ См.: Весы. 1906 № 11. С. 1—81. Весь номер журнала был целиком занят повестью Кузмина.

² См.: Кузмин М. Крылья Повесть в трех частях. Обложка работы Н. Феофилактова. М.: «Скорпион», 1907.

³ Речь идет о книге: Кузмин М. Приключения Эме Лебефа. СПб., 1907 Издание было отпечатано «в мае 1907 г. Товариществом „Вольная Типография“, СПб., Фонтанка, 94» (Там же. С. 151). Поначалу книга печаталась в издательстве «Шиповник». Ср. в письме Кузмина К. А. Сомову от 10(23) октября 1906 г.: «Вы читали, что в „Шиповнике“ в понедельник был обыск и все переписаны? Не пострадал ли там и „Эме Лебеф“?» (ГРМ, ф. 133, № 232, л. 13).

⁴ В письме от 1 июня 1907 г. М. Ф. Ликиардопуло сообщал Кузмину «Получил Ваше письмо, „Приключения Эме Лебефа“ и „Три Пьесы“. В восторге от книжек. Все так стильно и выдержанно и внешне и внутренне. „Эме Лебефа“ даже прочитал уже два раза» (ЦГЛЛИ, ф. 232, оп 1, № 268, л. 1). Вскоре Ликиардопуло отрецензировал «Приключения Эме Лебефа» в печати, см. Столичное утро 1907. № 79. 1 сентября С. 5 (подпись М Л-о).

3

М. Ф. ЛИКИАРДОПУЛО — М А КУЗМИНУ

«Москва. 12 ноября 1906»

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Посылаю Вам первый лист корректуры Вашего романа. Прошу не задерживать его особенно долго, так как как немедленно приступаю к печатанию № «Весов». ¹ Быть может, не удастся Вам послать корректур последних листов, так как как шрифт у нас будет весь занят и для набора придется разбирать, по отпечатанию, первое.

В дополнение к моему вчерашнему письму: ² я забыл написать Вам, что в случае Вашего согласия на отдельное издание гонорар будет Вам уплачен в два срока: при выходе № 11 «Весов» 200—250 руб. и 2) при выходе книги отдельным изданием еще 100 руб.

Искренно преданный Вам

Мих. Ликиардопуло.

Р. S. Промежутки между отдельными отрывками или главами каждой части предполагаю заполнить приложенными заставками Милиоти. ³

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о печатании повести Кузмина «Крылья». См. прим. 1 к письму 2

² См. письмо 2

³ Василий Дмитриевич Милиоти (1875—1943) — художник, член объединения «Голубая роза», заведовал художественным отделом в журнале «Золотое руно». Его

авторство заставок в промежутках между главками не было обозначено при издании повести Кузмина Прочие «заставки и виньетки» в № 11 журнала «Весы» за 1906 г принадлежат художнику Е Надельману.

В ГПБ хранятся письма художника Николая Петровича Феофилактова (1878—1941) Кузмину, освещающие процесс подготовки изданий повести. В одном из писем Феофилаков сообщает «Роман Ваш сначала пойдет в «Весях», а потом отдельным изданием. Вопрос, как видите, разрешился благоприятно. Вероятно, Вы уже получили теперь уведомление об этом от редакции» (ф. 124, № 4488, л. 5). В другом послании художник продолжает начатую тему: «Затем Михаил Федорович просит корректуры поскорее. Обложку к «Крыльям» я сделаю с удовольствием и очень рад, что это Вам принесет удовольствие» (там же, л. 6)

4

В Я БРЮСОВ — М А. КУЗМИНУ

«Москва». 3/16 августа 1907.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Мне очень совестно, что я заставил Вас так долго ждать своего ответа, но разные спешные работы и обычные летние разъезды совсем расстроили порядок моей переписки. Кроме того, мне за последнее время так часто приходилось говорить о Вас и писать о Вас, что я внутренне испытывал впечатление непрерывной беседы с Вами, не замечая всей субъективности этого ощущения. Но все же мне хочется верить, что моя небрежность не будет Вами истолкована дурно и не повлияет на наши добрые отношения.

В июльском № «Весов», который Вы получите на днях, Вы найдете краткую заметку, написанную мною о Ваших книгах.¹ Я очень извиняюсь за беглость своих суждений, но моей целью было установить ту *точку зрения*, с которой, кажется мне, должно смотреть на Ваше творчество.² Во всяком случае, при всех несовершенствах этого «опыта критики», Вы увидите из него, как неизменно люблю я и чту Вашу поэзию, и потому поверьте, как дорого мне Ваше предложение — посвятить мне одно из Ваших произведений.³ Принимаю это предложение с благодарностью, с радостью, с гордостью.

М. Ф. Ликиардопуло читал мне отрывки из некоторых Ваших писем к нему. Мне кажется, что Вы совершенно верно определяете и свое значение как писателя и свое место в ряду современных литературных школ.⁴ Вне всякого сомнения, Вы душою, психологически, принадлежите нам, к нашему поколению, к нашему отряду, к созидателям, а не разрушителям. Мы тоже разрушаем, — но оковы,

мешающие нам свободно двигаться, и стены, закрывающие нам дороги. Но мы не имеем и не можем иметь ничего общего с теми «молодыми», которым хочется сокрушать античные статуи за то, что это статуи, и поджечь дворцы за то, что это дворцы. Конечно, и в варварстве, *как во всем в мире*, есть своя прелесть, но я не колеблясь поставлю скорострельную пушку для защиты Эрмитажа от толпы революционеров, предводительствуемой Сергеем Городецким... Впрочем, утешение в том, что наши «молодые» разрушители ничего разрушить в действительности не в силах и что Сергей Городецкий никакой толпой революционеров не предводительствует и предводительствовать не будет.⁵

Стихи Ваши пойдут в одном из первых №№ «Весов» за 1908 год, думаю, в февральском.⁶ Размер Ваш я передал С. А. Полякову,⁷ который беллетристкой заведует лично.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов.

Печатается по автографу ИРАИ, р. I, оп 12, № 337, л. 1 Письмо на бланке издательства «Скорпион»

¹ В этом номере журнала была помещена рецензия В Брюсова на повесть М Кузмина «Приключения Эме Лебефа» (СПб, 1907) и его сборник «Три пьесы» ([СПб], 1907) См. Весы 1907. № 7 С 80—81

² В рецензии Брюсов, в частности, писал: « конечно, „лирика в прозе“ никогда не может заменить и заместить настоящего рассказа, в котором сила впечатления зависит от логики развивающихся событий и от яркости изображаемых характеров, — рассказа, образцы которого нам дали все великие романисты, начиная от Апулея, через автора „Манон Леско“, до Диккенса, Флобера, Достоевского, А. Толстого... К таким истинным рассказчикам принадлежат и М Кузмин. Сила и прелесть его рассказов не в лирических отступлениях, не в отдельных образах и эпизодах, но в самом замысле повествования, в его интриге и в развитии характеров

Никто среди современных русских писателей не обладает такой властью над стилем, как М Кузмин Его „Александрийские песни“ могут быть сочтены переводом из какого-нибудь греческого поэта II века до Рождества Христова и, во всяком случае, гораздо вернее и живее передают эпоху, чем слащавые „Chansons de Vilnius“ Пьера Луиса < > Подобно этому „Приключения Эме Лебефа“ можно выдать за отрывок старофранцузского романа середины XVIII века» (Весы. 1907. № 7. С 80)

³ В письме от 17 июля 1907 г Кузмин сообщал Брюсову: «Я осенью или зимою хотел бы написать „Путешествие“ в стиле рассказов баснословных и aventureux *«тик!»*, род, но другой, „Эме Лебефа“ Не позволите ли Вы мне думать при писании его, что я могу его Вам посвятить? Это была бы лучшая шпора и лучшая узда мне и было бы, хотя неполное, бедное и слабое, выражение моей безусловной преданности к Вам» (ГБЛ, ф. 386, карт 91, № 12, л. 13). Упоминаемое Кузминым произведение — «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» — было написано позднее, в 1909 г. (см. авторский список работ М. А. Кузмина. ЦГАЛИ, ф. 232, оп 1, № 43, л. 9). Оно было посвящено прозаике и

драматургу С. А. Ауслендеру (1886—1943?), племяннику и литературному ученику Кузмина. В письме от 12 ноября 1908 г. Кузмин испросил у Брюсова разрешение посвятить ему другую вещь. «Вы согласились, так любезно, — напоминает он, — на принятие от меня посвящения одного из моих произведений, но так как предполагаемое тогда „Путешествие“ очень затормозилось и „Подвиги Александра“ будут готовы несомненно раньше, то не согласитесь ли Вы позволить мне посвятить и эту вещь Вам, как явному учителю?» (ГБЛ, ф. 386, карт. 91, № 13, л. 7). Брюсов ответил 14 ноября: «Всякая связь моего имени с Вашим мне дорога и желанна Вот почему я буду очень рад, если Вы найдете возможность посвятить мне „Подвиги Александра“. Приму это как драгоценный подарок» (ГПБ, ф. 124, № 675, л. 9, цит. по Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Bd 7. S. 74; публ. Ж. Шерона). В результате повесть «Подвиги великого Александра» (1908), опубликованная в журнале «Весы» за 1909 г. (№ 1. С. 19—41; № 2. С. 17—34) и впоследствии включенная во «Вторую книгу рассказов» Кузмина (М., 1910. С. 1—80), была посвящена В. Я. Брюсову. Помимо посвящения: «Валерию Брюсову преданно посвящает автор» (Весы. 1909. № 1. С. 19) — Кузмин предпослал тексту повести стихотворное «Посвящение. (Акростих)» («Валы стремят свой яростный прибор...») (вошло в сборник «Осенние озера» (М., 1912)). В следующем номере журнала был помещен ответ В. Брюсова «М. А. Кузмину. Акростих» («Мгновенья льются, как погон бессменный...») (Весы 1909 № 2. С. 16) Текст этого стихотворения (машинопись, подпись и дата — автограф) см.: ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 337, л. 2. Сонет датирован 24 декабря 1908 г. Подробнее о личных и творческих контактах двух поэтов см. специальную статью и публикацию *Cheron George. Letters of V. Ja. Brjusov to M. A. Kuzmin // Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Bd 7. S. 65—79.* Публикация двух писем В. Я. Брюсова М. А. Кузмину в нашей подборке дополняет материалы Ж. Шерона, напечатавшего письма из фондов ГПБ и ИМЛИ.

⁴ Эти письма нам неизвестны.

⁵ Негативное отношение к С. М. Городецкому связано с тем, что в период написания письма тот был одним из ближайших сподвижников Г. И. Чуковского и ревностным сторонником теории «мистического анархизма».

⁶ В письме от 17 июля 1907 г. Кузмин информировал Брюсова: «Посылаю Вам „Ракеты“, новые 9 стихотворений, Ваше мнение о которых мне бы крайне важно было знать. Если Вы найдете их достаточно удачными и если в „Весах“ 1908 г. найдется место для моих стихов, то, может быть, это и могут быть — „Ракеты“?» (ГБЛ, ф. 386, карт. 91, № 12, л. 13—14). Цикл был опубликован в № 2 журнала «Весы» за 1908 г. (с. 7—14) без даты, без посвящения В. А. Наумову, с вариантами относительно публикации в книге стихов «Сети» (М., 1908); порядок следования стихотворений отличался от окончательного.

⁷ Имеется в виду Сергей Александрович Поляков (1874—1943), издатель журнала «Весы» и владелец издательства «Скорпион».

5

М. Ф. ЛИКИАРДОПУЛО — М. А. КУЗМИНУ

«Москва. Октябрь 1909.»

Дорогой Михаил Алексеевич.

Наконец выяснилось Ваше местопребывание;¹ чтобы не откладывать в долгий ящик — отвечаю вкратце на каждый вопрос.²

1) Я распределил томы³ по Вашему прошлогоднему списку:⁴ на «стилиз<ованные>» и «современные», но мне кажется, Ваш план (новый) совершенн<о> приемлем.

I том:⁵

Эме Лебеф
Письма Клары
Крылья (Мне кажется, «Крылья» лучше по-
ставить на второе место или под
конец. Как думаете?)
Флор
Филлида
Кушетка
Анна Мейер

(Куда же девался «Двойной Наперник»?⁶)

II том:⁷

Александр
Иосиф
Елевсинп

2) Обложка будет старинная,⁸ прилагаю оттиск. Формат 1/2 «Весов». Прилагаю пробный лист.

3) «Куранты» будут в «Весах» и «отдельно».⁹ Пришлите музыку. «Куранты» выйдут в ноябре-декабре. Попросите Судейкина, чтобы он поскорее (к началу ноября) прислал рисунки.

4) №№ «Весов» посылались в Окуловку, но возвращались. Пришлем заново.

5) Пришлите «Иосифа» немедленно, если можно.

6) Счета помн<ю> <?>, выясню и пришлю расчет.

7) Насколько мне известно, С<ергей> А<лександрович> Поляков говорил о ближайших книгах, но, конечно, он охотно издаст и новые Ваши книги.

8) О «Весах» напишу подробно и отдельно.

9) Стихи (одно — хотелось бы для № 12 или 11, где будет «бу-кет» из всех сотрудников, — прощальный).¹⁰

Любящий Вас всех

Мих. Ликиардопуло.

Жду ответа. Нужна <ли> Вам корректура? Или можно прямо печатат<ь> по печатным экземплярам?

Печатается по автографу: ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 338, л. 1. Письмо на бланке издательства «Скорпион».

Датируется по содержанию.

¹ Летом-осенью 1909 г. Кузмин гостил у своего племянника С. А. Ауслендера в Окуловке Новгородской губернии.

² Письмо М. А. Кузмина неизвестно. Сохранилось тем не менее другое послание, где был затронут сходный круг вопросов. Оно было адресовано не лично М. Ф. Ликиардопуло, а в «книгоиздательство „Скорпион“» (ИМЛИ, ф. 192, оп. 1, № 22, л. 2). Кузмин, смущенный отсутствием информации о своих издательских делах, излагал следующее: «Получив в январе предложение от Вашего книгоиздательства издать свои книги исключительно у Вас, я при соглашении изъявил настойчивое желание, чтобы первые три намеченные книги выходили в такие сроки:

1) первый том рассказов весной 1909 г.,

2) второй том стихов осенью 1909 г.,

3) второй том рассказов весной 1910 г.

Не имея решительно никаких сведений о ходе изданий, несмотря на мои неоднократные обращения к М. Ф. Ликиардопуло и к Сергею Александровичу «Полякову», я бы очень хотел знать, осуществляются ли эти планы и когда приблизительно, потому что в случае отказа от этой мысли мне, как это ни досадно, нужно будет обращаться к другим издателям» (ИМЛИ, ф. 192, оп. 1, № 22, л. 1). Запрос написан в Окуловке 29 июня 1909 г.

³ Речь идет о подготовке двух книг М. А. Кузмина — «Первая книга рассказов» (М.: «Скорпион», 1910) и «Вторая книга рассказов» (М.: «Скорпион», 1910).

⁴ Ср. предложение М. Ф. Ликиардопуло в недатированном письме 1908 г.: «Дайте печатать первый том Ваших рассказов как можно скорее. Пришлите мне список вещей, которые Вы в него предполагаете пустить, и размер их (если можно, рассчитайте по страницам «Крыльев»)» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 268, л. 5).

⁵ В «Первую книгу рассказов» вошли следующие произведения Кузмина: «Приключения Эме Лебефа» (с. 1—86), «Из писем девицы Клаары Вальмон к Розалии Тютельмайер» (с. 87—96), «Флор и разбойник» (с. 97—110), «Тень Филлиды» (с. 111—130), «Решение Анны Мейер» (с. 131—155), «Кушетка тети Сони» (с. 157—178), «Крылья» (с. 179—321). Таким образом, Кузмин принял соображения М. Ф. Ликиардопуло о помещении повести «Крылья» «под конец» тома

⁶ Рассказ «Двойной наперсник» был напечатан в № 10 журнала «Золотое руно» за 1908 г. (с. 27—37). С тех пор при жизни автора не переиздавался

⁷ Во «Вторую книгу рассказов» вошли «Подвиги великого Александра» (с. 1—80), «Повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим» (с. 81—131) и роман «Нежный Иосиф» (с. 133—386).

⁸ См., например: Кузмин М. Первая книга рассказов. М., 1910. С. 387: «Обложка и заглавный лист обоих томов — по фронтиспису к итальянскому изданию: Di Tito Lucraccio Caro della Natura della Cose. Libro VI. Tradotti in Verso Toscano da Alessandro Marchetti. L'anno 1768».

⁹ Речь идет о подготовке к изданию музыкального произведения Кузмина «Куранты любви». Тексты, вошедшие в «Куранты», были написаны и положены на музыку в 1906 г. Первую публикацию, без даты, без нотной части, с подзаголовком «поэма» и посвящением С. Ю. Судейкину (с. 14), с рисунками С. Ю. Судейкина и Н. П. Феофилактова, см.: Весы. 1909. № 12. С. 13—53. Отдельное издание вышло в ноябре 1910 г. в издательстве «Скорпион» с рисунками С. Ю. Судейкина и Н. П. Феофилактова.

¹⁰ В № 10—11 журнала «Весы» за 1909 г было опубликовано стихотворение М. А. Кузмина «Казалось нам, одежда мая.» (с. 139—140) Издание журнала прекратилось на № 12 за 1909 г

6

С. А. ПОЛЯКОВ — М. А. КУЗМИНУ

14 мая 1910 г. Москва.

Дорогой Михаил Алексеевич,

я вполне согласен с Вашим расчетом гонорара за «Куранты любви», и, хотя до выхода книги, ввиду отсутствия до сих пор вторых фронтисписов Судейкина, по моему мнению, еще далеко,¹ я с удовольствием выслал бы Вам оставшиеся 200 руб. немедленно, но, имея в этом месяце невероятное количество случайно совпавших платежей, я вышлю Вам на следующей неделе пока только половину. Остальные желал бы выслать по выходе «Курантов».

Очень жалею, что Вы не собрались в нынешнем году в Москву, так как при моем пригвожденном образе жизни иначе не могу увидеть Вас. Надеюсь, что Ваше намерение приехать в Москву осенью осуществится. Мой искренний привет Вам.

Ваш С. Поляков.

Печатается по автографу ИРАИ, р 1, оп 12, № 339, л 1 Письмо на бланке издательства «Скорпион»

О Сергее Александровиче Полякове см примеч. 7 к письму № 4 Подробнее см: *Гречихин С. С. Архив С. А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год* Л., 1980 С. 3—22, *Malmstad John E. From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. 1987 Vol. 1 P. 71—102.*

¹ См примеч. 9 к письму № 5 План распределения иллюстрационной работы между С. Ю. Судейкиным и Н. П. Феофилактовым был изложен в письме первого к М. Ф. Ликиардопуло от 19 февраля 1910 г: «Переговорите, пожалуйста, с Николаем Петровичем, не согласится ли он на следующее распределение работы рисунков к «Курантам любви». То, что я предлагаю, должно носить очень цельный характер. Я делаю два овала „Лета“ и „Осени“, сделал „Весну“ и „Зиму“ и сделаю один общий фронтиспис, *Николай Петрович* — два овала „Весны“ и „Зимы“, уже готовые „Лето“ и „Осень“, все надписи и обложку Надписи хотелось бы поместить под овалами и под рисунками <...> Если все устроится так, как я пишу, т. е. *Николай Петрович* сделает обложку и надписи, то я свою работу 3 рисунка (без надписей, так как мне не приходилось никогда их делать) берусь прислать в начале

марта, как мы уже с Вами сговаривались, до 10 числа. <...> Если отпечатки с „Весны“ и „Зимы“ готовы, очень буду просить Вас прислать их мне возможно скорей» (ИРАИ, ф. 240, оп. 2, № 212, л. 1; с неточностями опубликовано в кн.: *Когда Д. Сергей Юрьевич Судейкин*. 1874—1946. М., 1974. С. 179).

7

М. А. КУЗМИН — А. Л. ВОЛЫНСКОМУ

<Петербург.>

Многоуважаемый Аким Львович,

г-жа Блинова, вероятно не без Вашего согласия, поручила мне перевод стихотворных цитат в книгах Реми де Гурмона,¹ разрешив некоторые из них передать размеренной прозой, каковым правом в нескольких исключительных случаях я и воспользовался. Из готовых переводов я взял только перевод Элліса 8<ми> строк Бодлера.²

Всего в обоих томах страниц около 800 (760—790), ввиду спешности и трудности работы я бы не мог этого сделать менее чем за 200 р., но ввиду того, что в крайних случаях я прибегаю к прозе, я возьму 170 рублей, но мне исключительно важно получить половину гонорара тотчас по сдаче рукописи.

Я очень извиняюсь за задержку и обязуюсь вторую половину сдать не позднее 13—14 февралю, так как оттуда у меня уже сделано около трети в ущерб аккуратности сдачи первого тома.³

Будьте любезны сообщить мне по телефону (37-87), когда я могу зайти за гонораром, или же послать его на дом (Таврическая 25, Мих. Алексеев. Кузмину, кв. 24).

С совершенным почтением

М. Кузмин

8 февраля 1911.

Печатается по автографу: ИРАИ, ф. 673, № 69, л. 1.

Аким Львович Волинский (псевдоним Х. А. Флексера, 1863—1926) — историк литературы, издатель, литературный и театральный критик.

¹ Речь идет о подготовке издания: *Гурмон Реми, де*. Книга масок. Рисунки Ф. Валлотона. Перевод с французского Е. М. Блиновой и М. А. Кузмина. [СПб.]

«Грядущий день», 1913 А. Л. Волинский был редактором этого тома Оригинальное французское издание состояло из двух книг. См., например. *Gourmont R., de. Le Livre des Masques* 3-me éd. Paris, 1896, *Gourmont R., de. Le II-me Livre des Masques* 3-me éd. Paris, 1898.

² В «Книге масок» Р. де Гурмона эссе о Ш. Бодлере нет Начало (8 строк) стихотворения Ш. Бодлера «Соответствия» («Природа — строгий храм, где строй живых колонн .») цитируется автором в очерке о Ст. Маллармэ В русском варианте использован перевод Элиса (см. *Гурмон Ремаи, де. Книга масок. С 19—20*) В «Оглавлении» русского издания «Книги масок» стихотворение ошибочно приписано Ст. Маллармэ (Там же. С IV)

³ В письме А. Л. Волинскому от 25 февраля 1911 г. Кузмин сообщил о завершении работы над переводом: «...простите, что я несколько задержал вторую часть книги, где уже нет чужих переводов и в прозе сделаны только 2 или 3 отрывка. Был бы рад, если бы Вы остались довольны моей работой, которая оказалась несколько большей (страниц 400) и значительно труднейшей, нежели я думал, так что если бы не было неловко перед издателем, я бы спросил 200 рублей за нее» (ЦГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 573, л. 1). Дальнейшие литературно-издательские контакты с Волинским освещены в письмах от 19 ноября 1911 г., 17 января и 30 ноября 1912 г. (там же, № 573, л. 4—8).

8

С. А. ПОЛЯКОВ — М. А. КУЗМИНУ

Москва. 8 февраля 1912 г.

Дорогой Михаил Алексеевич,

не писал Вам после Вашего внезапного отъезда из Москвы,¹ колеблясь относительно формата Вашего сборника и разыскивая бумагу, подходящую к формату первого сборника,² так как маленький формат книги рассказов мне потом представился для стихов совершенно неподходящим.³ Теперь я нашел бумагу, формат которой после некоторого обрезания оказывается почти одинаковым с первым сборником. Обложку я прошу сделать С. Ю. Судейкина. Пишу ему об этом сейчас же. Если он согласится, то вы оба сговоритесь о теме.

Перехожу к личным делам, могу лишь напомнить Вам о некоторой русской пословице, трактующей о голове, так как я во все время пребывания Вашего в Москве относился к Вам, как я вообще к Вам всегда отношусь, т. е. более, чем просто хорошо, Вы же, действительно, в конце огорчили меня, уехав без прощального завтрака и вопреки Вашему некоторому обещанию. Впрочем, это все пустяки. Живем мы после Вашего отъезда очень скромно и с легкой руки Николая Петровича⁴ все перестали даже жить; впрочем, теперь, после, и это как раз кстати.

Пока; до свиданья, надеюсь, скорого; и еще в «Метрополе», ибо, увы, «Скорпион» отсюда скоро выгонят новые арендаторы.

Целую Вас и остаюсь Вашим неизменным поклонником и искренним другом.

Ваш С. Поляков.

Р. С. Привет Сергею Владимировичу.⁵

С. П.

Печатается по автографу: ИРЛИ, р 1, оп. 12, № 339, л 2 Письмо на бланке издательства «Скорпион».

¹ Ср. в письме Кузмина К. А. Сомову от 6 января 1912 г «Милый Сомов, я пробыл почти месяц в Москве и привык к ней; встретил Новый Год у Евфимии Павловны «Носовой» <. > Ездил я (или скорее мы, так как) я был не один) очень хорошо» (ГРМ, ф 133, № 233, л 16) О глубоком кризисе и тяжелом безденежье Кузмина во время пребывания в Москве с Миллером свидетельствует письмо поэта к Е. А. Зноско-Боровскому от 26 декабря 1911 г. (ГПБ, ф 124, № 2283, л 1—2).

² Имеется в виду сборник Кузмин М. Сети. Первая книга стихов М. «Скорпион», 1908.

³ Речь идет о подготовке второго сборника стихов М. А. Кузмина «Осенние озера» (М.: «Скорпион», 1912). Книга вышла в августе 1912 г Автор обложки — С. Ю Судейкин Ср замечания другого издателя — А. М Кожебаткина — об этом томе: «Видел в „Скорпионе“ экземпляр „Осенних озер“. Великолепная книга! Поляков придумал относительно ее целый план и просил меня написать о нем тебе Он хочет, чтобы ты посвятил ее памяти Н Сапунова и написал соответствующее предисловие <. >» (письмо М. А. Кузмину от 11 июля 1912 г: ЦГАЛИ, ф 232, оп 2, № 21, л. 1). Предложение было оставлено без внимания. Подробнее о двух «книгах рассказов» Кузмина см примеч. 3—5, 7 к письму № 5.

⁴ Имеется в виду Н. П. Феофилактов См. примеч 3 к письму № 3.

⁵ Т. е. Сергею Владимировичу Миллеру, бывшему спутником поэта во время его поездки в Москву. Ср. письма С. В Миллера, адресованные М А Кузмину: ЦГАЛИ, ф 232, оп 1, № 296, л 1—2, № 462, л. 5—13

С Ю. СУДЕЙКИН — М. А КУЗМИНУ

«Петербург.»

Спасибо, милый Михаил Алексеевич, за хорошее письмо и за стихи.¹ Ольга² нашла их прелестными, я тоже. Она поправляется.³ Целую Вас и милого Всеволода, крепко скучаем без Вас, приезжайте скорей.⁴ Вы не прислали нам своих новых стихов? Получили ли письма и ноты?⁵ С Радаковым переговорю завтра (все нет дома).⁶ Текущие дела таковы. Я ленюсь, полнею и работаю полтора часа в

день. — По вечерам сочиняю вальс. — Ольга первую прикрывает двери. — Мне нравится! Ольга весь день переходит с постели на кушетку, с кушетки на диван и томно все вздыхает. Навещали нас Сологубы. Настасья⁷ приятно округлилась и говорит иногда грудным тембром. Ф«едор» К«узьмич» читал книжки В. К.⁸ потихоньку от дам и так увлекся, что взял с собой. Он очарователен. В. К. появляется неожиданно и так же неожиданно исчезает, махнули на него рукой.⁹ «Добрый Коля»¹⁰ трудится — переезжает, устроил нежно-голубую спальню и бледно-розовый салон. Грустит, что на стенах обоев незаметно. Девки втайне делят мысль выйти за него замуж, обе! Они низко Вам кланяются и занимаются маникюрой день и ночь. Погода была ужаснейшая, дождь, холод, сегодня вдруг солнце, должно быть из Риги.¹¹ Напишите нам еще о Вашем идиллическом житье.¹² Мы за Вас радуемся. Ольга шлет привет Вам и Всеволоду.

Неизменно Ваш С. Судейкин.

Р. С. Когда думаете приехать?¹³

5-го сентября 1912 года.

Печатается по автографу: ИРАИ, р. 1, оп. 12, № 340. л. 1.

¹ Это письмо неизвестно.

² Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (1885—1945) — танцовщица, драматическая актриса, в 1907—1915 гг. жена художника С. Ю. Судейкина. Подробнее о ней см.: *Moch-Bickert Eliane. Olga Glebova-Soudeikina amie et inspiratrice des poètes.* Lille, 1972.

³ Ср. в письме С. Ю. Судейкина М. А. Кузмину от 3 сентября 1912 г. о жене: «...она второй день лежит в постели, сильно простужена, жар. Я за нее беспокоюсь» (ГЦТМ, ф. 131, № 2, л. 1). Письмо частично опубликовано в книге: *Колл Д. Сергей Юрьевич Судейкин. 1884—1946.* С. 179.

⁴ Кузмин в это время гостил в Риге у Всеволода Гавриловича Князева (1891—1913). См.: *Тименчик Роман. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 116—118.*

⁵ О каких письмах, кроме послания от 3 сентября, идет речь, в точности неизвестно.

⁶ Анатолий Александрович Радаков (1877—1942) — художник-карикатурист, график. Ср. в письме С. Ю. Судейкина М. А. Кузмину от 3 сентября 1912 г.: «У Радакова еще не был. <...> Передам Радакову все, что нужно, как только увижу» (ГЦТМ, ф. 131, № 2, л. 2). Возможно, Кузмина интересовала перспектива публикации его сказки «Принц Желание» в детском журнале «Галчонок», который редактировал А. А. Радаков. Сказка была напечатана, см.: *Галчонок. 1912. № 45. С. 2—5.* На с. 1 помещена иллюстрация А. Р. (Радакова?) к тексту сказки. Номер журнала помечен 10 ноября.

⁷ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — писательница, переводчица; с 1908 г. жена Ф. К. Сологуба.

⁸ Т. е. Всеволода Князева Ср. в стихотворение Кузмина «Ряд кругов на буром поле...»:

Выступают капли поту
И сжимается рука,
На обоях сквозь дремоту
Вижу буквы «В» и «К».

(Кузмин М. Глиняные голубки. СПб., 1914. С 31)

Ср. также использование Кузминым эпитафия из стихотворения, принадлежавшего перу «В. К.» (Там же. С. 30). Возможно, «книжки В. К.» — намек на стихотворения В. Князева и М. Кузмина, составившие рукописный сборник «Примѣр влюбленным». О намерении Кузмина осуществить его издание см. Богомолов Н. А. Эпизод из петербургской культурной жизни 1906—1907 гг. // Блоковский сборник. Тарту, 1988. [Т.] VIII. Ал. Блок и революция 1905 года С. 103 (Ученые записки Тартуского гос. унив. Вып. 813). О рукописных версиях этого сборника см. Там же С. 109—110. Ср публикацию кузминских стихотворений «Примера влюбленным» Кузмин М. А. Собрание стихов München, 1977. [Т.] III. С. 518—521 История несостоявшегося издания совместного сборника завершилась осенью 1912 г В письме от 29 сентября Кузмин требовал от предполагавшегося издателя — А. М. Кожебаткина — безотлагательного ответа «Дорогой Сашенька, пишу тебе Бог знает которое письмо о деле, не терпящем никаких отлагательств, и все впустую Пишу тебе в последний раз. о „Примере“ или ответь телеграммой, или пришли немедленно рукопись (Рыночная, 16, кв.10) <..> Ты сам не знаешь, как ты меня подводишь своим молчанием Книга могла и должна была давно уже быть готовой, а ты молчишь как убитый и лишаешь меня возможности действовать более 3-ех месяцев Но что мое письмо последнее» (ГПБ, ф 400, № 128, л 1, в справочных материалах ГПБ адресатом письма ошибочно обозначен некий Л. И Иванов)

⁹ Имеется в виду отъезд В. Г. Князева в Ригу

¹⁰ Николай Васильевич Петров (1890—1964) — режиссер, один из инициаторов создания артистического кафе «Бродячая собака», известный в художественных кругах 1910-х годов как Коля Петер См., в частности: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия Ежегодник 1983. Л., 1985 С. 179, 203

¹¹ Намек на пребывание М. А. Кузмина и В. Г. Князева в Риге Возможен отзвук стихотворения Князева «Дождь. . всюду мокро никуда ни встать, ни сесть » (Князев Всеволод. Стихи Посмертное издание СПб., 1914 С. 88) Ср также «солнечную» символику в стихах Кузмина и Князева той поры

¹² Ср в стихотворении Кузмина «Покойся, мирная Митава »

Но идеальной дремоты
Бессильны тлеющие сны.
Когда мой слух пронзили ноты
Кристалльно-звонкие весны!

(Кузмин М. Глиняные голубки С. 35; стихотворение входит в посвященный Князеву цикл «Холм вдали»).

¹³ Кузмин вернулся в Петербург 18 сентября 1912 г. См. Тименчик Роман Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. С. 118.

В Я БРЮСОВ — М А КУЗМИНУ

Москва, 19 окт<ября> 1912 г.

Дорогой Михаил Алексеевич.

Большое спасибо за присланные главы романа.¹ Я их бегло просмотрел (нахожу их очень живыми и интересными) и немедленно переслал рукопись П. Б. Струве,² так как для меня не может быть сомнения в том, что Ваш роман должно напечатать в «Русской Мысли».³ На будущей неделе я буду в Петербурге и не замедлю посетить Вас, чтобы сообщить о решении нашей редакции.

Дружески Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Печатается по авторизованной машинописи (подпись — автограф) ИРАИ, ф 123, оп 1, № 123, л 1.

В Я Брюсов заведовал литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль» с сентября 1910 по декабрь 1912 гг См *Брюсов В. Я* Письма к П Б Струве (1910—1911) Подготовлено А Н Михайловой // Литературный архив М, А, 1960. [Т.] 5 С 259—265

¹ Речь идет о начале повести «Покойница в доме» Кузмин выслал некоторые главы прозаической вещи, еще к тому времени не завершенной, в ответ на просьбу Брюсова в письме от 12 октября 1912 г «Позволяю себе напомнить Вам, что близится срок, к которому Вы обещали доставить мне хотя бы часть Вашей повести Не буду повторять Вам всего, что говорил в Петербурге, но верьте, что для меня чрезвычайно важно получить Вашу рукопись как можно скорей Очень прошу Вас выслать мне теперь же все, что у Вас уже написано из Вашей повести Впоследствии Вы будете иметь возможность исправлять и переделывать написанное, но мне, как я Вам это объяснял, важно иметь в руках хотя бы часть Вашей рукописи к 15 октября» (ЦГАЛИ, ф 232, оп 2, № 15, л 1) Предложение о передаче рукописи «Покойницы в доме» Брюсову для публикации в журнале «Русская мысль» было впервые высказано Кузминым в письме от 14 августа 1912 г «Я боюсь обещать срок, но могу обещать, что ту повесть, за которой я сижу, пошлю Вам» (ГБЛ, ф 386, карт 91, № 14, л 4). «Повесть, которую я пишу, называется „Покойница в доме“, — уточнил Кузмин в письме к Брюсову от 20 августа 1912 г (там же, л. 5) В письме от 6 сентября 1912 г из Риги, куда Кузмин приехал с целью навестить В Г Князева, было выражено беспокойство о судьбе предыдущего послания и снова затронута тема не завершенной пока повести «Не касаясь художественных недостатков, я надеюсь на свою сообразительность, которая устранил в этой вещи все, что могло бы служить помехой для помещения ее в „Русской мысли“» (там же, л 7)

В письме от 14 сентября 1912 г. из Риги Кузмин осторожно указал возможный срок сдачи рукописи, который, очевидно, не полностью устроил Брюсова «Я боюсь обещать сроки, так как Вы имеете полное основание не доверять таким моим обе-

шаниям, но мне самому важно прислать Вам „Покойницу“ не позднее числа 3-5 ноября Это не будет поздно для Ваших соображений?» (там же, л 11)

² Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — экономист, философ, публицист, издатель журнала «Русская мысль» (1907—1917, до 1910 г совместно с А А Кизеветтером) Личное ознакомление П Б Струве с рукописью Кузмина было непременным условием ее публикации в «Русской мысли» «В принципе я согласен на напечатание вещи Кузмина, но должен предварительно ее прочесть, что возьмет немного времени Поэтому прошу ее прислать в редакцию», — писал П Б Струве В Я Брюсову 9 сентября 1912 г (ИРЛИ, ф 444, № 66, л 14).

³ См Русская мысль 1913 Кн VII, [отд 1] С 1—33, Кн VIII, [отд 1] С. 154—195 Вскоре появилось «книжное» издание повести *Кузмин М Покойница* в доме Сказки Четвертая книга рассказов. Обложка работы А. Божерянова СПб, 1914 С 3—110

11

М А. КУЗМИН — П Б СТРУВЕ

«Петербург.»

Многоуважаемый Петр Бернгардович, благодарю Вас за письмо.¹ Я согласен на Ваши условия, хотя несколько огорчен, не могу скрыть, так как только в «Весах» были такие умеренные гонорары.² У Валерия Яковлевича³ было 2 моих сказки («Золотое платье» и «Где все равны»), причем он все время говорил о первой, считая вторую занятой. Мне все равно, которая из них, или обе пойдут, так как обе свободны.⁴ Всю повесть, начало которой Валерий Яковлевич Вам переслал,⁵ я доставляю в первой половине ноября, но мне было бы удобно знать, как Вам понравилось начало, не придавая, разумеется, этому окончательного значения в смысле помещения ее, так как, если по началу она не подходит, я не буду торопиться к сроку, хотя Вы понимаете, насколько мне важно и приятно участвовать в Вашем журнале.

Если это не противоречит редакционным обычаям, мне было бы очень лестно получить «Русскую мысль».

С искренней преданностью

М. Кузмин.

22 октября 1912.

Мой телефон 406—79.

Печатается по автографу ИРЛИ, 19 960, л 1

¹ Письмо от 20 октября 1912 г. (ГПБ, ф 124, № 4171, л. 1.). Ср. сообщение П. Б. Струве в письме В. Я. Брюсову от 21 октября 1912 г.: «Кузьмину об его маленьком рассказе я написал» (ИРЛИ, ф 444, № 66, л. 24). Сохранились более поздние (от 16 января и 6 февраля 1913 г.) послания П. Б. Струве М. А. Кузьмину с просьбами уточнить время высылки рукописи «Покойницы в доме» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 2, № 29, л. 1—2).

² «Рукопись эту («Где все равны» — А. Т.) прошу считать принятой „Русской Мыслью“ на условии оплаты гонораром в сто (100) рублей с печатного листа в 16 страниц», — писал П. Б. Струве Кузьмину 20 октября 1912 г. (ГПБ, ф. 124, № 4171, л. 1).

³ В период, к которому относится это письмо, В. Я. Брюсов прекратил редакционную работу в «Русской мысли». Его преемницей в литературно-критическом отделе журнала стала Л. Я. Гуревич. Подробно о конфликте Брюсова с П. Б. Струве см. Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве (1910—1911). Подготовлено А. Н. Михайловой. С. 263—265.

⁴ Обе сказки опубликованы, см.: Русская мысль 1913. Кн. IV, [отд. 1]. С. 165—170 («Золотое плаще»), С. 170—174 («Где все равны»), общий заголовок — «Рассказы».

⁵ Речь идет о повести «Покойница в доме». Ср. сообщение П. Б. Струве в письме В. Я. Брюсову от 18 октября 1912 г. «Кузьмину я дал положительный ответ» (ИРЛИ, ф. 444, № 66, л. 37).

12

М. А. КУЗМИН — Л. Я. ГУРЕВИЧ

«Петербург. Не позднее мая 1913.»

Глубокоуважаемая Любовь Яковлевна, я очень извиняюсь за безобразную задержку с рукописью.¹ Надеюсь только, что это послужило ей на пользу. Я был бы крайне счастлив, если бы Вы нашли ее подходящей для «Русской Мысли».² Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за внимательное и доброжелательное отношение к Юр. Юркуну, о котором я Вам писал.³ Хорошо, если бы до июня выяснилась судьба моего романа,⁴ хотя я и знаю, что виноват исключительно я со своею медлительностью.

С полным уважением и преданностью

М. Кузмин.

Печатается по автографу. ИРЛИ, 19 960, л. 3.

Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940) — писательница, издатель, литературный критик, театровед, переводчик. С 1913 г. заведовала литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль», впоследствии вела и беллетристический отдел этого издания. Подробнее о ней см.: Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 3—29.

¹ Имеется в виду повесть «Покойница в доме»

² См. примеч. 3 к письму № 10.

³ Это письмо неизвестно. Юркун (Юркунас) Юрий (Иосиф) Иванович (1895—1938) — прозаик, близкий друг М. А. Кузмина. Его произведения в журнале «Русская мысль» не публиковались. Сохранилось письмо Л. Я. Гуревич М. А. Кузмину от 12 марта 1914 г. с отказом от публикации рассказа Ю. И. Юркуна в «Русской мысли» (ЦГАДИ, ф. 232, оп. 1, № 167, л. 1—2). В этом же письме Гуревич выразила надежду на продолжение сотрудничества с рекомендателем отвергнутого рассказа: «Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что и я, со своей стороны, твердо рассчитываю на большую Вашу повесть, которую Вы обещали представить в редакцию „Русской Мысли“ в непродолжительном времени <...>» (там же, л. 1).

⁴ Т. е. повести «Покойница в доме».

13

М. А. КУЗМИН — А. Л. ГАРЯЗИНУ

«Петербург.»

Многоуважаемый Александр Львович.

Если Вы не раздумали печатать меня, как раздумали лично видеть, будьте добры посмотреть присылаемый рассказ.¹ На днях соберусь к Вам. Покуда же жму Вашу руку и остаюсь со всяческим уважением.

М. Кузмин.

1 февраля 1914.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 266, оп. 5, № 44, л. 1. Адресат письма установлен нами по материалам фонда.

Александр Львович Гарязин (1867—?) — товарищ председателя Петербургского отделения Всероссийского национального союза, с июня 1913 по июнь 1914 гг. издатель «Нового журнала для всех».

¹ О каком рассказе идет речь, неизвестно. Произведения Кузмина на страницах «Нового журнала для всех» в период, когда изданием руководил А. Л. Гарязин, не появлялись.

М А КУЗМИН — А А ИЗМАЙЛОВУ

«Петроград.»

Многоуважаемый Александр Алексеевич,
 посылаю Вам стихи на Рождество,¹ вроде «Вертепских вирш».² Если
 во 2-ом куплете смутят «рубашечки», то можно или его пропустить,
 или из 1-го и 2-го сделать один:

Ангелы удивленные,
 Ризами убеленные,
 Над пещерою малою
 Розою алою
 Свивайте свой круг³

Мне бы хотелось, конечно, как написано. Это стихотворение взамен
 «Царьграда», который оплачен и не пойдет.⁴ Они приблизительно
 одной величины. Что же касается эпического в 100 строк, не знаю,
 что придумать короткого, но постараюсь. Покуда до свиданья.

Ваш преданный М. Кузмин.

9 декабря 1915.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф 115, оп 3, № 166, л. 8

Одно из девяти писем М А. Кузмина А А Измайлову, хранящихся в ИРЛИ.
 Все они делового характера, посвящены редакционным и издательским вопросам.
 Кроме печатаемого, имеются письма от 31 января, 19 марта, 5 апреля, 19 мая,
 30 августа, 3 ноября, 13 декабря 1915 г и от 3 января 1916 г.

Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921) — писатель, литературный кри-
 тик. С 1898 по 1916 гг заведовал литературно-критическим отделом газеты «Бирже-
 вые ведомости». Кузмин печатался в этом издании с 1912 г

¹ Стихотворение «Ангелы удивленные. ». Впервые опубликовано: Огонек. 1916
 № 52. С 3 Перепечатано (с неточной датой. «Рождество 1916»): Кузмин М. А. Со-
 брание стихов. [Т.] III С. 465—466. Публикуемое письмо позволяет датировать сти-
 хотворение не позднее 9 декабря 1915 г.

² Речь идет, скорее всего, о драматических сценах «Рождество Христово. Вертеп
 кукольный» (1912). См., в частности ЦГАЛИ, ф 232, оп 2, №№ 2, 3. Опубликовано:
Cheron George. Неизвестные тексты М. А. Кузмина // *Wiener Slavistischer
 Almanach*. 1984 Bd 14. S 389—394 О «музыкальном представлении» «Рождество
 Христово» в аргистическом кафе «Бродячая собака» в 1913 г *Парнис А. Е., Тимен-
 чих Р. Д* Программы «Бродячей собаки» С 203.

³ Первые две строфы на самом деле читаются так:

Ангелы удивленные,
Ризами убеленные,
Слетайтесь по-старому,
По-старому, по-бывалому
На вечный вертеп.

Божьи пташечки,
Райские рубашечки,
Над пещерою малою
Розою алою
Свивайте свой круг!

⁴ Стихотворение «Царьград» («Тройное имя носит город. .») не было напечатано в «Биржевых ведомостях» и так и осталось неопубликованным. Об этом произведении также идет речь в письмах Кузмина А. А. Измайлову от 19 марта 1915 г. (предположительно) и от 3 января 1916 г. (л. 3, 10). Приводим текст стихотворения по одному из сохранившихся автографов (ГПБ, ф. 474, альб. № 2, л. 9):

Тройное имя носит город,
Четвертое название — Рим.
Пусть сонный воздух пушкой вспорот,
Надеждой крестной мы горим!
И я бывал, друзья, в Стамбуле,
Покой прелестный полюбив,
В дали мои глаза тонули,
Где зыбит зелени залив.
Лишь ты одна, Ая София,
Гнала мечтательную лень,
Напоминая дни иные,
Особенно тот горький день ..
Трещат машины боевые,
Все ближе крик «Велик Аллах!...»
Предсмертно меркнут золотые
Орлы на царских сапогах
Служитель алтаря с Дарами
И клириков нестройный рой...
«Господь, о, смилуйся над нами!
Да не погибнет Рим второй!»
Султан, разгорячен от зною,
На столб, чтоб славу увенчать,
Окровавленной пятернею
Несмытую кладет печать.
Она не смыта, нет, о Турки,
Нагляднейшая из улук,
Что скоро из-под штукатурки
Нам засияет Спасов Лик.
И даже там, в раю, приснится,
О бедный византийский брат,
Что снова милая столица
Окрестится «Святой Царьград»!

Стихотворение можно датировать не позднее 19 марта 1915 г. (?).

С. А. СОРИН — М. А. КУЗМИНУ

«Петроград». 28-го августа 1916 г.

Дорогой Михаил Алексеевич.

Получил Ваше письмо.¹ Напрасно Вы думаете, что я привык писать «разных дам», у которых много свободного времени. Смею Вас уверить, что их столько же пишу, сколько всякий уважающий себя художник пишет только для заработка. У этих же «разных дам» психология такая, что если я плачу — могут позировать когда и как угодно, и позируют они совсем как Вы и не лучше. Хорошо позируют только люди, сердечно любящие искусство и ценящие чуткое серьезное отношение к делу. И потому я к Вам обратился. Я вообще думаю, что ценное в искусстве создается не как анекдот! Искусство действительно должно быть радостное, как Вы пишете, но отнюдь не легкомысленное.

К сожалению, как все привыкли к легкому искусству, но хорошо ли это — дело каждого из нас.

Во всяком случае считаю своим долгом выразить Вам искреннюю благодарность за труды и сожаление, что я совсем не в Вашем духе работаю и, следовательно, причинил Вам только неприятности.

Искренне преданный Вам С. Сорин.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 279, л. 5—6.

Одно из пяти писем художника Савелия Абрамовича Сорина (1878—1953) Кузмину. Все послания относятся к 1916 г. и по большей части посвящены работе над портретом поэта (л. 1—8).

Портрет Кузмина работы Сорина не обнаружен. На основании соринских писем можно заключить, что художник провел ряд сеансов и нечто в изобразительной манере портретиста не удовлетворило поэта. Скорее всего, работа над портретом была прервана. В последнем по времени письме от 23 ноября 1916 г. Сорин сообщает: «Через неделю мне нужно отослать портрет. Если поскорей не можете, тогда надолго отложим» (л. 2).

¹ Это письмо неизвестно.

М А КУЗМИН — В А СУТУГИНОЙ

«Петроград. Не позднее 6 февраля 1919 г.»

Многоуважаемая Вера Александровна,

все продолжающееся нездоровье заставляет меня, к несчастью, снова обращаться к Вам непосредственно и докучать просьбой. Вот в чем дело. Так как Александр Николаевич¹ изъявил желание, чтобы я скорей сдавал предисловия к отдельным книгам Франса, я посылаю таковые к «Восстанию ангелов» (редактирован и *сдан*) и к «7 женам Синей бороды», которые пойдут в одном IX-ом томе и редакцию которых я сдам начиная с пятницы.² Из прилагаемого списка (просьба передать Александру Николаевичу) видно, как окончательно распределен материал при девяти томах в 20 листов каждый в приблизительно хронологическом порядке.

Теперь вот что. Не может ли какая-нибудь из Ваших барышень до Алекс^{сандра} Ник^{олаевича} переписать эти очень короткие вступления (оба не более, я думаю, 1/2 листа), а тот не будет ли так великодушен просмотреть их минут в 10 и утвердить. Юр^{кий} Ив^{анович} Юр^{кун}³ зайдет позднее и возьмет денежки, которые мне до крайности нужны.

Сколько за переписку придется, оставить тотчас же, не отходя от кассы.

Посылаю статью П. Губера.⁴ Она *ни в каком случае* не подходит, несмотря на известную осведомленность и бойкость мысли. Я даже удивляюсь, как ему пришло в голову предложить такую статью для издания сочинений Франса.⁵ Для этого нужно обладать большой дозой несообразительности или беззастенчивости. Это — мой официальный отзыв, сам же я просто возмущен наглостью тона и бестактностью предложения такой «характеристики».

Очень надеюсь видеть Вас в пятницу, и Тамару Мих^{айловну} в субботу,⁶ если опять не заболею. А покуда, если возможно, исполните мои нижайшие просьбы. Если есть порученья, можно и прислать с Юр^{кием} Ив^{ановичем} в случае спешности. Еще лежит для

меня переводы Мандельштама «Преступления» Сильвестра Бонна-
ра»⁷ и, кажется, что-то из Бальзака. Пожалуйста, не сердитесь и
отяготитесь этими скучными хлопотами.

Преданный М. Кузмин.

Окончательный список девяти томов А. Франса
по 20 листов каждый.

I.	Статья. Преступление Сильвестра Бонна- ра Книга моего друга ⁺ (старый перевод)	} (переводы И. Мандель- штама) (19 л.)
II.	Таис (старый перевод) ⁺ Мнения Жерома Куаньяра	} 17 л.
III.	Харчевня королевы Пэдок (М. Куз- мин) Сад Эпикура (старый перевод)	} 18 л.
IV.	Красная лилия (М. Кузмин) Колодец Св. Клары (старый перевод)	} 20 л.
V.	Аметистовый перстень Господин Бержере в Париже	} 20 л. } (переводы А. Тайкеви- ча)
VI.	Остров Пингвинов ^{от}	16 л.
VII.	На белом камне (перевод Тумповской) ⁸ Клио	} 17 л.
VIII.	Боги жаждут ⁺ Кренкебель	} 17 л.
IX.	Восстание ангелов ^{то} Семь жен Синея бороды ^о	} 18 л.

(крестик — сданный редактированный перевод,
крюжок — сданное вступление к отдельным книгам).

Печатается по автографу: ИРЛИ, р. 1, оп. 27, № 207, л. 1—3. В верхнем правом углу (л. 1) штамп (основание датировки): «Издательство „Всемирная литература“». 6 ФЕВ«раля» 1919. «№» 41». На л. 2 об. рукой Кузмина помета: «Вере Александровне Сутугиной».

Вера Александровна Сутугина (в замужестве Кюнер; 1892—1969) — технический сотрудник, затем секретарь издательства «Всемирная литература». Подробнее см.: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 72—75. Кроме того, биография Сутугиной освещена в комментарии В. Троицкого к публикации «Краткой истории всемирной литературы от основания до сего дня» Е. И. Замятина, см.: *Замятин Евгений.* Соч. [München], 1986. Т. 3. С. 333.

Публикуемое письмо относится к периоду подготовки «Избранных сочинений» А. Франса в издательстве «Всемирная литература». Издание редактировал Кузмин. Вышли в свет тома 6, 9 и 8 этого собрания (1919—1922). Появление томов 6 («Остров Пингвинов» с предисловием Кузмина) и 9 («Восстание ангелов» и «Чудесные рассказы» с предисловиями Кузмина) «Избранных сочинений» Франса было отмечено рецензиями в петроградской газете «Жизнь искусства». См.: *С. Ш. [Штрайх С. Я.]* «Остров Пингвинов» // Жизнь искусства. 1919. № 199—200. 26—27 июля; [Без подписи]. *Рец.* Анатоль Франс. Собр. соч. Т. 9 // Там же. № 504. 15 июля.

Кузмин всегда испытывал особую любовь к прозе Франса (1844—1924) и соотносил его творческие принципы с собственной эстетикой. Ср.: «Лучшая проба таланта писателя — писать ни о чем, что так умеет Ан. Франс, величайший художник наших дней, недостаточно оцененный за чистоту своего искусства» (*Петр Отшельник [Кузмин М.]*. Раздумья и недоумения Петра Отшельника // Петроградские вечера. [Пг., 1914]. Кн. 3. С. 215—216). Ср. также позднейшую статью Кузмина «Анатоль Франс» (Россия. 1925. № 4. С. 281—286).

Письма В. А. Сутугиной Кузмину 1921—1929 гг. см.: ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1. № 393, л. 1—5. Более ранние письма, относящиеся к периоду работы в редакции «Всемирной литературы», см.: там же, № 1, л. 7—9.

¹ Александр Николаевич Тихонов (псевдоним — А. Серебров, 1880—1956) — писатель, заведующий издательством «Всемирная литература».

² Т. е. 7 февраля 1919 г. См. предисловия М. Кузмина в кн.: Избр. соч. *Анатоль Франса*. Пб.: «Всемирная литература», 1919 (на обл. — 1920). Т. 9. «Восстание ангелов». Повести и рассказы. С. 7—11, 219—221.

³ О нем см. примеч. 3 к письму № 12.

⁴ Петр Константинович Губер (1886—1941) — писатель, литературовед.

⁵ По всей вероятности, эта «статья» была напечатана отдельным изданием (или послужила основой для него); см.: *Губер П. К.* Анатоль Франс. Критико-биографический этюд. Пб.: «Полярная звезда», 1922.

⁶ Т. е. 7 и 8 февраля 1919 г. соответственно. Речь идет о Т. М. Персиц (?—1955), основательнице издательства «Странствующий энтузиаст» (выпустившего в 1919 г. кузминскую повесть «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»), знакомой О. А. Глебовой-Судейкиной, А. Д. Радловой и Кузмина. Ср. свидетельство И. В. Одоевцевой, относящееся к 1921 г.: «Чаще всего он (Кузмин.— А Т.) вспоминает Тамару Карсавину и Тамару Персиц. Об этих двух Тамарах, одинаково им любимых, он может рассказывать часами» (*Одоевцева Ирина.* На берегах Невы. М., 1988. С. 288). Ср. стихотворение Кузмина «Поручение» в сборнике «Параболы» (Пб.; Берлин, 1923. С. 73—74).

⁷ Имеется в виду переводчик Исая Бенедиктович Мандельштам (1885—1954; см. «Окончательный список...»). Письма И. Б. Мандельштама Кузмину 1920-х годов хранятся в ЦГАЛИ (ф. 232, оп. 1, № 286; оп. 2, № 24).

⁸ Этот перевод был опубликован позднее (М.; Л., 1926). По словам переводчицы, значительная часть работы была выполнена по ее просьбе Т. Ф. Скрыбиной (1883—1922), вдовой композитора (см. письмо М. Тумповской Кузмину начала 1920-х годов: ЦГАЛИ (С.-Петербург), ф. 437, № 137, л. 2).

17

М. А. КУЗМИН — М. Д. ТУШИНСКОМУ

«Ленинград.»

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич,

Простите, что я отнимаю у Вас время, но отчасти Вы сами виноваты в этом, избаловав своим вниманием во время моей госпитализации.¹ У меня к Вам больше, чем просьба: не возьмете ли Вы сами меня под надзор. Я знаю, что для этого вовсе не требуется ни Вашего знания, ни Вашего положения, тут достаточен был бы рядовой доктор, но для лечения требуются какие-то предпосылки и от пациента: какой-то контакт, полнейшее доверие и послушание, при уверенности, что не потребуются абстрактно полезных, но жизненно (в данной жизни) неисполнимых вещей. Таковы мои отношения к Вам. Если бы Вы согласились на надзор, лечение мне представлялось бы одной из приятностей жизни.

Я слышал, что Вы заняты сверх меры, но, может быть, как-нибудь выкроете для меня несколько минут в месяц. Пожалуйста.

Не забудьте, что я человек до известной степени свободный и всякие внешние условия будут зависеть всецело от Вас.

Подумайте, Михаил Дмитриевич, и согласитесь. Я позвоню Вам дня через 3 (числа 9-10), Мой же телефон: Ж (или Некрасовская), 269-07, а адрес: ул. Рылеева, д. 17, кв. 9.

Пожалуйста, Михаил Дмитриевич, согласитесь на мою просьбу.

Искренне благодарный Вам
М. Кузмин.

6 марта 1934.

Печатается по автографу: ИРЛИ, р. 1, оп. 27, № 292, л. 1. Обращено к врачу, заведующему одной из кафедр I Ленинградского медицинского института профессору М. Д. Тушинскому (1882—1962), о котором, в частности, см.: Научные работники Ленинграда с приложением перечня научных учреждений Ленинграда А, 1934 С. 362; Биографический словарь профессоров I-го Ленинградского бывшего Женского Медицинского института им. акад. И. П. Павлова за 50 лет 1897—1947 А, 1947 С. 123; Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1985 Т. 25. С. 474—475. О состоянии здоровья Кузмина в 1930-е гг. см.: *Malmstad John E. Mikhail Kuzmin. a Chronicle of His Life and Times.* P. 306—307. Письмо Кузмина к М. Д. Тушинскому от 31 января 1936 г. было напечатано Ж. Шероном, см. Новый журнал 1991 № 183. С. 362.

¹ Уточнить сроки и причину госпитализации Кузмина не удалось.

ПЕРЕПИСКА ВЯЧ. ИВАНОВА С С. А. ВЕНГЕРОВЫМ

Публикация О. А. Кузнецовой

Участие Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949) в ряде изданий, предпринятых историком русской литературы С. А. Венгеровым (1855—1920) в 1900—1910-е годы, нельзя назвать особенно активным. Хотя он и с готовностью откликнулся на предложение перевести несколько стихотворений и поэму «Остров» для издания Байрона в серии «Библиотека великих писателей», но уже в первой совместной работе выявились некоторые различия взглядов редактора и переводчика на проблему перевода, а также намерения Иванова упорно отстаивать свою позицию. Кроме того, Венгеров часто бывал недоволен и несвоевременно поступавшей от его корреспондента работой. Вероятно, поэтому в последующих историко-литературных начинаниях Венгерова доля участия Иванова невелика: ему принадлежат статья «О „Цыганах“» для издания сочинений Пушкина, очерки творчества Ю. К. Балтрушайтиса и Поликсены Соловьевой (*Allegro*) для «Русской литературы XX века».¹

По просьбе Венгерова Вяч. Иванов написал две автобиографии — в 1904 и в 1917 гг.,² по его же инициативе стал членом образованного весной 1905 г. «союза писателей».

Переписка Вяч. Иванова и Венгерова охватывает период с 1904 по 1918 г. Первые письма обоих адресатов не сохранились. Возможно, что для

¹ Иванов Вяч. 1) О «Цыганах» // *Пушкин*. [Соч.]. СПб. 1908. Т. 2. С. 225—240; 2) Балтрушайтис как лирический поэт // *Русская литература XX века (1890—1910)*. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. С. 301—311; 3) Поликсена Соловьева (*Allegro*) в песне и думе // Там же. М., 1916, Т. 3. С. 172—184.

² «Автобиографическое письмо» Вяч. Иванова к С. А. Венгерову // *Русская литература XX века*. Т. 3. С. 81—96. Черновой вариант письма с незначительными разночтениями см.: ИРЛИ, ф. 607, № 119.

переводов Байрона Иванова порекомендовал Валерий Брюсов, познакомившийся с автором «Кормчих звезд» в апреле 1903 г. в Париже. 21 мая 1904 г. Венгеров обратился к Брюсову с просьбой: «Не будете ли любезны сообщить мне, где находится теперь Вячеслав Петрович *<sic!>* Иванов. Жду от него несколько маленьких пьесок Байрона, непосредственно следующих за „Одою Бонапарту“. Писал ему по адресу „Скорпиона“, да никакого ответа не получил. Если он уехал за границу, то, может быть, Вам известен его адрес». ³ Венгеров высоко оценил работу Вяч. Иванова-переводчика. Месяц спустя, 23 июля 1904 г., он писал Брюсову, что переведенные им и Ивановым произведения «непреренно будут занимать одно из первых мест в издании», так как в них «чувствуется проникновение подлинником и старательная работа». ⁴

Редактор байроновского издания допускал некоторые вольности в переводах, но лишь при условии, что сохраняются «общий смысл» и «общий колорит» оригинала, и в то же время решительно противился «смелым нововведениям» и «красочной отсебятине», считая, что нельзя сочинять за Байрона слишком яркие образы. ⁵

В переписке Венгерова с переводчиками неоднократно обсуждалась проблема архаизмов: насколько «архаичным» должен быть язык переводов, чтобы он адекватно передавал подлинник, написанный столетие назад, и в то же время был понятен современному читателю. 24 мая 1907 г. Брюсов сообщал редактору: «В языке я старался быть не слишком современным; в первоначальной редакции моего перевода были такие слова, как „злата“, „брег“, „волить“, теперь я их устранил, хотя остались „мнить“, „багрить“, „лестно ль?“ и т. д. Идеалом было бы переводить Байрона языком пушкинского времени, но это не так легко». ⁶ Другого переводчика — А. Блока Венгеров сам предостерегал от излишней архаизации языка. Указывая на

³ ИРЛИ, ф. 444, № 51, л. 25—26.

⁴ Там же, л. 27.

⁵ См. письма Венгерова к Брюсову от 21 апреля и 2 июля 1904 г. (ИРЛИ, ф. 444, № 51, л. 22, 30) и письмо к Вяч. Иванову 25 мая 1904 г. В ответ на одно из таких замечаний Брюсов писал: «Я не вполне согласен с Вашим мнением, что такие прибавки недопустимы в переводе. Перевод слишком часто принужден обесцвечивать подлинник, и „красочность отсебятины“ переводчика несколько вознаграждает читателя; необходимо только, чтобы они были в духе и стиле оригинала. <...> Но я вполне согласен, что принципы „как“ переводить должны устанавливать Вы — редактор всего издания. И я всячески старался придерживаться Ваших взглядов на дело переводчика» (цит. по: *Соколов Н. В. Я. Брюсов как переводчик. Из писем поэта // Мастерство перевода. М., 1959. С. 378*).

⁶ Цит. по: *Соколов Н. В. Я. Брюсов как переводчик. С. 375*.

неудачное, с его точки зрения, словосочетание «падения на краю» в блоковском переводе стихотворения Байрона «Любовь и смерть», он писал: «Этот архаизм в стиле Вячеслава Ивановича больно далеко уж нас отбрасывает. Если не к самому Тредьяковскому, то довольно близко от него».⁷ Но особенно остро этот вопрос встал на страницах писем Венгерова и Вяч. Иванова. Последний считал, что в переводах Байрона архаизмы необходимы и для того, чтобы передать исторический колорит современника В. А. Жуковского, и чтобы сохранить особенности языка английского поэта, «употреблявшего много поэтических архаизмов». Хотя поначалу речь шла исключительно о переводах, Вяч. Иванов скоро почувствовал, что эта проблема затрагивает и его оригинальную лирику, изобиловавшую архаизмами. Вот почему замечание относительно уместности архаизмов, оставленное кем-то на полях корректуры «Острова», было воспринято переводчиком очень лично. В ответ на него, в письме от 8 октября 1905 г. Иванов теоретически обосновывает свои «художественные намерения», «методы их осуществления» и указывает на истоки своего поэтического языка.

Это письмо вместе с ранее посланной автобиографией Венгеров использовал в словарной статье «Иванов», написанной для второго дополнительно тома «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Не разделяя взглядов Вяч. Иванова на искусство, он попытался изложить их суть и оценить творчество поэта в соответствии с его эстетическими принципами. «„Трудность“ понимания, — писал он о поэзии Иванова, — обусловлена не недостатком таланта, как думают многие критики <...>. В действительности как „трудность“, так и своеобразная внешняя форма поэзии И<ванова> — только результаты определенной теории. <...> Наиболее бросающимся в глаза свойством поэзии И<ванова> является та необыкновенно тяжелая форма, в которую он облакает свою жреческую, или, по его терминологии, „гиератическую“, символику. И<ванов> <...> усвоил себе крайне неуклюжий архаически-«русский» слог и целыми десятками создает неологизмы в славяно-русском стиле, вроде: „среброзарность“, „снеговерхий“, „светорунный“, „светозрачный“ и т. д. Рядом с этим он воскрешает десятки давно забытых старых слов и славянизмов вроде: „облак“, „ветр“, „дхнуть“, „упряг“, „сулица“, „лёт“, „рык“, „стремь“, „кипь“, „сткло“, „ветвие“, „пря“, „вони древес“ <...> и т. д.»⁸

⁷ Из неопубликованных писем А. Блока к С. А. Венгерову. Публикация Н. Т. Панченко // Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 336.

⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1905. Т. 2, дополн. С. 807.

В статье «Настроение поэмы „Остров“», написанной для венгеровского издания собрания сочинений Байрона, Вяч. Иванов ставит вопрос: что есть свобода в понимании английского поэта?

В поэме речь идет о мятеже, поднятом матросами на корабле. «Пожелав иной воли, чем та, какую знает гражданственность», мятежники поселяются на одном из островов тихоокеанского архипелага среди «океанских дикарей», «где царствует золотой век, не знающий золота». Проблематику поэмы Вяч. Иванов видит в «возможности примирения личной воли и воли соборной в торжестве безвластия или безначалия» и в «синтезе обоих начал — личного и соборного — в общине анархической».⁹ Свои размышления на эту тему Вяч. Иванов продолжил уже на материале поэмы «Цыганы» в статье, предназначенной для венгеровского издания Пушкина. «Идеальную общину идеальных пушкинских „Цыган“» он также склонен рассматривать как «анархический союз, проникнутый одним высшим сознанием, одною верховной идеей», благодаря чему «осуществляется в ней истинная воляность».¹⁰ Обе эти статьи (под измененными заглавиями) позже составили второй раздел книги Вяч. Иванова «По звездам» (СПб., 1909).¹¹ Осмысление произведений Байрона и Пушкина в свете идей свободы, соборности и индивидуализма отчасти было связано с воодушевлявшей Вяч. Иванова в это время теорией мистического анархизма.¹²

Такого рода «философствование о путях свободы» Венгеров не склонен был рассматривать всерьез. «О мистическом анархизме, — заметил он в этюде «Победители или побежденные», — трудно говорить без улыбки. Это нечто вроде нестреляющего пистолета или, того вернес, кондитерского пистолета из шоколада. Но все-таки очень знаменательно самое желание именовать страшным словом».¹³ Он обратил внимание и на противоречие между задачами, поставленными Ивановым перед искусством, и путями их

⁹ Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909. С. 128-129.

¹⁰ Там же. С. 184-185.

¹¹ В сборнике статьи получили соответственно названия «Байрон и идея анархии» и «О „Цыганах“ Пушкина».

¹² См.: Иванов Вяч. Идея неприятия мира и мистический анархизм // Чулков Г. О мистическом анархизме. СПб., 1906. С. 5-23. С. М. Бонди как на один из недостатков статьи Вяч. Иванова «О „Цыганах“», чрезвычайно высоко им оцененной, указал на «стремление представить Пушкина выразителем идей, близких самому автору статьи» (Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978. С. 55).

¹³ Венгеров С. А. Основные черты истории новейшей русской литературы. СПб., 1909. С. 46. Ср.: «...его (Вяч. Иванова. — О. К.) „неприятие мира“ отзывается маниловщиной» (Там же. С. 80).

достижения: «Мечтая о всенародном искусстве, он вместе с тем смотрит на поэзию как на нечто такое, что не может и не должно быть доступно толпе». ¹⁴ Основное значение «темной» лирики Вяч. Иванова критик усматривал лишь в том, что она «представит своеобразный интерес большой духовной работы, проникнутой вдумчивым стремлением осветить основные вопросы бытия». ¹⁵ Познакомившись с этюдом Венгерова, Брюсов писал ему: «Не согласен особенно с Вашей характеристикой Вяч. Иванова (на мой взгляд, Вы его, так сказать, «не дооценили»)». ¹⁶ «Что же касается Вяч. Иванова,— ответил Венгеров,— то при немалом все-таки навыке улавливать характерные черты литературной физиономии писателей, я ничего не мог поделывать. И думаю, что это не моя вина. Я уже хотел даже прибегнуть к такому способу — процитировать что-нибудь из характеристик друзей Вяч. Иванова — Полякова и Блока. И все-таки ничего не вышло: совершенно очевидно, что и они не уясняют себе сколько-нибудь определенно контуры литературной личности Вяч. Иванова и просто отписываются и не характеризуют». ¹⁷

В дальнейшем взгляд историка русской литературы на поэзию Вяч. Иванова не претерпел значительных изменений, она по-прежнему казалась Венгеру книжной, оторванной от жизни и воспринималась как «эллинизирующее и вообще экзотическое гелертерство». ¹⁸

В фонде Венгерова (ИРЛИ, ф. 377) хранятся 26 писем Вяч. Иванова (1904—1916); часть писем Венгерова (1904—1918) находится в ГБЛ (ф. 109, карт. 14, № 45); несохранившиеся письма приводятся по отпускам в копировальных книгах Венгерова (ИРЛИ, ф. 377). Письма по автографам ИРЛИ печатаются без указания шифра, для писем, хранящихся в ГБЛ, шифр приводится. Для публикации отобрано 13 наиболее интересных писем Вяч. Иванова и 6 писем его корреспондента. Опущены письма делового характера.

¹⁴ Там же. С. 79.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ В. Я. Брюсов в работе над Пушкиным. Публикация Н. А. Степанова // Литературный архив. М.; Л., 1938. С. 331 (Брюсов познакомился с этюдом Венгерова по газетной публикации: Русские ведомости. 1908. № 242, 246, 247).

¹⁷ См. письмо Венгерова к Брюсову от 2 декабря 1908 г.: ИРЛИ, ф. 444, № 52, л. 69—70. В ответ на это письмо 4 декабря 1908 г. Брюсов писал: «О Вяч. Иванове все же останусь при своем мнении. Постараюсь защитить его когда-нибудь в обстоятельной статье» (В. Я. Брюсов в работе над Пушкиным. С. 331).

¹⁸ Русская литература XX века. Т. 1. С. 5.

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

Никитские ворота, по Тверскому бульвару №№ Троицкой.¹
22 мая 1904.

Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

Посылаю Вам пока только три перевода лирических стихотворений.² Простите великодушно неисправность: к сроку, кажется, не опоздал, но не известил Вас вовремя, как было условлено, о том, что пришлю их. «Farewell, if ever...»^а также переведено и будет на днях доставлено. Хотелось бы перевести «Julian, a fragment»; но в моем издании нет текста. Если бы Вы могли прислать список!. Надеюсь перевести и еще что-нибудь из указанных Вами пьес. Относительно «Island» мы ведь условились. «The lege of bronza» я перевести *готов*. «Остров» требуется через 6 месяцев, а «Бронзовый век»?.. Согласитесь на маленькую отсрочку, тогда работаешь вернее, увереннее. Прилагаю письмо Ю. Балтрушайтиса, который берется за «Vision of judgement».^б³ Валерий Брюсов (не расстающийся с миниатюрным изданием Байрона, сопровождающим его повсюду в кармане) *перевел* оду «Наполеон»; но, желая непременно отделать ее как следует, — еще не посылает Вам, скоро придет. Некоторые строфы, кажется, блистательны. Жду от Вас отзыва. Прошу передать мой сердечный поклон Зинаиде Афанасьевне⁴ и верить в истинное уважение и преданность.

Ваш Вяч. Иванов.

P.S. находясь еще в Москве, не посылает Вам пока Вашего Байрона. Он мне нужен.

P.S. Будьте добры, многоуважаемый Семен Афанасьевич, не отказать мне в высылке одной корректуры (villa Java, Châtelaine, près Genève — M-g Venceslas Ivanov), которую возвращу немедленно.

Мой литературный nom de guerre:^в Вячеслав Иванов (полным именем), или хоть Вяч. Иванов (где нельзя дать полного имени).

Кланяюсь глубокоуважаемой Зинаиде Афанасьевне и прошу ее передать в Париже — если З. А. туда едет — мой привет Апостолам⁵ и Madame Petit.⁶

Ваш Вяч. Ив.

^а Буквально: «Прощай, даже если...» (англ.); в переводе Вяч. Иванова: «Прости, когда...».

^б «Видение страшного суда» (англ.).

^в псевдоним (франц.).

¹ Весной 1904 г. Вяч. Иванов приезжал в Москву и останавливался в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. Под московским адресом рукой С. А. Венгерова записан заграничный адрес Вяч. Иванова.

² Автографы пяти из семи переведенных Вяч. Ивановым стихотворений Байрона хранятся в ИРЛИ (ф. 607, № 357).

³ В письме от 18 мая 1904 г., переданном Вяч. Ивановым, Ю. К. Балтрушайтис писал: «Вяч. Иванов сообщил мне, что Вы ищете переводчика для байроновской поэмы-сатиры „Видение суда“. Ввиду этого я мог бы взять эту работу на себя» (ИРЛИ, ф. 377).

⁴ З. А. Венгерова (1867—1941) — сестра С. А. Венгерова, критик, историк литературы, переводчица.

⁵ Имеются в виду Павел Николаевич и Ольга Николаевна Апостолы (о них см.: Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965. С. 150—151).

⁶ В Париже З. А. Венгерова останавливалась у Балаховской-Пти (m-me Bala-chovskyy-Petit).

2

С. А. ВЕНГЕРОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

25-го мая <190>4.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Очень вам благодарен за доставленные переводы. А то я уже начинал побаиваться, не сбежали ли Вы за границу, забыв о своем обещании. Переводы в общем, по-моему, удачны. В одно и то же время передан общий колорит подлинника и ярко выражена индивидуальность переводчика. Правда, не мало пушено отсебятины. В подлиннике в «When we two parter»^a (кстати, как? Вы думаете это перевести. — «Разлука», что ли?) — нет «убийственного зова», нет «падение, позор», нет и «раны». Предоставляю вполне на Ваше усмотрение и окончательное решение, но «память мстит» как-нибудь уладьте.¹

При сем препровождаю список «Julian'a».

Очень рад записать за Вами просьбу «Острова» и «Бронзовый век». Могу прибавить на него месяца два. Но это уже самый крайний срок. Если, приступивши к «Острову», Вы увидите, что дело не особенно ладится и у вас для «Бронзового века» не хватит настроения, тогда не забудьте заблаговременно известите.

Попросил бы я Вас также присылать мне перевод «Острова» частями, хочу иметь уверенность, что дело налажено.

Прошу передать мой поклон супруге Вашей.² Сердечно кланяется Вам Зинаида Афанасьевна.

С истинным уважением С. А. Венгеров.

^a Буквально: «Когда мы двое разлучаемся» (англ.)

¹ Вяч. Иванов сохранил перевод заглавия — «Разлука», а в тексте стихотворения — выражения «убийственный зов» и «падение, позор»; два же последних замечания — относительно «раны» и «память мстит» — были им учтены.

² Вторая жена Вяч. Иванова — писательница символистской ориентации Л. Д. Зиновьева (в первом браке — Шварсалон; литературный псевдоним — Зиновьева-Аннибал, 1866—1907).

3

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

Москва. 4 июня 1904.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Посылаю еще три стихотворения и два прежних в исправленном виде. Благодарю Вас за письма и ценные указания. Относительно некоторых пунктов позвольте защититься. Перемена метра в 1-й и 4-ой строфе стихотворения «Разлука» не произвольна, но точно соответствует перелому размера в подлиннике:

Pale grew thy cheek and cold...

Бледный, как снег, твой лик...

In secret we met...

Нас тайна свела...

Вводный анапест в стихе «Поцелуй холодней» (срв: Colder thy kiss), ритмически допустимый как «анакруза», находит, кроме того, аналогию в стихе: «That thy heart could forget»^a (УУ^с ...). Архаизмы — охотно признаю — вообще нежелательны. Но колорит все же будет неверен, если мы будем переводить стихотворения второго десятилетия XIX в. на наш язык конца того же века: так ощутима разница, отделяющая нас от эпохи Жуковского. Да и Байрон притом употребляет много поэтических архаизмов на своем языке; мною переведенные стихи по крайней мере ими изобилуют. Вот и слово «улыбчивый» у меня — ведь слово Баратынского.¹ Тем не менее, сам предпочитаю следующее разночтение в моем переводе романа «There's not a joy the world can give»:⁶

*Играет ли речистый ум,
Из уст лиась рекой...²*

И тогда в предыдущем стихе прошу Вас заменить слово «лучится» словом «блистает». «Вестил» в «Разлуке» я заменил посредством «сулил».

^a Буквально: «Что твое сердце могло забыть» (англ.); в переводе Вяч. Иванова: «Что забыть ты могла».

⁶ Буквально: «Нет радости, которую может дать мир» (англ.); в переводе Вяч. Иванова: «Какая радость заменить былое светлых чар...».

Ваше общее одобрение меня радует и бодрит. Благодарю Вас от души. Очень благодарен также за доставление копии «Julian'a».³ Я непременно постараюсь его переделать. «Остров» буду присылать частями. Что предисловие к нему напишется, очень надеюсь, потому что взятый мной перевод Ницше⁴ расрочен на большой срок. Еду в Женеву 9 или 10 июня и перед отъездом вышлю Вам Ваш том Байрона.

С искренною преданностью и глубоким уважением Вяч. Иванов.

¹ Ср. у Е. А. Баратынского: «И зачем не предадимся Снам улыбчивым своим?» («Последний поэт», 1835).

² Венгеров оставил вариант: «Сверкает ли речистый ум Улыбчивой рекой».

³ Список «Юлиана» и перевода Вяч. Иванова см.: ИРЛИ, ф. 607, № 118, л. 1—6.

⁴ Издательство «Скорпион» предложило Вяч. Иванову для полного собрания сочинений Ф. Ницше перевести «Рождение трагедии из духа музыки». Издание не было осуществлено, см. письмо Вяч. Иванова к В. Брюсову от 25 декабря / 7 января 1904 г.: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 445.

4

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

«Шатлен близ Женевы».
Понедельник, 8 VIII / 26 VII <1904>.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Вот «Юлиан». Еще раз простите промедление.¹ Текст, вероятно найденный в бумагах Байрона незаконченным, местами темен, например: «Alas, the sound — he sunk into Despair»^a или «All sunless on that solitary Isle...».⁶ Поэтому кое-где перевод приближен. Тон же, я надеюсь, верен. «Остров» буду высылать частями.

С истинным уважением

Ваш Вяч. Иванов.

Еще раз молю о корректуре.²

¹ 19 мая 1904 г. Венгеров напоминал: «Наступил последний срок для „Juliana“». 24 июля / 6 августа 1904 г. Вяч. Иванов ответил: «„Julian“ начат. Работал сегодня над ним».

² В ответ на это письмо 30 июля / 12 августа Венгеров выслал корректуру четырех переведенных Ивановым стихотворений.

^a Буквально: «Увы, звук — он растворился в Безнадежности» (англ.); в переводе Вяч. Иванова: «Увы! чрез миг иные голоса В душе начальный возмутили мир».

⁶ Буквально: «Все лишено солнца на этом уединенном острове» (англ.); в переводе Вяч. Иванова: «...только вереск чахлый ник».

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

28 сент«ября» <19>04.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Как ни жаль и ни стыдно мне сказать Вам это, — все же я должен признать, что обязательство перевести «Остров» тяготит меня. Не рассчитал я всей суммы неотложных дел, которые должно мне закончить. Прошу у Вас прощения и разрешения, если последнее возможно. Если же это ставит Вас в крайнее затруднение, не разрешайте меня, но уже не торопите слишком: дайте хотя бы отсрочку — с сего дня на три месяца, как *maximum*. И то потребует большого напряжения ввиду массы работы, которую необходимо в это же время исполнить.¹

У нас в семье случилось большое событие, влияющее на все наши планы: отец жены, живший с нами, и для которого мы жили в Женеве, скончался.² Таким образом, последнее время, между прочим, отнято было и у работы.

С истинным уважением

Ваш Вяч. Иванов.

¹ 12/25 октября 1904 г. С. А. Венгеров ответил: «Заводить новые переговоры мне теперь <...> крайне неудобно. Но до января я вам могу дать отсрочку. А для „Бронзового века“, относительно которого у нас с Вами велись переговоры, уже подыщу другого». Перевод «Бронзового века» был выполнен Ю. К. Балтрушайтисом, см.: *Байрон*. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 3. С. 150—159.

² Дмитрий Васильевич Зиновьев (1822—1904) скончался 14 сентября 1904 г. в Женеве, похоронен в имении Копорье (ныне Ленинградской обл.) 27 сентября; см.: *Новое время*. 1904. № 10 260 и 10 262.

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

Châtelaine, près Genève.

14/27 декабря 1904.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Благодарю Вас за любезное внимание к моей скромной литературной деятельности,¹ давность которой я определяю всего в два года.² Написать прилагаемую автобиографическую заметку было для меня весьма трудно: не было под рукой Вашего Словаря,³ где бы я мог найти образцы подходящих к моему случаю автобиографических отчетов. Хотелось обстоятельно и связно ответить на поставлен-

ные вопросы, а вместе страшно было сказать что-нибудь лишнее. В написанном обращаюсь, так сказать, к Вам со своим рассказом: Вы воспользуетесь им, поскольку сочтете это уместным. Неприятно было также говорить о том, чего еще *нет*, в смысле совершившегося литературного факта, — и все же необходимо: сюда отношу, прежде всего, свою латинскую диссертацию, все еще погребенную в бумагах Берлинского университета, а речь об ней в научной литературе, однако, уже была. Одним словом, предоставляю в *Ваши* распоряжение необходимый *материал*.

Как только закончу вторую песнь «Острова», часть которой уже переведена, — немедленно вышлю. Получили ли Вы первую песнь, отосланную Вам неделю тому назад? — Эта работа в самом деле увлекла меня!

Желаю Вам и Зинаиде Афанасьевне счастливого нового года. В непродолжительном времени имею надежду с Вами увидеться.

С истинным уважением

Ваш Вяч. Иванов.

P.S. Только что получил чек на 169 фр<анков> 80 цент<ов> (сто шестьдесят девять франков).⁴ Очень благодарю. Вяч. Иванов.

Я родился в Москве 16 февраля 1866 года. Отец мой,⁵ человек мыслящий и уединенный, должен был вначале служить землемером, а под конец жизни чиновником московской Контрольной палаты. Он умер, когда мне было пять лет. С тех пор до моего отъезда за границу я жил вдвоем с матерью (рожд. Преображенской),⁶ которая рано стала мне другом. Она была женщина самобытная, пронизательного ума и живого воображения, одаренная чувством изящного, особенно в музыке и слове, и глубоким мистическим чувством. Я учился в московской первой гимназии в пору большого брожения молодых умов, разделившихся в 1881 года между реакцией и крайними взглядами.⁷ По окончании среднего курса с золотой медалью, я был два года (1884—1886) студентом московского историко-филологического факультета, где получил премию за успехи в древних языках, хотя занимался почти исключительно историей. Перейдя на третий курс, я вышел из университета и уехал в Германию, уступая неодолимому влечению покинуть Россию, где — как мне казалось в этот период Sturm-und-Drang'a моей жизни — я задыхался. Девять семестров (с осени 1886 до весны 1890 г.) продолжалось мое студенчество в Берлине. Здесь, после блужданий в области вопросов средневековой хозяйственности и учреждений, я, по совету проф. П. Г. Виноградова,⁸ сосредоточился наконец на историческом и филологическом изучении Рима. Моими главными учи-

телями были О. Гиршфельд⁹ и Моммзен.¹⁰ После почти годового пребывания в Париже, я — с весны 1891 года — надолго поселился в Риме и там написал диссертацию «De societatibus vectigalium publicorum populi Romani». Я пытался в этой работе дать как историческое описание, так и юридическую теорию организации акционерных обществ римских податных откупщиков и приходил к основному выводу о необходимости различения между *societas vectigalium* с характером коллегий и юридического лица, в смысле полуправительственного учреждения, раз навсегда законом конституированного для каждой отдельной провинции, и промышленной *societas*, заключавшейся на срок откупа, так что совокупность обществ этого типа в каждой провинции составляла в лице своих полных членов наличность законных *socii*-общества-коллегий. 1 января 1896 г. проф. Гиршфельд извещал меня, уже в Париже, что в философском факультете Берлинского университета диссертация заслужила «очень благоприятную» письменную оценку Моммзена. Вопреки указанию в книге И. М. Гревса («Очерки из истории римского землевладения», т. 1. СПб., 1899, стр. 258, примечание 4 и стр. 645), перешедшему в русский «Энциклопедический словарь» Брокгауза (см. также М. И. Ростовцева «Историю государственного откупа в римской империи», стр. 81, примечание 3), — я оговариваю, что моя работа (имеющая быть изданной) донныне не появлялась в печати.¹¹ На долгое время личные переживания и литературные замыслы оторвали меня от научных занятий. С детства я писал стихи, и влечение отдаться целостно поэзии спорило с необходимостью закончить начатое в науке. Осенью 1898 и весной 1899 г. впервые были напечатаны мои стихи в «Вестнике Европы» и «Космополисе». Заботился об них Вл. С. Соловьев, с которым я познакомился в 1895 г., когда на суд его были даны мои ранние стихотворения.¹² Заботился об них Вл. С. Соловьев, с которым я познакомился в 1895 г., когда на суд его были даны мои ранние стихотворения.¹³ В мой берлинский период его сочинения, наравне с творениями Достоевского и Шопенгауера, могущественно влияли на мое слагавшееся мирозерцание, как под конец этого периода повлиял на меня особенно Ницше. Мое знакомство с Вл. Соловьевым продолжалось, прерываемое моими постоянными долгими отлучками за границу (во Францию и Англию), до его смерти.¹⁴ Он был первым судьей моего подготавливавшегося сборника, который был назван «Кормчие звезды» с его благословения.¹⁵ Каждый раз свидание с ним воспитывало душу. В 1899 г. был напечатан в «Журнале Мистерства народного просвещения»¹⁶ мой перевод, размером подлинника, первой пифийской оды Пиндара, вышедшей и отдельною брошюрой.¹⁷ Весной

⁹ «Общества государственных откупов в Римской республике» (лат.).

1901 г. я совершил поездку в Грецию, Палестину и Каир и остался в Афинах до весны 1902 г.; меня занимал вопрос о существовании происхождения религии Диониса. В декабре 1902 г. вышли в свет «Кормчие звезды. Книга лирики» (СПб., 1903. 380 стр.). Книга была встречена в общем сурово, но все же снискала мне литературных друзей.

[Из рецензий у меня под рукой: Приложение к «Биржевым ведомостям», 1903, февраль, № 6;¹⁸ «Знамя», 8 февраля 1903; «Новый путь», март, 1903;¹⁹ «Литературный вестник», апрель 1903;²⁰ «Наблюдатель», апрель [или май] 1903;²¹ «Курьер», 27 мая 1903, № 88;²² «Athenaeum», Juli 4 за 1903;²³ «Новый мир», сентябрь, 1903, № 113;²⁴ «Мир искусства», хроники № 14 за 1903 г.;²⁵ «Семья», 1904, № 6, стр. 11²⁶].^a

Весной 1903 г. я приглашен был прочесть какой-либо научный курс в русской Высшей школе общественных наук в Париже: я прочел 12 лекций о религии Диониса,²⁷ излагая те выводы, которые уже намечались как остов задуманного мною нового исследования об этом предмете. Эти чтения, вызвавшие несколько откликов в печати (между прочим: «Athenaeum», 4 июля 1904,²⁸ «Приднепровский край», № 2116, 23 марта 1904), появлялись в течение 1904 г. в журнале «Новый путь» (№ 1, 2, 3, 5, 8, 9),²⁹ где печатание их еще не закончилось;³⁰ вскоре они должны выйти в свет отдельной книгой.³¹ В этой работе, озаглавленной «Эллинская религия страдающего бога», я, с одной стороны, обосновываю свои взгляды на сущность и корни дионисической мистики и экстаза (их колыбелью были, по моему мнению, первобытные тризны), с другой — пытаюсь осветить живое значение дионисического круга верований и переживаний, своеобразно окрасившего и христианство, для духовной жизни нового человечества. В 3-м альманахе «Северные цветы»,³² во 2-м альманахе «Гриф»,³³ в №№ 2, 7 и 10 «Нового пути» за 1904 г. были напечатаны мои стихотворения³⁴ (отзывы: «Новое время», № 10051;³⁵ «Весы», март).³⁶ Весной 1904 г. вышел в книгоиздательстве «Скорпион» другой сборник моих стихотворений: «Прозрачность. Вторая книга лирики» (М., 1904. 171 стр.) с приложением перевода, размером подлинника, Бакхилидова дифирамба «Тезей» и его оценки.

[Отзывы о книге я встретил в «Весах» (май 1904),³⁷ «Новом пути» (июнь 1904),³⁸ «Athenaeum» (3 сентября) 1904),³⁹ «Московских ведомостях» (май?),⁴⁰ чешской «Moderni Revue», 1904, № 1].^b

^a В прямых скобках дан текст, зачеркнутый в письме.

^b В прямых скобках дан текст, зачеркнутый в письме.

В журнале книгоиздательства «Скорпион» — «Весы» — я был за 1904 г. одним из ближайших сотрудников, хотя жил большей частью в Женеве, и поместил в нем ряд статей и рецензий под своим именем и под псевдонимом: *Zaklès*.⁴¹ Из этих статей отмечу «Ницше и Дионис»,⁴² где я ишу определить отношение Ницше к дионисической идее, которой он был первым провозвестником («Письма из Байрейта»: «Весы», сент^ябрь, 1904),⁴³ и статьи «Поэт и чернь»⁴⁴ (отз^ывы: «Новый путь», сент^ябрь, стр. 270;⁴⁵ изложение в «*Literarisches Echo*»;⁴⁶ латышский перевод в одном местном альманахе), «Новые маски»⁴⁷ (перепечатано как вступительная статья к драме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Кольца». М., 1904; отз^ыв: «Моск^овские» вед^омости», 21 ноября 1904),⁴⁸ «Копье Афины: поскольку мы индивидуалисты?»⁴⁹ (отз^ыв «Русь», ноябрь),⁵⁰ «Вагнер и дионисово действо»;⁵¹ в них я пытаюсь установить идеал подготавливаемого современным символическим и «келейным» искусством искусства всенародного, которое должно найти свое полное выражение в хоровом действе трагедии-мистерии, она же — «литургическое служение у алтаря страдающего бога». В «Северных цветах» за 1904/5 г. печатается вместе с циклом новых моих стихотворений моя трагедия (с античными хорами) «Тантал». ⁵² В издаваемом фирмою Брокгауза под редакцией С. А. Венгерова собрании сочинений Байрона имеют появиться несколько моих переводов лирических стихотворений английского поэта и мой перевод его романтической поэмы «Остров».

Женева, 14/27 декабря 1904 г.

Вячеслав Иванов.

¹ Посылая 16 ноября 1904 г. Вяч. Иванову автобиографическую анкету, Венгеров писал: «В более кратком объеме я бы воспользовался Вашим ответом для „Энциклопедического словаря“, а в более просторном для „Критико-биографического словаря“» (ГБЛ, ф. 109, карт. 14, № 45, л. 1).

² Начало своей литературной деятельности Вяч. Иванов связывает с выходом в свет первого поэтического сборника — «Кормчие звезды». В более поздней автобиографии он писал: «До 1903 г. я не был литератором» (Книга о русских поэтах последнего десятилетия. СПб.; М., [1909]. С. 263).

³ Речь идет о «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (СПб., 1886—1904. Т. 1—6).

⁴ Гонорар за перевод стихотворений в 1-м томе собрания сочинений Байрона.

⁵ Иван Тихонович Иванов (1816—1871).

⁶ Александра Дмитриевна Иванова (1824—1896).

⁷ Т. е. после убийства 1 марта 1881 г. народолюбцами Александра II.

⁸ П. Г. Виноградов (1854—1925) — русский историк, автор известных трудов по римской, германской и английской истории. С 1884 г. профессор Московского университета. Перед отъездом Вяч. Иванова за границу он выработал для него «программу последовательных занятий у Гизебрехта, Зома, Моммзена» («Автобиографическое письмо» Вяч. Иванова к С. А. Венгерову // Русская литература XX века. Т. 3. С. 90).

⁹ О. Гиршфельд (1843—1922) — немецкий историк. С 1885 г. профессор Берлинского университета, занимался историей Римской империи.

¹⁰ Т. Моммзен (1817—1903) — крупнейший немецкий историк античности. С 1858 г. профессор Берлинского университета. О нем см.: *Иванов Вяч.* О Моммзене // *Весы.* 1904. № 11. С. 46—48.

¹¹ Диссертация Вяч. Иванова издана императорским Археологическим обществом (СПб., 1910).

¹² Первая публикация — «Тризна Диониса» в «Космополисе» (1898. Т. 12. С. 93—94); «Дни недели» появились в «Вестнике Европы» (1898. № 9. С. 123—124).

¹³ Ср. в автобиографии 1917 г.: «Между тем моя первая жена, без моего ведома, принесла Вл. Соловьеву на суд мои стихи. <...> Я был обрадован телеграммой о его сочувствии и желании с моего разрешения отдать мои стихи в журнал» («Автобиографическое письмо» Вяч. Иванова к С. А. Венгеру. С.94).

¹⁴ Вл. Соловьев умер 31 июля 1900 г.

¹⁵ Биограф Вяч. Иванова О. Дешарт (О. А. Шор) сообщает, что Вяч. Иванов советовался с Вл. Соловьевым относительно заглавия сборника: «„Номокапон“ — последовал ответ» (*Дешарт О.* Введение // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 1. С. 41). «Номокапон» (греч.) — сборник церковных канонов и гражданских законов, на Руси — кормчие книги.

¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Август. Отд. III. С. 49—56.

¹⁷ Брошюра «Первая пифийская ода Пиндара» издана в С.-Петербурге в 1899 г.

¹⁸ См.: *Измайлов А.* Непомерные претензии // *Новая иллюстрация.* 1903. № 6. 4 февраля. С. 47—48.

¹⁹ Новый путь. 1903. Март. С. 212—214 (рецензия В. Брюсова).

²⁰ Литературный вестник. 1903. Т. V, кн. 4. С. 496—497 (рецензия А. Наумова).

²¹ Наблюдатель. 1903. Март. Отд. II. С. 18—19 (без подписи).

²² *Крс.* [Курсинский А. А.]. Рец. // *Курьер.* 1903. № 88. 27 мая.

²³ *The Athenaeum.* 1903. № 3949. Juli 4. P. 24 (отзыв В. Брюсова о «Кормчих звездах»).

²⁴ В указанном Вяч. Ивановым номере рецензии на «Кормчие звезды» нет. Вероятно, имеется в виду: *Краснов П.* Рец. // *Литературные вечера «Нового мира».* 1903. № 8. С. 509—512.

²⁵ *П. Н.* [Николаев П.]. Рец. // *Хроника журнала «Мир искусства».* 1903. № 14. С. 154.

²⁶ В указанном Вяч. Ивановым номере рецензии на «Кормчие звезды» нет. Вероятно, имеется в виду: *Семья.* 1903. № 29. С. 14 (без подписи).

²⁷ В архиве Вяч. Иванова (ИРАИ, ф. 606, № 153) хранится рукопись конспектов четырех лекций с датировками: «I (27 IV 03)», «II (29 IV 03)», «III (5 V 03)», «IV (9 V 03)».

²⁸ Год указан неверно. Отзыв В. Брюсова о лекциях опубликован: *The Athenaeum.* 1903. № 3949. Juli 4. P. 23.

²⁹ См.: *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // *Новый путь.* 1904. № 1. С. 110—134; № 2. С. 48—78; № 3. С. 38—61; № 5. С. 28—40; № 8. С. 17—26; № 9. С. 47—70.

³⁰ Продолжение этой работы, озаглавленное «Религия Диониса, ее происхождение и влияния», опубликовано: *Вопросы жизни.* 1905. № 6. С. 185—220; № 7. С. 122—148.

³¹ Первоначально Вяч. Иванов собирался опубликовать «Эллинскую религию страдающего бога» в английском издательстве. В 1909 г. он готовил свое исследова-

ние (с подзаголовком «Опыт религиозно-исторической характеристики Дионисова культа») для издательства «Оры». В 1910—1912 г. задуманная уже в двух частях книга (первая часть — материал, опубликованный в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни», вторая часть — экскурсы) была объявлена в планах издательства «Муссагет». В 1917 г. книга была набрана в издательстве М. и С. Сабашниковых, но весь тираж сгорел во время пожара в типографии. В 20-е годы Иванов передал сохранившийся у него экземпляр издательству «Полярная звезда — Геспериды» (см. письмо Вяч. Иванова к А. Д. Скалдину: ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, № 63). Ни одно издание не состоялось. Экземпляр корректуры, принадлежавший А. М. Эфросу, сохранился в собрании М. С. Толмачева (Москва). См. также примечания Н. В. Котрелева к публикации «Эллинской религии страдающего бога»: *Эсхил. Трагедии*. В переводе Вяч. Иванова. М., 1989. С. 556—557. Ныне «Эллинская религия страдающего бога» в полном объеме подготовлена к печати в составе 5-го тома брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова.

32 В 3-м альманахе «Северные цветы» опубликовано стихотворение «Хор духов благословляющих» (М., 1903. С. 158—160).

33 В альманахе издательства «Гриф» на 1904 г. были опубликованы стихотворения: «Фуга», «Темница», «На чужбине», «Кармил» (М., 1904. С. 64—68).

34 В «Новом пути» за 1904 г. в № 2 был опубликован цикл «Стихотворения. Из книги „Прозрачность“» («Хмель», «Седьмой день», «Пан и Психея», «Дриады») (с. 79—83), в № 7 — стихотворение «Русь! на тебя дух мести личной...» (с. 67), в № 10 — «Лицо или маска?» (с. 165).

35 Отзыв на стихотворение «Хмель»: *Буренин В.* Критические наброски // Новое время. 1904. № 10051. 27 февраля.

36 *Весы*. 1904. № 3. С. 53, 73—74.

37 Там же. № 4 С. 60—62 (рецензия В. Брюсова).

38 *Новый путь*. 1904. Июнь. С. 204—206 (рецензия А. Блока).

39 *The Athenaeum*. 1904. № 4010. 3 September. P. 313 (отзыв В. Брюсова о сборнике «Прозрачность»).

40 *Тарский К.* Декадентские стихи // *Московские ведомости*. 1904. № 145. 28 мая.

41 Под этим псевдонимом опубликовано «Письмо из Женевы. II Философский конгресс» (*Весы*. 1904. № 10. С. 59—62).

42 Статья «Ницше и Дионис» опубликована: *Весы*. 1904. № 5. С. 17—30.

43 Имеется в виду статья Макса Хохшулера «Письмо из Байрейта» (*Весы*. 1904. № 9. С. 45—46).

44 Статья «Поэт и чернь» опубликована: *Весы*. 1904. № 3. С. 1—8.

45 В «Новом пути» помещен отзыв Д. С. Мережковского: *Новый путь*. 1904. Сентябрь. С. 269—270.

46 Имеется в виду отзыв А. Лютера о статье «Поэт и чернь»: *Das Literarisches Echo*. 1904. 15 Mai. S. 1145.

47 Статья «Новые маски» опубликована: *Весы*. 1904. № 7. С. 1—10.

48 См.: *Тарский К.* Удивительная драма // *Московские ведомости*. 1904. № 322. 21 ноября.

49 Статья «Копье Афины: поскольку мы индивидуалисты» опубликована: *Весы*. 1904. № 10. С. 6—15.

50 См.: *Боцяновский Вл.* Критические наброски // *Русь*. 1904. № 333. 13 ноября.

51 Статья «Вагнер и дионисово действо» опубликована: *Весы*. 1904. № 2. С. 13—16

52 В альманахе «Северные цветы ассирийские» (М., 1905) были опубликованы цикл стихотворений «Змеи и солнца» (с. 37—41) и трагедия «Тантал» (с. 199—245).

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

«Петербург. Не ранее июля 1905 г.».

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Привез Вам окончание «Острова»¹, не дожидаясь субботы. Все же имел надежду увидеть Вас — и просить о книгах, полезных для составления статьи об «Острове», которую уже набросал, но выработать думаю лишь по ознакомлении с литературой вопроса. Если Вы знаете что-нибудь непосредственно относящееся или трактуемое систематически о *свободолюбии* Байрона (помимо, например, «Мировой скорби»²) и если притом нужно спешить, быть может, Вы будете должны прислать мне (Таврическая, 25, кв. 24) книги. Жду также и корректур всего «Острова»; в них сделаю не одни лишь *корректирные* исправления. «Прозрачность» же доставлю Вам непременно, раздобыв ее сам. Лучше всего принесу ее в субботу, в Ваши часы. Тогда же поговорим и о книгах, если раньше не получу их от Вас (что значило бы, что нужда спешить). Повторяю, что набросок статьи, могущий быть, однако, расширенным, у меня готов.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Еще 17 марта 1905 г. С. А. Венгеров, обеспокоенный тем, что Вяч. Иванов не выслал окончание «Острова», напоминал, что через месяц «Остров» должен быть сдан в набор.

² Речь идет о книге Н. Котляревского «„Мировая скорбь“ в конце прошлого и в начале нашего века» (СПб., 1898).

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Мне чрезвычайно неудобно не иметь в корректуре начала «Острова». Присланные Вами листы обнимают Canto^a II, XI—IV¹, XI. Нельзя ли иметь начало? Я уже говорил Вам, что это (недостающее ныне) начало в корректуре имел, исправил, но потом лист с вариантами исправлений потерял. Я был бы у Вас за это время, но хворал и не выходил из дома. Статью составляю. В книгах мало прямо

^a песнь (*итал.*).

относящегося к теме, но ценно обдумать тему в биографической связи. Возвращаю Вам с большой благодарностью

Elze²

Bleibtreu³

Koeppel⁴

Autobiographie⁵

Имел еще из Вашей библиотеки Веселовского⁶ и английскую биографию — их возвратил. В том издания Coleridge *<Sic!>*⁸ — у меня.

Не откажите в книгах еще. Корректуру готовлю.

С глубоким уважением

Вяч. Иванов.

¹ Ошибка в автографе; вероятно, III—IV.

² *Elze K.* Lord Byron. Berlin, 1886.

³ *Bleibtreu K.* Byron der Übermensch. Jena, [s. a.].

⁴ *Koeppel E.* Byron. Berlin, 1903.

⁵ *Engel E.* Lord Byron. Eine Authobiographie nach Tagebüchern und Briefen. Berlin, 1876.

⁶ *Веселовский А. Н.* Байрон. М., 1902.

⁷ *Noel R.* Life of lord Byron. London, 1890.

⁸ Имеется в виду книга «The Works of lord Byron, ed. by Hartley Coleridge and R. E. Prothera» (London, 1898—1904). В предисловии к изданию Байрона (*Байрон*. Собр. соч. Т. 1. С. 3.) Венгеров сообщал, что это «замечательное по полноте и обстоятельности издание» «легло» в основу русского.

9

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

8 окт<ября> <1>905. Суббота¹.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Извините, что не могу быть сегодня у Вас. Корректура, к сожалению, еще не готова, потому что дело идет не об исправлении опечаток, а о самопроверке². «Прочтя залпом», как и Вы, перевод, и я, как и Вы, «утвердился»... Моя художническая совесть ни в чем меня не упрекает. Изменения нужны кое-где, но они не имеют значения принципиального, и их немного, — если задерживаю, однако, корректуру, то делаю это, повторяю, в целях точной самопроверки. В понедельник (в крайнем и непредвиденном случае — во вторник) обещаю доставить корректуру и надеюсь с Вами побеседовать лично. Последнее хотелось бы сделать уже сегодня, но (забыл упомянуть об этом в самом начале письма) опять простуда и

притом зубная боль делают поездку к Вам сегодня крайне затруднительной и рискованной. Итак, лучше письменно скажу Вам кое-что из того, что хотелось бы высказать устно. Ваше письмо произвело на меня сложное впечатление³. В нем я прочел вовсе не то, что до сих пор слышал. Возгласы наших (большею частью самозванных и невежественных критиков), вполне аналогичные нахальной выходке Вашего анонимного корректора, которую я презираю, как надпись карандашом на полях библиотечного экземпляра, побывавшего в руках читателей школьного возраста, для меня безразличны. Прежде всего эти критики за деревьями не видят леса; а Вы с критическою чуткостью видите и мои художественные намерения, и методы их осуществления и, говоря о «литературном самоубийстве», мною будто бы совершенном, по-видимому, ясно сознаете, что дело идет о принципиальном утверждении некоторых новых художественных приемов — о художественной ереси, борьбе, споре, тяжбе, — да, тяжбе: *sub iudice lis est...*^a кроме того, отчетливо вижу, что Вы относитесь ко мне с теплым душевным расположением и истинно желали бы, чтобы упала преграда, как бы нарочно и искусственно воздвигаемая мною между моею душой и душой читателя. Но, дорогой и глубоко уважаемый Семен Афанасьевич, не самоубийственно умирает зерно, падая в землю, чтобы потом ожить. Знающему свои пути и цели художнику не страшно сознавать себя мертвым для современности. Если я в некоторой, малой мере уже *есмь*, я сделался тем, что *есмь*, органически, — так *вырос*. До издания первой своей книжки я и не знал, что выступаю еретиком в области поэтической формы. Вл. Соловьев, мой литературный советчик, не останавливал моего внимания на этой стороне дела. Но со времени моего выступления *in publicum*^b все оценки, отрицательные или положительные, подчеркивали эту мою ересь. Тогда я и сам *осознал* ее, и понял, что мой художнический инстинкт вел меня по правому пути. Говорю, конечно, о правоте принципиальной, не утверждая своей фактической непогрешимости. Я теоретически понял, что *поэтическая речь, по своей природе, ищет дифференцироваться от речи прозаической (как мы и наблюдали это во все эпохи расцвета поэзии); что магическая и теургическая энергия размерной речи возрастает в соответствии с иератичностью выражения, которую она же питает и обуславливает; что новая энергия религиозного творчества, создавая в нашей душе иные аспекты всех явлений жизни, смутно требует и новой символизации этих аспектов в слове; что многие силы, многие потенции родного слова, затемненные и подавленные современными формами нашей культурной эво-*

^a дело еще у судьбы, т. е. вопрос еще не решен (лат.)

^b всенародно (лат.).

люции, ищут своего высвобождения из недр народной стихии, как скрившиеся под почву живые ключи; что истинному русскому стиху, каким он необходимо станет, роднее древняя гиративность нашего забытого слова или лубочная простота нашей старинной песни и сказки, нежели совершенная общепринятая речь нашего образованного общества...⁴ Как видите, я на практике бесконечно умереннее и, пожалуй, трусливее, чем в теории.

Утруждаю же Вас всеми этими рассуждениями, потому что Вы высказывали намерение сделать общую оценку моих, увы, еще столь мало значащих эссе. Мне было бы дорого, чтобы Вы имели в виду и эти мои теоретические точки развития, хотя бы они казались Вам ошибочными, и — обвиняя меня — нашли бы возможность дать, в той или другой форме, место и этой моей апологии.

Что же до «Острова», то — если он Вам совсем не по душе — замените в Вашем издании мой перевод другим. Денег я еще не получил по Вашей записке, и мое положение выгоднее положения, например, венского Климта, который предложил возратить давно истраченные им суммы авансов после осуждения заказанных ему картин, несмотря на свою бедность⁵.

С сердечной преданностью и уважением

Вяч. Иванов.

¹ Черновик этого письма см.: ГБА, карт. 9, № 13, л. 1—2.

² Имеется в виду корректура «Острова».

³ Письмо Венгерова, на которое отвечает Иванов, не обнаружено.

⁴ Эти мысли развиты в статье Вяч. Иванова «Наш язык» (Из глубины. Сб. статей о русской революции. М.; Пг., 1918. С. 135—140; сборник в продажу не поступил). Опубликовано: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 673—680.

⁵ Климт Г. (1862—1918) — австрийский живописец, представитель стиля модерн. В 1894 г. Министерство культуры и образования заказало ему расписать актовый зал Венского университета аллегорическими изображениями философии, медицины и права. За время работы Климта над фресками его манера письма претерпела значительные изменения под влиянием европейского модерна. Заказчик остался недоволен выполненной работой, и впредь Климт уже никогда не получал государственных заказов (см.: *Bilang Karla. Gustav Klimt.* Dresden, 1977. S. 5—6).

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

В сегодняшнем заседании Комитета Союза писателей¹ я вас предложил в члены, и так как члены комитета не имеют права рекомендовать, то как бы Вы думали, чьи подписи я добыл для тре-

буемой уставом рекомендации: Анненского и Семевского!² Конечно, вас выбрали и притом одновременно с Сологубом. Итак, символизм примыкает к освободительному движению. Если желаете, можете завтра же быть на общем собрании. Повестку, составленную по новому закону, при сем прилагаю.

С истинным уважением

С. Венгеров.

¹ Организованный весной 1905 г. «Союз писателей» не был легализован правительством.

² Н. Ф. Анненский (1843—1912) — публицист, экономист. В. И. Семевский (1848—1918) — историк. 21 октября 1905 г. Вяч. Иванов писал Венгерову: «Очень благодарен Вам, как и гг. Анненскому и Семевскому, оказавшим мне столь неожиданно честь своею рекомендацией».

11

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

«Петербург. 30 октября 1905 г.»

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Пожалуйста, еще не подписывайте к печати эту корректуру. Как видите, есть существенные поправки. И в типографии, как это показывает настоящая корректура, часто делают Schlimmbesserungen.^a Мне было бы очень желательно иметь в руках окончательную корректуру этой части перевода¹ — конечно, всего на какой-нибудь час времени. Первую же часть поэмы Вы обещали прислать мне с корректурой статьи. Она мне очень нужна. — Я глубоко сожалею и стыжусь, что так запаздываю со статьею. Спешу, и доставляю ее как скоро могу, вполне понимая, как Вас задерживаю. Поверьте мне, что я действительно хворал и не мог работать. Кроме того, как много времени (целых дней), нервной силы и работоспособности было отнято просто переживаниями общей политической лихорадки², — Вам, быть может, трудно представить, воображая меня среди Муз, а не *inter arma*,^b однако, я на деле узнал, как Музы *inter arma*^b молчат. Итак, потерпите великодушно несколько дней.

С истинным уважением

Ваш Вяч. Иванов.

Таврическая, 25, кв. 24.

30 окт<ября>.

^a Исправления в худшую сторону (нем.)

^b при громе оружия (лат.)

^b *Inter arma silent musae* (лат.) — при громе оружия музы молчат.

Последние дни опять должен сидеть дома (с неделю почти) и едва ли смогу завтра быть у Вас.

¹ Имеется в виду корректура поэмы «Остров».

² О своих переживаниях и осмыслении событий первой русской революции Вяч. Иванов рассказал в письме к Брюсову от 24 октября 1905 г.

12

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

Имкение» Загорье (Любовичи Могилевской» губ.).
15 сент«ября» 1907.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Хотя и неприятно мне заканчивать статью здесь, вдали от Петербурга, который обогатил бы меня несколькими лишними ссылками и справками,— все же (раз уже не могу быть на месте ввиду необходимой, как кажется, поездки в Крым¹) вышлю Вам предисловие к «Цыганам», как сумею составить его при помощи «портативной» библиотеки,— отсюда, через неделю². И не беспокойтесь, пожалуйста, и не угрожайте скандалами. All right.³ От Лидии Дмитриевны посылаю Вам сердечный поклон. С преданностью и глубоким уважением.

Ваш Вяч. Иванов

¹ Поездка в Крым не состоялась. Необходимость в ней была продиктована сложными личными отношениями с М. В. Володиной (Сабашниковой) и М. А. Володиным.

² В следующем письме, от 28 декабря 1908 г., Вяч. Иванов просил предоставить ему возможность комментировать пушкинского «Бедного рыцаря» («Жил на свете рыцарь бедный...») («особенное, личное желание»). Комментарий к этому стихотворению написан П. О. Морозовым (*Пушкин. Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. V. С. LXI*).

³ Все в порядке (*англ.*)

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

22 июля <19>09.

Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

Позвольте обратить Ваше внимание на подателя сего письма Владимира Николаевича Ивойлова¹, кончающего студента юридического факультета и вместе студента-филолога. Он мне хорошо известен как человек вполне достойный уважения и сочувствия и как даровитый поэт (стихи его печатаются в настоящее время в «Вестнике Европы» под псевдонимом: Княжнин)². Образованный, деятельный, трудолюбивый, он выдерживает непосильную борьбу за существование вместе за себя и за мать и успевает все же работать, так сказать, впрок, т.е. без возможности непосредственно использовать труд. Есть у него, например, готовые переводы, которые не устроены, как «Фалунский рудник» Гофманстала и почти весь 1-й том «Истории» Эдуарда Мейера³. Быть может, в эту пору, когда ему так особенно трудно перебиваться, найдется у Вас какая-нибудь работа для него, например библиографическая (я уверен, что он справится с тем, за что возьмется, и добросовестно, и умело), или же Вы найдете, быть может, возможность направить куда следует его переводы. Теперь как раз он занят переводом учебника археологии Collignon'a⁴ (небольшая, сжатая и заведомо превосходная книжка с простыми гравюрами по дереву с античных статуй, — могущая, мне кажется, рассчитывать на большой сбыт среди студентов и публики), — ее было бы хорошо издать; археологи, как например Ростовцев⁵, — я заранее знаю, напишут предисловие; я сам готов провести редакцию, если нужно. Извините меня за это обращение к Вам в интересах моего молодого приятеля: быть может, оно будет ему благодетельно.

С глубоким уважением
сердечно Ваш Вяч. Иванов.

Таврическая, 25, кв. 24.

¹ В. Н. Ивойлов (псевд. — Вл. Княжнин) (1883—1942) — поэт и литературовед.

² Стихотворения Княжнина публиковались в «Вестнике Европы» в 1909 г. в № 6, 7 и 10.

³ Эдуард Мейер (1855—1930) — немецкий историк античности, автор «Истории древности» (Meyer E. Die Geschichte der Altwelt. Stuttgart, 1884—1904).

⁴ Леон-Максим Колиньон (1849--1917) -- французский археолог, автор «Учебника по археологии Греции» (*Collignon L.-M. Manuel d'archeologie grecque. Paris, 1881*).

⁵ М. И. Ростовцев (1870--1952) -- историк античности и археолог.

14

С. А. ВЕНГЕРОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

17 апр«еля» 1912.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Большая к Вам просьба. С конца нынешнего года начинает выходить под моей редакцией предпринимаемая московским книгоиздательством «Мир» «История современной литературы»¹. План издания таков: общий обзор литературы за последнюю четверть века (я его пишу) и затем ряд отдельных статей о наиболее видных писателях. Это будут, по преимуществу, статьи критические или, вернее, литературные портреты. Но я хочу предпослать каждой такой статье и чисто фактические данные. Вот я и обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне автобиографические сведения по нижеследующей программе:

Биография: 1) имя и отчество; 2) год, месяц и число рождения; 3) место рождения; 4) кто были родители; 5) вероисповедание; 6) краткая история рода; главным образом, были ли в роду выдающиеся в каком-либо отношении люди? 7) ход воспитания и образования, под какими умственными и общественными влияниями оно происходило; 8) начало и ход деятельности; 9) замечательные события жизни.

Библиография: 1) перечень всего написанного и переведенного, с точным обозначением: а) если речь идет о *книге*: года, места, формата и количества страниц; б) если о *журнальной* или *газетной статье* — года, № и названия издания, где она появилась; 2) перечень известных Вам рецензий и отзывов о произведениях Ваших, тоже (если помните, конечно) с точным обозначением № и года периодики издания, где эти отзывы появились; 3) не появились ли где-нибудь биографические сведения о Вас (если появились, то в какой книге или в каком № периодического издания); 4) псевдонимы.

Все же удобнее было бы получить от Вас ответ на все вышеприведенные вопросы в форме автобиографии, которую можно было бы поместить целиком или в извлечении. При этом крайне желательно, чтобы автобиография не напоминала формулярный список, а носила бы интимный характер. Интимный, конечно, не в том

смысле, как это слово обычно понимается, а в форме указания на литературные и общественные переживания, которые в Вашей жизни имели особенное значение. У меня уже имеется ряд таких автобиографий, и очень просил бы не отказать мне в присылке и Вашей.

С искренним уважением
Венгеров.

Шифр письма: ГБЛ, ф. 109, карт. 14, № 45, л. 18—19.

¹ См.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914—1918. Т. 1—3. (вып. 1—8).

15

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

7 сент«ября» 1915.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

Статью о Балтрушайтисе пришлю в срок¹. Наброски ее у меня уже есть. Печалит меня, что Вы так ограничиваете ее объем². Хотелось бы написать ее пространнее и тем наглядно отметить значительность этого поэта в ряду его современников. Во всяком случае не преступлю размеров печатного полулиста, но непременно условием ставлю неприкосновенность моего текста в этих пределах; на изменения и сокращения безусловно не согласен. Тогда совсем не печатайте моего этюда, коли так уж захочется Вам что-либо изменять или выкидывать! Оценка поэзии Б«алтрушайтиса» будет высокая, но чрезмерности никакой не бойтесь — ни по существу, ни в выражениях.

Я очень рад, что Вы обратились к К. А. Сюннербергу за характеристикой древних «сред»³. Я бы желал, чтобы он не отказался написать о них заметку, раз таковая требуется; он может сделать это, мне кажется, и содержательно и разностороннее и тактичнее других.

В заключение обращаюсь к Вам с нижайшею просьбою о выполнении моего экземпляра Вашего Пушкина: я обязан Вашей munificencia^a четырьмя наличными у меня томами и надеюсь на завершение этого дара.

С глубоким уважением
преданный Вам Вяч. Иванов.

^a щедрость (лат.).

¹ 22 января 1915 г. Венгеров писал: «Хотелось бы <...> получить от Вас небольшую характеристику поэзии Балтрушайтиса» (ГБЛ, ф. 109, карт. 1 i, № 45, л. 20); 6 мая 1915 г. он повторил свою просьбу о статье, из-за которой «останавливается издание»: «Отзовитесь, пожалуйста, на мои вопли. А то обыкновенно мои письма остаются гласом вопиющего в пустыне» (там же, л. 26). 4 сентября редактор вынужден был «поставить вопрос ультимативно», «угрожая» отдать статью Григорию Полонскому, «лично близкому к Балтрушайтису и уже написавшему о нем недурной этюд» (там же, л. 28). Подразумевается статья: *Полонский Г.* На молитву. Поэзия Юргиса Балтрушайтиса // Запросы жизни. 1912. № 41. С. 2333—2340.

² «5—6 страниц <...> больше посвятить Балтрушайтису по архитектонике издания я никак не могу»,— сообщал своему корреспонденту Венгеров 4 сентября 1915 г. (ГБЛ, ф. 109, карт. 14, № 45, л. 28).

³ 7 марта 1915 г. Венгеров писал: «Я бы хотел дать в биографической части статьи, посвященной Вам, особую небольшую заметку под названием „Среды Вячеслава Иванова“. Эти среды, как мне кажется, должны войти в историю русского модернизма или „неоромантизма“, как я его называю. Как Вы думаете, кто бы из друзей Ваших мог написать такую статью. Сергей Городецкий, что ли?» (ГБЛ, ф. 109, карт. 14, № 45, л. 24 об.—25). 4 сентября Венгеров сообщил своему корреспонденту: «...пишу Сюннербергу и прошу его написать о Ваших „средах“. Обращаться к Сергею Городецкому не хочется,— очень уж он испошлялся» (там же, л. 28; письмо Венгерова к К. А. Сюннербергу см.: ИРЛИ, ф. 474, № 93, л. 1). К. А. Сюннерберг один из первых описал ивановские «среды» в обзоре «Художественной жизни Петербурга» (Золотое руно. 1906. № 4. С. 80).

С. А. ВЕНГЕРОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

9 сентября 1915

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Очень рад, что получаю от Вас статью о Балтрушайтисе. Но должен быть неумолим относительно срока: жду статью к 17-му во что бы то ни стало! В случае неполучения Вы будете заброшены письмами, телеграммами, посыльными от издательства в такой степени, что жизнь Вам опротивит. Собственно говоря, пол-листа многовато для Балтрушайтиса. Я очень ценю его симпатичный искренний талант и его самого, но в истории русских новых течений он не играл большой роли, и потому исторический труд не может отводить ему много места. Все-таки я готов отвести Балтрушайтису тот пол-листа, на котором Вы настаиваете. Сокращать я ничего не собираюсь,— я вообще никогда не калечу статей — но надеюсь, что, если статья выйдет непомерно большая, Вы и сами произведете хирургическую операцию. Полонский¹ говорил мне, что Балтрушайтис играл большую роль в интимной истории новых течений, именно в ходе их завоеваний Москвы; вот эту фактическую роль, по-моему, следовало бы отметить в статье и таким образом оправдать перед читателем большое внимание к писателю, широкую популярность не пользующемуся.

Сюннербергу писал, но он что-то молчит: может быть, его нет в Петрограде? Не напишет ли ему Марья Михайловна?²

С искренним уважением
Венгеров.

¹ См. примеч. 1 к письму № 15.

² М. М. Замятнина (1865—1919) — близкая подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, домоправительница в семье Ивановых.

17

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

Москва. Zubovskiy, 25. 26 V 1916.

Дорогой Семен Афанасьевич,

Пересылаю Вам написанную Н. А. Бердяевым характеристику «среды»¹; мне она совершенно по душе. Если бы Вы того пожелали и согласился на то К. А. Сюннерберг, «может» «быть», он прибавил бы к этому описанию ценные штрихи...

Ἄλλα ταῦτα μὲν ἀπὸ θεοῦ φίλον^а. Что же до моего автобиографического очерка, за невысылку коего Вы немного гневаетесь², я, Бог даст, соберусь с духом написать нечто о себе из Красной Поляны, горной долины под Сочи, куда через три часа выезжаю. Адрес мой до конца сентября (кроме постоянного московского): Черноморской губернии» Красная Поляна (Романовск), дача г-жи Кулаковской, В. И. Иванову.

Только что выслал в Литературный фонд на Ваше имя *двести рублей*, каковые вместе с прежде высланными на имя Ф. Д. Батюшкова³ ста рублями составляют *триста* «рублей». Эти деньги, как Вы несомненно знаете от Ф. Д. Батюшкова, идут на погашение текущего долга моего перед Л«итературным» фондом, который великодушно заботится о живущей в Харькове моей дочери от первого брака, психически больной, и — я надеюсь — поддержит ее и мать⁴, по мере нужды, и в будущем.

Глубоко уважающий Вас и сердечно преданный
Вяч. Иванов

P. S. Простите растянутость, с которой я расположил это письмо на двух листах.

^а А впрочем, каждый по-своему угоден богу (греч.).

¹ Очерк Н. А. Бердяева «Ивановские среды» опубликован: Русская литература XX века. Т. 3. С. 97—100.

² 22 января Венгеров напоминал своему корреспонденту: «...очень бы хотелось иметь обстоятельную автобиографическую заметку, размером до печатного листа <...> об отрицательном ответе я и мысли не допускаю! Так и знайте. И мне думается, что такая автобиография, в которой Вы сами отметите основные этапы Ваших творческих переживаний, очень поможет и публике, и критике разобраться в основных чертах Вашей поистине „иератической“ поэзии» (ГБЛ, ф. 109, карт. 14, №45, л. 20). Еще раз он повторил свою просьбу 7 марта 1915 г.: «Эти автобиографии очень читаются, и Вы имели бы возможность объяснить в ней многое из Ваших творческих заданий, критикой еще недостаточно разъясненных» (там же, л. 24 об.).

³ Ф. Д. Батюшков (1857—1920) — критик и историк литературы, один из членов комитета Литературного фонда.

⁴ Александра Вячеславовна Иванова (1887 — не позднее 1917) — дочь Вяч. Иванова от первого брака с Дарьей Михайловной Дмитревской (ум. 1933).

18

С. А. ВЕНГЕРОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Многоуважаемый Вячеслав Иванович.

В настоящее время по моему почину делается попытка создать из малодетального, в силу разных обстоятельств, союза писателей большой и сильный литературный центр. Он должен иметь право говорить от всей литературы, должен высоко держать знамя великих традиций русской литературы и вместе с тем должен отстаивать также литературно-профессиональные интересы.

Много видных писателей уже привлечено, но много еще литературных имен и вне союза. Нет надобности говорить о том, в какой степени сейчас огромно значение сплочения интеллигентных сил. И я хочу надеяться, что Вы не откажетесь вступить в число членов союза и о согласии своем уведомите меня по адресу: Петроград; Загородный, 21.

С искренним уважением

С. Венгеров

Январь 1918 г.

19

С. А. ВЕНГЕРОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Петроград. 3 сент<ября>. <1>919.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Издательство Брокгауз-Ефрон возобновляет издание «Библиотека великих писателей» и в ближайшем будущем намечено приступить к выпуску в свет Данте. «Божеств<енную> Комедию» можно было

бы дать в старом, хорошем в общем переводе Мина¹, но хочется дать нечто литературно новое. И вот я обращаюсь к Вам с просьбой принять участие в этом новом переводе. Может идти речь и о переводе всей «Комедии», и о переводе одной из трех частей². Все дело в том, сколько Вы времени потратите. Долго ждать не могу.

По желанию издательства я обращаюсь одновременно к Вам и к В. Я Брюсову³, в виду того что единолично перевод всей «Комедии», может быть, окажется задачей невыполнимой.

Пишу пока в самых общих чертах. В случае любезного согласия Вашего напишу подробнее. Пока мне нужно знать: 1) Согласны ли Вы вообще заняться переводом Данте? 2) Всей «Комедии» или части? 3) Если части — то какой именно? 4) Какой срок Вам понадобится? и 5) Last but not Least^a — Какой гонорар?⁴

В ожидании очень скорого ответа остаюсь с искреннейшим уважением

Ваш С. Венгеров.

Письмо хранится в фонде Ф. К. Сологуба в ИРЛИ (ф. 289).

¹ Перевод Д. Е. Мина «Божественной комедии» «размером подлинника» «Ад», 1853; «Чистилище», 1874; «Рай», 1879 считался одним из лучших из опубликованных до революции.

² В одном из писем к М. В. Сабашникову 1913 г. Вяч. Иванов сообщал, что «был бы счастлив перевести некоторые отрывки „Чистилища“ и „Рай“». Однако в договоре, подписанном Вяч. Ивановым в Риме 21 апреля 1913 г. с издательством М. и С. Сабашниковых «Божественная комедия» не значится (см.: Davidson Pamela. Vyacheslav Ivanov and Dante // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. New Haven, 1986. P. 151).

³ В декабре 1904 г. издательство Брокгауз-Ефрон предполагало издать Данте в серии «Библиотека великих писателей». С. А. Венгеров вел с В. Я. Брюсовым переговоры о переводе «Ада» (см.: Соколов Н. Брюсов как переводчик. С. 387—388). Работа Брюсова над переводом была начата, однако издание не состоялось (см.: Бэла С. Брюсов и Данте // Данте и славяне. Сб. статей под ред. И. Бэлы. М., 1965. С. 69—94).

⁴ 14 мая 1920 г. Вяч. Иванов подписал договор, в котором он обязывался сделать перевод «Божественной комедии» в двух версиях, прозаической и стихотворной, к концу 1923 г. Договор хранится в римском архиве Вяч. Иванова (подробнее см.: Davidson Pamela. Vyacheslav Ivanov and Dante. P. 153).

^a Последний по счету, но не последний по важности (англ.).

А. П. ЧАПЫГИН
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Публикация Н. С. Цветовой

Алексей Павлович Чапыгин (1870—1937) — один из основоположников советского исторического романа.

Литературная деятельность А. П. Чапыгина началась с увлечения русским символизмом, впоследствии он испытал воздействие М. Горького; на становление писателя оказало влияние также знакомство с В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским.

Центральная тема раннего Чапыгина — «Человек и природа», «Охотник и дикий зверь», позволившая проявиться поэтическому дару, который высоко оценивал С. Есенин («О, Русь, взмахни крылами...»):

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.¹

Социальные мотивы в творчестве писателя появились в 1912—1918 гг. («Белый скит», «На лебяжьих озерах»). В этот период обновление России Чапыгин видел в победе разума и знания.

В начале 20-х годов с творчеством Чапыгина, Пришвина, Тренева, Шишкова связывалось представление о «неореализме», искусстве, усвоившем новейшую философию и достижения естественных наук. Е. Замятин так определил положение старых русских писателей в первые послереволюционные годы: «...в силу своего удельного веса <они> оказались в пределах

¹ Есенин С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1977. Т. 1. С. 139.

того конуса, по какому распространяется сила взрыва, и взрывом 17-го года их разбросало во все концы. Только теперь начинают они выходить из беспечатных пустынь.» (1923).²

Метафора эта имеет самое непосредственное отношение к А. П. Чапыгину.

В общеизвестных работах, посвященных А. П. Чапыгину, трудности художественной эволюции романиста связывались главным образом с первым десятилетием XX в. Правда, В. Семенов намекнул на существование кризисных симптомов в 1918—1919 гг. Но присутствие их объяснялось естественными трудностями овладения новым жизненным материалом,³ непродолжительной творческой растерянностью, вызванной непониманием событий, происходивших в первые послеоктябрьские месяцы.⁴

Публикуемые материалы не только указывают на временные границы творческого кризиса, но и выдают его истинные причины. Тревогу писателя разделяли многие представители его поколения. Об этом свидетельствуют публикации последних лет: «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Заключение о Русской земле» М. Волошина, «Записки мечтателя» А. Белого, дневники В. Ходасевича, И. Бабеля и др. Эти документы позволяют ощутить атмосферу эпохи, когда в спорах и борьбе, поисках и раздумьях зарождалась советская литература.

* * *

Дневниковые записи — часть архива А. П. Чапыгина, переданная в Рукописный отдел Пушкинского Дома вдовой писателя Н. М. Чапыгиной в 1939 г.

Особый интерес представляют собственноручные отрывочные записи, сделанные А. П. Чапыгиным в почтово-конторской книге в 1919 г. Эти материалы публикуются впервые без сокращений и каких-либо изменений. Правда, Б. Вальбе, автор первой монографии о Чапыгине, приводит отрывок, напоминающий заметки 27 октября 1919 г., сделанные в Харькове, но ссылается на статью Чапыгина в сборнике «О Горьком — современники»

² Замятин Е. Новая русская проза // Литературное обозрение. 1989. № 2. С. 104.

³ Семенов В. Алексей Чапыгин. М., 1974. С. 54.

⁴ См. вступительную статью Н. Тотубалина к кн.: Чапыгин А. П. Собр. соч.: В 5 т. Л., 1967. С. 5—44.

(М., 1928). Статья Чапыгина действительно здесь опубликована. Но в ней идет речь о беседах с Горьким, советом которого Чапыгин воспользовался, обратившись к исторической теме. Однако не Феодосий Печерский, рекомендованный Горьким, а безбожник Олег Святославич стал героем первого историко-драматического опыта писателя. Главное, что упомянутых материалов в статье нет. Далее эта неточность «путешествует» по другим изданиям. Истинный источник приведенного Б. Вальбе признания установить трудно, хотя по теме, тону, настроению оно близко публикуемым нами заметкам.

Большая же часть дневниковых записей А. П. Чапыгина дошла в машинописных копиях с пометами Н. М. Чапыгиной (1890—1939) — ИРЛИ, ф. 280, оп. 3, № 1 (49 листов). Это автобиографические заметки, начинающиеся с 1894 г., наброски будущих произведений 1909, 1912—1914 гг., отредактированные вдовой. Правда, судя по сохранившемуся оригиналу, правка была незначительной: исчезли некоторые повторы, значки, пометы, обращение к адресату. Публикуется в основном та часть материалов, которая проливает свет на причины творческого кризиса Чапыгина, длившегося до 1924 г., дает объемное представление о взглядах писателя, мечтах и прозрениях 1920-х годов, является добавочной характеристикой историко-литературной ситуации, сложившейся в период «великой ломки».

Записи, приводящиеся по копии, публикуются в сокращении.

ТЕТРАДЬ 1919 Г.

Скучно на чужой стороне,¹ а на далекой родине покрываются пылью мои книги, ржавеют ружья и рыжий пес безнадежно глядит на дорогу, не придет ли тот, кого он сопровождал на охоту... а тот изнывает душой от шума леса и далеко-далеко ему с чужой стороны, загроможденной окопами, пушками и заставами воинскими... А в далеком сыром и голодном городе, быть может, изнывает в бессилии другая душа, душа любимая мальчишка...

Да, дорогой мой, ты послал меня сюда и здесь я одинок, и мрачен, и бессилен, и болен. Бог весть, увидимся ли мы и скоро ли... Стихия революции и анархии бушует, и все говорят: «Либо теперь мы будем властителями, либо никогда». Борьба за власть идет не на живот, а на смерть, и мы, созерцатели прекрасного, оторваны от родины, любви и созерцания... мы можем лишь созерцать кошмары и насилие над такими же, как мы...

Власти мы не хотим и не хотели... к делу нас не зовут, и нет дела, а те, которые делают дело, они ожесточились, и нет конца этому ожесточению... И вот я здесь, в сырой холодной комнате, как в гробу, и слышу кругом плач, смех сквозь слезы... и по ночам слышу, как от холода люди ходят в глубине ночи и топят свои жилища, а мой камин на родине в моем гнезде холодеет, и не ведаю я, все ли там живо и цело... может быть, когда минет буря, и вынырну я на родную поляну и не увижу того гнезда, над которым трудился столько лет... Скучно и холодно! некому согреть мою душу теплым словом и некого поцеловать мне — где ты, мой милый, ненаглядный мальчишек!

И днем и ночью неотвязно мучит меня прошедшее. Снится мне родная деревня, и дорогие, и чужие сердцу моему, и нет, нет огня, нет впереди пути, страшно уйти в небытие, ибо небытие — хаос, а настоящее как небытие, настоящее тоже хаос, и мрак, и холод. Терпит и плачет душа моя!..

Да, мальчишек! Ты скажешь, я малодушен, я растерял свою философию — спокойно глядеть на жизнь людей. Но когда нарушена жизнь души, то все растеряно и нет иных мыслей, кроме страха перед будущим и сожаления о прошлом!

...Не может быть того, чтобы судьба или Бог, блюдущие твою тяжелую жизнь, отступились и бросили тебя в пучину потока и разграбления, голода и смерти. Крепись и верь, что настанут и теплые и радостные дни и всех, кто жив из близких тебе друзей, ты увидишь. Верь, верь!

Падает мокрый снег... Люди идут понурые, в длинных шубах...

Харьков.

Октябрь <19>19 г. 27 числа.

Крепись!

Пока лежит на столе твоём кусок полубелого хлеба черствого, пока есть кусок сахара и чашка чаю и люди, которые тебе сочувствуют, ты еще не несчастен... правда, на мерзлую землю чужого города падает снег, а у тебя легкое платье, но ты все же не раздет до гола, как многие застигнутые военным погромом. Крепись! Снег падает хлопьями, тебе представляется родина, теплая баня, жаркая печь — но, может быть, и там холодно и страшно и некуда приклонить голову, чтобы не попасть в разруху... Кто-то спасает Русь и русскую землю, а кто-то грабит и разоряет — крепись и надейся!²

Харьков.

23 октября 1919 г.

Нет ни вести, ни слуха, далеко и отделяет нас громадное пространство, занятое сплошь мстительными и вооруженными людьми.

<...> Глаза мои лишь краснеют, но нет слез, на правом бедре — ноголет прекращенная, вновь загорелась боль и рана.

Все лицемеры кричат: «Спасайте Россию!». И все спекулируют до умопомрачения, а ты сидишь больной и безвольный, как заноза, задала птица на снегу...

Погибает без родины маленький куличек, также хочется убить себя, спасает только обязательство перед мальчишкой.

Харьков.

9 ноября 1919 г.

Я жив! Да, жив и должен жить среди больных злобой людей. Вспыхивает огонь лампы, вот я вижу свою большую, пустую комнату, мрачную и холодную, а за окном вижу, как всегда в это время, во мрак погруженные громады чужого города — там люди ждут врагов <...> За окном в черных домах люди холодают и голодают — враги их, не ведая правды, наступают войной на голодный город и думают покормиться — враги тоже голодны... Люди заоченели друг к другу, и каждый, успевший отвести глаза от лица смерти, тащит в свой угол, как на пожаре, что попало, и хламом думает спастись, чтоб жить! И все эти люди напоминают мне рассказ про солдата, которому в бою оторвало ноги и часть брюха. Он сидит за камнем и из последних сил мотает и сует обратно свои кишки.

Лампа догорела. Погасла. На моем столе снова блестят два светлых пятна, теперь я слышу, как стучат часы, а в такт и часам и моему сердцу в черных домах тревожно стучат тысячи сердец людских.

8 июля 1920 г.

Льется человеческая кровь! Кругом злоба и нищета. Лишь природа неизменна — и на нее приятно и больно глядеть: она торжествует, а люди гибнут. Скоро ли прекратится эта всемирная злоба, скоро ли Русь вздохнет по-прежнему, и на лице милых моему сердцу людей я прочту хотя бы и грустную радость? Уж многих нет... Ах, и моя рука тянется к оружию — на сердце тоска и хочется разбить горячей пулей наболевшее сердце...

... Все всё прячут и боятся, а кругом всё возглавляют грубые и неумелые умы и руки — скоро ли этому конец? Я вижу сон ночью — странный сон, как будто бы железный мост с цепями и длинными железными болтами, я иду по нем и его передвигает огромный черный швейцар, и будто бы он меня знает и охотно пропустил по мосту, а за мостом толпа голодных ребят с лицами, обросшими шерстью, не обросли на их лицах только кончики синих носов — и я говорю им, что они похожи на птиц.

11 августа 1923 г.

... Механическая культура, треск и шум пропеллеров, вой сирен, вонь моторов и шумливое сверкание динамо ведут к тому, что едкими абсентами придется подживлять падающую деятельность сердца — омоложение не поможет, ожирение сердечной мышцы и неврастения будут произрастать, и вновь потребуются для оживления мира шум первобытных лесов, писк белки на суку сосны, и звон соловья, и стон кукушки. Механизм деревянит даже дерево, и дерево каменеет — как же хотят теплое сердце человека спасти и пронести через века механической культуры?

16 мая 1923 г.³

... Пока живет человечество, этот языческий бог жрет людей и научные изобретения, ибо лучшие машины выдуманы все-таки для войны. Настал тихий период — человечество торгует, изобретает и накапливает капитал — вооружается... Вообще чрезмерное богатство страны в связи с силой вооружения — опасность для соседей, имеющих шпионаж и хорошую дипломатию. Начинается война. Война стирает с лица земли библиотеки, музеи, научные труды, и мрут, как мухи, люди, могущие подвинуть прогресс человечества.

1924 год.

Природа все та же, дождь и тучи, гром и молния, и те же озера в лесу... С берегов тех озер упали хитрые отражения, неведомые до конца смертному художнику. Ах, неужели же душа моя, познавшая красоту и безобразие мира, исчезнет, как дым? Неужели одно только тело, как дом без хозяина, останется на разграбление вечным земляным разбойникам, червям? Я многое изведal в мире и многое не люблю, но есть в жизни моей то, что и за гробом буду любить: лес, травы, воду и цветы, и небо голубое, летнее небо.

7 июня 1924 г.

Голодный дурак, которому дали волю ругать талантливое произведение, сказав, что «чем злее ругань ваша, тем ценнее, но держитесь приличия, чтоб не было худа от вашей рецензии журналу». Дурак садится за стол, вертит вашу книгу, хватает слова, не заботясь и не справляясь о смысле; припомнив чужие похвалы, он хочет быть самым умным и оригинальным и ругает то, что хвалили, а так как он голоден и желудок его испорчен и собственного творчества в нем ни на грош, то чужое ему ненавистно. Этот сорг людей тот са-

мый, о которых русский народ сказал: «Где ему пахать! Ему внору бить хомутом о дорогу!». Ругает дурак так: написано «прируб», он пишет: «автора герой утонул в проруби...». Но самое большое разочарование его — это когда вместо гривенника ему платят пять копеек за строчку.

2 февраля 1925 г.

Нескончаемая борьба масс с индивидуальностью, всегда желающей массу поработить. Толпа же норовит уничтожить личность и лишь смутно понимает, что личность, индивидуальность делает историю и движет вперед науку, искусство, но личность всегда эгоистична и те индивиды, которые отрешившись от себя, шли с толпой, — погибали раньше времени, либо катастрофически (насильственно), либо сгорали нервно — таков закон жизни.

19 августа 1925 г.

Где же тот, кто может излечить человека от глупости и злобы?

* *
*

... Ничего нет обиднее и насмешливее (из случаев), когда автомобиль скорой помощи, торопясь на место происшествия, отрежет по дороге голову (случайно) проходившему поэту.

* *
*

Сухой лист, полусгнивший или оторвавшийся, — все равно как бы высоко ни поднялся — в облака ли, в воздух ли, в воду ли упал, он мертв и летать или лежать ему все равно.

Так бездарный человек: его не спасут ни связи, ни родство, ни положение, но там, куда его поставят править, будет пахнуть от всего дела плесенью и мертвецом. (О министрах 1916 г.).

* *
*

За обедом у А. Н. Толстого в 1925 году Айседора Дункан рассказывала про Сережу Есенина: «Был назначен в Нью-Йорке вечер — я танцевать, Сергей читать стихи. Я оделась в лучшее платье, очень нарядное. Сергей был пьян. Собрались банкиры и очень богатые люди, а когда мы вошли на эстраду, я села в кресло. Сергей подошел ко мне, сорвал с меня платье, разорвал от ворота до подола и, схватив с ноги моей туфлю, кинулся в партер и начал бить по головам публику. Она бежала, а он за ней и бил. Мне дорого стоило, чтоб его не посадили в тюрьму».

24 февраля 1926 г.

Высокий, гордый ростом среди полевых цветов растет дикий Иван-чай, красуется остроконечными розовыми кистями, обращенными к теплomu небу... Осень, поседел Иван-чай, пожелтели и сморщились листья, и на том месте, где был розовый цвет, — седеа кисть, беспомощная, расхищаемая осенним ветром. Вон там и тут пауки стараются, от кочки к кочке провели паутину... блестит весь обвитый серебристой сетью заповек, холодно — не ходит больше скот, первые морозы убеляют землю изморозью, куют песок и дороги, ни одна муха не жужжит в воздухе и не попадает в искусную ловушку паука, а пауки голодные от отчаяния плетут сети и ждут, не ведая, что их добычу отняла осень... и зимой по избам плетут пауки спросонья и голодухи черную паутину... и ждут, жадно ждугт...

А я, вспоминая прошлое, чувствую, что оно также беспорядочно мечтательное; как эти тени от листьев на занавеске моего окна.

9 июля 1935 г.

Война плодит сумасшедших. Прежние войны были войнами работы мускулов — теперешние, покончив с богатырством, обратились к мозгу и нервам — отсюда опустошенный человек. И с каждой войной опустошенных людей больше, они без принципов, без совести — их бог: цинизм и маразм.

¹ По свидетельству В. Семенова, А. Чапыгин в конце 1918 г. уезжает в Харьков и там занимается изучением биографии Феодосия Печерского.

² На этом собственноручная запись обрывается. Далее следует машинописная копия с пометами Н. М. Чапыгиной.

³ В источнике хронология записей не упорядочена.

ФЕДОР СОЛОГУБ
ЦИКЛ «ИЗ ДНЕВНИКА»
(Неизданные стихотворения)

Публикация М. М. Павловой

В архиве Р. В. Иванова-Разумника среди неопубликованных материалов, связанных с именем Федора Сологуба (Ф. К. Тетерникова, 1863—1927), находятся стихотворения, написанные еще в «долитературный» период, главным образом в 1880—1890-е годы. Эти машинописные тексты (всего 64) без авторского названия, условно обозначенные «Из дневника», с пометой «без начала и конца», хранятся в отдельной папке (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 153) и расположены за редким исключением в алфавитном порядке.¹ Самые ранние из стихотворений датированы 1883 г., самое позднее — 26 мая 1904 г.; большая часть стихотворений относится ко второй половине 1880-х годов.

Хронологически это период учительства будущего писателя, когда после окончания Санкт-Петербургского учительского института он служит преподавателем математики — в Крестцах Новгородской губернии (1882—1885), затем в Великих Луках (1885—1889) и в Вытегре (1889—1892).

С точки зрения творческой перспективы 1880-е годы — период становления основных тем и художественных идей Сологуба, нашедших дальнейшее развитие в его сочинениях. Главным итогом ранних опытов писателя в допетербургскую эпоху (1882—1892), в прозе стал роман «Тяжелые сны», в лирике — немногие переводы из Верлена и оригинальные стихотворения, лучшие из которых впоследствии были напечатаны.

На фоне ранней известной лирики Сологуба стихотворения «Из дневника» выделяются прежде всего по своему содержанию; оно вполне объяс-

¹ Вероятнее всего, атрибуция этого материала была произведена Р. В. Ивановым-Разумником при разборке им архива Сологуба в декабре 1927—январе 1928 г.

няет, почему поэт собрал их воедино и, вероятно, не желал публиковать при жизни. Не печатал он эти свои произведения не только потому, что их художественная ценность могла бы показаться сомнительной почитателям автора «Пламенного круга», а их прозаизм, бытовизм с чертами грубого натурализма мог бы повредить традиционному представлению о сологубовской музе, которую современники, например, Блок, сравнивали с музой Тютчева и Баратынского. Основная причина «изолированности» цикла² связана с его интимностью, автобиографичностью: все стихотворения объединены одним, весьма существенным в творчестве писателя, мотивом телесного наказания (в каждом из них обязательно встречаются слова «розги», «порка» или «сечение»).

Многие стихотворения цикла по содержанию соотносятся с воспоминаниями Сологуба о юности, записанными О. Н. Черносвитовой³; основу этих воспоминаний составляют записи о перенесенных им начиная с первых лет жизни телесных наказаниях. Методично, по годам, Сологуб отмечает — когда, где и за какие провинности его секли: в доме хозяев Агаповых, где служила кухаркой его мать Татьяна Семеновна; в полицейском участке; в Никольском приходском училище; в Учительском институте. Затем по настоянию матери секли учителя Тетерникова — в Крестцах, в Великих Луках, в Вытегре; наконец, сама Татьяна Семеновна наказывала розгами уже тридцатилетнего сына. Розги стали кошмарным символом сологубовской жизни, постоянно напоминавшим о себе, о чем свидетельствуют биографические заметки, сделанные Черносвитовой со слов писателя (например: «Приемный экзамен в институт. <...> Медицинский осмотр. Очень неловко — следы от недавних розог. Впрочем, видел только доктор, и очень тактично промолчал»)⁴.

Атмосфера насилия и унижения, в которой вырос Сологуб, серьезно повлияла на его психику. Суровым обращением, доходящим до жестокости, Татьяна Семеновна стремилась воспитать в сыне христианские добродетели, прежде всего смирение и покорность, приготовить мальчика к тяготам жизни. Постепенно он сам стал приходить к мысли о необходимости физического страдания, очищающего душу, стал стремиться к физической

² Название «цикл» применительно к стихотворениям «Из дневника» может быть оправдано тематической узостью и хронологической компактностью текстов; в данном случае употребляется с большой долей условности, необязательности.

³ Черносвитова Ольга Николаевна (рожд. — Чеботаревская; 1872—1943), сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб.

⁴ ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 89, л. 97.

боли, провоцировать мать наказывать его, что в конечном результате, как можно предположить, привело к развитию у него садо-мазохистского комплекса, заметно сказавшегося впоследствии в творчестве.

Тема телесного наказания — одна из устойчивых у Сологуба, особенно в прозе, в романах и так называемых детских рассказах. Однако ее художественное решение выходит за рамки гуманистической традиции русской литературы. В первую очередь писателя привлекает не социальный или нравственный аспекты темы (деспоты и невинные жертвы), но психологический: ему интересны те, кого «томят порочные желания», кто истязает с наслаждением (например, Людмилочка Ругилова в «Мелком бесе»), и те, кто стремится испытывать боль (Саша Кораблев в рассказе «Земле земное»). Поступки и чувства героев, изображенных Сологубом (Логин, Дубицкий, отец Андрей в «Тяжелых снах»; Передонов, Гудаевская, Людмилочка в «Мелком бесе» и др.), часто несут на себе печать садического комплекса, осложненного эротическими и трагическими мотивами. Логину, например, дается искушение: жестоко высечь и растлить ребенка, спасенного им же от смерти. Болезненные желания, с трудом преодолеваемые им в дневной жизни, воскресают и мучают его в «тяжелых снах» («Он заснул тяжелым, безгрёзным сном. Под утро вдруг проснулся, как разбуженный. Визгливый вопль рая в его ушах. Сердце усиленно билось. С яркостью видения предстали перед ним своды, решетка в окне, обнаженное девичье тело, пытка. Кто-то злой и светлый говорил, что все благо и что в страданиях есть пафос. И под ударами кнута из белой, багрово-исполосованной кожи брызгала кровь»)⁵.

В отличие от Логина Передонову чуждо сознание греха, и он, без размышлений о добре и зле, воплощает свои желания. Сологуб пишет: «Передонову нравилось, когда мальчики плакали,— особенно если это он так сделал, что они плачут и винятся. <...> Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там он вел себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал <...> Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут,— и Передонов доволен».⁶

Как известно, критики нередко сравнивали Передонову с его создателем, писали о том, что Сологуб наделил героя своими собственными пороками. Писатель возмущался подобными аналогиями, тем не менее в его личности были черты, родственные его творению. В этой связи интерес-

⁵ Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990. С. 114.

⁶ Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 1988. С. 138.

но его письмо к сестре Ольге Кузьминичне из Вытегры от 20 сентября 1891 г.: «Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко босиком и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я и не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька рассердилась и преробольно высекла меня розгами, после сего я уже не смел упрямиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаще».⁷ Уже в поздние годы Сологуб признавался, что Передонова ему пришлось протащить через себя.⁸

Садо-мазохические и эротические мотивы, присущие художественной манере Сологуба, были главной причиной осуждения его произведений в критике. «Национальная черта — секут у Сологуба всюду и с наслаждением, — писал Ю. М. Стеклов. — При виде розог или хотя бы при рассказе о побоях герои Сологуба захлебываются от садистического восторга».⁹ Обвиняя писателя в «крайней духовной развращенности», в болезненном смаковании тем и сюжетов, табуированных в русской классической литературе, Стеклов и многие другие не замечали конечных целей, поставленных художником. Внимание Сологуба всегда и в первую очередь привлекал не сам порок, а его природа, «скудная почва зол», психология страсти; он стремился вскрыть механизм развития порока, но нередко действительно увлекался, интерес к грешному претворялся в его оправдание. «То, что именуется Грехом, — размышлял писатель, — есть существенный элемент прогресса. Не будь его, мир заплесневел бы, состарился, стал бы бесцветным. Своим любопытством Грех умножает опыт расы. Своим упорным отстаиванием индивидуализма он спасает нас от однообразия типов».¹⁰

В свете размышлений Сологуба о грешном, а также с точки зрения столь существенной в его творчестве темы телесного наказания совершенно исключительное значение приобретает публикуемый цикл «Из дневника». Стихотворения цикла представляют собой уникальный материал как в би-

⁷ ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 36, л. 8.

⁸ См.: Дзенько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. // Лица. Биографический альманах. 1. М.-СПб., 1992. С. 211.

⁹ Стеклов Ю. М. О творчестве Федора Сологуба // Литературный распад. СПб., 1909. Кн. 2. С. 192.

¹⁰ ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 243.

ографическом, так и в психологическом отношении, который, вероятно, может послужить своеобразным ключом к изучению особенностей творчества Сологуба, его «болевых» точек.

Жизненная основа цикла «Из дневника» одна: чувство стыда и страха в ожидании телесного наказания или после него. Поэт (а он в данном случае максимально близок лирическому герою) не стремится к обличению людей «с опрокинутой совестью» (по его меткому определению). Он просто констатирует сам факт присутствия в мире зла, в том его проявлении, в каком оно реально существует для него, молодого учителя, Федора Тетерникова.¹¹ Его внимание сосредоточено главным образом на возможностях внутреннего духовного опыта человека. Драматические сцены поистине кошмарного быта — источник душевных мук для художника и в то же время почти всегда почва для наблюдения над собственным сознанием, а также для создания образа «униженного и оскорбленного». Однако Сологуб настолько перегрузил этот образ чертами ничтожности и зависимости от мира «злого и ложного», что, несмотря на автобиографическую подлинность, созданный образ нельзя отождествлять с обликом самого поэта, а цикл «Из дневника» соответственно нельзя назвать стихотворным дневником Сологуба в буквальном смысле, нельзя не почувствовать в нем присутствие элемента самоговора. Поэт, несомненно, стремился рассказать о себе, но только еще более униженном, чем был на самом деле, еще более заслуживающем сострадания. В стихотворении 1900 г. он писал:

Я сам себе создал обман,
Что будто бы чуждые руки
Мне сделали множество ран
И много медлительной муки,

Что будто бы чуждый мне взор
Терзал меня ядом презренья,
Что будто бы мне мой позор
Немедленно требовал мщенья,

Что будто враги и друзья
Все стали злорадно смеяться,
И будто бы слабость моя
Меня заставляла смиряться.¹²

¹¹ См.: Телесные наказания в России в настоящее время. Составили члены комиссии, избранной VI съездом врачей в память Н. И. Пирогова. М., 1899. — В книге приведены результаты статистических исследований практики телесных наказаний в русских губерниях: на первом месте по применению телесных наказаний на 1890-е гг. были Вологодская и Новгородская губерния, в которой в молодости служил учителем Сологуб.

¹² Сологуб Федор. Стихотворения. Л., 1979. С. 243.

«Создавая обман», Сологуб незаметно перешел грань правдоподобия и бессознательно создал образ, вполне вписавшийся в его собственное представление о человеке как средоточии всех земных скорбей, которому он нашел затем философское оправдание в учении А. Шопенгауэра.

Главная ценность стихотворений цикла в их психологической достоверности: мы видим, как человек, почти ежедневно истязуемый и не имеющий сил избавиться от злой пытки, начинает стремиться к ней, желая таким образом вырваться из рамок обыденщины или ожидая катарсиса, нередко наступающего после столкновения с силами зла. Путь от подлинного страдания к осознанию его самоценности и эстетизации очерчен в этих стихотворных опытах Сологуба.

В цикле «Из дневника» можно проследить ростки многих важных тем и мотивов творчества писателя. В числе их: внутренний протест против пошлости мира, лежащего во зле; преображение мира мечтой; тема «души и плоти»; мотив «босых ног», разившийся в тему духовного странничества; мотив оправдания зла; мотив христианской аскезы («Претерпевший до конца — спасется»). В этой связи цикл по своему месту в творчестве Сологуба приобретает значение «преддверия» к двадцатитомному собранию его сочинений.

В художественном отношении публикуемые тексты более чем неравноценны, но следует помнить о том, что большинство из них было написано не для печати и в допетербургский период, когда поэт сам ставил под сомнение свое дарование. Под стихотворениями часто отсутствуют даты, что нетипично для жанра «дневника», но характерно для манеры Сологуба-лирика в целом: для него датировка была принципиально неважной («Что было, будет вновь. Что было, будет не однажды»).

Стихотворения воспроизводятся по текстам: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 153.

† † †

Бальзаминов¹ собирал
В классе за ученье плату.
У окошка я стоял,
Вспомнил поле, кашку, мяту.

Был я в блузе, босиком,
Как всегда бываю в школе
За учительским трудом,
А в уме — леса да поле.

Замечтался я, светло
На душе внезапно стало,
А под пальцами стекло
Запотевшее визжало.

Вдруг я слышу крик: — Шалить
Вздумал в классе! Розог! Живо!
Оголить да разложить!
Подбегают торопливо

Четверо учеников.
Вмиг раздет я, вмиг разложен,
И упал, как с облаков,
Я, в мечте не осторожен.

Раздался свистящий звук,
Началась порка злая.
Я кричал, томясь от мук,
О прощеньи умолая.

Но инспектор был суров,—
Сорок розог отсчитали.
Ни мольбы, ни крик, ни рев
Мне ничуть не помогли.

Бальзаминову дана
Власть большая надо мною,—
Мне расправа суждена
Вслед за каждою виною.

* * *

Вальс, кадрили, мазурка, полька,
Это — танцы для балов.
Танцевал бы их, да только
Им учиться бестолков.

А гопак, трепак, присядка —
Деревенский это пляс.
Недоступная ухватка,
Горожане, в них для вас.

Я иную пляску знаю.
Может быть, нехороша,
Но частенько исполняю
Этой пляски антраша.

Для нее костюм не сложен,
Научиться просто ей:
Догола раздет, разложен,
Под мелодию ветвей

Да под собственное пенье
Этой арии простой,
Что из оперы «Сеченье»
И с припевами «ай! ой!»

Высоко взмывают пятки,
И танцуют трепака
Прытче вальса и присядки,
Даже прытче гопака.

Не однажды на неделе
Проплясавши так, поймешь,
Что в здоровом только теле
И здоровый дух найдешь.

Это — тело укрепляет,
Изгоняет всяк порок,
И грехи уничтожает,
И притом в короткий срок.

* * *

Весенний вечер. Спит дорога.
Тихонько свищут соловьи.
Молчит недавняя тревога,
И близко плещутся ручьи.

Иду березовую рошей.
Скажи мне, милый соловей,
Что может быть милей и проще
Весенней песенки твоей?

Качнулась тонкая береза
Под легким, свежим ветерком, —
Но где ж пленительная роза,
Сдружившаяся с соловьем?

И вот березовые ветки
Несут мне горестный ответ:
— Здесь нету розовой беседки,
И розы соловьиной нет.

А если розочек желаешь,
То в садик свой иди скорей;
Там, сколько хочешь, наломаешь,
Себе березовых ветвей.

Сегодня раннею порою
Не розги пели там твои, —
Ручные звонко над тобою
Тогда свистали соловьи.

На Юге соловей и роза
Для сладких песенок сошлись,
Тебе ж веселая береза
И соловей в одно слились.

* * *

Вечерние упали тени,
И даля закуталась в вуаль.
Восходят шаткие ступени
Туда, где скрылась печаль.

Молчанье жуткое настало,
Тихонько затворилась дверь,
И то, что только что пылало,
Угомонилося теперь.

Усталое коснеет тело,
Но успокоилась душа,
Как бы опять из-за предела
Эдемским воздухом дыша,

Как будто сходит на ступени
Эдемский гость, небес посол,
И озаряет кротко тени,
Земной прощая произвол.

И я, на голые колени
Поставлен после розог здесь,
Стихи слагаю про ступени,
Ведущие в святую весь,

Где боль и стыд преобразились,
В свободно восходящий дым,
И слезы в росы обратились
Под нимбом, вечноголубым.

* * *

Вино и карты. Проигрался,
А деньги считаны точь-в-точь,
И поневоле я сознался
И проворочался всю ночь...

Уроки кончились, и снова
Настал расправы грозный час,
И повели меня сурово
Для наказания в третий класс.

Не замедляя и не споря,
Я снова принял боль и стыд.
Хлестанью бешенному вторя,
Кричал и плакал я навзрыд.

Так бичевали розги лепко,
Что, выбившись совсем из сил,
Вскочил бы с пола я, но крепко
Веревками привязан был

Руками и ногами к ножкам
Раздвинутых широко парт,
И розги счет вели оплошкам,
Карая карточный азарт.

Сестра смеялась, рядом стоя,
Смеясь, стегали сторожа.
Лежал я голый, плача, воя,
В порывах тщетных весь дрожа.

30 января 1901.

* * *

Вот большая перемена
Осенью или зимой.
Каждый день все та же сцена,
Двор училищный - арена,
Где звучат и крик, и вой.

Все зеленые листочки
С веток сорваны. — Ложись! —
И по телу, точно строчки,
Красны полосы и точки
Жгучей сеткою сплелись.

На земле лежу я голый,
Крепко связанный. Беда!
В муке горькой и тяжелой
Я ору пред всюю школой:
— Ой! Не буду никогда!

Средь мальчишек смех и шутки,
Но, кровинки увидав,
Прекратили прибаутки.
Ах, для каждого так жутки
Эти полчаса расправ!

Всяк теперь припоминает,
Не было ли с ним чего,
И с тоской соображает:
«Не меня ли ожидает
Та же порка, как его?»

Наказали, — Убирайся!
Ну, Корнилов, твой черед!
Поскорее раздевайся,
На земле располагайся! —
И Корнилов уж ревет.

Каждый день нагие ветки
Хлещут голые тела.
Госмеются звонко детки,
Пожалеют напоследки
И поплачут иногда.

* * *

Вот четыре мальчугана
Подошли ко мне смеясь.
Вижу их, как из тумана,
И смущаясь, и стыдясь.

Очень быстро обнажили,
И в минуту на полу,
Не стесняясь, разложили,—
И уж розги здесь в углу.

Саша крепко держит руки,
Леша ноги захватил.
В ожиданьи стыдной муки
Я дыханье затаил.

Петя слева, Миша справа
Стали с розгами в руках.
Начинается расправа,
Болью гонит стыд и страх.

Мне стерпеть не удастся,
И сквозь резкий свист ветвей
Крик и рев мой раздается
Громче все и все звончей.

Нестерпима эта кара,
Но приходится сносить,
От удара до удара
О прощении молить.

Розги трепанные бьют,—
Полминуты лишь вздохну,
И уж новые заносят.
И опять молить начну.

Но суровый Бальзаминов
Не прощает ни за что.
Все мольбы мои отринув,
Отсчитал мне ровно сто.

* * *

Все вместе: проворная пляска,
Свист розог, и рев мой, и вой.
Ветвей беспощадная ласка
Так мучит, что сам я не свой.

Лишь пятки танцуют без лени.
Совсем неподвижен живот.
Меня положив на колени,
Мать порет, а я стою мертвет.

Все порет, браня, упрекая.
Реву я и вою, как зверь;
Вдруг, новым стыдом обдавая,
Скрипит, открываяся, дверь.

Мещанка знакомая входит
И сын ее, мой ученик,
И страх на мальчишку наводит
Мой розгами вызванный крик.

Лукаво смеется бабенка,
И стала мальчишку пугать:
— И ты заревешь так же звонко,
Как стану тебя я стегать.

Учитель от этакой порки,
Наверное, встанет сердит,
И мне тебя на обе корки
Пороть хорошенько велит.

30 января 1885.

* * *

— Все повторять одно и то же
Тебе не стану по сто раз
И накажу тебя построже.
Неси, дежурный, розги в класс.

Да накажу тебя иначе,
Чтоб побольней да постыдней,
И положение не лежаче
Сейчас займешь ты, дуралей,

Разденься, да живей ложися,
Живот на стол, а ноги — вниз.
Смеяться дети принялися
На тот инспекторский каприз.

А мне и стыдно, и неловко.
И руки, ноги мне тотчас
Связала крепкая веревка,
И злая кара началась.

Со стороны смешно движенья
Ног оголенных наблюдать,
Но в этом странном положении,
Ах, мне-то какво лежать!

* * *

Вчера меня в чужом саду
За кражу яблук розгами пороли,
А ныне красть опять пойду.
Коли поймают,— что ж бояться боли!

На пять удачливых ночей
Одна порой достанется мне порка,
Зато в подполице моей
Плодов румяных вырастает горка.

Учитель я, но мал почет,—
В училище хожу я босоногий,
И мама розгами сечет,
Сечет и в школе наш инспектор строгий.

От розог мне не убежать,—
За яблоки приму охотно муку,
И весело мне изучать
Полночных краж опасную науку.

* * *

В бане жарко и туманно,
И четыре мальчугана
На скамью велят мне лечь,
Моют быстро, осторожно,
Очень ловко. Я тревожно
Жду конца: ведь будут сечь.

Со скамейки сняв, водою
Обольют вдруг ключевою,
И разложат на полу.
Вот и розги уж готовы,
И топорщатся, суровы,
На скамеечке в углу.

Все четыре мальчугана
Мной недавно были драны,—
Вот полоски как сини!
Мне случайность не забавна,—
Усмехаются, и славно
Будут сечь меня они.

Пред бедою неминучей
Догадался я,— не случай
Надо мной их нынче свел:
Когда в баню посылала,
Мать таких и подбирала,
Чтобы каждый всласть порол.

6 февраля 1887.

В душевной глубине бушует
Звериная, нагая страсть.
Она порою торжествует,
Над телом проявляя власть.

Вот дама рощицей проходит,
Легки одежды у нее,
А за кустами уже бродит
Вблизи двуногое зверье.

Вот повстречались. Даме жутко,
Но уже похоть в ней горит,
А парень к ней. — Ай, баба! Нутка!
Ложись на травку! — он кричит.

Она бежит, он догоняет,
В его руках дрожит она.
Хватает, на землю бросает, —
И в миг она оголена.

Из-под разорванной рубашки
Прерывистый чуть слышен стон.
На голые он давит ляжки, —
И труд веселый совершен.

— Пошла! — И дама убегает,
Закрыв лицо. В глазах туман.
Смеясь и плача повторяет:
— Вот негодяй! Какой мужлан!

Но в сердце нарастает радость,
Идет все медленней она,
Звериную изведав сладость,
Как от шампанского пьяна.

Порою все же не довольно
Объятий грубых и простых,
И тело жаждет своевольно
Метаний и безумств иных.

Тоска томит и нетерпенье,
И все досадует и злит,
И кто же это все волненье
Поймет и быстро исцелит?

Целители не понимают,
Целимые же не хотят,
Но все же то они свершают,
Что силы тайные велят.

Настала грозная минута,
И розги в воздухе взвились,
И раздражение и смута
В душе внезапно улеглись.

В тройном союзе все сплелось:
Ликуют боль, и стыд, и страх,
И все томление сожглось
В мольбе, и в криках, и в слезах.

Пусть после этих наказаний
Мне стыдно, а другим смешно,
Но стихло пламя беснований,
В крови погашено оно.

* * *

В ночь, как папоротник цвел,
В чашу я босой пошел
Потихоньку ото всех,
Поискать себе утех,
Тайну ночи той открыть,
Клад найти, счастливым быть.

Но я тьмою был пленен,
В сон ленивый погружен,
Час заветный я проспал,
И цветок не отыскал.

Просыпаюсь, — день давно,
А в душе моей темно.
Надо мне домой идти,
Но забыл я все пути.
К счастью, встретил я людей,
Помогли беде моей.

Но вернулся я домой
Только в полдень золотой.
— Где ты был? — спросила мать.
Что сказать, чтоб не соврать?

Говори или молчи,
Знаю, будут розгачи,
И признался я во всем,
И пришлось мне голышом
Наказание терпеть
И под розгами реветь.

10 июля 1884.

* * *

В окна открытые ветер бежит,
Летнего дня с ним вливается жар.
Я на колени поставлен. Жужжит,
В голую ногу впиваясь, комар.

Брошены голые ветки берез,
И шевельнуться не смеет рука —
Скинуть докучного. Стыдно до слез.
В небо гляжу, где плывут облака.

Вольная тучка, плавь да лети.
Там не понятен ни стыд мой, ни плен.
Как хорошо бы на речку пойти,
С удочкой в воду залезть до колен!

25 июня 1886.

* * *

В окне кисейная гардина,
За ней блестит лукавый взор, —
Довольно милая картина,
Которую украшен двор.

Порой гардину отодвинет
Соседка и, раскрыв окно,
Словечко бойкое мне кинет,
А что сказать — ей все равно.

Порой, сорвав за веткой ветку
И листья сбросивши в саду,
Увижу резвую соседку,
Когда я на крыльцо взойду.

Румянцем щеки вдруг зажгутся,
Но эти ветки как не прячь,
Ведь все равно к ней донесутся
Чрез узкий двор мой крик и плач.

2 мая 1886.

* * *

В палящий полдень в темный лес
Унес я к светлому ручью
От ярко-блещущих небес
Тяжелый стыд и боль мою.

Деревья, ветки наклоня
С участием внятным, хоть немым,
Отвевали от меня
Недавней кары едкий дым.

Когда под голою ногой
Раздастся ветки слабый треск,
Я вспомню, — розги надо мной
Перемежали свист и плеск,

И голос матери моей
Мне ласково твердил упрек,
И длился гибкий свист ветвей,
И лился слез моих поток.

И чем больше розга жгла,
Тем я все больше сознавал,
Что велика вина была
И что за дело я страдал.

И усмирившейся душой
С признаньем слив мольбу мою,
Вопил я: — Ой! прости! ой! ой!
Ой! заслужил! ой! сознаю!

* * *

В переплетной мастерской
Клей поставила на плиту я,
И работою другою
Занялся, беды не чую.

Кто-то дров не пожалел
Сунуть в печку потрудился,
Живо клей перекипел,
И по всей плите разлился.

Неприятен клейный смрад,
И убыток — порча клея,
И мальчишки все глядят
На меня, вперед жалея.

И кастрюлька вмиг снята, —
Горячее клей, чем надо, —
И очищена плита.
Бальзаминову досада;

Рассердился, стал вопить:
— Захотел ты, видно, порки!
Оголить и разложить!
Отодрать на обе корки!

И пришлось мне на пол лечь.
Начинается расправа, —
Мальчуганы стали сечь,
Хлещут розги слева, справа.

* * *

В стране сурового изгнания
На склоне тягостного дня
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.

Кому молюся я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому мечта моя цветет.

Его мимолетящей тени
Шепчу молитву, прост и бос,
Склонив смиренные колени
На травной ласковости рос.

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
И страх, и стыд, и боль предстанут,
Все кары надо перенести.

И с этой ласковой березы,
Где листья клейки по весне,
Покорно наломаю лозы,
Сулящие мученья мне,

И непреложность заклинанья
Зажжет восторги в муке злой,
Когда звенящий крик страданья
В протяжный перельется вой.²

* * *

Две дамы ехали в коляске,
Я мимо с мальчиками шел.
Здесь ожидать плохой развязки
Не догадался б и осел.

Да вот беда, — не снял я шапки,
Не видел, что из дам одна,
Хоть и сидит порою в лавке,
Но Розенбергова жена.

Вот вечером приказ явиться
К инспектору я получил.
Он начал на меня сердиться,
И долго он меня бранил.

— Ну что ты нос-то задираешь!
Какая дерзость! срам какой!
Вот погоди, уж узнаешь,
Мальчишка, озорник босой!

Зазнался! Думаешь, — учитель,
Так очень важен и хорош!
Он — наш почтенный попечитель!
Его жену не ставишь в грош?

Что? не заметил? Дурадея,
Негодный, корчить погоди!
Иван! возьми его! Живее
С ним к Розенбергу в дом иди!

Пред Розенбергом стоя, красный,
Босой, взволнован и смущен,
Все объяснил я, но напрасно, —
Не захотел мне верить он.

Я у него просил прощенья
Смиренно, долго, он отверг
Мои все слезы и моления,
Спесивый, злобный Розенберг.

И молвил: — Кончить не пора ли?
Иди-ка в кухню. Там, в саду,
Тебе уж розог наломали.
Себе накликал ты беду.

Приказ он отдал: — Босошлепу,
Чтоб нос не задираал вперед,
Разрисовать покрепче,
Погорячее, в переплет.

И, разогретый очень злобно,
Урок я слушал: — Не зевай!
Вперед веди себя пристойно,
Да клянуться не забывай!

24 июня 1883.

* * *

Денег нету ни гроша,
Зато слава хороша.

Заддадут порой вопрос:
— Отчего ты ходишь бос?

А на нет ведь нет суда,
Значит нету и стыда.

Тот осудит, кто глупей,
Тот похвалит, кто умней.

Глупый скажет: — Боском
Не пойдешь в богатый дом.

Умный скажет: — Примечай,
Как босые входят в рай.

Глупый скажет: — Скуп и нищ.
Для сапог не нужно тыщ.

Умный скажет: — Знать, не мот,
И копейки бережет.

Глупый скажет: — Холодно,
Босиком ходить смешно.

Умный скажет: — Закален,
Бережет здоровье он.

И такой вопрос дадут:
— Отчего тебя секут?

Так же можно отвечать:
— Ведь родная учит мать.

Глупый скажет: — Стыд какой!
Все смеются над тобой!

Умный скажет: — В пол лицом,
Мать проучит прутовьем,

Ей покорен, — молодец!
Тут греху всему конец.

Прут с березы не уьет,
А на добрый путь взведет.

Умных меньше, чем гупцов,
Да боятся мудрецов.

То, что умный говорит,
После глупый повторит.

И со мной сбилось то ж:
Скажет умный, так поймешь.

Посмеялись надо мной,
Покачали головой,

Но меня ж они потом
Называли молодцом.

Значит: денег ни гроша,
Зато слава хороша.

18 апреля 1888.

* * *

День сияет — румяный и белый.
Посмеявшись над маленьким горем,
Мать сказала: — Еще раз так сделай,
Побольней непослушного вспорем.

У меня на щеках еще слезы,
На коленях стоять еще надо,
Но не страшно мне гневной угрозы,
И душа моя солнышку рада.

И на розги гляжу я без страха:
Обломавшись, они замолчали,
И на мне уже снова рубаха,
И рыдания мои отзвучали.

* * *

Длинным школьным коридором,
Мимо классов, где шумят,
Провожаем злобным взором,
Прохожу тоской объят.

Вся одежда там осталась,
В этом карцере глухом,
Где мечта моя мегалась
Двое суток под замком.

И теперь иду я голый,
Весь румянцем залитой.
Предстоит мне час тяжелый
На полу там в мастерской.

ДНЕВНИК

Дневник содержит школьный мой
Страницы строгих предписаний,
И дальше поместился строй
Моих проступков и взысканий.

Сперва директорский наказ,
Потом идут десятки правил.
Инспектор строгость их не раз
Меня почувствовать заставил.

Есть правило, что босиком
Я быть обязан на уроке,
И как справляться мне с трудом,
Все точно вычислены сроки.

А дальше ряд страниц идет,
Где в выраженьях непреклонных
Точнейший вносится учет
Моих деяний незаконных.

Графа, налево уж страшна.
В ней истолчен я, словно в ступке.
Вина там каждая видна,
И надпись у нее: «Проступки».

Четыре главные вины:
Шалил, дерзил, был непокорен,
Ленился, — все они видны,
Дневник мой ими изузорен.

Я уронил случайно стул,
На классной губке есть прореха,
По классу вдруг пронесся гул
От детского живого смеха,

Иль кляксу посадил в журнал
Или на книжную страницу,
Иль пальцем по стеклу стучал,
Иль с шумом уронил таблицу,

Иль мелу в классе накрошил,
В руке почувствовав усталость, —
Инспектор все определил
Одним именованьем: шалость.

Скажи-ка я: — Не виноват!
Нельзя не шелохнуться детям!
Ответит он: — Всегда шумят,
А ты дерзишь, так и отметим.

— Давай живее свой дневник,
Сейчас же будет и награда,
А ты, дежурный ученик,
Неси живее то, что надо.

Когда инспекторский приказ
Хотя на йоту мной нарушен,
Или замедлен, хоть на час,
В дневник он пишет: непослушен.

Коль из тетрадей хоть одну
Не просмотрел я, хоть трудился
Над ними ночь, — мою вину
В дневник запишет он: ленился.

Все видит он, за всем следит,
Посмотрит каждую тетрадку.
Усерден он и домовит,
И очень предан он порядку.

Графа вторая широка,
И вызывает содроганье.
Над нею надпись жестока,
Одно лишь слово: «Наказанье».

Ее глазами пробегать
Мне вовсе не бывает лестно.
Пришлось часто мне читать
Там надпись грозную: телесно.

Столбец цифирью запестрел,
И надпись: уд., читай: удары.
В них отмечается предел
Грозящей мне телестной кары.

Но в «Наказаньях» есть слова
Слабей: «на голые колени
Стань в классе; час», порою «два»,
Иль «в зале стой на перемене».

Порою запись: «10 плух»,
Или такая: «б пощечин».
Хоть розги крепче оплеух,
Доволен все же я не очень.

Таков-то школьный мой дневник.
Учитель я, а в самом деле
Я — босоногий ученик,
Без кар почти что ни недели.

3 апреля 1883.

* * *

Еще не мало мне осталось
Тетрадок школьных просмотреть.
Уж поздно. Я гоню усталость,
Чтоб завтра не пришлось реветь.

Но клонит сладкая дремота,
Туман в глазах, темно кругом,
Потяжелели отчего-то
Босые ноги под столом.

Дремлю, дремлю, и, засыпая,
Вдруг мамин окрик слышу я:
— Задряхнул! Ж..у настагаю!
И вмиг дремота где ж моя!

И снова спорится работа,
Бежит рука с карандашом,
Тихонько отбивают что-то
Босые ноги под столом.

Чуллок на спицах быстро вяжет,
На стуле сбоку сидя, мать,
И знаю, — розгами накажет,
Коль снова вздумаю дремать.

* * *

Есть для меня простых два слова,
И с ними связан смысла двойной, —
Слова «иди» или «готово»,
Произносимые сестрой.

Порой «готово» означает:
— Вот полоскание для зубов.
Порою поркой угрожает, —
Пук свежих розог уж готов.

— Иди, пора уже обедать,
Скорее, Федя, стынут ши. —
Иди-ка розгачей отведашь,
Повоешь, Федька, не взыщи.

Две клички мне даются розно:
Коль Федя — ласковая речь;
Коль Федькою покличет грозно,
Так значит захотела сечь.

Еще двум кличкам есть дорожка
За мой смиренный гардероб:
Коль в доме мир, я — «босоножка»,
А если ссора, — «босошлеп».

24 августа 1900.

* * *

Иногда мне станет тошно,
Если долго не секут.
Нагрешу тогда нарочно,
Стану дерзок, зол и крут.

Разобью иль поломаю
Хоть линейку, хоть стекло.
Сам себя не понимаю,
Так на сердце тяжело.

Покоряясь грозной воле,
На пол я потом ложусь,
И когда от резкой боли
Наорусь и наревусь,

Вдруг в душе спокойно станет,
Жизнь покажется легка,
И уж сердца не тиранит
Посрамленная тоска.

Но такие промежутки
Мать не часто мне дает.
С нею очень плохи шутки,
За пустяк порой сечет.

Пусть из прутьев от березы
Солона была лапша,
Но едва обсохнут слезы,
Успокоится душа.

* * *

И рад бы не пошел,
И рад бы не давался,
Да схватят за хохол:
— Терпи, коли попался!

И рад бы я, не лег,—
Рубашку с плеч стащили,
Штаны стянули с ног,
Меня же разложили.

И рад бы убежал,
Да держат очень крепко.
И рад бы не кричал,
Да розги хлещут лепко.

Сподручней быть смирной,
Без спора покориться,
И на пол поскорей,
Раздевшись, ложиться.

* * *

Исправник старый мирно жил
И зубы мужикам лошил.
Его жена была портниха
И учениц лупила лихо.

Два сына были озорные
Мальчишки. Не умела мать
Унять их, и городовые
На двор вели их часто — драть.

Порой заказчица-купчиха,
С улыбкой слушала их вой,
Промолвит: — Сын-то мой — блажной!
— Пришлите! — скажет ей портниха.

И смотришь: точно, вечером,
Послушав розочного свиста,
Мамаша в полицейский дом
Тащила сына-гимназиста.

Городовым дает на чай,
А те: — Барчонок, получай!
Они, подачке щедрой рады,
Секут мальчишку без пощады.

Иной мальчишка сам придет,
Неся от матери посланье,
А после порки сам дает
На чай за это наказанье.

Я одного спросил: — Пришел
Зачем ты сам? — Сказал: — Послали!
Когда б отец меня привел,
Ударов вдвое больше б дали.

Увы! я скоро поспешил:
И сам туда ж дорогой близкой.
Пришел я с маминой запиской,
И все, что надо, получил.

5 ноября 1887.

* * *

Истомившись от капризов
И судьбу мою дразня,
Сам я бросил дерзкий вызов:
— Лучше высеки меня!

Чем сердиться так сурово
И по целым дням молчать,
Лучше розги взять и снова
Хорошенько отстегать.

Мама долго не томила,
Не заставила просить,—
Стало то, что прежде было,
Что случалось выносить.

Мне никак не отвертеться.
Чтоб удобней было сечь,
Догола пришлось раздеться,
На колени к маме лечь,

И мучительная кара
Надо мной свершилась вновь,
От удара до удара
Зажигалась болью кровь.

Правда странная побоев
Обнаружилась вся:
Болью душу успокоив,
Я за дело принялся.

27 октября 1889.

* * *

Каждый месяц подвожу я
Счет на всю казну мою.
Если все сошлось,— ликуя,
Счет я маме подаю.

Хоть в Казенную палату
Подавай, так точен счет.
Но за каждую растрату,
Хоть в копейку, мать сечет.

— Знаешь сам, что есть прорехи,
Надо то и то купить,
Получай же на орехи,
И умней старайся быть.

Помни: каждая копейка
Целый рубль побережет.
Сотрясается скамейка,
На которой мать сечет.

Не соскочишь, коль привязан,
Никуда не убежишь.
После, розгами наказан,
На коленях постоишь.

Ах, не пряник и «не» бублик
За растраты мать дает,—
За копеечку, за рублик
Больно розгами сечет.

9 июля 1891.

* * *

Каждый раз, как взор встречает
Где-нибудь в углу метлау,
Память мне напоминает,
Как частенько на полу

Ждал я. Прутья шелестели,
За пуком слагался пук,
И дрожало в голом теле
Ожиданье стыдных мук.

Голос матери раздался,
Вот просвистнула лоза,
Я от боли заметался,
За слезой бежит слеза.

Так домашних исправлений
Проходил я трудный строй,
Сея возгласы молений,
Жгучей боли рев и вой.

* * *

Какая низменная проза!
Объелся яблоками я,
И виснет надо мной угроза,
Что плохо ночь пройдет моя.

Желудок нестерпимо режет,
Раздулся бедный мой живот,
И понял я зубовный скрежет,
Который грешников нас ждет.

Во рту погано так и кисло,
Ни усидеть, ни стать, ни лечь.
Угроза новая нависла:
Грозится мама больно сечь.

Я знаю, сбудется угроза,
Мне кары той не избежать.
Какая низменная проза, —
В стыде и страхе трепетать!

3 сентября 1883.

* * *

Как весел сад, душист и зелен!
Как птицы радостно поют!
А мне не весело, — мне велен
Здесь очень невеселый труд.

Сказала мать: — Иди, проказник,
Покрепче розог там нарви.
Ужо задам тебе я праздник,
Знай, будет задница в крови!

И в этом птичьем щебетанье,
В пленительном земном раю
Себе готовлю наказание
И муку стыдную мою.

С березы ласковой и нежной
Я ветки подлинее рву,
Чтоб с них потом рукой прилежной
Оброснуть листья на траву.

* * *

Как есть домашняя скотина,
Так есть домашние слова.
Семейной жизни вся картина
Бывает в них совсем ясна.

Пересказать сперва придется
Те прозвища да имена,
Которым слушатель смеется,
Хоть шутка вовсе не смешна.

Слова особые мы ищем,
И смысл их нам давно знаком.
Хожу порой я босичищем,
Хожу порой я босиком,

И босоты моей ступени
Приметой разнятся одной:
Я босичищу, открыв колени;
Закрыв колени, я босой.

Я называюсь необулом,
Когда босой хожу с утра.
Обутый вышел, так разулом,
Вернувшись, зваться мне пора.

В штанах коротких — щеголяю,
А вовсе без штанов — франчу.
То имя «щеголь» получаю,
То имя «франта» получу.

Когда все тело на свободе
И, как Адам, я обнажен,
Так значит, я по первой моде,
Или по-райски наряжен.

И для телесных наказаний,
Смотря по степени вины,
Не мало прозвищ и названий
Для различения даны.

О их значении не спорят,
В них каждый разочтен удар.
Секут, стегают, хлещут, порют,
Дерут, — сильнейшая из кар.

Мы различаем розги, лозы,
И лозаны, и розгачи,
И розгачищи, — с ними грозы
На теле слишком горячи.

Заря — еще немного боли,
А зарево — уже больней,
А до пожара допороли
Или додрали, — что страшней!

И требует сноровка наша,
Чтоб слово било прямо в цель:
Лапша, березовая каша,
А послабее — вермишель.

Обязан я совсем быть голым
Всегда, когда меня секут.
За это прозвищем веселым —
Голик — тогда меня зовут.

Мать говорит, начав расправу:
— Задам же баню я сынку!
Лежи, пройдуся-ка на славу
Я голиком по голику!

Когда я на полу разложен,
Домашний требует язык,
Который в кличках осторожен,
Чтоб я был «драный половик».

Я называюсь «душегрейка»,
Коль на коленях мать сечет,
А если подо мной скамейка,
То коврик я иль переплет.

Когда от боли я ногами
Мечусь и выюся, словно выюн,
И называюсь именами —
Иль голопаяс, или паясун.

Пощечины зовутся плюшки,
А если горячи -- блинки,
И называются ватрушки
По телу голому шлепки.

Я на коленях, так для шуток
Домашних стал я полотер.
Так много разных прибауток
Пришлось узнать, — язык остер.

Но босотой или сеченьем
Домашних слов не исчерпать.
Хочу другим стихотвореньем
Словца другие передать.

13 июля 1892.

* * *

Как этот час был беспощаден!
Я истомился, как в аду,
И множество кровавых ссадин
Пылает на моем заду.

Инспектор был весьма рассержен
Непослушанием моим,
И вот я в классе был повержен
На голый пол совсем нагим.

За локти, за ноги держали
Меня мои ученики,
И два ученика стегали
Меня во весь размах руки.

Немного дети посмеялись,
Потом затихли все и вот
Одни лишь в классе раздавались
Мой рев, мольбы, ударов счет.

Вот насчитали сто. — Довольно!
В рубашке на коленях стой.
Ну что, мерзавец, стыдно? больно?
Да постоишь и в мастерской.

Звонок. Ушли на перемену.
Потом опять даю урок,
Весь красен. Каждому колену
Пол одинаково жесток.

Не слышно вовсе разговоров,
И не смеется уж никто,
И только раз сказал Егоров:
— Небось, взрвешь, как всплуют сто!

* * *

По милым, свежим травам,
Обрызганным росой,
В смиренны не лукавом
Опять иду босой.

Меня от зимней лени
Спасти пришла весна,
И голые колени
Ласкает мне она

И солнечным сияньем,
И вздохом ветерка,
И радостным лобзаньем
Лесного ручейка.

И ландыш, и фиалка
Торопятся цвести,
Но мне срывать их жалко,
И жаль домой нести.

Ведь так они привольно
И радостно цветут.
Когда сорвешь, им больно,
Как мне, когда секут.

Но все ж пора за дело:
Сегодня утром мать
Побольше мне велела
Лесных цветов набрать.

Ах, к телу ближе, видно,
Своя рубашка! Что ж,
Хоть перед вами стыдно,
Но поневоле рвешь.

Точись, цветочных слезок
Невинный, чистый сок,
Чтобы себя от розог
Я нынче уберег.

С тяжелым состраданьем
Лесную жизнь губляю,
Зато непослушаньем
Я мать не прогневаю.

* * *

Привыкнуть можно ко всему
А все же к розгам не привыкну.
К стыду большому моему,
При первом же ударе вскрикну.

Сбирает мама прутья в пук,
Лежат другие прутья розны,
А мне уж страшно острых мук,
И шелестенья прутьев грозны.

Велит совсем раздеться мне,
И даже сдернута рубаха,
И пробегает по спине
Холодное дыханье страха.

Сечет, и слезы в три ручья,
Мечусь напрасно, крепко связан,
Такая боль, как будто я
Сегодня в первый раз наказан.

— Не буду больше! больно! ой!
Ой! ой! прости! — кричу неволью.
— Ой! мама! сжапись надо мной!
Ой! ой! прости, помилуй! больно!

Хотя случилось порой,
Что и не раз в неделю секла,
А все ж привычки никакой
К домашнему преддверью пекла.

* * *

Разговор короток с приставом...
— Надо прежде деньги получить...
Но в усердии неистовом
Он не даст мне и договорить.

— О ремонте можно б ранее,
У меня, узнав, похлопотать,
А теперь уж наказания
Вам телесного не избежать.

Наказание телесное,
И не только для одних детей,
Средство просто расчудесное!
Раздевайтесь же поскорей!

Ведь мальчишек вы стегаете,
В этом видите вы, значит, прок.
На себе вы испытаете,
Как полезен будет вам урок!

* * *

Запросили в гости,
Да не скрыли злости,
Начали шпынять:
Очень уж я скромн,
Обиход мой темен,
И строптива мать.

Чем же недовольна?
Часто ли и больно,
И за что сечет?
Иль мне так и надо?
Розги где: из сада
Иль в лесу берет?

Правда ль: бережлива
Так, что всем на диво.
И велит ходить
Мне босым? Жалею
Денег, иль не смею
Обуви носить?

Мне б сказать им смело:
— Вам-то что за дело?
Что за разговор? —
Но совсем смущаюсь,
Мямлю, запинаясь,
Потупляю взор,

И язык что пробка,
И сижу я робко,
Красен, словно рак.
И язвят нещадно,
Думая злорадно:
«Этакий дурак!»

4 октября 1887.

* * *

Сам себя не понимаю,
Только верю я себе,
Потому что твердо знаю:
Верить надо нам судьбе.

Я бываю зол порою,
Раздражителен, угрюм,
И, отравленный тоскою,
Полон горьких мыслей ум.

Становлюсь я мрачно-дерзок,
Все б ломать да отрицать,
И себе тогда я мерзок,
Но с грозой приходит мать.

Розги гибкие взовьются
Беспощадно надо мной,
В тело голое вопьются,
Вызывая крик и вой.

И душа моя смирится,
Муками утомлена,
И на сердце водворится
Благодатно тишина,

Точно это мне и надо,
Точно иначе б не мог
Сердце вырвать я из ада
Необузданных тревог.

Так, умом не понимаю,
Но смиренною душой
Все покорно принимаю,
Что мне послано судьбой.

4 декабря 1887.

* * *

Сгорала злость моя до тла
В кровавой ярости сеченья.
Была медлительна и зла
Вся эта пытка исправленья.

Наказывали на дворе.
Соседки из окна смотрели,
Смеясь, как в бешеной игре
Хлестали розги и свистели.

Их брат, веселый мальчуган,
Меня с товарищем пороли.
Держали двое. Как чурбан,
Лежал я и орал от боли.

Когда секут, сгорает стыд.
Хоть все в окрестности сбеgetься,
Но об одном лишь боль вопит:
— Простите! Сжальтесь! Заступитесь!

Нет, не заступятся. «Секут,
Ну, значит, так ему и надо!»
И даже розги принесут,
Взамен истрепанных, из сада.

27 июля 1887.

* * *

Сегодня утро было ясно,
Уроки хорошо прошли,
А вечерело очень красно,
И тучи в небо поползли.

И вечер темен. Мама хлещет
Нешадно розгами меня,
И тело голое трепещет,
Но что же вся моя возня,

Мольбы, и крики, и рыдания!
— Ой! Мама, милая! Ой! ой!
Прости! Помилуй! — Наказанье
Терпи, голубчик! Не впервой!

Удары медленно считает:
— Вот тридцать два! Вот тридцать три!
Что, больно, милый? — И стегает.
— Без спроса, дурень, не бери!

— Прости! Прости! — Терпи, сыночек!
Еще один! Вот тридцать пять!
— Ой! ой! — Терпи же, голубочек!
Что, будешь сахар воровать?

— Так вот тебе! Еще! Вот сорок!
Да пятками-то не махай!
Коль жить не можешь ты без порок,
Так вот тебе! — Ой! Ой! Ай! Ай!

Сечет, сечет. — Вот сорок восемь!
Еще один! Вот пятьдесят!
Ну, а теперь сынка мы спросим:
Ты сознаешь, что виноват?

— Ой, мама, виноват! Не буду!
Не буду больше никогда!
Я этой порки не забуду,
Запомню, мама, навсегда!

— Так! Задний ум, коль слаб передний,
Тебе вколачивает боль!
Горяченький, зато последний,
Десяток получить изволь!

Еще десяток отсчитала,
Потом спросила: — Что, сынок,
Довольно? Или еще мало?
— Спасибо, мама за урок!

* * *

Сказала мне сегодня Даша,
Большую волю дав рукам:
— Небось, березовая каша:
Накрасила и щеки вам!

И задница красива стала
(Ведь где эстетику нашла!),
Когда от розог запылала,
Краснее кумача была.

Красиво так за пяткой пятка
Мелькали, или обе враз,
Что даже лишних два десятка
Не пожалела я для вас.

Да я ведь вычту их исправно,
Когда опять придется драть.
Зато уж выпорола славно.—
И принялася хохотать

* * *

Скука тусклой жизни мне уж надоела,
Стало мне постылым собственное дело.
Дорогой ценою заплаатить я рад,
Чтобы жизнь сложилась на широкий лад:

Счастье, так уж счастье, сочное, нагое,
Горе, так уж горе, злобное, крутое.
Ласка, так уж ласка, полная любви,
Кара, так уж кара,— задница в крови.

Нет большого счастья, нѣт большого горя,
Только, если выпью,— по колена море,
Ну и достается больно мне тогда,—
Мать сечет, так, что же! это — не беда!

Правда, и до крови иногда стегает,
Только дома скоро стыд мой замирает.
Не ведут на площадь, не идет палач,
Повертись немного да слегка поплачь.

Все же после ласки маминой светлее,
Все же после порки голова яснее,
Все же гонят скуку эти боль и стыд
И позабываешь мелочность обид.

* * *

Увлечшись индивидуализмом,
Смешать его готов ты с эгоизмом,
Но вот о чем подумай крепко ты:
Творящий Азь дойдет и до Фиты.

И я в мои растроченные годы
Был друг неограниченной свободы,
И подменять случалось не раз
Тогда мне «я» на очень крупный Азь.

В усердии, с большой любовью слитом,
Меня знакомя с целым алфавитом,
Смирjali часто маленькое «я»,
И укротилася душа моя.

В минуты бунта приходили Буки,
Неся мне корни горькие науки,
Вещая: Азь Буки Глагол Добро.
Молчанье — золото, речь — лишь серебро.

Единый только Есть, вы все Живете,
Зело утруждены на белом свете.
Встречай же дни, создателя хвала,
Чьей благодатью наполнена Земля.

А Иже знает і, тот в неге сладкой
Кончат дни, как слоги Иже с краткой.
И Како Люди в мире поживут,
Такой от Господа им будет суд.

Мыслете: Наш Он, Бог, Покой. Рузы Слово,
По правде, Твердо; если ж бестолково,
Придут учить и Ук, и Ферт, и Хер
Похерит все, что вылезло из мер.

Цы скажет: — Цыц! смирись, во тьме ползущий!
А вот за ним скользит и Червь грызущий,
И близнецы там идут, Ша и Ща,
Шният они, от злобы трепеща.

Вот твердый Ер с Еры и с нежной дочерью,
Такую бледненькой и мягкой Ерью.
Вот педантичная проходит Ять,
На кою вольнодумцам наплевать.

За нею Э, задумчивый и строгий,
Идет своей особенной дорогой.
Общительная, ласковая Ю
И Я с Фитой слились в одну семью.

За ними, рифму удлиняя, Ижица
Благочестивая с угрозой близится,
И голосом козлиным говорит:
— Хвала тому, кто знает алфавит!

Прочесть он может много разных книжиц.
Хотя иные обошлись без Ижиц,
Но учат все, что только Азь один
Без прочих букв, что пень среди долин.

И, кончив речь свою благочестиво,
Меня он повергает на пол живо,
И розгами меня сечет, а я
Мечуся, наг, от боли вопия.

1 августа 1902.

* * *

Уже на запад солнце клонит,
А воздух дышит горячо.
На речку мама снова гонит:
— Иди-ка, поуди еще! —

Хоть лень идти, но с мамой споры,
Мне наказанием грозят,
И вот мои недолги сборы,
Менять не надобно наряд.

И в легкой полотняной блузе,
В коротких до колен штанах,
В потертом сереньком картузе,
В природных прочных сапогах

Забрел я в реку. Удят рядом
Со мной мои ученики.
Завистливым взирая взглядом
Все на чужие поплавки.

Улов удачен. Не осудит
Меня взыскательная мать,
И, улыбаясь, ужин будет
Из свежих рыб приготовить.

Уж сколько раз я обещался
 Не пить проклятого вина,
 А вот в гостях не удержался,
 И, как сапожник, нализался,
 И уж не знаю, чья вина.

Две рюмки водки выпить можно,
 Не опьянешь от того,
 Но в том беда, что мысли ложно
 Потом бегут, и осторожно
 Уже не взвесить ничего.

В субботу так я угостился,—
 Товарищ на вечер позвал,—
 И в воскресенье протомился,
 И в понедельник все сердился,
 Мальчишек в школе пробирал.

Уроки кончились. Стемнело.
 Сестра позвала сторожей.
 Меня учить пора приспела,
 И дали мне за это дело
 Урок посредством розгачей.

С веселым смехом на расправу
 * Ведут меня в четвертый класс.
 Накажут, знаю, не в забаву:
 Ведь розги выбраны на славу,
 И в ванные пролежали час.

Начальник утром я над школой,
 А к вечеру того же дня
 Мне задают урок тяжелый:
 На неметеный пол я голый
 Разложен и дерут меня.

Ору, реву, молю прощенья,
 Но тупежны слезы и мольбы:
 Числу ударов для сеченья
 Назначенных, нет измененья,
 Как нет пощады у судьбы.

Что ж делать! Сам ведь дал я право
 Сестре распоряжаться мной,
 И вот телесная расправа,
 Параграф строгого устава,
 Вместились в мой домашний строй.

* * *

Уж скоро осень будет зрелой,
Повиснет яблок наливной,
А на березе пожелтелой
Все гибки ветки, как весной.

Осенней ночью я, как прежде,
В чужой залезу сад опять
С двумя мальчишками, в надежде,
Там сладких яблоков нарвать.

А если попадусь, березы
Стоят недаром у плетня:
Услышу снова брань, угрозы,
И тут же высекут меня.

Но в сердце жажда приключений
Так необузданно сильна,
Что и мучения сечений
Не испугается она.

Притом же эту цену
Дешевле яблоки достать,
Чем с тощею моею мошною
Их на базаре покупать.

Провал бывает не всегдашний,
И, значит, не всегда секут,
А взятое в ночи вчерашней
Сегодня не отнимет прут.

* * *

Услышав строгий призыв твой,
Прошел я шаткие ступени,
И стал смиренно пред тобой
На обнаженные колени.

Слегка кружилась голова.
От страха и стыда краснея,
Я слышал гневные слова,
Ответить ничего не смея;

Порою ветер залетал
В окно открытое беседки,
И на скамейке колыхал
Свежо нарезанные ветки.

Ах! предварительный урок,
Я знаю, будет слишком краток,
И засмеется ветерок
Мельканьям быстрых голых пяток.

Со щебетаньем звонким птиц
Смешаются иные звуки:
Посвистыванье крепких виш,
Мольбы и вопли резкой муки.

* * *

Утро. В классах шум. Тоскливо.
Жду я. В карцер входит врач.
С ним Сосулька,³ крикнул: — Живо
Раздевайся, да не плачь!

Я снимаю, холодея,
Все, надетое на мне,
И мурашки, страхом вея,
Побежали по спине.

Врач мне грудь послушал, кожу
Щупал, мял со всех сторон,
Буркнул: — Жалоостную рожу
Корчить нечего, — силен.

Сердце, легкие в порядке.
Двести розог можно дать.
Розгачи хоть и не сладки.
Да придется получать.

* * *

Утро. Солнце светит мне в окошко,
А в душе тревога, скука, лень.
Вижу, тучка крадется, как кошка, —
Вот сейчас тут на пол ляжет тень.

День опять пройдет в труде и скуке,
Буду вновь мальчишкам толковать
О Петре Великом, да об луке,
Да о том, где надо ставить ять.

Может быть, все мирно обойдется,
Может быть, придут и боль, и стыд,
К пустяку инспектор придерется,
Выдрать розгами меня велит.

Дома вновь докучные тетрадки,
Где ошибок бестолаковых сеть,
Где все буквы кривы, косы, гадки,
И за полночь с ними мне сидеть.

В этой скуке, словно развлеченье,
Если мать случайно рассержу,
И под мукой жаркого сеченья
На полу я голый полежу.

* * *

— Хорошо, вам аттестат
Мы отличный накачаем,
Строчки все поставим в ряд,—
Это дело мы ведь знаем.

Тут бумага не нужна,
Перьев и чернил не надо,
И телесная дана
Будет вам сейчас награда.

Что бумага! Обронить
Можно всякую бумажку.
Нет, на теле мы строчить
Станем, снявши с вас рубашку.

Прутьев крепких связки две,
Да скамейка, да веревка.
Дать подушку к голове?
Вам лежать, надеюсь, ловко?

Голой, связанный лежу,
Аттестат я получаю,
И ору, реву, вижжу,
О прощеньи умоляю.

— Встаньте! Годен аттестат?
Вам не надо добавленья?
Что же вы? благодарят,
Получивши награжденье.

Аттестат-то наш каков!
В ноги стоит поклониться! —
И пришлось без лишних слов
Приказанью покориться.

— Одевайтесь! Аттестат
Надо помнить слово в слово,
А не то я буду рад
Написать его вам снова.

* * *

Хорошо ли я одет,
Черезмерно худо ли,
Бодро я гляжу на свет,
Не теряю удали.

Хоть порой душа моя
Никнет и печалится,
Хоть порой тоска-змея
Нестерпимо жалится,

Хоть порою под прутом
Бьется тело голое,
Да придет ко мне потом
И пора веселая,

Удальство и озорство
Будто разгуляются,
Не бояся ничего,
И ни в чем не каются.

Доложить ли хоть дозой,
Чтобы стал я шелковым?
Видно, род мой озорной,
Не добиться толка вам.

* * *

— Хорошо, что ты грибов набрал,
Да зачем же ты штаны порвал?

-- Я попал в колючие кусты,
А штаны стареньки, знаешь ты.

-- А почто штаны не засучил?
А почто ты ног не заголил?

Не хотел царапать ноги, знать?
Прогневил опять, негодный, мать!

Там в лесу жалел ты голых ног,
Только кожи все ж не уберег!

Ведь одежду надо поберечь,
А не хочешь, буду больно сечь.

Сам сейчас увидишь, что лапша
Из березы больно хороша,

И березовая каша вслед
Горяченька будет на обед!

— Мама! больно! ой! ой! ой! прости!
Сжался! ой! помилуй! ой! пусти!

— Потерпи немножечко, дружок!
Кончу сечь, прошу тебя, сынок!

* * *

Хотел я быть героем
И бабушке сгрубил,
Но скоро кухню воем
И ревом огласил.

За дерзостное слово,
Ворвавшееся в речь,
Опять меня сурово,
Раздевши, стали сечь.

У пяток много прыти,
Но в сердце скисла прыть,
И я ору: — Простите!
Не буду я грубить!

* * *

Что за неделю накопилось?
Немного: пакет, другой...
Вдруг сердце трепетно забилось, ---
Лежит повестка предо мной.

Простое дело — два пакета,
Повестка серая страшна.
Я знаю, чем грозит мне это.
Душа уж чем-то смущена.

Читаю спешно: извещение,
Что в срок не выполнено мной
Законное распоряженье
О перестилке мостовой.

И приглашение — в участке
Быть вечером к восьми часам.
И по щекам густеют краски,
Глаза блуждают по строкам.

Все буквы, запятые, точки
В пятно слилися на стене
Я знаю, там напишут строчки
Не на бумаге, а на мне.

Так часто малая примета
И признак часто небольшой.
Страшнее, чем Харон и Лета,
Становятся перед тобой.

Увидишь слева новолунье,
Иль заяц путь перебежит,
И знаешь: злобная колдунья
Недоброе наворожит.

В приметах данное случайно
В ответ на мысли о судьбе
Порой совсем необычайно
Варуг отразится на тебе.

* * *

— Что топорщишься, как гоголь!
Не достать тебя рукой!
А скажи, вчера не строго ль
Обошлася я с тобой?

Вишь, инспектор, важный барин! —
Раскричалася сестра, —
А давно ли был отжарен
Розгачами ты? вчера?

Дома ходишь босошлепом, —
Для смиренья так веваю, —
А забылся, — по Европам
Розгами сейчас пошляю.

Я тебе теперь за дело
Пропишу и ой и ай!
Раздевайся-ка да тело
Мне под розги подставляй!

На колени положила,
Розги крепкие взяла,
И бранила, и стыдила,
Сорок розог мне дала,

И в одной из кар домашних
Мне опять пришлось реветь,
А на садинах вчерашних
Новая чертилась сеть.

26 мая 1904.

* * *

Шутить порой мы начинаем,
Когда кому-то не смешно.
Шутливый смысл тогда влагаем
В слова, известные давно.

Утратив прежние значения,
Слова причудливо звучат.
Ору я в грозный час сеченья,
Ну, значит, я — аристократ.

Как будто бы на самом деле
Значенья разные смешав,
Наделав ссадин — граф на теле,
Мать вспоминает телеграф.

Недавно рассердил я маму,
Потом я на полу лежал,
И с громким криком телеграмму
Довольно долго принимал.

Мать назвала меня обломом:
— Вишь, обломала веник весь.
Сестра дразнила насекомым,
Значений составляя смесь.

И грозный смысл был приурочен
К простым словам, — сказала мать:
— Простеган славно и прострочен,
Как одеяло на кровать.

12 мая 1891.

* * *

Я к сроку не перемостил
Участка перед школой нашей, —
В участке пристав угостил
Меня березовою кашей.

Сегодня так же, как вчера,
Все остается в прежней силе.
Сначала мать, потом сестра
О том директора просили.

Порядок заведен такой,
Директором наставлен пристав,
И неустанно он за мной
Следит, и в строгости неистов.

Придет повестка — так и знай,
Все вовремя исполнить надо:
Скорее крышу починяй,
Иль краску исправляй фасада.

А после срока через день,
Коль не исполнено задание,
Опять повестка... — Делать лень,
Так потерпите наказание.

А розги уж лежат в углу,
Городовые раздевают,
И вот я голый на полу,
И вот уже меня стегают.

Так над людьми везде царят
Уставленные кем-то сроки;
А если люди проглядят,
Возмездья сроки так жестоки!

Ах, если б можно было жить,
Как ангелы живут, беспечно,
О малых сроках не тужить,
К великим устремляться вечно!

От заповеди: «Не зевай!»,
От наставленья: «Сам виновен!»
Уйти в желанный сердцу рай,
Который свят и безгреховен.

Но срокам утоленья нет.
В темнице сроков тесных бейся,
Стремись на ясный Божий свет,
И на бессрочное надейся.

* * *

Я отдал книги в переплет, —
Искусный мастер переплетчик
Здесь близко за углом живет, —
Но экономен был мой счетчик.

Я много денег издержал,
Сестра осталась недовольна.
Потом я на полу лежал,
Мне становилось очень больно.

Усердно секли сторожа.
Напрасно ерзал на полу я.
Иной удар больной ножа
Впивался, тело полосая.

Хлестали розги в переплет.
Ах! очень разны переплеты!
Не мал бывает розгам счет,
Когда не малы деньгам счеты.

2 октября 1902.

* * *

Я помню эти антресоли
В дому, где в Вытегре я жил,
Где, корчась на полу от боли,
Под розгами не раз вопил,
И, воздух ревом оглашая, —
Ах, эта горяча ланша! —
Нагими пятками сверкая,
Такие дела антраша!

Порою свяжут. Распростерто
Нагое тело. Круто мне,
И бьется сонная аорта,
И весь горю я, как в огне.
И как мне часто доставался
Домашних исправлений ад!
Для этого употреблялся
Общедоступный аппарат,
Пук розог. Быстро покрывался
Рубцами обнаженный зад.
Спасть от этих жутких лунок
Не удавалось мне никак.
Что не считалось за проступок!
И мать стегала за пустяк:
Иль слово моавил слишком смело,
Иль слишком долго прогулял,
Иль вымыла пол не слишком бело,
Или копейку потерял,
Или замешкал с самоваром,
Иль сахар позабыла подать,
Иль подал самовар с угаром,
Иль шарик хлебный начал мять,
Или, мостков не вверясь дырам,
Осенним мокрым вечерком
По ученическим квартирам
Не прогулялся босиком,
Иль, на уроки отправаясь,
Обуться рано поспешил,
Или, с уроков возвращаясь,
Штаны по лужам замочил,
Иль что-нибудь неосторожно
Разбил, запачкал, уронил, ---
Прощать, казалось, невозможно,
За все я больно сечен был.
Недолог был поток нотаций,
И суд был строг и очень скор;
Приговорив, без апелляций,
Без проволок, без кассаций
Исполнит мама приговор:
Сперва ручные аргументы
Придется воспринять ушам,
И звучные аплодисменты
По заднице и по щекам;
Потом березовые плески;
Длиннее прутья, чем аршин;
Все гуще, ярче арабески,
Краснеет зад, как апельсин.
И уж достигла апогея
Меня терзающая боль,
Но мама порет, не жалея,
Мою пылающую голь.
Бранит и шутит: — Любишь кашу?
Ну что же, добрый аппетит.
Вот кровью кашину подкрасу,
Что, очень вкусно? Не претит?
Ты, видно, к этой каше жаден.
Ори, болван, ори, сто крат.
Ишь, негодяй, как ты наряден!
Смотри, какой аристократ!

* * *

Я проснулся ночью. «Вспомни!» --
Словно кто-то прошептал.
Вот глядит луна в окно мне,
На пол свет ее упал.

Сердце бьется, -- вспомнил сразу,
Что, стыдом меня казня,
По Сосулькину приказу
Завтра высекут меня.

Что сказал я, было дерзким,
Я не знаю. Был я прям,
Очень возмущаясь мерзким,
Плаутовским его делам.

Слушать истину не лестно...
Вечером позвал он мать.
Решено меня телесно
Завтра в школе наказать.

Что, луна, в окно ты светишь?
На меня зачем глядишь?
Что мне скажешь? чем приветишь?
Чем забавить поспешишь?

Не томи ты желтым светом,
Издеваясь и дразня!
Сам ведь помню я об этом:
Завтра высекут меня.

26 сентября 1887.

* * *

Я — учитель, ну так что же!
Малый дома мне почет,
И меня по голой коже
Мать частехонько сечет.

От пощечин рдеют щеки,
Дома я босой сижу,
Даже в школу на уроки
Босиком всегда хожу.

Там строптивости и лени
Бальзаминов не простит,
И на голые колени
Стать нередко мне велит.

Так порою час за часом
С шалунами я стою,
И хоть стыдно перед классом,
Но уроки им даю.

По щекам прильнет, ругает
Бальзаминов; иногда
Он и розгами накажет
Так жестоко, что беда.

Он прикажет, и мальчишки
Подбегут ко мне, дерут
И рубашку, и штанишки,
Бросят на пол и секут.

Я реву, молю пощады,
Слышу звонкий смех детей,
Точно все мальчишки рады
Свисту резкому ветвей.

Даже те, кто сами были
Ныне драны иль вчера,
Точно разом позабыли,
Что ведь порка -- не игра.

А инспектор не прощает,
Он всегда неумолим,
И удары он считает
До назначенного им.

* * *

Я шел дорожкой средь могил,
Осенний вечер смутен был,
Луна сквозь облака светила,
И все уж с кладбища ушли.
Мне было страшно и уныло.
Кресты как будто стерегли.

Казалось мне в неверном свете:
Кресты качаются все эти,
И скоро встанут те, кто там
Должны в земной утробе стынуть,
Кому лишь только по ночам
Дозволено могилу кинуть.

И под одеждой, мнилось мне,
Холодным пальцем по спине
Водил погнавшийся за мною,
И вызывал холодный пот,
И наполнял меня тоскою
Вплоть до кладбищенских ворот.

Я за оградой очутился,
Холодный ужас с плеч свалился,
И жизнь обычная мила,
И все снести достанет силы,
Чем жизнь трудна и тяжела,
И даже розги стали милы.

¹ Вероятно, речь идет о сослуживце Сологуба в Крестецком училище, старшем по службе. В «Канве к биографии», составленной писателем, есть запись: «Пришла бумага от директора — разрешено мне на уроках быть босым. Бальз«аминов» рас-поряжаются: „Завтра без сапог“ <...> Розги в кабинете Бальз«аминова». На его коленах. <...> Бальз«аминов. Бил по щекам. Сек розгами. Ставил на голые колени» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 89, л. 98 об.—99).

² Вариант стихотворения вошел в сб.: Сологуб Федор. Чародейная чаша. Пг., 1922. С. 13 (совпадают только две первые строфы).

³ Вероятно, прозвище одного из сослуживцев Сологуба по Великолуцкому училищу. В «Канве к биографии» во фрагменте, относящемся к службе в Великиз Луках, есть запись: «Учеников секли часто во всех классах. Сосулькина индюшка. Сосулька сек медлительно и с издевками. Велит раздеться, лечь на пол, несколько раз перелечь, как удобнее. Иногда сам уйдет — лежи и жди».

**К БИОГРАФИИ Н. А. КЛЮЕВА
ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА ЕГО ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
(По материалам семейного архива Б. Н. Кравченко)**

Публикация А. И. Михайлова

Последний период жизни и творчества самобытного русского поэта Николая Алексеевича Ключева (1884—1937), снискавшего своей уникальной картиной «избяного космоса» и поэтической философией потаенной сущности крестьянского бытия мировую известность, охватывает конец 20-х (примерно с 1928 г.) и 30-е годы — до октября 1937 г., когда поэт был расстрелян.¹ На общей жизненной канве поэта этот период определяется следующим образом. 1912—1917 гг. — Ключев уверенно входит в ряды первых поэтов России, как певец и философ (с пророческим уклоном) полумифического мира земледельческой цивилизации («избяная Индия», «берестяный рай»). 1918—1921 гг. — период активных, но тщетных попыток поэта согласовать идеалы и предания крестьянской Руси с революционной ломкой страны. 1922—1927 гг. — начало «аввакумовского» пути поэта, период его отчуждения от новой действительности, вызов ей и противопоставление «прогрессистам» и вульгарным социологам своих патриархальных идеалов, за что поэт объявляется с их стороны «врагом», но ему еще удается печататься. В 1928 г. выходит последний сборник его стихов — «Изба и поле». 1929—1937 гг. — период изоляции поэта от общества: сначала творческой (его не печатают, новые произведения читаются самим автором на закрытых или полужакрытых литературных вечерах и распространяются в списках), затем (с 1934 г.) физической (арест и ссыл-

¹ См.: Пичурин А. Виновым себя не признавал: Последние страницы биографии Николая Ключева // Красное знамя. Томск, 1989. 17 февраля; Хардигов Ю. 1) Судьба поэта Николая Ключева // Знамя коммунизма. Томск, 1989. 3 июня; 2) «Кровь моя свяжет две эпохи...»: Неизвестные страницы биографии Николая Ключева // Красное знамя. Томск, 1989. 18 июня.

ка). Это годы наиболее драматических и трагических коллизий в жизни поэта, духовного и морального напряжения, попыток разорвать смыкающийся круг одиночества.

Через всю поэзию Ключева проходит тема поисков и обретения (а также потери) родственной души, близкого человека — в чуждом и враждебном мире. Это не только лирическая тема, но и линия собственного жизненного поведения поэта, приводившая его то к продолжительной переписке с Блоком, то к сближению и союзу с Есениным, то к дружбе с Н. И. Архиповым² и др. Именно на этой биографической основе и возникали, перерастая в жанр своеобразного лирического романа, послания поэта к своим друзьям — довольно древний жанр мировой лирики. В героине большинства стихотворений первого сборника Ключева «Сосен перезвон» (1911, на обложке и титульном листе — 1912) угадывается собирательный образ Марии, Елены и Евгении Добролюбовых, с которыми он был знаком по революционному движению 1905—1906 гг. Стихи второй книги «Песнослава» (1919), книги «Львиный хлеб» (1922), поэмы «Четвертый Рим» (1922) погружают читателя в мир глубоких душевных и исторических коллизий, сопутствующих сложным взаимоотношениям с Есениным, итог которым подведен в поэме «Плач о Сергее Есенине» (1926). С 1928 г. (начало последнего периода) героем почти всех лирических обращений и посланий поэта становится только что начинающий свой творческий путь художник Анатолий Никифорович Яр-Кравченко (1911—1983).

Через Анатолия тесно сблизилась с Ключевым и вся семья Кравченко, о которой необходимо сказать несколько слов в качестве предкомментария к публикуемым ниже материалам. Отец художника Никифор Павлович Кравченко, украинец по национальности, родился в 1883 г. в г. Новоград-Волынский. В 1894 г. он окончил Криворожское народное училище, затем штейгерские курсы при Первом Кавказском горном округе (в местечке Чиатури) и в 1902 г. со званием мастера-штейгера поступил в управление строительством Китайско-восточной железной дороги (Маньчжурия). На всю жизнь профессия инженера путей сообщения становится основной, чем определился кочевой образ жизни семьи Кравченко. Мать поэта, Лидия Эдуардовна (в девичестве Дайлидо), родилась в 1887 г. в Гродно в семье бывших политических ссыльных полуполяков-полуфранцузов. В городе Том-

²Николай Ильич Архипов (1887—1967) — друг Ключева, начиная с вытегорского периода его жизни (1918—1923), редактор газеты «Звезда Вытегры», в дальнейшем директор петергофских музеев и парков.

ске окончила гимназию. В 1903 г. на станции Чжаланьтунь (КВЖД) она встретила с Никифором Павловичем Кравченко. Через три года, в 1906 г., они поженились.

Детей было шесть человек, но трое рано умерли; остались старший Владимир, средний Анатолий (родился 21 июня 1911 г. в Благовещенске на Амуре) и младший Борис (родился 10 июня 1913 г. там же), который и является хранителем доставшихся ему от семьи и прежде всего от брата Анатолия публикуемых ниже материалов последнего периода жизни и творчества Н. А. Клюева.

Ныне Б. Н. Кравченко проживает в Ленинграде. Его клюевский фонд включают письма, автографы, фотографии, рисованные Анатолием портреты Клюева, личные вещи поэта. Многие сохранила его память. И неудивительно: целых четыре года личного общения с Николаем Алексеевичем в быту запомнились на всю жизнь. В шутку он называет себя адъютантом Клюева. В период сибирского заточения поэта он в полном смысле выполнял роль связного: получал адресованные ему из Сибири письма для передачи брату, Вячеславу Шишкову, Алексею Толстому и Всеволоду Иванову, которых сосланный поэт не хотел компрометировать прямой связью с собой. О Б. Н. Кравченко (тогда подростке и юноше) Клюев неоднократно упоминает в письмах к Анатолию Яр-Кравченко начала 30-х годов (хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, в архиве Р. В. Иванова-Разумника).

Начать обзор конкретных клюевских материалов, хранящихся в архиве Б. Н. Кравченко, следует, пожалуй, со свидетельств дружеских, близких взаимоотношений между Клюевым и всей семьей Кравченко. Вот его приписка в поздравительном (с праздником Рождества Христова) письме Анатолия родителям из Москвы (где они вместе с Клюевым проживали) в Ленинград от 8 января 1933 г.: «Приветствую, поздравляю с праздником, желаю благоденствия и здоровья. Н. Клюев». Вот книга поэта «Лесные были» (1913), подаренная им Никифору Павловичу Кравченко 26 марта 1933 г. с дарственной надписью: «Дорогой Никифор Павлович — с Ангелом. 1933. Ленинград. Н. Клюев». Вот письмо Николая Алексеевича к Лидии Эдуардовне от 29 октября 1932 г. из Москвы в Ленинград с просьбой пожить у него в квартире во время его отлучки. Хранится у Бориса Никифоровича среди вещей, принадлежавших Клюеву, фибровый чемоданчик-несессер французской фирмы, а в нем бритвенный прибор фирмы «Gillette». История этого чемоданчика (как слышал Борис Никифорович от самого Клюева) такова. В июне 1924 г. приехал из Москвы в Ленинград Есенин и,

зайдя к своему бывшему другу, проживавшему тогда на улице Герцена (дом 45, кв. 8), принес ему подарок — вот этот привезенный из-за границы бритвенный прибор с наказом сбрить бороду и надеться, как и он, Есенин, в европейский костюм, продемонстрировав тем самым отказ от своей преданности заветам старины, упорным ревнителем которых Клюев тогда слыл (да и был им по существу). Клюева это даже рассердило. Но, несмотря на отказы, Есенин оставил у него свой подарок, которым тот никогда не пользовался, поскольку не брился, а только подстригал усы и бороду какими-то очень старинными ножничками (как и вообще во всем предпочитал пользоваться старинными вещами). Прибор оказался Клюеву без надобности, и он впоследствии подарил его Никифору Павловичу, который и пользовался им вплоть до своей смерти в 1950 г.

О самом знакомстве Анатолия с Клюевым, о начале их дружбы узнаем как от самого Б. Н. Кравченко, так и из хранящихся в его архиве документов.

После целого ряда вынужденных смен местожительства семья Кравченко обосновывается в 1922 г. в дачном месте под Киевом Святошино, где Анатолий начинает ходить в третий класс (два первых были закончены в Семипалатинске). Закончив семилетнюю школу уже в Чернигове, Анатолий в 1927 г. поступает в Киевский художественно-технический институт на подготовительные курсы и одновременно занимается у профессора живописи И. Ф. Селезнева, ученика П. П. Чистякова. Именно по его совету созревает у Анатолия решение поступить учиться в Академию художеств. С этой целью он и приезжает в апреле 1928 г. в Ленинград. Здесь уже жила со своим мужем тетка по матери Зинаида Эдуардовна Борисова. У Борисовых в общежитии (муж Зинаиды Эдуардовны Николай Георгиевич Борисов, в прошлом моряк, был студентом Второго Ленинградского медицинского института) он на первых порах и находит пристанище.

На другой день по приезде Анатолия в Ленинград, 11 апреля 1928 г., и состоялось его знакомство с Клюевым на выставке художественного фонда в «Обществе покровительства художников им. Куинджи», о чем он в тот же день сообщил в письме родителям: «Эта выставка находится на улице Герцена, дом 38. Вошел в это здание, романтическое, уютное и, боже мой, что я увидел — искусство! Все вещи одна другой лучше <...> Осматривая выставку, я увидел пожилого человека с бородой (вроде Шевченко в ссылке), в свитке простой деревенской и сапогах <...> Старичок смотрит, а вокруг него мнутя люди, да какие люди, все интеллигенция. Слышу, заго-

ворил, и знаешь, мама, как заговорил, как-то умно, осмысленно и толково. Посмотрел еще раз на старика и пошел смотреть в следующее отделение худ. Бухгольца. Хороший художник и колорист большой. Смотрю портреты всяких артистов, поэтов, вдруг вижу старика нарисованного. Читаю в каталоге номер такой-то, и что же оказывается? Клюев! Знаешь, что Есенина вывел в люди, т. е. в поэты. Вот мать честная! Подхожу к старику и кружусь, вроде как бы на картины моргаю, а куда к черту — на Клюева плясь! Смотрю, старичок подходит ко мне, спрашивает название карт<ины> и заговаривает об искусстве. Проходили мы мимо нарисованного портрета, я возьми да и сравни их обоих, портрет и Клюева. Заметил это. Стали говорить, я сейчас же вклинил о Есенине. Вижу, старичок ко мне совсем душу повернул. Я о Клюеве: дескать, роскошь — стихи! О Кравченко заикнулся — знает, о Нестерове — еще лучше и т. д. В результате познакомился, он сказал: — Клюев, я — Кравченко.

Долго ходили, сидели на диванах, он меня взял под руку, и <мы>, прожываясь по застланным коврами комнатам, говорили об искусстве, литературе, он мне рассказывал о писателях, о Сережке³ Есенине, его истинном друге. Он прослезился, вспоминая о нем».

Почти полвека спустя, в 1976 г., А. Н. Яр-Кравченко восстановил по памяти события этого дня в следующей записи (хранится у Б. Н. Кравченко). «В 1928 году в зале <Общества> поощрения Художеств, в Ленинграде, на улице Герцена, 38, была открыта выставка художников-куинджистов. Приехав издалека, я с жадностью рассматривал экспонированные тут работы. Среди многочисленных зрителей я обратил внимание на пожилого человека с бородой, в поддевке и сапогах. Сначала удивился, потом поразило, как он внимательно рассматривал рисунки, этюды и картины. Он смотрел, а вокруг него толпа. Все интеллигенция, люди искусства. Слышу, заговорил, да как заговорил! Умно, осмысленно и толково. Я посмотрел еще раз на старика и пошел в следующий зал. Увидел прекрасные портреты Ф. Бухгольца. Среди изображенных артистов, писателей и поэтов был и человек с бородой. Вгляделся в надпись под портретом: „Поэт Н. Клюев“.

К этому времени с группой зрителей в зал вошел и он. Я присоединился к идущим и оказался возле поэта. Рассматривая пейзаж, он склонился к этикетке, но, видимо, без очков не мог прочесть и обратился ко мне: „Вы

³ «Сережке» — здесь явная вольность Анатолия, сам же Клюев, по словам Бориса Никифоровича, вспоминая о Есенине, называл его не иначе как только «Серенькой».

не будете добры прочесть, что тут написано?". Я пробежал глазами и прочел вслух. Он поблагодарил меня, завязался разговор, и мы познакомились. Я сказал, что приехал поступать в Академию художеств. Он пожелал мне успеха, и мы пошли, продолжая осмотр выставки и обмениваясь мнениями. Долго ходили, устали и присели на диван отдохнуть; говорили об искусстве, литературе, он рассказывал о писателях, я завел разговор о Есенине, он прослезился, вспоминая о нем. К нам подошли две дамы, Клюев представил меня: „Вот молодой художник, знакомьтесь“. Я назвал себя. „А это, — сказал Клюев, — жена Есенина — племянница⁴ графа Л. Н. Толстого Софья Андреевна“. — „Очень приятно“. И я пожал протянутую мне руку. Осмотрев выставку, все пошли к Ключеву домой, на улицу Герцена. Это было началом нашего знакомства». Далее А. Н. Яр-Кравченко пишет: «Позже, уже сдружившись, мы вместе посещали многих художников, поэтов и писателей. Клюев познакомил меня с А. Рыловым, К. Петровым-Водкиным, С. Власовым, В. Щербаковым, с писателями А. Толстым, В. Шишковым, К. Фединым, А. Белым и со многими другими.

Была такая традиция: когда художники возвращались с летних этюдов, приглашали Ключева на „крестины“. Он брал и меня с собой. Рассматривая этюды, каждый старался придумать им названия. Помню один этюд С. Власова: дерево, под ним скамейка, вещь обыкновенная, а когда Клюев ее „окрестил“ — „Мне припомнилась юность далекая“ — все ее увидели по-другому и нашли в ней большой смысл.

Я учился в студии В. Е. Савинского и там подружился с Ю. Непринцевым. Однажды приехал его отец, известный тбилисский архитектор, и, увидев на выставке этот этюд, приобрел его. Сын возмущался покупкой отца, считая этюд малоинтересным. Тогда отец сказал: „Это хорошая вещь. Когда я прочел ее название «Мне припомнилась юность далекая», я вспомнил свою молодость и захотел эту вещь иметь у себя на стенке“.

У Ключева я встречался с А. Белым, А. Чапыгиным, В. Рождественским, А. Прокофьевым, В. Саяновым, Н. Брауном и многими другими.

Николай Алексеевич слагал свои стихи на прогулках, сидя дома, оттачивал эпитеты. И все в себе. На бумаге они появлялись, когда их надо было нести в редакцию для издания. Много стихов и поэм записал я.

В то время мне много позировали писатели и поэты. Позировал и Николай Алексеевич. Я сделал с него 8 портретов акварелью и маслом. Во время сеансов мы много говорили об искусстве, о судьбах людей искусства. Он

⁴ Ошибка памяти А. Н. Яр-Кравченко: С. А. Есенина-Толстая приходилась Льву Толстому внучкой.

был очень интересный собеседник. Когда у него сидишь, бывало, видишь как бы весь мир. Его эрудиция, знания и образное восприятие жизни поражали. Сколько, слушая Клюева, я увидел заново, представил и вообразил!

Мои работы ему очень нравились, он восхищался ими и посвятил мне много стихов».

Так родилась эта дружба. Через год, 4 марта 1929 г., Анатолий писал: «Милые мои родители, я хотел бы с Вами разделить один сложный вопрос и получить согласие или совет. Сейчас, когда в Москве и Ленинграде до 8 известных Кравченко (певцов, художников, графиков, литераторов, артистов), я хочу изменить свою фамилию приставкой „Яр“. Я говорил с Коленкой, и он это придумал. В марте выйдет альманах со стихами, «...» посвященными мне, и Коленка хочет написать так: „Анатолию Яр-Кравченко“. Это очень гармонично. Не правда ли? Напишите ваше мнение, я вразрез не пойду».

Родители не возражали. Под своей обновленной фамилией и стал Анатолий Кравченко известен вскоре как художник. Этот случайный, казалось бы, эпизод характеризует прежде всего самого Клюева, с его стремлением подчинить своему художественному миру саму реальность, равно как и с его аввакумовской страстью отвергать те или иные ее стороны. Перелистывая сборники стихов поэта от первого до последнего, то и дело натыкаешься глазами на этот особенно устойчивый, если не сказать, упорный эпитет клюевского мироощущения — «ярый». В нем выражение язычески-буйной силы жизни: «ярые крылья», «ярая бровь», «ярый кречет», «ярые роды», «давяще-яр в плечах» (о парне), «ярые кресцы», «ярые сердца», «ярый гнев», «светел и яр» (серафим), «ярые сыны», «Ярые Очи» (изображение Спаса на иконе) и т. д. В стихах Клюева рубежа 20—30-х годов, посвященных Анатолию Яр-Кравченко, этот эпитет присутствует в закодированном виде, в ассоциациях образа героя с образами природы (флоры и фауны), исполненными буйно растущих и цветущих сил.

В 1929 г. Клюевым была подарена молодому художнику последняя изданных при жизни поэта книга «Изба и поле» (1928) с автографом, стилизованным в духе средневековых посланий: «Сладчайшему брату Анатолию Кравченко стихи мои — цветы с луга Пинтелеймона во исцеление печали душевной — на радость и торжество светлой любви моей. Дано в моей келье во граде святого Петра, в лето по Рождестве Бога-Слова 1929 в Татьянин день.

Недостойный Николай Клюев».

Н. А. Клюев и А. Н. Яр-Кравченко встречались и бывали вместе, проживая в Ленинграде, одно время даже на одной и той же улице Герцена (Клюев жил в доме 45, кв. 8 — в бывшем доме князей Мещерских, теперь Дом Союза композиторов; Яр-Кравченко вместе с семьей — в доме 33, кв. 17). Летом 1929 г. они вместе были в Саратове, где Никифор Павлович работал на строительстве участка железной дороги Саратов-Миллерово и где в летние месяцы проживала с ним приехавшая из Святошина вся семья. С 1929 по 1932 г. они проводили лето в деревне Потрепухино на реке Вятке, неподалеку от городища Кукарки (ныне город Советск) Кировской области, где художник много рисовал поэта. Там были сочинены Клюевым и записаны Анатолием публикуемые ниже стихи; к их пребыванию в Потрепухино относится также публикуемая ниже запись Анатолия о своем старшем друге. С 1932 г., обменяв свою ленинградскую жилплощадь на московскую, Клюев переезжает в столицу и поселяется там в Гранатном переулке, дом 12, кв. 3 (ныне улица Щусева, дом не сохранился). Анатолий часто приезжал туда к нему из Ленинграда, откуда они вместе ездили на Вятку, в село Потрепухино.

Помимо стихотворений, посвященных Анатолию Яр-Кравченко, составляющих довольно весомый пласт лирики позднего Клюева, поэт писал ему письма. Писал в Ленинград из Москвы (1930—1933 гг., их копии хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, архив Р. В. Иванова-Разумника); из Сочи, где поэт отдыхал по путевке Литературного фонда Союза писателей (ноябрь 1931 г.); из северо-западной Сибири (сначала из поселка Колпашево, затем из Томска). Письма из этого последнего пункта отправления адресовались, как уже было сказано, Борису, проживавшему в это время в Ленинграде (Набережная реки Мойки, дом 37, кв. 8), в семье своей жены. Ему была прислана Клюевым и поэма «Кремль» для Анатолия, который должен был передать ее куда-то для публикации. В 1935 г. Борис был призван на службу в армию, а когда в 1937 г. зашел в квартиру, где до призыва проживал вместе с женой и ее родителями, там жили уже другие люди. И присылаемые на этот адрес письма из Сибири, естественно, не доходили по назначению.

Кроме писем Н. А. Клюева к Анатолию Яр-Кравченко и другим лицам, публикуются нами и его стихи в записях друга, обнаруженные в бумагах последнего, а также фрагмент из записной книжки художника, в котором воссоздаются живые черты поэта в бытовой обстановке. Все эти материа-

лы, одни датированные точно, другие приблизительно, относятся к концу 20-х и первой половине 30-х годов — последнему периоду жизни и творчества Н. А. Клюева.

Письма Н. А. Клюева к А. Н. Яр-Кравченко

1

Москва. <1933>.

Садись за блюдо черных сот,
Геенский сорок пятый год!
Желанный год пятидесятый, —
Величье лба от Арарата,
И в бороде, как меж холмов,
Голубоватый блеск снегов,
Еще незримых, но попутных,
На братьев пестрых и лоскутных
Глядит, как дуб, вершиной вея,
На быстротечные затеи
Веселых векш и диких яблонь...

Я твой, любовь! И не озябло
Подсолнечник — живое сердце,
Оно пьет сумерки ведром,
Степную сыть чумацким возом,
Но чем пьяней, махровой розам,
Тем слаще жалят их шмели,
И клонят чаши до земли,
Чтобы вино смешалось с перстью...
Не предавай меня безвестью,
Дитя родное! — Меж цветов
Благоухает лепестков
Звонящий ворох, это песни,
За них стань прахом и воскресни!¹

Николай Клюев.

Дорогой мой племянник.² Клянюсь тебе и посылаю свое благословение, извини, что задержал прилагаемые стихи, но все время у меня, как и у тебя, занято новым человеком, который вошел в мою жизнь. Прекрасный и свежий, как лесное карельское озеро, — он пьет мое сердце, мои слезы и поцелуи <...> Он нежен и внимателен

ко мне — утешает меня сладкими словами, на какие способен <...> Что будет даль«ше» — Бог знает, но сейчас сердце мое хотя и в скрытой тревоге, но согрето <...>³ Кольцо твое получено и висит на кухне на гвоздике над полкой верхней. Я тронут доверием Зинаиды⁴ ко мне — еще не остывшему, по ее словам, негодяю! Кланяюсь ей и мысленно преподношу самую белую розу. Прошу тебя в свою очередь позвонить Прокофьеву⁵ о скорейшей высылке аванса. С книгой, конечно, ничего путного не выйдет.⁶ Похлопочи, дорогой друг, на последках — постараюсь тебя больше не беспокоить. Я очень болен — опять сильнейшие головокружения и т. п.

Настоящие стихи приложи к книге.⁷ Жду немедленного ответа. Нельзя ли прислать цветного оттиска моего портрета!? В книгу я желал бы меня, читающего Погорельщину.⁸ Это было бы весьма приятно!

Как твои карие яхонты?⁹ Померкли для меня — твоего придворного поэта навсегда?.. Целую тебя в них, пусть они поплачут о моей и своей судьбе! Знать это — утешительно. Адрес: Москва, Гранатный переулок, № 12, кв. 3. Николаю Алексеевичу Клюеву.

¹ Настоящий текст представляет собой лишь часть письма, о чем свидетельствует цифра 3, которой помечен уголок листа, заполненного данным письмом, начинающимся стихами. Что было на утерянных предшествующих двух страницах, догадаться нетрудно: 3-я страница начинается с окончания стихотворения «Годы», следовательно, 1-я и 2-я страницы были заполнены основной частью этого стихотворения. И таким образом становится ясно, почему в хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ архиве Р. В. Иванова-Разумника (ф. 79, оп. 92) стихотворение «Годы» не имеет концовки. Дело объясняется просто. Вместе с сопроводительным письмом Анатолию оно направлялось в Ленинград как добавление к основному корпусу находящегося в «Издательстве писателей в Ленинграде» сборника поэта «О чем шумят седые кедр». Издательство в это время прекратило свое существование, и судьба сборника решалась отрицательно (впрочем, не только по этой причине). Новым стихотворением Клюева заинтересовался Иванов-Разумник, давний ценитель его поэзии. Анатолий Яр-Кравченко отдает ему первый лист с основной частью стихотворения, оставляя себе лишь его концовку, записанную на общем листе с письмом. Так в подборке стихотворений Клюева в архиве Иванова-Разумника появилось стихотворение «Годы» без концовки. Но все стихи Клюева в этом архиве дошли к нам лишь в машинописной копии. Какова же судьба их оригиналов и, в частности, записанного на первых двух страницах данного письма стихотворения «Годы» — неизвестно. В 1988 г. К. М. Азадовским оно было опубликовано полностью по списку, хранящемуся в архиве Н. И. Архипова (Родник. 1988. № 6 / 18).

² Так иногда Клюев называл Анатолия Яр-Кравченко. В архиве Р. В. Иванова-Разумника хранится копия клюевского заявления в домовый комитет по месту жительства в Ленинграде (ул. Герцена, дом 45, кв. 8) по поводу беспрепятственного вывоза Анатолием его вещей в Москву, где поэт в это время проживал, хлопоча об обмене ленинградской жилплощади на московскую: «Прошу не препятствовать в выдаче моей корзины моему племяннику А. Кравченко, что и свидетельствую своей подписью. Николай Клюев. 1 июля 1931 г.» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 209).

³ Имеется в виду один из последних друзей Клюева Лев Иванович Пулин (1908—1969), впоследствии (в 1950—1960-е годы) технический редактор Приок-

кого книжного издательства. Сходными словами Клюев характеризует его и в письме (уже из ссылки) к другому своему адресату — В. Н. Горбачевой (жене С. А. Клычкова): «Мой друг Лев Иванович Пулин, который жил у меня, сослан в Сибирь же в Маринский лагерь на три года,— пишет мне удивительные утешающие письма, гаснет и слова упрека за загубленную прекрасную юность. Вы его не знаете, но, быть может, видели когда-либо. Упоминаю об этом как об исключительном событии в моей жизни поэта» (Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы // Новый мир. 1988. № 8. С. 183).

⁴ Имеется в виду Зинаида Павловна Воробьева (1902—1985) — первая жена Анатолия Яр-Кравченко.

⁵ Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) — поэт, близкий Клюеву в ленинградский период его жизни (вторая половина 20-х — начало 30-х годов). В 1932 г. А. Н. Яр-Кравченко нарисовал его портрет (хранится в музее Пушкинского Дома, воспроизведен в сборнике поэта «Стихотворения» (Л., 1932)). В архиве Б. Н. Кравченко этот сборник сохранился с дарственной надписью художника своему отцу: «Дорогому папочке! дарю мою первую радость, с чувством большой благодарности и любви в этой жизни. А. Яр-Кравченко. 19 янв. 1933» Самим Прокофьевым было подарено А. Яр-Кравченко несколько сборников своих стихотворений с надписями, одна из которых на книге «Избранное» (Л., 1935) гласит: «Анатолию Яр-Кравченко, прославленному в днях земли великой. А. Прокофьев. 12 апр. 1935» (хранится в семейном архиве Б. Н. Кравченко). В Рукописном отделе ИРЛИ в архиве Прокофьева находятся три письма к нему Клюева, относящиеся к началу 30-х годов. Приводим одно из них: «Дорогой поэт, кланяюсь Вам низко и всегда вспоминаю внимание и сердечность Вашу и жены Вашей. Я задыхаюсь в своем подвале, как говорится, света божьего не вижу. Прошу Вас усердно об авансе из Современника. Нужно и необходимо уехать в деревню — но вся надежда на Ваш присыл денег. Помогите! Лето проходит... Мне ведь очень тяжело. Адрес: Москва, Гранатный переулок, дом 12, кв. 3. С творческой преданностью Н. Клюев» (Москва. 1985. № 12. С. 181. Публикация В. В. Базанова). В письме этом Клюев обращается к Прокофьеву как к члену сформированной в 1932 г. редколлегии журнала «Литературный современник» (выходил до 1941 г.). Но какое произведение Клюева предполагалось к напечатанию в этом журнале в 1933 г., остается пока не выясненным. По крайней мере ни одно из них в этом журнале опубликовано не было.

⁶ Речь идет о подготовленной Клюевым в 1933 г. для «Издательства писателей в Ленинграде» книге созданных в конце 20-х—начале 30-х годов и посвященных А. Н. Яр-Кравченко стихотворений — «О чем шумят седые кедр». Книга издана не была (см.: *Азадовский К. М.* Стихотворения Н. А. Клюева 30-х годов // Байкал. 1978. № 3). А. А. Прокофьев упоминается в этом письме скорее как посредник между поэтом и издательством.

⁷ В сохранившейся машинописи неизданного сборника стихотворений Клюева «О чем шумят седые кедр» присланного в этом письме стихотворения «Годы» нет. Впрочем, из машинописи, судя по ее нумерации, изъято 9 страниц. Возможно, среди них оно и было.

⁸ В 1932 г. А. Н. Яр-Кравченко был сделан портрет Клюева, читающего свою поэму «Погорельщина» (1928). В его записной книжке (хранится у Б. Н. Кравченко) по поводу этого портрета имеется запись от 21 марта 1933 г., в которой речь идет о посещении в Детском Селе художника К. С. Петрова-Водкина (1878—1939): «Петров-Водкин сказал, что мой Чапыгин и Клюев ему не нравятся («с ромашками») — дайте человека (Клюева), а это разве портрет. На Чапыгина — это вроде И. Грабарь. Понравился же ему этюд Клюева, читающего (экспрессия) „Погорельщину“ (7 главу)».

⁹ «Яхонт» — устойчивый образ поздней лирики Клюева, посвященной А. Яр-Кравченко. Ср.: «Пусть тростники моих седин, Как речку, юность окаймляют, Плывая по розовому маю. Причалит сердце к октябрю, В кленовый яхонт и зарю» (Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986. С. 192); «Так не печалятся о брате, Друзья о друге дорогом, Свет предвечерний на закате О пребывании земном... Как я о яхонтах глубинных В твоих морях, в твоих зрачках, Так в шумах липовых вершинных Всегда звенит разлуки страх!»; «Брыкастый выпил глубину И данью колдовскому дну Оставил очи — яхонт карий...»; «Чтобы размыкать на просторе, В морях или лесном пожаре Глухую весть, что яхонт карий Твоих зрачков горит сладой...» (Наше наследие. 1991. № 1. С. 115, 116).

2

«Колпашево. Начало осени 1934 г.¹».

Дорогое дитяtko, я послал тебе две телеграммы и большое спешное письмо и доверенность — просил известить о получении телеграфом, но нет и нет от тебя весточки! Ну, здравствуй! Целую тебя крепко и заочно в сердце твое, такое уже мужественное, прекрасное и простое! Прошу тебя известить телеграфом, где ты будешь проводить летний отдых, лучше бы всего в Сочи в санатории писателей — поприимал бы мацесты,² укрепил бы сердце и нервы. Теперь там самое бархатное солнце и виноград. Простираюсь памятью к хрустальным берегам югочерноморья... Где ты, сказка моя? Я живу днем. Когда наступает ночь, с ужасом думаю, что проснусь к новым страданиям. Конечно, достаточно мне услышать звук твоего голоса, чтоб я проснулся и пришел в себя, а так я разрушаюсь невероятно быстро, а главное не могу гармонизировать себя, собрать в кучу. Знаю, что многие миллионы двуногих существ всю жизнь пребывают в таком именно состоянии и что оно весьма помогает тому, чтобы слиться с человеческим стадом, но я знаю, что тогда нужно сказать прости себе как художнику, а это равносильно для меня самоубийству.

Дорогое дитя мое! Я бы не хотел, и для меня очень тяжело описывать тебе свои нужды, ведь нищета скучная вещь, и пронзять твое сердце видениями и жалами горя, будней, голода и холода — самое вредное дело. Припомни нашу совместную жизнь, когда все мое напряжение было устремлено на то, чтобы украсить, насколько позволяли обстоятельства, твое бытие. Хотя бы чашкой кофе, сдобными пышками, стихами и образным мышлением... Теперь же как мне быть? Я в великой нищете. Впереди... Но что об этом рассуждать? Иногда собираюсь с рассудком, и становится понятным, что меня нужно поддержать первое время, авось мои тяжелые

крылья, сейчас влачащиеся по земле, я смогу поднять. Моя муза, чувствую, не выпускает из своих тонких перстов своей славянской свирели.³ Я написал, хотя и сквозь кровавые слезы, но звучащую и пламенную поэму.⁴ Пришлю ее тебе. Отдай перепечатать на машинке, без опечаток и искажений, со всей тщательностью и усердием, а именно так, как были напечатаны стихи, к титульному листу которых ты собственноручно приложил мой портрет, писанный на Вятке на берегу с цветами в руках — помнишь?⁵ Вот только такой и должна быть перепечатка моей новой поэмы. Шрифт должен быть чистый, не размазанный лилово, не тесно строчка от строчки, с соблюдением всех правил и указаний авторской рукописи и без единой опечатки, а не так, как были напечатаны стихи «О чем шумят седые кедры», что, как говорил мне Браун,⁶ и прочитать нельзя, и что стало препятствием к их напечатанию и даже вызвало подозрение в их художественности. Все зависит от рукописи и как ее преподнесешь. Прошу тебя запомнить это и потрудиться для моей новой поэмы, на которую я возлагаю большие надежды. Это самое искреннейшее и высоко зовущее мое произведение. Оно написано не для гонорара и не с ветра, а оправдано и куплено ценой крови и страдания. Но все, повторяю, зависит от того, как его преподнести чужим, холодным глазам. Если при чтении люди будут спотыкаться на каждом слове и тем самым рвать ритм и образы, то поэма обречена на провал. Это знают все поэты. Перепечатка не за спасибо и не любительская стоит недорого. Текста немного. Лучше всего пишущая машинка, кажется, системы ундервуд. Прежде чем отдавать печатать, нужно спросить и систему машинки, а то есть ужасные, мелкие и мазаные. Отнюдь не красным шрифтом — лучше всего черным. Все это очень серьезно.

С радостью я всматривался в снимок с портрета твоей работы — Зоценко.⁷ Как ты растешь, дитя мое! Глупая болтовня Сонечки Калитиной,⁸ конечно, не причем. Но сколько вкуса в Зоценко! И античный барельеф на стене, и простота позы придают глубину и смысляют всякое легкомыслие с этого писателя. Мера портрета, пропорция, весь план говорят о высоком твоём чутье. Прошу тебя, присылай мне все, что можешь. Снимки, книги, журналы. В моем сером бытии все это будет празднично и сладко! У меня голые стены, но на зиму, вероятно, придется залечь в земляную яму с каменной, как в черной бане, так как я не смогу платить за жилье 20 руб. в месяц.⁹ Ах, если бы были эти аккуратные ежемесячные 20 рублей! Я бы имел совершенно отдельную келью с изысканной плотной дверью, с оконцем на сосновый перелесок, с теплом, тишиной и чистотой, отсутствие которых причиняет мне нестерпимое страдание! Подумай об этом, дитячко!

¹ Приблизительная датировка и место написания устанавливаются по содержанию письма, а также путем сопоставления с письмами к другим адресатам в первые месяцы пребывания поэта в ссылке (к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой, к С. А. Клычкову, к В. Н. Горбачевой). Так же как и в этом письме к А. Н. Яр-Кравченко, в них упоминается о получении журнала с портретом М. Зощенко, о первых хлопотах реабилитационного характера. Основным критерием определения места написания (Колпашево, а не Томск, куда поэт был переведен в октябре 1934 г.) является упоминание о «земляных ямах», о которых поэт сообщал и другим своим адресатам именно из Колпашева.

² В курортном месте Мацеста, неподалеку от Сочи, Ключев отдыхал осенью 1931 г. Из Мацесты было им послано Анатолию в Ленинград письмо следующего содержания: «18 XI. Мацеста. Тридцать тепла. Купаются в море. Мое окно прямо на море и бархатные дубы.— Такая радость и вместе грусть, что нет, тебя — лебеденок мой! Комната на одного, отношение чрезвычайно внимательное. Первый выход в общую столовую под бурные аплодисменты. Сердцу лучше, доктор утешает, что не умру. Послал тебе телеграмму, чтобы выслал спешно „Стихи из колхоза“ — жду, крепко и преданно целую» (ИРЛИ, ф. 79 (архив Р. В. Иванова-Разумника), оп. 4, № 209).

³ «Славянский» генезис своей музыки Ключев в этот период усиленного гонения на все, что со знаком обреченности объявлялось тогда «неославянофильством» и «русопятством», подчеркивает неоднократно. Так, на запрос Ленинградского Союза писателей относительно его, Ключева, идеологической позиции он в своем заявлении писал: «Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русской берестяной Сирин должен быть ошпиан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели?» (по копии, хранящейся в архиве Б. Н. Кравченко). В письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой из Сибири от 5 октября 1934 г. поэт следующим образом характеризует свою музыку: «За оконцем остяжкой избы, где преклонила голову моя узорная славянская музыка, давно крутится снег...» (Красное знамя. Вытегра, 1985. 17 октября).

⁴ Речь идет о написанной Ключевым сразу же в первые месяцы ссылки, в надежде на смягчение своей участи, поэме «Кремль», уже самим заглавием раскрывающей и ее содержание и ее цель. Вопрос о написании произведений, «созвучных» эпохе, возникал перед поэтом, жившим в самую горячую пору осуществления «грандиозной ломки», во всей его мучительной остроте. Примирению с разрушительными по отношению к национальной культуре тенденциями новых властей поэт, назвавший себя «жгучим отпрыском Аввакума», сопротивлялся поистине с аввакумовским упорством и свой вынужденный компромисс формулировал в стихотворении «Нерушимая стена» (1928—1930) следующим образом: «Рогатых хозяев жизни Хрипом ночных ветров Приказано золоторизней Одеть в жемчуга стихов. Ну что же? — Не будет голым Тот, кого проклял бог...» (Ключев Н. А. Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986. С. 172). В цитированном выше заявлении в Ленинградский Союз писателей он пытался оправдать верность своим творческим идеалам, своей поэтической самобытностью (даже в «искреннейших песнях революции») тем, что не хочет «дать врагу повода для обвинения» его, поэта, «в неприкрытом холопстве» перед новой властью и ее идеологией. В ссылке, с ее нечеловеческими условиями существования, искушения писать «созвучно» находят, наконец, в душе поэта лазейку. В письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 28 июля 1934 г. из Колпашева он с тоской пишет: «Недавно я получил сообщение, что мне разрешено печататься везде, где пожелаю, дело лишь за созвучными с нашей эпохой произведениями. Но не оставляйте меня! Время свое покажет. Вот идет полярная зима, уже тянет из тундры изморозью по вечерам, а я ведь только что перенес воспаление легких, очень слаб, говорю и глухо кашляю. Если

к этому добавить старинную болезнь сердца, общий ревматизм и болезнь сосудистой ткани, то хлопотать обо мне долго не придется» (Нева. 1988. № 12. С. 187. Публикация К. М. Аздовского). А двумя неделями раньше, 12 июля 1934 г., направляется им из Колпашева в Москву, во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет заявление, содержащее следующие признания и заверения поэта: «После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные, непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием „Погорельщина“, основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, послан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет.

Глубоко раскаиваясь, сквозь кровавые слезы осознания нелепости моих умозаключений, невыносимо страдая своей отверженностью от общей жизни страны, ее юной культуры и искусства, я от чистого сердца заявляю ВЦИКомитету следующее:

Признаю и преклоняюсь перед Советовластием, как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!

Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!

Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!

Обязуюсь и клянусь все силы своего существа и таланта отдать делу социализма.

Прошу помилования» (цит. по: Клычков Г. С., Субботин С. И. Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы // Новый мир. 1988. № 8. С. 171). В подтверждение тезисов этого заявления и была, вероятно, написана поэма «Кремль». Посланная А. Н. Яр-Кравченко для передачи в редакцию какого-нибудь солидного ответственного журнала, а может быть, и в сами высокие инстанции, она не была напечатана, а в годы войны пропала вместе с другими материалами поэта, хранившимися у художника.

⁵ Речь идет о портрете Клюева, писанном А. Н. Яр-Кравченко в деревне Потрепухино на реке Вятке в 1932 г., где они проводили летние месяцы. Опубликован Г. Макеем во 2-м томе «Собрания сочинений» Клюева, изданного в Мюнхене в 1969 г. В настоящее время местонахождение его неизвестно.

⁶ Браун Николай Леопольдович (1902—1975) — поэт, с которым Клюев общался в ленинградский период своей жизни. В архиве Б. Н. Кравченко хранится книга его стихов «Новый круг» (1928), подаренная Клюеву с надписью: «Клюеву Николаю Алексеевичу, дорогому светлому поэту, которого давно и крепко люблю. Николай Браун. XII. 28. Новая деревня».

⁷ Имеется в виду протрет М. Зоженко, писанный А. Яр-Кравченко в 1934 г. и воспроизведенный в ленинградском журнале «Резец» (1934, № 4) вместе со статьей «Большие горизонты. О художнике А. Н. Яр-Кравченко», подписанной Павлом Калитиным. В архиве Б. Н. Кравченко хранится книга М. Зоженко «Письма к читателю» (Л.; М., 1931), подаренная автором художнику с надписью: «Дорогому Анатолию Никифоровичу Кравченко, замечательному художнику, на память о нашем знакомстве. Михаил Зоженко. 24 января 1934 г.». Своей радостью по поводу удачи молодого художника Клюев делился и в письмах из сибирской ссылки другим адресатам: «От Толи получила письмо...» Он переведен в третий индивидуальный класс. Читал о нем статью в журнале — называется „Большие горизонты“. Мне очень приятно, что мой посев принес в лице этого юноши пока еще цветы, а в будущем, быть может, и плоды. Его последняя живописная работа — „Портрет Зоженко“ — очень хорош, помещен в журнале и прислан мне» (письмо Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 28 июля 1934 г.: ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 534).

⁸ Подписанная Павлом Калитиным (малозначительным ленинградским поэтом 30-х годов) статья о А. Н. Яр-Кравченко на самом деле была написана его женой С. Калитиной (литератором-публицистом).

⁹ По поводу возможности провести зимовку в «земляной яме» Клюев в письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 10 июня 1934 г. из Колпашева писал: «Угли и

конуры здесь на вес золота. Ссылные своими руками роют ямы, землянки и живут в них, иногда по 15-ть человек в землянке. Попастъ в такую человеческую кучу в стужу считается блаженством. Кто кончил срок и уезжает, тот продает землянку с печкой, с окном, с жалкой утварью за 200—300 рублей. И для меня было бы спасеньем одному зарыться в такую кротовью нору плакать и не на пинках закрыть глаза навеки» (Нева. 1988. № 12. С. 185. Публикация К. М. Азадовского).

3

«Томск, 23 и 29 декабря 1936 г.»

Незабвенное дитя мое!

Я получил твое письмо из Москвы. Ты знаешь мои чувства на все случаи твоих триумфов или утрат, поэтому воздерживаюсь их повторять. Слишком я болен и слаб, чтобы в тысячный раз уверять тебя в моей любви и преданности к тебе. Не требуй у жертвы, когда над ней уже поднят топор, сладких клятв и уверений. Твою укоризну, что я тебя забыл, сердце мое принимает только лишь как кокетство. Это вполне понятно в твои годы и в твоём нынешнем положении! В письме по дяде Пеше¹ я написал тебе самые нужные, самые глубокие слова, на которые я способен. Если они дошли до твоего сердца, то слава Богу, если же нет, то других слов к тебе у меня сейчас нет. Избранное и подлинное вообще редки. Я болен, хожу едва до нужника и в избу. Сейчас меня гонят из комнаты. Деться мне некуда, город завален приезжими, углы в татарских зловонных слободах² от 25 руб. и выше. Я нашел было через людей комнатку за 50 руб., но внезапно получил и к счастью от дяди Пешки уведомление, «что на Толю надейся как на весенний лед». И я остался в старом углу. Напрасно ты назвал этот угол «хорошей комнатой». Она, правда, очень опрятна, я в грязи не вижу ничего доблестного и сам мою, но она без печи, с ординарным полом, под которым ночуют уличные собаки. И это в Сибири, в морозы от 40° до 60°.

Никаких обещанных 150 руб. я не получил, хотя очень ободрился, когда получил заверения, что я буду получать их ежемесячно. То-то была бы радость! Конечно, я уверен, что ты это понимаешь и чувствуешь как никто! Как я чувствую, что салоны Парижа и Нью-Йорка увидят твои картины! При условии, что на первых порах ты не накопишь около себя толпу врагов и перестанешь разжигать в полулюдах зеленую зависть! Радостной теплотой полнит мое сердце от твоих слов: «Мир и красоту своего жилища я ценю выше всего». Я позволяю себе вместе с великим Вальтер-Скоттом сказать: жилища, — в котором живет и благоухает Книга Книг — Библия! Хотя найдется много пингвинов, тюкающих, что полет орла

к солнцу есть «упадочничество» и что внешний линолеумный ком-
форт — есть могучая жизнь. Дитя мое незабвенное, — поторопись
милостыней! Пожалей меня! Еще прошу тебя — пошли посылкой
акварельных красок: киновари, белил, спокойно-синей и охры от
темной бурой до самой светлейшей! Две колонковых кисточки, са-
мых острых и маленьких, и одну обыкновенную побольше для наве-
дения тонов! Мне очень нужно! Прости, дитятко! Благословляю,
крепко обнимаю! Усердно прошу о милостыне! Вышли мне
«Кремль»³ для переделки. Это очень важно!

23 декабря

Дорогое дитятко. Письмо было уже написано, как хозяйёва
заявили мне, что дом они продают и уезжают к дочери в г. Барна-
ул. Пришлось спешно выехать в комнату по цене 6 «метров» зим-
них — 40 р. и 6 «метров» летних — 30 р. Я весь переполнен забо-
той и страхом, где я добуду аккуратную выплату!⁴ Помоги! Устрой.
Ведь столько удобных средств и возможностей в твоих руках. Увер-
енно говорю, что если бы ты был на моем месте, я бы отыскал те-
бе 40 р. в месяц! Прости!

29 декабря.

Это письмо было послано не по почте. В архиве Б. Н. Кравченко оно находилось
в конверте, на котором рукой А. Н. Яр-Кравченко карандашом написано: «Горин
Исидор Абрамович. Гост. Европа». С этим человеком оно, видимо, и было послано
Клюевым в Ленинград Анатолию. Письмо состоит из двух частей. Первая (большая
часть) датирована 23 декабря. Дополнение на небольшом листке бумаги имеет да-
ту — 29 декабря. Год отправки устанавливается по содержанию (см. также при-
меч. 2).

¹ Дядя Пеша — личность не вполне установленная. В письмах Клюева к Анато-
лию упоминается неоднократно. Так, в одном из писем 1930 г. из Москвы в Ленин-
град читаем: «Меня очень обижает дядя Пеша — с утра до двух-трех ночи осыпает
бранью и издевательствами. Пока был здоров — то он воздерживался, но лишь толь-
ко догадался, что я немного не могу обойтись без его ничтожных услуг, как показал
свои когти. Как только поправляюсь, нужно принять меры, чтобы от него отделать-
ся...» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 209). По словам Б. Н. Кравченко, он был земляком
Клюева, из купчиков. В 30-е годы был репрессирован. Письмо, о котором идет речь,
неизвестно.

² Ср. в письме поэта В. Н. Горбачевой от 22 декабря 1936 г.: «...у частных
нужно искать по слободкам и трущобам на окраине города, а там зловонные татары
и страшный культурный люмпен» (Новый мир. 1988. № 8. С. 198). Это и ряд дру-
гих писем позволяют заключить, что публикуемое нами письмо к А. Н. Яр-Кравченко
было написано именно в конце 1936 г., когда Клюев вынужден был искать новое
пристанище.

³ О поэме «Кремль» см. примеч. 4 к письму № 2.

⁴ Судя по дате основной части письма (23 декабря) и дополнения к нему
(29 декабря) переезд Клюева на новое местожительство состоялся между 24 и
28 декабря 1936 г. Адрес дома, где поэт снял угол, — Мариинский переулок, д. 38, —
приводится в его письме к В. Н. Горбачевой в первой половине апреля 1937 г. (Но-
вый мир. 1988. № 8. С. 199).

Письма Н. А. Клюева к А. Э. Кравченко

1

Москва. 29 сентября 1932 г.

Дорогая Лидия Эдуардовна —

весьма и от всего сердца прошу Вас помочь мне в моей нужде — побыть до моего приезда¹ в моей квартире! Деньги и продукты с книжкой оставляю у Толочки на Ваше имя.

Низко кланяюсь и крепко надеюсь.

Н. Клюев.

Грамотный пер., 12, кв. 3. У Никитских ворот.

Это письмо было отправлено А. Э. Кравченко вместе с письмом к ней Анатолия Яр-Кравченко, в котором сын писал матери: «Дорогая мамочка! Посылая письмо Николая Алексеевича, я хочу прибавить и рассказать тебе точнее, как сдать. Постарайся так выехать, т. е. достать билет, чтобы попасть в Москву не позже 5-го. Выехать надо 4-го. Денег Николай Алексеевич оставил тебе 100 р. Я, когда достану, то прибавлю еще. Жить ты будешь исключительно на пайке».

¹ Куда выезжал Клюев из Москвы в октябре 1932 г., остается пока невыясненным. По словам Б. Н. Кравченко, это была очередная поездка поэта в Сочи на курорт. Однако документальных подтверждений этому не имеется. Из архивных материалов известно по крайней мере о двух его поездках на Северный Кавказ — в 1930 и 1931 гг. Относительно первой из них в письме Анатолия Яр-Кравченко того же года к родителям читаем: «Клюев уезжает в Сочи. Его посылает литфонд бесплатно. 72 рубля дает на дорогу в Сочи и столько же обратно. На дорогу рассчитано специальное место. Обеды в международном вагоне и все издержки. В слухотрени он пробудет 5 недель с 5 июля, обратно поедет в Вятку» (хранится в архиве Б. Н. Кравченко). О своей поездке на юг в 1931 г. поэт сам информировал Анатолия Яр-Кравченко в письмах к нему из Сочи и Мацеста осенью 1931 г. (см. примеч. 2 к письму Клюева к А. Н. Яр-Кравченко из Колапшево летом 1934 г.).

2

«Колапшево». 27 июня 1934 г.

Получил перевод по телеграфу 27-го июня. Всем сердцем Ваш. Жду письма, адрес — до востребования, Федору Васильевичу Иванову. Для переводов и посылок адрес остается прежний, т. е. с моей фамилией, именем и отчеством. Прошу усердно написать письмо. Я посылаю их несколько.

Колпашево. <Лето 1934 г.>

Дорогой Вячеслав Вячеславович¹

— после двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за чтение своей поэмы «Погорельщина»² и за отдельные строки из моих черновикиков — слова моих стихотворных героев — сослан в Нарымский край, где без помощи добрых людей должен неизбежно погибнуть от голода и свирепой нищеты. Помогите мне чем можете ради моей судьбы художника и просто живого существа. Умоляю о съестной посылке. Деньги только телеграфом. Адрес: Север<о>-запад<ная> Сибирь. Нарымский край, поселок Колпашево, до востребования Клюеву Никола<аю> Алексеичу. Низко Вам кланяюсь.

Н. Клюев.

¹ Отчество писателя Шишкова Вячеслава Яковлевича (1873—1945) Клюев перепутал здесь, очевидно, с отчеством писателя Иванова Всеволода Вячеславовича (1895—1963), также проживающего тогда в г. Пушкине, которому было послано им письмо с подобною же просьбой. Вспоминая обстоятельства, при которых вручалось это письмо В. Я. Шишкову, Б. Н. Кравченко рассказывает: «Шишков жил в Пушкине где-то неподалеку от парка в одноэтажном деревянном домике. Разыскав его, я постучался, на стук вышел пожилой мужчина с бородой и пригласил меня войти за собой в сени. Когда мы вошли, он спросил: „Чем могу служить?“ — „Знали ли Вы поэта Клюева?“ — обратился я к нему. — „Да, знал“. Я подал ему письмо. Он взял его, быстро прочел и со словами „Очень жаль, очень жаль... Как он туда попал?“ — протянул мне письмо обратно. Я было замешкался взять, но он настоял: „Да вы возьмите, возьмите письмо-то... Спасибо, я это дело учту“. Затем, оставив меня в сенях, он сходил в комнату, принес блокнот и переписал в него адрес. Чувствовалось в нем какое-то беспокойство, встревоженность и намерение не задерживать посетителя. Так и осталось это письмо у меня. В феврале 1960 г. я подарил его известному ленинградскому коллекционеру полковнику В. И. Цветкову, со смертью которого оно было потом возвращено мне его наследниками обратно».

² «Погорельщина» (1928, в СССР опубликована впервые в 1987 г. в № 7 Нового мира) — поэма Клюева эпико-апокалиптического характера, поэтический и пророческий «плач» «песнописца Николая» (как называет себя здесь автор поэмы) по красоте и ладу исконной крестьянской жизни, обреченной на слом в условиях варварски проводимых в 20—30-е годы мер борьбы с духовно-нравственными традициями народа, с религией и вместе с возросшим на ее философской почве искусством. В сжатой и лаконичной форме дух «Погорельщины» находит свое выражение в следующей надписи Клюева на своей книге «Песнослов» (1919), подаренной им в 1929 г. итальянскому слаviste Этторе Ло Гатто, у которого этот текст и сохранился. «Этторе Лё Гатто Светлому брату. Песни мои Олонецкая, журавли да озерныя гагары, — летите за синее море, под сапфирное небо прекрасной Италии! Поклонитесь от меня вечному городу Риму, страстотерпному праху Колизея, гробнице чудного во святых русских Николы Миостиваго, могилке сладчайшего брата калик пере-

хожих Алексия — человека Божьяго, соснам Умбрии и убрису Апостола Петра! Расскажите им, песни, что заросли русския поля плакун-травой невылазной, что рыдален шум берез новгородских, что кровью течет Матерь-Волга, что от туги и скорби своего панцырного сердца захлебнулся черной тиной тур Иртыш — Ермакова братчина, червонная сулея Сибирскаго царства, что волячим воем воют родимыя избы, замолкли грановитые погосты и гробы отцов наших брошены на чумных и смрадных свалках.

Увы! Увы! Лютой немочью великая, непрощенная и неприкаянная Россия! Николай Клюев. День Похвалы Пресвятыя Богородицы 1929 года» (цит. по: *Степанченко Д. И.* Римский автограф Николая Клюева // Красное знамя. Вытегра, 1989. 12 января; Текст сверен по факсимильному автографу, воспроизведенному в кн.: *Клюев Николай.* Соч. Мюнхен. 1969. Т. 2. С. 64—65). В «Погорельщине» этот комплекс раздумий и переживаний развернут в сменяющие одна другую картины крестьянской жизни в ее духовно-нравственных, бытовых, созидательно-творческих и обрядовых проявлениях. Затем следуют столь же последовательно сменяемые эпизоды гибели всего этого, символизируемой картиной пожара, в котором гибнут люди — творцы красоты, искусство, природа, но из которого, подобно Фениксу, невредимой вылетает и покидает этот край душа «нерукотворной России». Для поэта, уже лишённого к концу 20-х годов возможности печататься, единственным способом распространения своего самого значительного произведения было собственное чтение «Погорельщины» на закрытых и полужакрытых литературных вечерах. В своих «Воспоминаниях о Н. А. Клюеве» Рюрик Ивнев по этому поводу пишет: «В эту пору Клюев написал изумительную поэму „Погорельщина“, в которой описывается голод (не 1922 года — очевидно, более позднего времени). Он читал эту поэму во всех домах, в которых бывал (у Морозовых, Сытиных, у искусствоведа Анисимова и других). Напечатана на машинке она была во многих экземплярах. Поэма производила огромное впечатление на всех, кто ее слышал. Я бы сравнил ее с плачем „Сырдома“ в эпосе осетинского народа „Нарты“. Все тончайшие оттенки мучительного страдания от голода переданы были виртуозно. Это было высокое и горестное искусство» (*Ивнев Рюрик.* Воспоминание о Н. А. Клюеве // Байкал. 1984. № 4. С. 139). Б. Н. Кравченко вспоминает о чтении Клюевым этой поэмы в Саратове, также произведшем огромное впечатление на слушателей — местную интеллигенцию. Причину своего ареста и ссылки поэт ставил в прямую связь с чтением «Погорельщины» и подчеркивал это неоднократно. Так, помимо письма к В. Я. Шишкову он пишет об этом и в письме к С. А. Клычкову от 12 июня 1934 г.: «Я сгорел на своей Погорельщине, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском» (*Новый мир.* 1988. № 8. С. 168. Публикация Г. С. Клычкова и С. И. Субботина).

Стихи Н. А. Клюева конца 20-х — начала 30-х годов в записях А. Н. Яр-Кравченко

* * *

Вспоминаю тебя и не помню...¹
Отцвели резедовые дни.
На последнем пути не легко мне
Сторожить гробовые огни!

Скоро сердце уснет непробудно,
До заката не встретиться нам,
Присылай белокрылое судно
К полуночным моим берегам!

Там лишь звезды да сумрак голубый,
На утесе западающий крест,
И плывут в океанские губы
Паруса хороводом невест.

Стонет чайка о юном матросе,
Что погиб, роковое любя...
Не в дугах на душистом покосе
Я увидел, мой цветик, тебя!

Выла улица каменным воем,
Но таинственным поясом муз
Обручил мою песню с тобою
Легкокрылых художеств союз.

Светлый Власов² крестом Нередицы³,
Многострунной зарею Рылов¹
Утолили прохладой крипицы
Огневицу купальских стихов.

И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавою чашей
Я сладимую теплою свечу.

Чтоб черемуха с белою вербой
Целовалась с заветным окном.
Хорошо, когда жизнь на ущербе
Лебединым пахнула крылом.

Будто озеро в синих ирисах,
Ель цветет и резвится форель.
Только траурной мглой кинариса
Просквозило Карельский Апрель.

И стихи словно ласточки в поле
На отлете в лазоревый край...
Прощебечь, моя птичка, мой Толя,
Как чудесен твой детский Китай!

Как смешны в хризантемах зайчата,
Легковейны бубенчики пчел...
Я не знал ни жены, ни собрата,
Но в тебе свою сказку нашел.

Пусть же сердце уснет непробудно,
Зная тайну ревнивых веков,
Что плывет мое лунное судно
В лед и яхонт любимых зрачков.

1929.

* * *

Вот мальчик легкий и проворный
Пришел, чтоб рассказать о том,
Как «терпко» ленинские зерна
Взошли в затишье луговом.

Что в мир, где полонянка-хата
Обидой слабривала ночь,
Стучатся с ношею богатой
Искусство, дружба и любовь.

1929.

Художник

Рисую зелень, синие озера.
О, как бы ветром их разволновать!
В движенье жизнь! И чтобы тешить взоры,
Моим бы листьям надо облетать.

Я украшаю потолки цветами,
Но лепесткам их век не пожелтеть.
Рисую гнезда с юными птенцами,
А им одно бы — взять и улететь.

Под деревом олени молодые —
Но не бегут... И жаль моих лисиц.
Пишу портреты, их глаза живые,
Но как им дать боль дрогнувших ресниц?

1933.

¹ Это стихотворение, переписанное рукой Анатолия Яр-Кравченко (под диктовку поэта или с его автографа — неизвестно), было послано им в письме родителям из Ленинграда в Святошино, датированном 4 марта 1929 г. (в том самом, где речь идет о добавлении приставки «Яр» к его фамилии). В письме была также вложена наклеенная на паспарту фотография их обоих, Клюева и Яр-Кравченко, под которой (на паспарту) рукой Клюева была сделана следующая надпись: «Анатолию Яр-Кравченко — его прекрасной юности, в год моей последней любви и последних песен —

1929-й Николай Клюев». Ниже этой надписи его же рукой были записаны две строфы (первая и последняя) настоящего стихотворения. Фрагменты (7 строф) этого стихотворения были позже, в 1930 г., с незначительными изменениями перепосвящены поэтом певице А. В. Неждановой (1873—1950). Приведем эти немногие изменения. Вторая половина четвертой строфы в «неждановском» варианте читается: «Но в лугах — на душистом покосе Я услышал, царица, — Тебя»; первая половина восьмой строфы: «Чтоб малинник по девушке-вербе До рассвета рыдал соловьем...!» См.: *Клычков Г. С., Субботин С. И.* Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы // *Новый мир*. 1988. № 8. С. 173).

² Власов С. А. — художник, профессор Всероссийской Академии художеств, пейзажист. В конце 20-х—начале 30-х годов он был председателем «Общества покровительства художников имени Куинджи» (Ленинград, Герцена, д. 38), на выставке которого и познакомились 10 апреля 1928 г. Н. А. Клюев и Анатолий Кравченко.

³ Имеется в виду построенная в 1198 г. (при князе Ярославле) в Нередицах близ Новгорода церковь Спаса, знаменитая своими фресковыми росписями. В зените ее алтарного свода был изображен Спаситель в виде старца, голову которого украшала крестообразный нимб.

⁴ Рылов А. А. (1870—1939) — художник-пейзажист. В архиве Б. Н. Кравченко хранится посланная им Клюеву (по адресу: Ленинград, ул. Герцена, д. 45, кв. 8) художественная открытка с поздравительным текстом: «Христос Воскресе! С праздником Светлым поздравляю. А. Рылов. 14/4. 1928». Открытка представляет собой репродукцию известной картины Рылова «Перелет гусей». Здесь это название, данное типографским шрифтом зачеркнуто самим художником и вместо него его же рукой чернилами написано: «Лебеди над синим морем».

Из записной книжки Анатолия Яр-Кравченко

«Потрепухино». 17 июля 1931 г.

Ездил на сенокос. Бесконечно рад тому, что видел. Научился ездить верхом без седла. Научился косить и даже выкосил целую полосу. Узнал новые слова: стожар, ведро (солнечный день). Настала плохая погода. Небо серое. Моросит. Решил ехать домой. Были попутчики. Уцепился. Дорога тряская. Приехал в деревню Потрепухино (наша резиденция). Меня встретила Степановна: «Здравствуйте, здоровы ли? Мы с Николаем Алексеевичем страшно беспокоились. Он только что ушел, все писал. Поставить самоварчик?». Я, не раздеваясь, в макинтоше, перчатках и вместо шапки в обмотанной вокруг головы рубашке, наподобие чалмы, побежал искать Коленку. Я знаю его любимую дорожку (за плетень и к деревне Фоминых). Иду, смотрю, — нет. Дальше и дальше шагаю по травам, цветам, под свирелью жаворонка. В сердце любовь. Свернул. Глазами перебираю в беспокойстве. Наконец заметил кусочек головы без шапки... И скрылся. Когда я повернул еще, то увидел спину Кле-

ева. Он шел в «вы»шитой белой рубашке почти до колен. Белые брюки. В руке трость. Но я увидел, что он занят. Весь в думах, в сравнениях, стихах.

Я ускорил шаги. Но все же не успел. Николай Алексеевич дошел до ворот, которые служат началом деревни, загоном, и обернулся. Я увидел его профиль. Спокойное, вдумчивое и необыкновенно нежно-младенческое лицо в профиль. Потом он повернулся и, увидев меня, стал смотреть, приставив руку от света к лицу. А на лице сияла улыбка. Нежная, любовная. — «Жив? Как я рад. Здоров?». И когда я приблизился, мы расцеловались.

Бредем домой. Нас ждет горячий самовар. У Коленки сразу появилась яичница, варенье, стакан сливок, ягоды, кислое молоко, хлеб с маслом!

Когда я утолил голод, он сказал, дописывая лист: «Я хочу тебе прочесть, что я написал». И я с любовью слушал. Написано кровью. Такая сила, величественность, что поражаешься, слушая. Много говорили. Час, видимо.

Я пошел к зубной докторше. Возвращаюсь. В лесу на поддороге встречает Клюев. Целуемся. На лице его лежит забота. Он рассказывает: недалеко отсюда он ходил искать деньги. Здесь он встретился с ягодницами. Они просили два рубля. Он вынул 13 рублей денег. Но ягоды оказались плохие. Он отказался. Деньги с платком сунул в карман. Дома хватился, — их не оказалось. Мне стало жалко его.

Вечером увидели: едут четыре лошади. Коленка мне говорит: «Открой им ворота». Он стал спрашивать, нет ли масла. Масло оказалось. Стали покупать. Я побежал за деньгами. За это время он за махорку купил яиц. Отдав деньги, я пошел за махоркой. Вижу он, задрав полу рубахи, забрал яйца и пошел. Я передал махорку крестьянину.

Возвращаемся, ищем замок, которым перед этим отперли вход в горницу. Нет. Искали. Оказалось, Николай Алексеевич положил его на воз, когда он взял «яйца в» подол рубашки, а потом забыл. «Этого» с ним никогда не случалось. Он, чуть не плача, сказал: «Все стихи виноваты. Когда я пишу, я могу сказать «что-то» кому-нибудь или ответить — и забыть. Лишь потом в голове как-то разберусь». Клюев всегда же очень собранный человек. Ничего не забудет, не пообещает, не сделав этого.

— «Нет, после еды я не могу писать. Отяжеление. Надо даже не есть. И на реке не могу. Только на тропинке. Хожу и слагаю. Чтоб полный покой. И ничто бы не отвлекало».

МАТЕРИАЛЫ О ДАНИИЛЕ ХАРМСЕ И СТИХИ ЕГО В ФОНДЕ В. Н. ПЕТРОВА

Публикации А. А. Александрови

1

Историк русского искусства и художественный критик Всеволод Николаевич Петров (1912–1978) родился в Петербурге в семье профессора хирургии Н. Н. Петрова, основоположника отечественной онкологии.

«По окончании среднего образования в 11-й советской трудовой школе Ленинграда в 1929 г., — вспоминал В. Н. Петров, — я поступил на историческое отделение факультета языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета. Время для учения было не очень благоприятным. Факультет часто изменял учебные программы и перестраивался, а в 1930 г. был переименован в Ленинградский институт литературы, философии и истории — ЛИФЛИ».¹

Закончив ЛИФЛИ, Петров стал научным сотрудником Русского музея. Он оказался среди выдающихся представителей ленинградской школы искусствознания. В музее — еще в довоенное время — сложились и научные интересы Петрова, направленные на выявление национального своеобразия русского искусства. «Немалую роль в формировании личности В. Н. Петрова, — пишет историк русской художественной культуры Д. В. Сарабьянов, — сыграло общение с поэтами и писателями — А. А. Ахматовой, М. А. Кузминым, Д. И. Хармсом. В. Н. Петров всю жизнь как бы искал интересных людей, и они щедро делились с ним своей дружбой, своими мыслями и опытом».²

¹ Петров В. Н. Очерки и исследования. М., 1979. С. 290.

² Сарабьянов Д. В. Об очерках и исследованиях В. Н. Петрова и об их авторе // Петров В. Н. Очерки и исследования. С. 8.

Во время Великой Отечественной войны Петров служил на Ленинградском фронте. После окончания войны он продолжил свои искусствоведческие занятия, написал ряд очерков по русской скульптуре XVIII в., исследование о «Мире искусств» для многотомной «Истории русского искусства».

Долгие годы Петров был заместителем председателя секции искусствоведения и критики в Ленинградском отделении Союза художников РСФСР. Перу Петрова принадлежат художественно-критические статьи и книги о творчестве советских художников (Ю. Васнецове, В. Лебедеве, В. Конашечиче).

Последние годы Петров работал над «Книгой воспоминаний». Мемуарист ставил перед собой и художественную задачу — создать галерею литературных портретов замечательных людей, с которыми он встречался. Книга осталась ненаписанной. Автор успел закончить три главы: о художнике Н. Тырсе, о поэте М. Кузмине, об искусствоведе П. Пунине и А. Ахматовой.³

Глава о Хармсе не доведена до конца. Мемуарист начал писать ее, когда стали появляться первые публикации «взрослых» произведений Даниила Хармса. Роль первооткачка сыграли и воспоминания Алисы Порет о Хармсе, распространенные в машинописи по Ленинграду в конце 60-х годов.⁴

Записки Порет явились по существу первыми развернутыми воспоминаниями о Хармсе. Художница легко и остроумно описывает эксцентричные чудачества Хармса, его бесчисленные розыгрыши (вдохновительницей в большинстве случаев была сама Порет, о которой Хармс писал, что она «хитрее Рейнеке-лиса»). Но в этих описаниях, так увлекавших мемуаристку, включенных в рассказы о развлекательной эксцентрике творческой интеллигенции Ленинграда в конце 20-х годов, крайне своеобразная и глубокая натура Хармса делалась обычной, разве что тривиально чудаковатой.

Петров пишет о 1939—1940 гг. Пора эксцентриады закончились. Да и ту мемуарист понимал не так, как Порет. Для него Хармс — человек не внешней оригинальности, а прежде всего художник, создавший свою систему творчества и жизни. Заметим, что в таком подходе отразилась общая реакция ленинградских друзей Хармса на воспоминания Порет.

³ Воспоминания Петрова о Тырсе и Кузмине опубликованы в кн.: Панорама искусств. М., 1980. № 3. С. 128—161.

⁴ См.: Порет А. Воспоминания о Данииле Хармсе // Панорама искусств. М., 1980. № 3. С. 347—359.

Ценность воспоминаний Петрова состоит в том, что помимо выразительных подробностей быта Хармса они знакомят с эстетическими представлениями писателя. К моменту знакомства с Петровым Хармс заканчивал цикл «Случаи» и работал над повестью «Старуха». Не случайно именно эти произведения, переписанные Петровым с автографов, хранились затем в его личном архиве. В конце 30-х годов алогизм по-прежнему оставался основной «хармсовой единицей», по собственному выражению писателя. Но вперед выступили новые личины, социально заострились ситуации. Миф стал молвой, фантастика — бредом, слышней стал голос отчаяния.

Для понимания нового этапа эстетики Хармса интересно свидетельство Петрова о своеобразном манифесте, вывешенном в комнате писателя. Он назывался «Список людей, особенно уважаемых в этом доме». «...из них я помню Баха, Гоголя, Глинку и Кнута Гамсуна», — пишет мемуарист.

Фамилии композиторов не могут вызвать удивления у тех, кто хоть немного знаком с биографией Хармса. Писатель не имел специального музыкального образования. Но, обладая абсолютным слухом, он играл на многих инструментах, был частым посетителем концертов в филармонии. Во многих произведениях Хармса развитие темы и построение словесных рядов как бы отражают особенности музыкальной композиции. Нечто сходное можно наблюдать в творчестве поэта крайне далекого от Хармса — Бориса Пастернака.

Первым в списке Петров называет Баха. Интерес к музыке немецкого композитора неуклонно возрастает в первой трети XX в.

Замечательным пропагандистом творчества Баха в культурной жизни Ленинграда был профессор Консерватории И. А. Браудо, с которым Хармс был знаком. При Ленинградской консерватории был организован семинар по изучению наследия Баха. Деятельным участником семинара стал Я. С. Друскин (1902—1980), близкий друг Хармса в предвоенные годы. По просьбе Хармса Друскин не раз исполнял произведения Баха на фисгармонии, находившейся в комнате писателя. Исполнял Баха и сам Хармс.⁵ Глубокое духовное содержание музыки великого композитора, возможно, было для писателя контрастирующим фоном по отношению к рою городских жильцов, изображенных им в цикле «Случаи».

⁵ См. письма Хармса к Б. Житкову в кн.: *Хармс Даниил. Полет в небеса. Стихи. Проза. Драммы. Письма.* Л., 1988. С. 193—194.

Имеет свое объяснение и имя второго композитора — Михаила Глинки, современника Пушкина. Хармс открыто заявляет о своей любви к традиционной классической музыке. В эти годы одним из псевдонимов писателя выбран «Гармониус». Наступил час расставания с авангардистскими сочинениями и признания музыки гармоничного — глинкинского — склада.

Не нуждается в комментарии любовь Хармса к Гоголю. «Наша эпоха,— вспоминал Г. Гор,— была влюблена в Гоголя, в его живое, дышащее, играющее слово».⁶ Любовь к Гоголю была непреходящей, постоянной. Но и здесь можно заметить эволюцию. От «эксперимента художественного издательства», как определял «Нос» академик В. В. Виноградов, внимание писателя переходило к трагическому гротеску «Шинели».

Теперь о Кнуте Гамсуне. Повесть Хармса «Старуха» (1939) открывается эпитафией: «...И между ними происходит следующий разговор. Гамсун». Эта строчка затем повторяется уже в тексте повести, как принадлежащая рассказчику. После нее начинается диалог героя с молодой женщиной. В ходе диалога звучит впервые в повести религиозная тема. Пробуждается и обоюдная симпатия у ведущих диалог мужчины и женщины. Таким образом, малопримечательная фраза, вынесенная в эпитафию, имеет внутри текста стартовое значение. Строчку эпитафии можно отнести и к чрезвычайно важному для понимания повести диалогу ее героя с Сакердоном Михайловичем. Название произведения Гамсуна, откуда была выбрана строка для эпитафии, легко восстанавливается по дневниковым записям Хармса.⁷ Это роман норвежского писателя под названием «Мистерии», изданный в переводе М. П. Благовещенской в Ленинграде в 1935 г. По воспоминаниям современников, Хармс находил в себе нечто общее с героем романа — таинственным и одиноким Нагелем. Можно найти в «Старухе» Хармса некоторое сходство и с ранней повестью Гамсуна «Голод».

В связи с упоминанием Петрова о любимых авторах Хармса приведем табличку, составленную самим Хармсом (ГПБ):

⁶ Гор Г. Замедление времени // Гор Г. Геометрический лес. Л., 1975, С. 391.

⁷ Хранятся в Рукописном отделе Ленинградской государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедриня, где автографы Хармса входят в состав фонда Я. С. Друскина (ф. 1232), а также (некоторое число автографов) в частных собраниях.

Вот мои любимые писатели:

	Человечеству	Моему сердцу
1. Гоголь	69	69
2. Прутков	42	69
3. Мейринк	42	69
4. Гамсун	55	62
5. Эдвард Лир	42	59
6. Льюис Кэррол	45	59

Сейчас моему сердцу особенно мил Г. Мейринк. 14 ноября 1937.

Почему выбрано именно такое сочетание чисел, не ясно. Но о литературных симпатиях Хармса, несмотря на загадочность выбранных цифр, табличка говорит с предельной наглядностью.

В своих воспоминаниях о писателе Петров тяготеет к кругу вопросов, которые уже намечались на раннем этапе изучения творчества «взрослого» Хармса. Это острое чувство формы, жизнетворчество, мысли о чуде, собирательство вокруг себя «естественных мыслителей» (их Порет называла «монстрами»). Касается Петров и религиозности Хармса, но делает это крайне осторожно, только нащупывая путь к сложной и неприемлемой, с официальной тогдашней точки зрения, теме.

Автор воспоминаний ничего не говорит о Хармсе как о детском писателе, — крайне интересный, нетрадиционный момент мемуаров. Возможно, их автору «детские» произведения Хармса представлялись чем-то незначительным, а возможно, он их и не знал. Можно предположить также, что Хармс, которого в конце 30-х годов стала тяготить работа в детских журналах, не заводил с Петровым бесед о своей текущей литературной работе.

С большим чувством мемуарист пишет о благородстве и доброте Хармса. Об его умении дружить. «Жизнь должна быть бескорыстной, как подарок», — таков был девиз Хармса. И мемуарист сумел передать обаяние личности Хармса; для которого были чужды и сентиментальность, и расхристанное панибратство.

Петров так и не закончил свои воспоминания о Хармсе. Можно лишь гадать, что удержало мемуариста от завершения труда. Может быть, он хотел расширить свои знания о творчестве Хармса и ждал случая, когда представится такая возможность. А может, не надеялся в ближайшее время опубликовать свои воспоминания.

В фонде Петрова имеются три редакции воспоминаний о Хармсе.⁸ Третья (последняя) значительно расширена по сравнению с первой, которая полностью вошла в ее текст. Во второй редакции находится эпизод, рассказывающий о беседе Хармса с Петровым в одной из ленинградских пивных. В третьей редакции этот эпизод отсутствует. Ниже мы публикуем текст третьей редакции, а также исключенный эпизод, поместив его в квадратные скобки.

Воспоминания о Хармсе

Ранней весной 1933 года я ехал на площадке ночного трамвая, возвращаясь от друзей и провожая знакомую даму. В пору моей юности одинокие трамваи бродили по городу до утра. На углу Басейной и Литейного, где закругляются рельсы, трамвай замедлил ход, и на площадку вскочил высокий молодой человек необычного вида. Он был в котелке, каких тогда решительно никто не носил, и показался мне элегантным на иностранный лад, несмотря на довольно поношенное и потрепанное пальто.

Моя спутница приветливо улыбнулась ему. Он снял котелок и с несколько аффектированной учтивостью поцеловал ее руку. Время было хамоватое, и мало кто целовал тогда руки дамам, особенно в трамвае. Мы с молодым человеком обменялись сдержанными полупоклонами, и он прошел в вагон.

— Кто это? — спросил я свою спутницу.

— Поэт Даниил Хармс.

Я надолго почти забыл эту встречу. Слегка запомнился только непривычный котелок, запомнилась иностранная фамилия, вполне подходившая к европеизированной, не то английской, не то скандинавской внешности молодого человека, и понравилась элегантная, несколько старомодная учтивость его манер.

Конечно, я не мог тогда предполагать, что мне предстоит тесно сблизиться и подружиться с этим человеком. Я был мальчишкой. До дружбы с Хармсом мне еще следовало дорасти.

Прошло пять лет. Многим еще памятно, какие это были годы. Я помню, как шел однажды поздно вечером по Каменноостровскому от Карповки до Невы и насчитал по дороге восемь «черных воронов», которые стояли у подворотен в ожидании добычи. Прохожие боязливо отводили от них глаза, стараясь делать вид, будто ничего не замечают.

⁸ Одна из редакций опубликована по списку воспоминаний В. Н. Петрова В. И. Глоцером. См.: Панорама искусств. М., 1990. № 13. С. 235—248.

Все боялись тогда новых знакомств и старались избавиться от прежних, даже самых старинных. Заметно выходил из употребления такой предмет, как записная книжка с адресами и телефонами, знали, что при обыске ею заинтересуются больше всего. К собственной двери люди приближались с сжавшимся сердцем, гадая, когда произойдет ожидаемая неожиданность. У каждого человека появилось два лица. Одно, почти одинаковое у всех, существовало для службы и общественной жизни. Второе, подлинное, приоткрывалось лишь изредка и только перед близкими. И необыкновенно развились тогда в людях два качества: молчаливость и уклончивость.

Ушел тридцать пятый год, ознаменовавшийся высылками в Уфу и Караганду. Миновал и тридцать седьмой, самый грозный. Наступил тридцать восьмой, не принеся, казалось, никаких перемен. Мало кто в те годы избежал ареста, хотя бы недолговременного. К арестам привыкли, насколько это возможно.

Хармса арестовывали дважды;¹ в 1932 году он был выслан в Курск, где провел около года,² но в конце концов благополучно вернулся. Он потом рассказывал мне, как пришел домой после освобождения и все не мог войти в дверь: от волнения почему-то наткнулся на угол — «на вереву»,³ как он говорил, и попадал мимо двери.

В атмосфере той эпохи мальчики быстро становились взрослыми. Жизнь преподносила им внушительные уроки. Такие категории, как юношеская непосредственность, наивность или доверчивость, бесследно выветривалась из психологии моего поколения. В двадцать пять лет у нас был опыт поживших сорокалетних людей.

Но все-таки жизнь продолжалась, даже в те годы. Мы знакомились друг с другом, встречались и сближались, несмотря ни на что.

В те годы я отовсюду слышал о Хармсе.

Его близко знали левые художники, с которыми я дружил: филоновки Т. Н. Глебова⁴ и А. И. Порет⁵ и тогда еще совсем молодые ученики Малевича⁶ — Н. М. Суетин и А. А. Лепорская.

От них я услышал, что Хармс вовсе не иностранец, не скандинав, и не англичанин, и не прибалтийский немец, а беспримесно русский — Даниил Иванович Ювачев. О том, что означает его псевдоним, теперь возникли различные домыслы,⁷ может быть, в самом деле, от английского слова «harm» — «скорби», «печали». Ничего определенного я не знаю и не хочу гадать. Сам Даниил Иванович никогда об этом не говорил.

О нем ходили какие-то странные рассказы.

Однажды в Госиздате, на шестом этаже, он со спокойным лицом, никому не сказав ни слова, вышел в окно по узкому карнизу и вернулся в другое окно.

Говорили, что он вообще с чудачеством: например, изводило управдома <то>, что каждый день по-новому пишет свою фамилию на входных дверях квартиры — то Хармс, то Чармс, то Гаармс, то еще как-нибудь иначе.

Всех поражало, что он носит трость и котелок (иные думали — цилиндр; в те годы разница между этими формами шляп уже не всем была известна). Весь облик Даниила Ивановича, его манера и даже одежда воспринимались как вызов нивелирующему стилю времени.

Слухи шли отовсюду. Мне запомнилось упоминание о Хармсе в последнем дневнике М. А. Кузмина. Но случай долго не сводил меня с Хармсом. Наконец, осенью 1938 года моя старинная знакомая, актриса и художница О. Н. Гильдебранд сказала мне, что Хармс что-то слышал обо мне от общих друзей и хотел бы со мной познакомиться; она предложила пойти к нему вместе с ней.

В одну из суббот мы отправились на Надеждинскую,⁸ которая уже тогда называлась улицей Маяковского. Как я узнал, у Хармса всегда собирались по субботам. Дверь открыл высокий блондин в сером спортивном костюме: короткие брюки и толстые шерстяные чулки до колен. Мне сразу припомнилась наша давнишняя трамвайная встреча. Хармс опять показался мне элегантным на иностранный манер. В дальнейшем, впрочем, выяснилось, что у него и не было другого костюма; этот единственный служил ему на все случаи жизни.

С учтивой предупредительностью Хармс помогал нам снимать пальто. При этом он, как мне показалось, не то икал, не то хрюкал, как-то по особенному втягивая воздух носом: них, них. Я несколько насторожился. Но все обошлось, а потом я узнал, что похрюкивание составляет постоянную манеру Хармса, один из его нервных тиков, отчасти произвольных, а отчасти культивируемых нарочно. По ряду соображений Даниил Иванович считал полезным развивать в себе некоторые странности.

Однако я тут же оговорюсь, чтобы не оставлять впечатления, будто в манерах Даниила Ивановича было нечто деланное или нарочито позерское. Напротив, его характеризовала высокая степень джентельменства и не только внешней, но и внутренней благовоспитанности. Чудачества и даже тики как-то удивительно гармонично входили в его облик, и я не сомневаюсь, что были необходимы для его творчества. Он держался всегда абсолютно естественно, несмотря на нервные подергивания; он просто не мог быть

иним. Больше чем кто-либо из людей, которых мне довелось близко знать, Хармс был одарен тем, что можно было бы назвать чувством формы. Он знал точную меру во всем и умел мгновенно отличить хорошее от дурного. Он обладал безошибочным вкусом, одинаково проявлявшимся и в мелочах, и в крупном, от одежды и манеры держаться до сложнейших вопросов мировоззрения или суждений о жизни и об искусстве.

Впрочем, на общем фоне эпохи джентельменство Даниила Ивановича могло --- и должно было --- выгядеть только чудачеством.

Чтобы не заставлять читателя слишком долго медить у входа в коммунальную квартиру тридцатых годов, прибавлю лишь, что жили в ней, кроме Даниила Ивановича и его жены, еще его сестра со своей семьей и старый отец, Иван Павлович Ювачев, человек, по-видимому, даровитый и своеобразный, с не совсем обычной судьбой: морской офицер, ставший народовольцем, впоследствии раскаявшийся, состоявший когда-то в переписке с Львом Толстым и под конец ставший истово православным.

Были в этой квартире, конечно, и посторонние жильцы, не имевшие никакого отношения к семье Ювачевых. За стеной комнаты, занимаемой Даниилом Ивановичем, вечно стояла, громко причитала какая-то старуха.

Вряд ли следует думать, что религиозность Хармса представляла собой дань семейной традиции. Мне трудно судить, существовала ли духовная близость между Даниилом Ивановичем и его отцом. Народовольческое прошлое Ивана Павловича несколько шокировало его сына. Но какое-то сходство в стиле мышления у них, должно быть, все-таки было. Через много лет один из наших общих друзей рассказал мне, как однажды, в его присутствии, Иван Павлович попросил у сына какую-нибудь книжку. Тот предложил ему «Аврору, или Зарю в утреннем восхождении» Якова Бёме.⁹ Вскоре старик вернул книгу, сказав, что не понял в ней ни бе, ни ме. Так состричь мог бы и сам Хармс. Впрочем, у Даниила Ивановича была, как мне кажется, совершенно особенная и отдельная жизнь, и он держался несколько в стороне от своих родственников. В мой первый приход я с ними не познакомился, да и в дальнейшем видел их лишь изредка.

Хармс церемонно представил меня своей жене и познакомил с гостями. В узкой и длинной комнате с завешенными окнами уже сидело за столом человек пять или шесть, а потом появились еще две молодые дамы; какой-то худенький сморщенный старичок играл на цитре и пел песенку собственного сочинения.

Я был уже очень слышал о комнате Хармса. Рассказывали, что вся она с полу до потолка изрисована и исписана стихами и афоризмами, из которых всегда цитировали один: «Мы не пироги».¹⁰

Но, должно быть, эти сведения относились к какому-то более раннему периоду: я ничего подобного не застал. Только был приколлот к стене листочек клетчатой бумаги, вырванный из тетрадки, со «Списком людей, особенно уважаемых в этом доме» (из них я помню Баха, Гоголя, Глинку и Кнута Гамсуна), и висели на гвоздике серебряные карманные часы с приклеенной под ними надписью: «Эти часы имеют особое сверхлогическое значение». Между окон стояла фисгармония, а на стенах я заметил отличный портрет Хармса, написанный Мансуровым,¹¹ старинную литографию, изображающую усатого полковника времен Николая I, и беспредметную картину в духе Малевича, черную с красным, про которую Хармс говорил, что она выражает суть жизни. Эта картина была написана тоже Мансуровым.

Впрочем, было еще одно произведение изобразительного искусства, о котором следует рассказать: настольную лампу украшал круглый абажур из белой бумаги, разрисованный и раскрашенный Хармсом.

Там изображалось нечто вроде процессии, или, вернее, группового портрета. Один за другим шли те самые люди, которых я в дальнейшем постоянно встречал у Хармса: Александр Иванович Введенский,¹² Яков Семенович Друскин,¹³ Леонид Савельевич Липавский,¹⁴ Антон Исаакович Шварц¹⁵ и другие знакомые Даниила Ивановича с их женами или дамами. Все были нарисованы очень похоже и слегка — но только чуть-чуть — карикатурно. В изобразительном отношении рисунок отдаленно напоминал графику Вильгельма Буша.¹⁶

В центре процессии был автопортрет Хармса, нарисованный несколько крупнее других фигур. Даниил Иванович изобразил себя высоким и согрбленным, весьма пожилым, очень мрачным и разочарованным. Рядом была нарисована маленькая фигурка его жены. Они уныло брели, окруженные друзьями. Хармс говорил мне потом, что он делается таким, когда перестанет ждать чуда.

Здесь я касаюсь одного из довольно существенных убеждений Хармса. Он считал, что ожидание чуда составляет содержание и смысл человеческой жизни.¹⁷

Каждый по-своему представляет себе чудо. Для одного оно в том, чтобы написать гениальную книгу, для другого — в том, чтобы узнать или увидеть нечто такое, что навсегда озарит его жизнь, для

третьего — в том, чтобы прославиться, или разбогатеть, или еще что-нибудь в любом роде, в зависимости от души человека.

Однако людям только кажется, что их желания разнообразны.

В действительности люди, сами того не зная, желают лишь одного — обрести бессмертие. Это и есть настоящее чудо, которого ждут и надеются на его пришествие.

Чуда не было год назад и не было вчера. Оно не произошло и сегодня. Но, может быть, оно произойдет завтра, или через год, или через двадцать лет. Пока человек так думает, он живет.

Но чудо приходит не ко всем. Или, может быть, ни к кому не приходит. Наступает момент, когда человек убеждается, что чуда не будет. Тогда, собственно говоря, жизнь прекращается, и остается лишь физическое существование, лишенное духовного содержания и смысла. Конечно, у разных людей этот момент наступает в неодинаковые сроки: у одних в тридцать лет, у других в пятьдесят, у иных еще позже. Каждый стареет по-своему, в своем собственном темпе. Счастливее всех те, кто до самого конца продолжает ждать чуда.

Не слишком высоко ценя Льва Толстого как писателя,¹⁸ Хармс чрезвычайно восхищался им как человеком, потому что Толстой ждал чуда до глубокой старости и в 82 года «выпрыгнул в окно», чтобы начать новую жизнь, стать странником и, может быть, убежать от смерти.

В ту пору, когда я познакомился с Даниилом Ивановичем, ему было тридцать три года. Мне, двадцатипятилетнему, он казался не старым, конечно, и даже не пожилым, но уже свободным от недостатков и слабостей, свойственных юности. Он был вполне зрелым человеком со сложившимся мировоззрением и до конца продуманным отношением к жизни.

Я должен теперь рассказать о характере моих отношений с Хармсом — отношений, которые сложились сразу и с первой встречи приняли законченную форму, не изменявшуюся в течение трех последующих лет его жизни.

Существует любовь с первого взгляда. О ней немало написано. Люди, едва встретившись и еще ничего не зная друг о друге, испытывают неодолимое взаимное притяжение. Шекспир в «Ромео и Джульетте» и Хемингуэй в замечательном романе «По ком звонит колокол» рассказывают об этом почти одинаково, при всей несравнимости описываемых обстоятельств, быта и психологии персонажей. Но что же такое любовь? Не вдаваясь в теорию и не претендуя на исчерпывающие определения, приведу лишь слова В. В. Роза-

нова,¹⁹ которые, по моему убеждению, отмечают едва ли не самое важное: «Хорошо только там, где ты, а без тебя повсюду уныло и скучно». Главное в любви — это стремление быть вместе.

Но есть и дружба с первого взгляда, во всем подобная любви, за вычетом лишь физического влечения. Дружба, как и любовь, проходит последовательные фазы: сначала обостренный взаимный интерес, потом нарастающее духовное сближение и, наконец, охлаждение, нередко переходящее во взаимное недовольство, антипатию и даже ненависть. Всему свои сроки.

Как всякое творческое явление, дружба требует таланта. Хармс был одарен талантом к дружбе не меньше, чем иенские романтики или наши первые символисты. В дружбу он вкладывал творческую энергию. Имена друзей, как вехи, отмечают течение его биографии. Где-то в начале двадцатых годов тесная дружба связала его с Венденским. Она продолжалась долгие годы и прошла, как мне кажется, все последовательные фазы, завершившись холодными — нет, скорее тепловатыми, приятельскими отношениями. Потом у Даниила Ивановича была недолгая дружба с Заболоцким, потом с Олейниковым, после с Друскиным. Мне выпала судьба стать последним другом Хармса. Нашей дружбе был отмерен короткий срок. Она оборвалась насильственно, едва дойдя до высшей точки.

Может быть, стоит упомянуть, что в силу свойственной нам обоим церемонности мы никогда не переходили на «ты» и обращались друг к другу по имени и отчеству.

Я помню, что уже с первого прихода к Хармсу почувствовал своеобразие духовной атмосферы его дома, ее несхожесть ни с чем ранее виденным и испытанным, хотя и не смог бы тогда определить, в чем же именно она заключается.

В доме господствовали свобода и непринужденность. Хозяева дома и их гости были тогда молоды и беззаботны, несмотря на то что жизнь у большинства из них была совсем нелегкой. Гости приходили когда угодно, вели себя как хотели, делали все, что им нравилось, и говорили о том, что их интересовало.

Одна только тема была под запретом в доме Хармса, как, впрочем, и во всех других домах того времени: никто и никогда не говорил о политике и властях. Условливаться не приходилось, все сами все понимали.

Почти всякий вечер помногу музицировали. Я. С. Друскин играл на фисгармонии Баха и Моцарта. Часто приходила редакторша Детгиза Э. С. Паперная, знавшая несколько тысяч песен на всех языках мира. Даниил Иванович очень приятным низким голо-

сом охотно пел, иногда вместе с Паперной, иногда и без нее. Он любил песенки Бельмана, полузабытого шведского композитора XVIII века. Хармс и сам пробовал сочинять музыку. Я не берусь о ней судить. По общему признанию, он был необыкновенно музыкален.

Даниил Иванович и его прелестная жена Марина Владимировна Малиц были приветливыми и внимательными хозяевами. Но их внимание никогда не превращалось в давление на присутствующих.

И все же, при всей свободе и непринужденности, царившей в доме, мы, сами того не замечая, испытывали — не могли не испытывать — сильнейшее воздействие индивидуальности Даниила Ивановича; нас вела его неощутимо направляющая рука. Мне думается теперь, что все мы были в каком-то смысле «персонажами Хармса»; он иронически наблюдал и как бы «сочинял» нас, и мы выстраивались по его воле в некую процессию, вроде той, которую он изобразил на своем абакуре. Можно предположить, что в его сознании мы все отражались очень похоже и, может быть, слегка карикатурно.

Тут мне особенно важно быть правильно понятым. Было бы, конечно, сущей клеветой на Даниила Ивановича думать, будто он собирал своих знакомых и друзей для того лишь, чтобы над ними посмеяться. Он их искренне любил. Он был готов преклоняться перед дарованием Введенского, которого считал гением; он высоко ценил острый ум Липавского, силу мысли и философскую интуицию Друскина. Для иронии Хармса характерна и существенна доброта. Он презирал сатиру как низший род литературы. Но Хармс строил свою жизнь как строит произведение искусства и вовлекал нас в это произведение.

Здесь уместно сказать несколько слов о людях, которых Даниил Иванович называл «естественными мыслителями».

Это была совершенно особая категория его знакомых, по большей части найденная случайно и где придется — в пивной, на улице или в трамвае. Даниил Иванович с поразительной интуицией умел находить и выбирать нужных ему людей.

Их всех отличали высоко ценимые Хармсом черты — независимость мнений, способность к непредвзятым суждениям, свобода от косных традиций, некоторый алогизм в стиле мышления и иногда творческая сила, неожиданно пробужденная психической болезнью. Все это были люди с сумасшедшинкой; люди той же категории, из которой выходят самодеятельные художники-примитивисты (Naive Kunst), нередко превосходные, или просто народные философы-мистики, нередко весьма примечательные. В ежедневном общении они обычно бывают трудны и далеко не всегда приятны.

Даниил Иванович приводил их к себе и обходился с ними удивительно серьезно и деликатно.

Я думаю, что его привлекал в первую очередь их алогизм или, вернее, особенная, чуть сдвинутая логика, в которой он чувствовал какое-то родство с тайной логикой искусства. Он рассказывал мне, что в двадцатых годах, в пору бури и натиска движения обэриутов, всерьез проектировал «Вечер естественных мыслителей» в Доме Печати. Они бы там излагали свои теории.

Впрочем, в те годы, когда я близко знал Даниила Ивановича, его интерес к «естественным мыслителям» стал невелик. Должно быть, он уже взял от них то, что они могли ему дать. Новых «мыслителей» он уже не искал. Но кое-кто из прежних еще появлялся в его доме.

Я помню доктора Шапо, который, пожалуй, был скорее просто милым чудаком, чем «мыслителем».

Помню добродушного и болтливого Александра Алексеевича Башилова. Он неизменно раза два в год попадал в психиатрическую больницу и выходил оттуда со свидетельством, где, как он уверял, было написано, что «Александр Алексеевич Башилов не сумасшедший, а вокруг него все сумасшедшие».

Башилов был племянником управдома и думал почему-то, что дядя покушается на его жизнь. Однажды управдом вместе с дворниками скидывал с крыши снег и попадал прямо на стоявшего внизу Александра Алексеевича. Тот, чуть ли не по пояс в снегу, возмущался, кричал и требовал, чтобы это прекратилось, но отойти в сторону не додумался.

Помню молчаливого и мрачного Рундальцева; этот был совсем в другом роде. Он обладал способностью просидеть целый вечер, не проронив ни слова, и только обводил всех тяжелым взглядом.

Люди ищут и видят в других только то, что в какой-либо мере свойственно им самим. Даниил Иванович тянулся к «естественным мыслителям», потому что в своей собственной психике знал и чувствовал сдвиги, решительно отличающие поэта от мира так называемых нормальных, то есть попросту нетворческих людей. Обладая принципиальным и ясным умом, Даниил Иванович, я думаю, ценил в себе эти сдвиги; ему наверно казалось, что именно эти сдвиги помогают реализовать его творческий дар и обостряют его поразительную интуицию, похожую на ясновидение.

Только в отличие от бедных «мыслителей», которыми владело безумие, Даниил Иванович сам владел и своим безумием, умел управлять им и поставил его на службу своему искусству.

«Интеллигентные» разговоры о книгах или театре не пользовались уважением в доме Хармса.

Шла осень унылого тридцать девятого года. Теперь, в исторической перспективе, стало более очевидным, что год был таким же зловещим, как и два предшествующих года — страшный тридцать седьмой и безнадежный тридцать восьмой. Стало также вполне очевидным теперь, что в эти годы готовились и назревали огромные события, вскоре охватившие весь мир. Но мы, жившие тогда, не умели понять и увидеть это. Мы видели только, что время наше мрачное и беспросветное; но мы не различали за ним никаких очертаний будущего. Даниил Иванович был одним из тех немногих, кто уже тогда предвидел и предчувствовал войну.

Горькие предвидения Хармса облекались в неожиданную и даже несколько странную форму, столь характерную для его мышления.

— По-моему, осталось только два выхода, — говорил он мне. — Либо будет война, либо мы все умрем от парши.

— Почему от парши? — спросил я с недоумением.

— Ну, от нашей унылой и беспросветной жизни зачухнем, покроемся коростой или паршой и умрем от этого, — ответил Даниил Иванович.

Ирония и шутка были для него средством хотя бы слегка заслониться от надвигающейся гибели. Он думал о войне с ужасом и отчаянием, и знал наперед, что она принесет ему смерть; он и вправду не пережил войну, хотя гибель пришла к нему, быть может, не тем путем, какого он тогда страшился.

Военная служба казалась ему хуже и страшнее тюрьмы. — В тюрьме можно остаться самим собой, а в казарме нельзя, невозможно! — говорил он мне.

У меня уже был тогда небольшой опыт казарменной жизни, приобретенный во время лагерного сбора после перехода с первого на второй курс университета. Я мог поэтому понять, насколько непереносимой была бы для Даниила Ивановича солдатская жизнь...

[Общие места и безответственные суждения вызывали у Даниила Ивановича самую настоящую злость. Человек, желавший, чтобы его слушали, должен был говорить нечто вполне самостоятельное и неожиданное. Поэтому о литературе говорили нечасто. Но иногда в узком кругу, с одним, двумя собеседниками, Даниил Иванович сам начинал эти разговоры, и я приведу здесь некоторые из его литературных мнений.

Местом наших бесед нередко бывала пивная на Знаменской улице, против Озерного переулка. Это довольно низкопробное и

грязное заведение, ныне уже не существующее, напоминало «клоак», в котором Версиров²⁰ разговаривал с подростком. Обычными посетителями там были маляры. Ведро с плешущейся или полузасохшей краской стояли вдоль стен и под столами. Д. И. приходил с небольшим саквояжем, где лежали вилки и дорожные складные стаканчики. Мы заказывали водку, сосиски и пиво с горохом. Музыка в этом кабаке не играла и разговоры — по крайней мере наши — отнюдь не носили характера лирической и полупьяной российской задушевности. Однажды именно там Хармс объяснил мне значение верно найденной литературной детали.

Важнейшим свойством писателя он считал властность. Писатель, по его убеждению, должен поставить читателей перед такой непререкаемой очевидностью, чтобы те не смели и пикнуть против нее. Он взял пример из недавно прочитанного нами обоими романа Авдотьи Панаевой «Семейство Тальниковых». Там, по ходу действия, автору требовалось изобразить, как один человек сошел с ума. Сделано это так: человек остается в пустой прихожей, снимает с вешалки все шубы, пальто и салопы, несет и аккуратно складывает их в угол, а на вешалке оставляет одну только свою шинель. Она висит одиноко и отчужденно. Сумасшествие показано таким образом при помощи неброской, но вместе с тем неожиданной детали, которая обретает ряд параллельных, а часто перебивающих друг друга смыслов. Она — как микрокосм, в котором отражена закономерность мира, создаваемого в романе].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начальник Управления КГБ СССР по Ленинградской области В. М. Прилуков в беседе с корреспондентом «Ленинградской правды» (см. запись этой беседы: Ленинградская правда. 1988. 4 октября; под названием «Гласность и госбезопасность») сообщил следующее: «Даниил Хармс был арестован в 1931 году вместе с другими известными в то время литераторами по делу ленинградского издательства „Детская литература“ (такого издательства в 1931 г. не существовало. — А. А.). Обвинения были вымышленными, явно инспирированными. Но Хармс был приговорен к 3 годам лишения свободы, а затем этот срок ему заменили высылкой. Во второй раз Хармса арестовали в августе 1941 года, перед самым началом блокады, когда в городе шла борьба с вражеской агентурой, паникерами, спекулянтами. Органы НКВД располагали сведениями об антисоветских и „пораженческих“ разговорах, которые он вел. По воспоминаниям современников, и в частности сестры Хармса — Е. И. Ювачевой-Грицунной, органы НКВД «задерживали» его на два-три дня в 1934 и 1937 гг. Писатель находился под неусыпным вниманием властей, был «под колпаком», как принято теперь говорить.

² Хармс выехал в Курск 13 июля 1932 г., возвратился 18 ноября этого же года.

³ Веря — косяк у двери (обл., вологодск.).

⁴ Глебова Татьяна Николаевна (1900—1985) — художница, входила в студию МАИ («Мастера аналитического искусства»), организованную П. Н. Филоновым. В 30-е годы художница написала портрет Хармса, исчезнувший во время блокады.

⁵ Порет Алиса Ивановна (1902—1984) — также участник коллектива МАИ. Хармс адресовал ей несколько стихотворений. Оставила о Хармсе воспоминания. Написала портреты Хармса в 60—70-е годы, оформляла детские произведения Хармса; см.: *Хармс Д. Загадочные картинки*. М., 1980.

⁶ Хармс и его друзья в конце 20-х годов хотели создать объединение поэтов и художников, о чем Хармс вел переговоры с К. С. Малевичем. Супрематические идеи замечательного художника привлекали Хармса, и он одно время искал для них словесно-поэтический эквивалент. В дружеских отношениях Хармс находился со многими учениками Малевича, в особенности с В. В. Стерлиговым.

⁷ Стоит ли объяснять, как важно для понимания творчества и личности писателя расшифровка его псевдонима. В беседе с В. Н. Петровым нами было высказано предположение, что Хармс от «harm» (англ.) — «вред самому себе». Порет считала, что иноязычный псевдоним взят от предка по материнской линии. Эта легенда, возможно, создана самим Хармсом. Его мать, урожденная Колюбакина, родилась на Волге в русской семье. Многие из современников видели в псевдониме Хармса своего рода визитную карточку «заумника»: псевдоним воспринимался ими как бессмысленно-эксцентрическое сочетание звуков. Игорь Бахтерев усматривает в англоязычном псевдониме связь с именем Шерлока Холмса (см., например: *Бахтерев И. Когда мы были молодыми*. (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. 2-е изд., дополн. М., 1977. С. 63). В настоящий момент автор этих заметок склоняется к тому, что псевдоним Хармс (и производный «Шардам») образован от английского «charm» или немецкого «scharm» (писатель владел этими языками): Оба слова означают «обаяние», «чары». Глагол от них — «очаровывать, околдовывать». Образ коадуна, властелина нередок в произведениях Хармса 20-х годов. Скрытый смысл псевдонима — «вред самому себе» — проступил в середине 30-х годов, на что указал сыну его отец. У Хармса есть запись о том, что отец посоветовал ему отказаться от псевдонима, иначе будет «преследовать нужды».

⁸ На Надеждинской в доме 11, кв. 8 Хармс жил с 1925 по 1941 г. В 1950 г. в этой квартире, перепланированной, поселился и В. Н. Петров.

⁹ Якоб Бёме (1575—1624) — немецкий теософ. В книге «Аврора, или Утренняя заря» (1612) он писал об открывшейся ему благодаря «внутреннему просветлению» сокровенной сущности мироздания.

¹⁰ «Мы не пироги» — девиз, который в виде плаката повесили Ю. Владимиров и Б. Левин, младшие обэриуты, на своем литературном вечере в студенческом общежитии Ленинградского университета. Об этом выступлении как о «вылазке литературных хулиганов» с демагогическим возмущением писала газета «Смена» (1930. № 81. 9 апреля). Точных свидетельств нет, висел ли этот лозунг в квартире Хармса.

¹¹ Павел Андреевич Мансуров (1896—1983), с большой симпатией относившийся к Хармсу (об этом он писал в своих письмах к Е. Ф. Ковтуну), выехал за границу из Ленинграда в 1928 г.

¹² А. И. Введенский (1904—1941) — поэт и драматург, ближайший друг Хармса, оказавший довольно сильное влияние на его раннее творчество.

¹³ Я. С. Друскин (1902—1980) — философ, музыковед, математик, переводчик на русский язык книги А. Швейцера «И. С. Бах». С Друскиным Хармс познакомился в середине 20-х годов, но особенно сблизился во второй половине 30-х. О Друскине Хармс пишет в шаржированном рассказе «Я решил растрепать одну компанию...». В 1937 г. между ними завязалась литературная переписка.

¹⁴ Л. С. Липавский (псевд. — Л. Савельев, 1904—1941) — литературный редактор, высоко ценимый Маршаком, автор историко-революционных и естественно-научных книг для детей.

¹⁵ А. И. Шварц (1896—1954) — художественный чтец, жил неподалеку от Хармса. В предвоенные годы Шварц и Хармс дружили семьями.

¹⁶ Вильгельм Буш (1832—1908) — немецкий поэт и художник, автор популярной в дореволюционной России книги об озорниках Максе и Мерице. По воспоминаниям сестры Хармса, он, как и миллионы его сверстников, зачитывался этой книгой в детстве. В 30-е годы вышел вольный перевод стихотворной повести Буша «Плих и Пляух», сделанный Хармсом.

¹⁷ Хармс много размышлял о чудесном, наполняя понятие «чудо» религиозным содержанием. Вторая половина 30-х годов в творчестве Хармса отмечена трагическим колебанием между верой и утратой ее. Среди записей его есть и такая: «Есть ли чудо? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ» (ГПБ, 1937 г.). «У него, — вспоминал Друскин в своей записи, — было ощущение жизни как чуда, и свою жизнь он хотел сделать как чудо. Не случайно у него много и рассказов о чуде» (частное собрание).

¹⁸ Вопрос об отношении Хармса к классическому наследию не прост. Не углубляясь в него сейчас, скажем только, что как раз в годы дружеских отношений с Петровым Хармс отошел от своей ранней установки на антипсихологизм. Отец же Хармса и тетка писателя — Н. И. Колюбакина, преподавательница русской литературы, относились к Толстому благоговейно.

¹⁹ В. В. Розанов (1856—1919) — русский писатель, публицист, философ, имя которого все чаще стали вспоминать в годы, когда Петров писал свои воспоминания.

²⁰ Версилон — персонаж романа Ф. М. Достоевского «Подросток».

Стихотворения Даниила Хармса

В фонде В. Н. Петрова находятся автографы трех стихотворений Даниила Хармса: «Конец героя», «Пророк с Аничкиного моста», «Что за люди там и тут...». Первое и третье из них не опубликованы.

Беловой текст стихотворения «Конец героя» записан на двойных листах вместе с текстом «Пророка...». Оба произведения относятся к одному времени — 1926 г. Возможно, автор видел внутреннюю связь между ними.

Как оказались эти ранние произведения Хармса у Петрова, который познакомился с писателем в конце 30-х годов, можно только гадать.

Стихотворение «Конец героя» относится условно говоря к «чинарскому» периоду Хармса. В 1925 г. он называл себя Председателем Взирь Зауми, подчеркивая этим псевдонимом-титолом свою связь с поэтом Александром Туфановым, Председателем Земного Шара Зауми (как тот величал себя). Образцы Взирь Зауми 1925 г. содержатся в двух школьных тетрадях, которые Хармс предложил вниманию приемочной комиссии Союза поэ-

тов.¹ В начале 1926 г. Хармс и А. Введенский уже называют себя «чинарями». Они создают «Школу чинарей». Вначале поэты сохраняли свои старые самоназвания: чинарь-взиральник (Хармс), чинарь — авто-ритет бессмыслицы (Введенский), но потом оставили только первую часть.

Поэтика Хармса беспрерывно изменялась. И чинарь Хармс не идентичен Председателю Взирь Зауми. Заметно отклонилась стрелка стилевой ориентации — от Туфанова в сторону Александра Введенского. Произошла не смена подражаний, а одни выразительные средства приглушились, переформировались в другие. Хармс в 1926 г. отходит от ритмов «плясули» и «срывов» 1925 г.. Выравнивается в сторону литературной нормы поэтическая речь. «Конец героя» — это уже «столбец», похожий на ранние «столбцы» Введенского и Заболоцкого, ритмически однообразный поток стихотворной речи. Малопонятный (впрочем, эта черта — может быть, даже в большей мере — присуща и Взирь Зауми), но динамичный поток, характеризующийся яркой сменой образов.

Стихотворение «сделано» как бы по методу импульсивного (импровизированного) письма. Можно предположить, что задача автора состоит в том, чтобы передать текучесть поэтических образов. Он следит не за отчетливостью художественной мысли, а за ее быстрым движением, разветвлением. При этой скорой фиксации многообразия образов и их трансформации автор неизбежно впадает в аграмматизм и алогизм. Причем — поскольку причинно-следственные связи оборваны — алогизм становится важнейшим художественным принципом импульсивного письма.

По сравнению с Взирь Заумью в этом «чинарском» стихотворении сократилось число неологизмов, вообще нехарактерных для «столбцов». Особое внимание привлекают существительное «шулят», рифмующееся со словом «шумят» («и латы воина шумят // при пухлом шепоте шулят»), а также неологизм «кичка», уже встречавшийся у Хармса. В стихотворении «Полька „Затылки“» (1 января 1926 г.) читаем: «не осуди шерстяная публика // громкую кичку // Хармса — дитё».

В стихотворении можно наблюдать признаки, характерные для «чинарей»: «стремление к увеличению размаха ассоциативных сближений отдельных и даже противоположных вещей, явлений, процессов, увеличение свободы превращений, пересечения, взаимного растворения и взаимного

¹ Хранятся в ИРАИ. Об этих стихотворениях см.: Александров А. А. Материалы Д. И. Хармса в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 64—79.

наложения образов действительности в разных направлениях вплоть до своеобразного протекания из одной формы в другую, нарушение обычной последовательности, смелое расположение удивительного и даже сказочно-чудесного...», — так о ранней обэриутской поэтике пишет А. В. Македонов.²

Но в этом беспорядочном — при беглом взгляде — следовании двустийший и четверостиший можно заметить и объединяющие образы. Это триада — дева, девка, сударыня (дама), которая проходит по всему тексту. Параллельно движется рассказ о лирическом герое, о поклоннике — полковнике, «герое» (скорее всего на эротическом поприще), о «пустыннике». Быстрая смена этих персонажей в конце концов завершается драматичным финалом. В целом создается мрачно забавный поток стихотворных образов на тему насильственно оборванной молодой жизни.

Совсем иная тональность у лукаво бодрого стихотворения «Что за люди там и тут...». Оно не датировано, но подписано — «Хармс». Псевдонимы Даниила Хармса могут указывать на время написания той или иной вещи. Только в определенные годы он подписывался Д. Х., или же Гармониус, или же Даниил Дандан, или же Даниил Хармс, а то и просто Хармс, как он поступил в данном случае. Псевдонимом «Хармс» подписаны произведения, относящиеся к 1936 и к 1940 гг. Скорее всего «Что за люди там и тут...» создано именно в 1936 г., во всяком случае в середине 30-х годов, а не в их конце, когда сеть Ленскупторга не была новинкой, да и «восторг» окончательно покинул Даниила Хармса. Заметим также, что существуют ритмические переключки между этим произведением и стихотворением Хармса для детей «Что это значит?», опубликованным в последнем номере «Чижа» (№ 12) за 1935 г.

В известной мере это стихотворение можно рассматривать как автопародию. В творчестве Хармса гротескный автошарж не редок — в прозе, стихах и в графике. В данном случае деятельность Ленинградского скупторга воспевается в привычных для Хармса ритмах игровой детской поэзии.

В повседневной жизни Хармса комиссионный магазин занимал далеко не последнее место. Испытывая, и довольно часто, недостаток в деньгах, Хармс сдавал на комиссию старинные вещи, доставшиеся ему от матери. В комиссионном магазине Хармс, как об этом свидетельствуют его записи, хотел приобрести фисгармонию или же редкие курительные трубки. «На

² Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 67.

днях,— читаем в «Старухе»,— я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки».

«Что за люди там и тут...» состоит из трех частей. Первая начинается с приведенной строчки. В тексте 51 строка и лист с текстом помечен номером I(1). Во втором тексте, помеченном II(1/2), 35 строчек. Его начало отличается от текста I(1):

Чтобы было очень радо
Ленинграда население,
В каждой части Ленинграда
Ленскупторга отделение.
В отделениях принимают
На комиссию товары,
Продают...

и т. д. по первому тексту до конца. На листе третьей части поставлено III(1/4). Ниже мы публикуем часть первую и третью. Возможно, все три части предполагались для домашнего музыкального исполнения. Хармс любил подобные словесно-музыкальные шутки и сочинял кантаты и каноны, чтобы развлечь себя и гостей. В публикации полностью сохранена авторская пунктуация.

1

КОНЕЦ ГЕРОЯ

Живи хвостом сухих корений
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду ль
держась пустынником поодаль.
В красе бушующих румян
хлещи отравленным ура.
— Призыва нежный алатырь
и Бога черный монастырь.
Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шепоте шулят.
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда.
Мелькает девушка в окне
Софокла вдруг подходит к ней:
не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынырнет из туч.

И вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережным имян
как водолей пронзит меня.
Сухое дерево ломалось
она в окне своем пугалась
бросала стражу и дозор
и щеки красила в позор
Уж день вертелся в двери эти,
шуты плясали в оперетте
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
дитя свечу свою потушит
потом идет в леса укропа
куриный дом и бабий ропот.
Крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась --
-- Сударыня, я ваш поклонник
скажите мне, который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него
не слышит жалобы другие
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плаю в колодец и пою:
Пусть ветер палубу колышет
по ветра стык моряк не слышит.
Пусть дева плачет о зиме
и молоко дает змее.
Я опростясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвертый класс.
Из леса выпрыгнет метелка
умрет в углу моя светелка
восстанет мертвый на помост
блином во рту промчится пост.
Как жнец над пряхою не дышит
как пряха пож вздымает выше --
не слышу я и не гляжу
как пес под знаменем лежу.
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с именем пона
и звон копающих лопат.
И виден мне кельник ровный,
упряжка скучная и дровни,

ковер раскинутых саней,
лихая кичка: поскорей!
Конец не так моя Розалья
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть.
И запотев в могучем росте
всегда ликующий такой —
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой

в с ё

2 мая 1926

2

* *
*

〈Часть I(1)〉

Что за люди там и тут
Во все стороны бегут?
Что за гром и беготня,
Крик и треск и толкотня?
Может в дом ударил гром,
И на площадь рухнул дом?
Или солнца треснул шар?
Иль на месяце пожар?

Отвечает мне народ:
Нет, как раз наоборот:
Этот грохот от восторга,
Потому что там и тут
В магазины Ленскупторга
Люди толпами бегут.
Широко раскинул сети
Магазинов Ленскупторг,
Потому-то в целом свете
Ликованье и восторг.
Даже маленькие дети
Восклицают: «Ленскупторг!»

В Ленскупторге принимают
На комиссию товары
Продают и покупают
Лампы, чашки, самовары,

Стулья, кресла и картины,
Чемоданы и корзины,
Платье, обувь, шапки, шубы,
Пианино, флейты, трубы,
Бронзу, фотоаппараты
И бухарские халаты,
И хрусталь любой игры,
И роскошные ковры.
Тут же мебель обивают,
Полируют, обновляют
И, улучшив в сорок раз,
Выставляют напоказ.

Удивитесь вы таланту
Ленскупторговских работ,
Платит он по преискуранту
Тут же сразу, без хлопот.
Агентура Ленскупторга
Помогает людям жить,
По квартирам ходит бодро,
Предлагает услужить.
Потребитель Ленскупторга
Просто ходит сам не свой,
Просто скачет от восторга
И бормочет сам с собой:
 Ленскупторг!
 Ленскупторг!
Ты привел меня в восторг!

«Часть III(1/4)»

Чтобы было очень радо
Ленинграда население
В каждой части Ленинграда
Ленскупторга отделенье.
Там и мебель, и фарфоры,
Там и бронза, и ковры,
И научные приборы,
И хрусталь любой игры.
Там и обувь, там и платья,
Приводящие в восторг —
Нет, не в силах рассказать я,
Как прекрасен Ленскупторг.
Там и купишь и продашь,
И получишь и отдашь,
А насмотришься такого,
Что забудешь Эрмитаж!

Иван Павлович Ювачев (1860—1940), отец Даниила Хармса, всю вторую половину своей жизни вел дневник. Мелким, как принято говорить, бисерным почерком заполнялись страницы записных книжек обычного формата. Тип записей не менялся с годами. Не пропуская ни одного дня в календаре, Ювачев перечислял все события за день, вспоминал всех людей, с кем виделся и вел беседы. Называл книги, какие он читал, описывал сны, какие видел.

Ювачев был глубоко религиозным человеком. В дневниках отмечались все христианские праздники. Методично — изо дня в день — упоминались все церкви, где молился и слушал службу Ювачев. С такой же старательностью фиксировались полнолуния и другие космические явления.

Записи были относительно краткими. Ювачев избегал по возможности психологических описаний, картинных зарисовок. Он стремился к хроникальной записи, где основное место уделялось не личным переживаниям, а поступкам, действию, тому, что говорят другие..

Одной записной книжки хватало на год или две трети года. Ювачев нумеровал книжки. Сколько их было всего, невозможно сказать точно. Большая часть погибла в блокаду. То, что уцелело, стало собственностью дочери — Елизаветы Ивановны Ювачевой-Грицкиной. В фонде Петрова находятся две книжки И. П. Ювачева. Одна под номером III, охватывает период с 20 мая 1930 г. по 1 апреля 1931 г. Другая, как мы считаем, носит номер LIV (ее начало вырвано) и относится к первой половине 1932 г.

Дневники Ювачева содержат богатый историко-бытовой материал и представляют значительный интерес для всех, кто занимается городским бытом двадцатого века, историей общественных организаций в Ленинграде, историей современной церкви. Представляют они важный материал и для биографов Даниила Хармса.

Чтобы разобраться в этом материале, необходимо познакомиться с биографией Ивана Ювачева и его миропониманием.¹

Иван Павлович Ювачев был весьма примечательной личностью. Его характер формировали две могучие силы: с одной стороны — русское рево-

¹ См. фонд И. П. Ювачева под № 887 в ГПБ, а также Сенченко И. А. Революционеры России на сахалинской каторге. Сахалинское книжное издательство. 1963. Много биографического материала и в книгах самого Ювачева. См. также Ювачев И. П. Из воспоминаний старого моряка. — «Морской сборник», № 10, 1927, с. 71—90.

люионное движение народников, с другой — и позднее, русская христианская церковь, ее идеи и ее проповедники начала двадцатого века. Воздействие было противоречивым, в ряде случаев — там, где сливались крайности — и мощным.

Иван Ювачев родился в бедной семье дворцового полотера в 1860 г. В 1874 г., сдав вступительные экзамены на «отлично», он поступил в техническое училище морского ведомства в Кронштадте. Здесь будущий штурман познакомился с нелегальной революционной литературой. Его героями стали деятели народничества. «В детстве он был очень религиозен, в юности стал атеистом», — записал о Ювачеве Д. П. Маковицкий.²

Сам Ювачев признавался, что в молодости хотел повесить в своей комнате вместо иконы портрет Веры Засулич. По окончании училища Ювачев служил несколько лет на Черном море. Весной 1882 г. организатор военно-революционных групп подполковник М. Ю. Ашенбреннер создал в Николаеве кружок морских офицеров, сочувствовавших революционному движению. Ювачев вошел в кружок и стал его деятельным участником. После переезда в Петербург границы его революционной деятельности расширились. В 1883 г. Ювачев был арестован. Молодому офицеру грозило жестокое наказание за участие в антиправительственной Военной организации.

Революционер-моряк проходил по знаменитому «процессу 14-ти» и был приговорен к 15 годам каторги. Около четырех лет Ювачев провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В тюремной камере в мировоззрении Ювачева произошел перелом. Атеизм улетучился, с большой силой вновь пробудилась христианская вера. Друзья-народовольцы посчитали, что Ювачев сошел с ума. Тюремная власть предложила народовольцу, обретенному Христа, уйти в монастырь. Ювачев отказался. Из Шлиссельбургской крепости его перевезли на остров-тюрьму, на сахалинскую каторгу. Впоследствии Ювачев написал две книги о своих тюремно-каторжных годах.³ В них отчетливо выразилась боль за нравственно униженного человека, превращенного в российских тюрьмах и поселениях в бесправное ничтожество, жизнь которого полностью находится в руках надзирателей разных рангов.

² Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки». Кн. I. 1904—1905. М., 1979, с. 474.

³ Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. (Издана под псевдонимом — И. П. Миролюбов); Шлиссельбургская крепость. М., 1907.

В 1895 г. Ювачев получил освобождение, и он, покинув Сахалин, поселился во Владивостоке, а в 1899 г. вновь возвратился в Петербург (через Тихий океан, Америку, Атлантику и Англию).

До революции Ювачев служил в инспекции Управления государственными сберегательными кассами. Служебные командировки в многочисленные российские губернии отнимали и силы и свободное время, но Ювачев был исключительно трудолюбивым человеком. Высоко развитым было у него и чувство служения идеям христианства. Он писал многочисленные статьи, очерки, книги на религиозные темы⁴, сотрудничал долгие годы в журнале «Отдых христианина».

После революции Ювачев работал старшим ревизором Центрального бюджетно-расчетного управления Наркомата финансов. В 1923—1924 гг. Ювачев — заведующий счетным отделением рабочего комитета на строительстве Волховской ГЭС. Во второй половине двадцатых годов он уходит на пенсию. Основным занятием его стало составление иконографии Божией Матери. Ювачев, как видно из дневников, в 1930—1932 гг. составлял описание и зарисовывал иконы Всеблагой, находившиеся в ленинградских церквях. Регулярно посещал он и собрания в Обществе политкаторжан, членом которого состоял с основания.

И. П. Ювачев и его сын, Даниил Хармс, жили в одной квартире. У сына была своя комната, свой быт, свои интересы. Эти два человека могли показаться очень не похожими: один — воплощение рассудительности, порядка, традиционности, другой — творец алогизма, любитель беспорядочной — как он сам признавался — «чуши». Разными они показались и В. Н. Петрову, который, на наш взгляд, не воспользовался в своих воспоминаниях материалом дневников Ювачева.

А они дают представление о характере влияния отца на сына. При всей своей разности отец и сын имели единую основу, на которой строили свое миропонимание. Имя этой основы — вера в Христа.

Абсурдность, зареальность творчества Хармса еще ждет своего объяснения как религиозного действия. Дневники отца дают материал для такого понимания.

Отец выстрадал свою веру в Бога. Он не отказался от нее, несмотря на суровую критику бывших товарищей по политической борьбе. Он воспри-

⁴ Назовем из них: Паломничество в Палестину к гробу Господню. СПб., 1904; Монашество и трезвость. СПб., 1909; Тайны царства небесного. СПб., 1910; Война и вера. Очерки всемирной войны (1914—1916). Пг., 1917.

нял христианство с той же нравственной чистотой и с той же горячей юношеской верой, что и идеи народничества, когда учился в Кронштадте. Упорно передавал свою веру близким. Как трансформировалась она в творчестве Хармса — тема особых исследований.

В дневнике отец лаконично отмечает и свои беседы с сыном, и, как ему видится, повседневную жизнь сына.

В книжке LI, охватывающей период с 20 мая по 1 апреля 1931 г. читаем: «Даня едет в пионерский лагерь» (1 июля; очевидно, на «встречу с читателями» — А. А.), «Даня уехал с утра на Лахту» (3 июля), «Даня принес 4 полубутылки вина. Что же? — Гостей жду. А пришла поздно вечером одна только девица и ночевала у него. Не Эстер ли?»⁵ (6 июля). Запись через месяц — 6 августа: «Даня путается с какой-то голоштанной девчонкой». Конечно, это не могло нравиться отцу. От 12 августа: «Беседа с Даней. Сегодня видел его новую страсть». Лето 1930 г. Хармс провел в городе. Впрочем, отец видел его далеко не каждый день. «Даня получил деньги и мало бывает дома» (21 августа). Не такая ли вольная жизнь сына принудила отца к действию. В дневнике от 16 сентября читаем: «Сегодня снял копию пророка Даниила и раскрашивал его, хочу подарить сыну, который был у меня вечером в 7 одновременно с украинцем в воскресенье, и я тогда показал Дане оригинал». «Пришел ко мне Даниил и я ему даю читать мои очерки по Апокалипсису⁶. Дал ему и вчера нарисованного пророка Даниила» (17 сентября). «Даня занимался Книгой Чисел.⁷ Вечером Даня повесил образ Св. Николая в передней, Нат. Н. Дрызину у себя в комнате» (26 сентября; имеется в виду портрет Натальи Николаевны Дрызиной, воспитанницы тетки Хармса, въехавшей в это время в квартиру Ювачевых — А. А.). Веселая жизнь сына продолжается: «У Даниила ночью пир: пять рюмок на кухне. Я плохо спал» (10 октября). Запись от 14 октября: «Сегодня открытие периода — в 39 лет — между событиями революции в России». На следующий день: «Нарисовал Дане картину Русской истории в связи с периодом в 39-летие, о котором вчера писал. Это его очень тронуло».

⁵ Эстер Александровна Русакова — первая жена Хармса, в 1930 г. находилась с ним в разводе.

⁶ Ювачев И. Апокалипсис и его толкователи. — В кн.: Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Апокалипсис. СПб., 1910.

⁷ Одна из пяти книг Моисеевых, входит в Ветхий завет.

Сын продолжает огорчать отца веселыми пирушками. «У Дани минувшей ночью опять пьянственная компания», ядовито пипет отец 15 ноября.

Запись от 21 ноября: «Сегодня Дани просил разбудить его в 12 дня. Я будил, но он не встал. Дани просил разбудить его запиской в стихах.» 22 ноября «...» Дани опять стихотворением просил разбудить его в 10. Я пошел его будить, стал у кушетки и зашел из Травиаты «Милый сын, мой дорогой, возвратись под кров родной!» – и дальше не мог, чтобы не расплакаться...» Сын, как и отец, интересовался мистическим значением числа в древние времена. 21 декабря 1930 г. в новолуние, когда, как писал Ювачев, совершился «поворот и Солнца и Луны» он дал для чтения сыну брошюру А. И. Садова «Знаменательные числа».⁸

В день рождения сына 30 декабря следующая запись: «Ходил в ц. Ник.-Успенского. В 10 утра отнес в комнату сына: 1. просфору, 2. вино, 3. книги, приложил поздравление.

Первый юбилей Даниила Ивановича Ювачева-Charms

Лет двадцать пять со дня рожденья.
Сегодня, в праздник именин,
Тебе приносим поздравленья,
Семь книг и к ним вина графин.»

Прочитируем еще две интересные записи, характеризующие отношения отца и сына: «Был у меня Дани в 4 ч., когда я обедал, и беседовал со мною о символических знаках и их происхождениях» (22 января 1931 г.). «Был у меня Дани и рассказывал о самоедах и условиях их жизни. О диких животных.» (6 февраля).

Записи во второй книжке-дневнике, находившейся у Петрова, относятся к 1932 г. Первая часть книжки выдрана. Полагаем, что она имела номер LIV. Дневник заканчивается записями, приходящимися на апрель 1932 г. Начинается дефектная рукопись с записи 7 февраля. Все это время Хармс находился под следствием в Доме предварительного заключения. Хармса, а также его друзей по работе в детских журналах, обвинили в антисоветской деятельности.⁹ Весь февраль и март отец безуспешно пытался добиться свидания с сыном. Об этом свидетельствуют записи в дневнике.

⁸ Садов А. И. Знаменательные числа. СПб., 1909. Профессор Садов печатал свой труд в ж. «Христианское чтение», возможно, Ювачев был знаком с ним.

⁹ См.: Мальский И. Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела // Октябрь, № 11, 1992. С. 166–191.

Только 9 апреля состоялось свидание отца с сыном. Ювачев описывает свое первое впечатление от свидания: «мне он показался «библейским отроком» (27 лет!) Исааком или Иосифом Прекрасным. Тоненький, пузленький. А за ним пышно одетый во френч, здоровый, полный, большой Коган (главный следователь — А. А.) Нас оставили вдвоем, и мы сидели до 3 1/2. Нам принесли чаю, булок, папиросы. Я подробно рассказывал, о чем он спрашивал. Больше говорили, что пить, что есть, во что одеться и куда вышлют. От него пошел к (прзб) Гартману. Он повторил, что и Дня — его на 3 года в ссылку. Но это не окончательно. Полагают смягчить...» 11 апреля свидание с племянником получила и его тетка — Н. И. Колюбакина. Ювачев записал и ее впечатление от встречи с Хармсом. «Ей дали один час в присутствии агента ГПУ. У нее было другое впечатление от Дани: ему в тюрьме очень худо, он бледен, слаб с таким же нервным подергиванием на лице, как и прежде. Т. е. впечатление совершенно обратное, чем у меня...»

Из записной книжки Хармса, находящейся в частном собрании, известно, что он был освобожден из заключения 18 июня 1932 г. 13 июля этого же года он был выслан в Курск, 18 ноября ему разрешили возвратиться в Ленинград. Наказание было сравнительно мягким, но оно как проклятие висело над Хармсом и послужило в конечном счете причиной его второго ареста в 1941 году, приведшего к смерти.

Л. И. ДОБЫЧИН

ШУРКИНА РОДНЯ

Публикация А. Ф. Лапченко

Леонид Иванович Добычин (1894—1936) успел написать не слишком много. При жизни вышли два небольших сборника рассказов — «Встречи с Лиз» (1927) и «Портрет» (1931), а в 1935 г. была опубликована повесть «Город Эн». Короткие рассказы не принесли Добычину славы или известности, скорее наоборот: они создали ему, как и Зошенко, репутацию подозрительного литератора. Повесть «Город Эн» вскоре после выхода была подвергнута суровой критике, автора объявили формалистом. После общего собрания в Доме ленинградских писателей, на котором Добычин стал главной жертвой обличительных выступлений — дело происходило вскоре после известной статьи «Сумбур вместо музыки» («Правда» от 28 января 1936 г.), — он бесследно исчез. Предполагают, что он покончил самоубийством. С тех пор на протяжении многих десятилетий имя Добычина не упоминалось и произведения его не печатались. Только в 70-е годы знавшим его В. А. Каверину, Г. С. Гору, А. Н. Рахманову удалось сказать несколько добрых слов о несправедливо забытом писателе, «превосходном мастере», а с конца 80-х годов в различных изданиях начинают появляться его произведения.¹

¹ Произведения Л. Добычина и материалы о нем см.: Звезда. 1971. № 9; Огонек. 1987. № 12; Литературное обозрение. 1988. № 3; Сельская молодежь. 1988. № 4; Ленинградская правда. 1988. 21 августа; Родник. 1988. № 8—11; Звезда. 1989. № 9; Добычин Леонид. Город Эн. Рассказы. М., 1989; Расколдованный круг. Василий Андреев. Николай Баршев. Леонид Добычин. Л., 1990; Новый мир. 1990. № 7. С. 240—243; Ерофеев Виктор. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 139—160.

О времени и об условиях создания публикуемой повести «Шуркина родня» известно немного. М. Чуковская пишет, что после выхода «Города Эн» Л. Добычин «задумал большую повесть о глухой деревне, о мужиках», закончить которую не успел.² Она же сообщает, что Добычин читал куски из этой новой своей повести, в которой «описывал он тупую и дикую деревенскую жизнь».³ Этот факт подтверждается запиской Добычина, адресованной ленинградскому литературоведу А. Л. Григорьеву, с которым писатель был дружен в последние месяцы своей жизни и которому он оставил свои рукописи: «Тов. Григорьев, приходите ко мне, пожалуйста, тридцатого в восемь часов и послушайте чтение, в которое я перед Вами и еще двумя-тремя человеками (Гор) думаю пуститься. Добычин». На обороте записки пояснение А. Л. Григорьева: «Это начало нашего знакомства — осень 1935 года. Затем последовали четыре встречи. Л. И. приходил ко мне по воскресеньям, я уговаривал его не падать духом, предлагал длительную материальную поддержку. Весной 1936 года, накануне своего самоубийства, он в мое отсутствие оставил мне рукописи и фотографию».⁴

Можно предполагать, что повесть создавалась в промежутке между 1934 и 1936 гг. В 1934 г. Добычин поселился окончательно в Ленинграде и познакомился с соседом по квартире, рабочим из бывших беспризорников — Александром Павловичем Дроздовым. Одиноким Добычин привязался к нему, в разговорах со знакомыми и в письмах он часто называл его Шуркой. Единственный рассказ писателя о деревне — «Дикие», в котором просматриваются параллели с повестью «Шуркина родня», подписан фамилиями Добычина и Дроздова. По-видимому, А. П. Дроздов (Шурка) и стал прототипом последнего произведения писателя.

Действие повести Добычина происходит в пристанционном поселке неподалеку от Самары в период между двумя войнами — первой мировой и гражданской. Главному герою, деревенскому мальчику Шурке, 4 или 5 лет. Среда, изображенная писателем, не совсем крестьянская: многочисленные родственники Шурки — «маргиналы», выходцы из деревни, пристроившиеся к какому-нибудь ремеслу или мелкой службе. Но весь этот полукрестьянский пролетариат сохраняет все признаки «идиотизма деревенской жизни». В 20—30-е годы, в пору целенаправленного уничтожения крес-

² Чуковская М. Одиночество // Огонек. 1987. № 12. С. 12.

³ Там же.

⁴ ИРАИ, р. I, оп. 6. Пушкинский Дом приносит глубочайшую благодарность А. Л. Григорьеву, передавшему рукописи Л. И. Добычина в архив ИРАИ.

тьянства, этот акцент на «идиотизме» был особенно актуальным, изображение деревни в самых мрачных тонах поощрялось официально, и Добычин следовал уже прочно установившейся традиции. Однако действие в повести захватывает уже советский период, и эта традиция требовала героя, воодушевленного пафосом революционного обновления. Мужиков, осознавших свою беспросветную жизнь и связывающих с революцией надежды на освобождение от лишений и темноты, каких изображали А. Неверов, Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, в повести Л. Добычина нет. Прозой Л. Сейфуллиной, впрочем, он одно время увлекался, хотя и относился к писательнице не без иронии: «Я ее очень люблю. В особенности — за перспективы».⁵ Смысл этой оценки становится ясным из другого высказывания: «...одно высокопоставленное лицо учило меня приобретению перспектив. Под перспективами оно подразумевало „не одно же плохое, есть хорошее...“»⁶ Скепсис писателя в отношении перспектив был обусловлен не политическими причинами, в чем его подозревали и даже прямо обвиняли критики. Он был, скорее, философского свойства — Добычин слишком хорошо знал натуру человека, чтобы надеяться на ускоренную «перековку сознания». Обывательская стихия неукротима — таков смысл всех его рассказов, — она опошляет революционные лозунги, приспособливает их для своих мелких нужд, порождая новые извращенные представления о жизни и сами ее формы.

Л. Добычин был блестящим мастером иронического повествования, умевшим уловить и немногими стилистическими средствами выразить проявления жизни в ее неожиданных, абсурдных формах: «Кандидат на дьяконскую должность, в галифе, ораторствовал. „Я из пролетарского происхождения“, — восклицал он».⁷ Не было ничего удивительного в том, что рецензия О. Резника на второй сборник рассказов Л. Добычина называлась «Позорная книга».⁸ Однако дело заключалось не столько в разладе с революционной эпохой, намеренном ее очернении, а в особенностях мироощущения писателя; это показала автобиографическая повесть «Город Эн», созданная на дореволюционном материале и вышедшая в 1935 г. Дореволюционное провинциальное мещанство изображено в ней с той же

⁵ Цит. по: *Бахтин В.* Судьба писателя Л. Добычина // *Звезда.* 1989. № 9. С. 178.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ *Литературная газета.* 1931. № 10.

ироничной беспощадностью, что и послереволюционное, советское: те же неизменные глупость, лицемерие, ханжество, мелкотравчатость и бессмысленность повседневного обывательского существования, тот же, в конечном счете, абсурд. Эту особенность творческой индивидуальности Л. Добычина — видеть жизнь в абсурдных, бессмысленных проявлениях — пронизательно заметил Г. Адамович, прочитавший повесть «Город Эн» в эмиграции и отозвавшийся на нее рецензией в парижской газете «Последние новости»: „Город Эн“ — книга глубоко издевательская, порой напоминающая Щедрина резкостью и отчетливостью сатиры. По форме — это дневник ребенка школьного возраста, точно и тщательно рассказывающего обо всем, что происходит вокруг него <...> А бессмыслица, отраженная в дневнике, так чудовищна, так грандиозна, что вся повесть приобретает фантастический оттенок: забываешь бытовые детали, читаешь как сказку <...>

Самый склад ума Добычина таков, что видит он только нелепое и находит вполне верные, вполне свои слова лишь тогда, когда можно презрительно усмехнуться. У автора „Города Эн“, как и у Щедрина, смех идет дальше непосредственного предмета сатиры и подрывает нечто большее, чем данный общественный строй: яд проникает в общее жизнеощущение, ирония разъедает все». В этой же рецензии Г. Адамович предсказывал драматический характер взаимоотношений писателя с литературой социалистического реализма: «У Добычина мифистофельский душок обращен вовсе не на одно только прошлое, и если бы подвернулась ему под руки действительность советская, он, конечно, и ее изобразил бы так, что камня на камне не осталось бы <...> и признаться, это-то и уменьшает нашу надежду прочесть в скором времени книгу Добычина на современные русские темы».⁹

Пророчество Г. Адамовича сбылось — после «Города Эн» Л. Добычина уже не печатали, хотя он и пытался предлагать «Шуркину родню» двум или трем журналам. Теперь, издавелека, хорошо видно, что наивно было в 1936 г. надеяться опубликовать произведение так несозвучное эпохе великих строек и официально культивируемого энтузиазма.

Форма повествования «Шуркиной родни», некоторые ее фабульные ходы и мотивы, открытый финал заставляют вспомнить о «Степи» Чехова. Изображение всего окружающего в добычинской повести — природы, людей, реалий — максимально приближено к восприятию героя, дано как бы изнутри примитивного сознания: «Телега погромыживала. Ноги, свешенные

⁹ Цит. по: *Тименик Р.* О городе Эн, его изобразителе и о несбывшемся пророчестве // *Родник.* 1988. № 11. С. 80.

вниз, покачивались. Около дороги стоял лес. Попахивало свежими вениками. Пешеходы, перекинув башмаки через плечо, шли сбоку по тропинке. Шурка их оглядывал, прикидывая, что с них можно снять, если убить их». Кормильцу семьи, промышляющему воровством и мародерством, потенциальному убийце Шурке не исполнилось еще девяти лет, но изображен он как взрослый. По своим повадкам, замашкам, житейской озабоченности — он взрослый человек, и весь его немалый жестокий опыт — тоже совсем не детский. В этом не было никакой условности или преувеличения. М. Осоргин в романе «Сивцев вражек» свидетельствует: «Была тяжела в тот год (1919. — А. Л.) жизнь, и не любил человек человека. Женщины перестали рожать, дети-пяtilетки считались и были взрослыми». ¹⁰ Уроки жестокости, преподанные взрослыми, легко ложатся на детскую душу. Шурка совершает самые гнусные поступки и помышляет об убийстве так же бездумно, как девочка Настя повторяет в «Котловане» А. Платонова: «Кулаков надо убивать!».

Л. Добычину не было нужды особенно задумываться над вопросом: кто виноват в захлестнувшей страну детской преступности и беспризорности? В рассказе Л. Сейфуллиной «Правонарушители» — одном из лучших рассказов в советской литературе на эту тему — есть эпизод о детях, которые «за стеной кладбищенской в губчека и в расстрел играли <...> Польку с Анюткой расстрелять водили <...> В звонких детских криках не было ни кощунства, ни жути, ни гнева. Они в простоте жизнь больших воспроизводили». ¹¹

Повесть названа «Шуркина родня». Каждый из этой родни словом или делом заронил в Шуркину душу зло, с каждым у него в чем-нибудь дурном душевная переключка. О Егорке, плеснувшем в морельне чернилами «в харю» старушке, Шурка с гордостью и восхищением говорит деду: «Он наш родственник».

Когда дед Мандриков рассказывает о разграблении усадьбы генеральши Канатчиковой, мать Шурки реагирует в соответствии с духом времени, не сомневаясь в естественности и законности происходящего. Присутствующий же при этом разговор Шурка соображает, что можно было бы снять с самого Мандрикова, если его убить (он «соображает» так обо всех людях, которые ему встречаются). Так лозунг о грабеже награбленного, деморали-

¹⁰ Осоргин М. Сивцев вражек // Урал. 1989. № 7. С. 74.

¹¹ Сейфуллина Л. Повести. М., 1984. С. 57.

зую старшие поколения, трансформируется в сознании младшего в дозволение на обычную уголовщину. Но когда он повторяет под одобрение родственников фразу о том, что старуху Диеспериху «за ее халатность надо ставить к стенке», то это у него переключка уже не только с родственниками, а с эпохой. Рассказывая о детских играх в расстрел, Л. Сейфуллина надеялась на то, что дети «новую игру еще придумают, эту забудут». Л. Добычин, похоже, не обольщался на этот счет и, может быть, поэтому снял первоначальное заглавие повести: «Благополучный конец». Действительность не оставляла надежды на благополучный конец. Однако беспощадный к своим героям писатель, изображая детей, всегда находил прием, позволяющий оправдать маленького героя, приподнять его над средой; очень часто повествование о детях у него лирически окрашено. В повесть введен распространенный в рассказах о детях мотив разбойничества (он есть, например, в «Степи» Чехова и в «Детстве» Горького). Воруя и мародерствуя по нужде, Шурка не лишен и романтических представлений об этом промысле, для него это отчасти игра. Отправляя своего героя в жизнь «разбойничать», писатель как бы оставлял все же надежду на то, что будущее «разбойничество» — только романтическая мечта о вольной жизни в красивом, случайно увиденном в кино, городе.

Текст повести печатается по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (р. 1, оп. 6, № 379). Рукопись на 76 листах, из которых 43 листа — второй экземпляр машинописной закладки с незначительной правкой, остальное — беловой автограф.

Л. И. Добычин гораздо чаще, чем это принято, расставлял ударения над словами в текстах своих рукописей. Делал он это по разным причинам: чтобы избежать двусмысленности, подчеркнуть интонационный рисунок фразы, особенности местного или индивидуального произношения. В связи с этим при публикации ударения в основном сохранены.

ШУРКИНА РОДНЯ

1

Телега со скарбом подъехала к домику. Он был бревенчатый, крытый железом. К дороге он был обращен тремя окнами. Дверь и два окна были сзади. Двор не был ничем огорожен.

Хозяйка, которая шла за телегой, шагнула еще раз и, очутившись рядом с возом, посадила с него шестилетнюю девочку и мальчугана лет трех. Шурка, средний, сам спрыгнул.

Явились мальчишки откуда-то, расположились и стали глазеть. На крылечках двух соседних домов появилось по женщине.

— Сбегайте, кто-нибудь, дети, — сказала приезжая, — и попросите сюда господина Акимочкина.

Дожидаюсь его, она села с детьми на завалинку. Возчик отвязал от телеги ведерко. Достав из колодца воды, он дал лошади пить. Он свернул «козью ножку». Махоркой завоняло в свежем воздухе.

Пыльные, из придорожной канавы торчали репейники. Поле с коротенькой бурой щетиной тянулось до леса. Местами оно было серое от наугины. Казалось, что на нем лежит иней.

Лес был верстах в трех с половиной. Недавно за него село солнце, и небо над ним еще было слегка желтоватое.

Виден был верх колокольни за лесом, и крест одним краем блестел на ней. Черная, около колокольни видна была узенькая заводская труба.

Разрезая лес вдоль, показался вдруг и стал быстро бежать белый дым. Поезд вынесся и застучал, приближаясь.

Извозник сказал, что дорога, по которой идет этот поезд, зовется здесь «веткой», а сам этот поезд — «кукушкой». Он возит со станции к сахарному.

Мальчуганы, ходившие за господином Акимочкиным, прибежали, и скоро стал виден он сам.

Он шагал, держась прямо. Он был невысокий и черный, с железнодорожными пуговицами.

Дойдя, он приставил одну свою ногу к другой, как солдат.

— Добрый вечер, — сказал он.

Посылавшая за ним женщина встала. Он был ее брат. У обоих у них были красные щеки, срастающиеся на переносице брови и рот, в углах загнутый вверх.

Акимочкин отворил принесенным с собой ключом двери, и в дом внесли вещи.

В нем были две комнаты: «кухня» и «зал». Стены зала побелены были мелом. Пол в нем был досчатый, покрашенный. Дети, восхищенные, стали валяться.

Их мать, отвернувшись, достала платок из-за пазухи и, развязав его, вынула деньги и расплатилась с извозчиком.

Он постоял и спросил, нет ли «синенького»,¹ и ему нацедили в стакан через корку.

Потом нацедили себе, и Акимочкин, опрокинув, пошел.

— Ну, пока поживите, — сказал он, как будто бы этот дом был его.

На пороге столкнулась с ним гостья, толстуха, кума, машинистиха, родом литовка. Она была низенькая и пыхлая. Одета она была в пышное платье с прошивками.

Нацеловавшись, она поцупала детей, и хозяйка, цедя через хлеб, налила ей полчашки. Она проглотила. Лицо у нее стало масляным.

Обе довольные, они напоили детей кипятком и, постлав на полу, уложили их.

Вбили три гвоздика в разных местах и повесили зеркальце в рамке, иконку и лампочку без абажура, к которой был сзади приделан рефлекторчик из гофрированной жести.

Потом ее сняли, зажгли, осмотрели при ее свете кровать и, обмыв ее и протерев керосином, расставили.

Гостья затем пожелала помочь еще разобрать сундучок. Он обит был брусничного цвета слядой и полосками жести. Замок у него открывался с секретом.

Когда дошло дело до двух фотографий, она поднесла их к огню и одну за другой, отдавая от глаз и опять приближая к глазам, с интересом рассматривала.

На одной была надпись «На память о браке моем сочетании», а на другой «В день отъезда на фронт».

Похвалив их за сходство, литовка, печальная, потрясла головой и вздохнула.

— А если бы, — предположила она, — он служил на железной, его бы не взяли.

Хозяйка опустила тогда на кровать. Там она, утираясь платочком с деньгами, повсхлипывала.

Она стала потом проклинать генеральшу Канатчикову, у которой в имении ее муж состоял в писарях.

— Не наймись он туда, — говорила она, — он бы, может быть, был на железной.

Расстроенная, она процедила оставшийся синенький и допила его с гостьей. Их души раскрылись, и женщины подоодвинулись ближе друг к другу.

Они улыбались приятно и слушали, как в другом конце комнаты дети сонят.

— Нет, — задумчивая, глядя в сторону лампочки, заговорила мечтательно гостья. — Что-что, а железнодорожное дело — святое. Какое подспорье, что служащим предоставляют хотя бы, например, даровые билеты.

Счастливая, стала она вспоминать, как в Аральске она была за усачом,² а в Иркутске — за хлебом. В Крым съездила и посмотрела на Черное море. Из Тулы неделю назад привезла самовар, а теперь собирается в Сызрань за яблоками.

Уходя, она вдруг повернулась. Борясь с нерешительностью, потупляющаяся и доброжелательная, она остановилась в дверях.

— И не трудно вам так, — сострадающая, пронизательно глядя, спросила она, — как вдове, без мужнины?

2

Поев привезенного вчера с собой хлеба, все вышли на улицу. Мать заперла на ключ дом и отправилась, приказав дожидаться ее и никуда не ходить, на базар.

Дети радовались, что остались одни на свободе. Они покричали «кукушке» «ку-ку» и, дразня ее, стали скакать и плясать. Поваясь на дорогу, они хохотали. Потом они стали вздывать пыль ногами. Набрав ее в горсти, они ее сыпали себе на голову.

Из соседнего дома к ним вышел мальчишка в поярковой шляпе. Они окружили его. Он сказал, что отец у него земледелец, Василий Иванович, и что с другой стороны, где на крыше стоит жестяной петушок, живет «главный». Когда ему нужно на станцию вечером, он зажигает фонарь и несет в руке. Дочери его, девке, пять лет, и ее зовут Манькой. Жена его один раз отхватила себе дверью полуха. Работу у него в доме делает теща. Индюшек он держит зимой в утепленном сарайчике. В поле их водит пастись сучка Джек.

Он сыграл на сопелке, достав ее из-за рубахи, и спел интересную песенку. Дети такой не слышали до этого:

Пора бабушке вставать.
Накормила,
На дубочек посадила.
Дуб, сломися,
Другой, народися.
Татарки,
Хохлушки,
Берите по палке.
Там мост мостять,
Там жеребцов крестять.

Он рассказал им еще, что его зовут Яшкой, и что из мест, где война, едут беженцы, и что когда они будут здесь жить, то парнишка их будет ходить к нему.

Многое из того, что он тут говорил, сразу же и подтвердилось. Индюшка прошла с индюшатами, сопровождаемая сучкой. К изгороди подбежала из сада девчонка. Старуха, поставив ведро, догнала ее и оттащила, схватив за подол.

— Говорил я,— сказал тогда Яшка, и слушатели, изумленные, захохотали.

Их мать в это время шагала, помахивая на себя для прохлады платочком. Она краем глаза поглядывала на свое отражение в окнах. На ней была черная кружевная косынка и бусы из коралловых шариков. Юбка и кофта на ней были синие, новенькие, еще ни разу не стиранные и блестящие.

Улицы не изменились с тех пор, как она, еще маленькая, приходила сюда из деревни.

По-прежнему чередовались с заборами одноэтажные домики, были видны впереди каланча и украшенная синей маковкой и золотым крестом колокольня.

На тех же местах были «Чайная», «Зало для стрижки», «Плиссе и гофре», и такие же толстые люди смотрели с портретиков, выставленных за стеклом у фотографа.

Так же как и в то время, пыля на ходу, в камилавке и в валенках, брел без дороги отец Михаил и раскачивался, как медведь в балагане на ярмарке.

— Дунька Акимочкина,— узнавали ее и подходили к ней люди. Другие, воспитанные, говорили ей так: — Евдокия Матвеевна.

Все ее знали девчонкой еще, и никто ее не называл по фамилии мужа — Гребенщиковой.

Ей рассказывали между прочим, присев к ней на лавку, что Ванька Акимочкин, брат ее, в Преображенье был пьян. Он хвалился у церкви и возле ларьков против станции, что он может Дуньку впустить, может выгнать, что дом не ее, а его, потому что он сам его ставил.

Взволнованная, она всем возражала на этом, что муж ее несколько лет понемногу давал Ваньке денежки, чтобы он закупал не спеша матерьял, а что Ванька сам строил, так это потому, что он плотник (железнодорожником сделался только во время войны), и за это ему шла часть платы, которую получали от Губочкиных, квартирантов.

— Вам надо управы искать на него,— говорили ей. Надо бумагу составить: «До слуха до моего, мол, дошло» и — подать куда следует.

Несколько дрог на железном ходу, запряженных лошадаками, к мордам которых подвешены были дерюжные торбы, стояло у почты. Под липой сидели на пыльной траве их хозяева и бормотали, читая в тени «донесения главнокомандующего».

Гончарных дел мастер дед Мандриков тоже был здесь. Он жил в той же деревне, где жил и Авдотьин отец, и Авдотья обрадовалась.

— Дед,— сказала она, подходя: — вам богатому быть: не узнала я вас. Извините меня уж .

Она посмеялась немпожечко и подала деду руку. Свой воз он оставил у Бондарихи, на заезжем. Авдотья его проводила туда.

— Мне и детям моим,— говорила она,— угрожает опасность. Пускай бы папаня заехал сюда. Я сама бы слетала к нему, но нельзя: не с кем бросить детей.

Деду Мандрикову было очень приятно с ней. Он улыбался и был обходителен. Он подарил ей газету.

— Газета сегодня,— сказал он ей,— не лишена интереса: мы что-то около ста человек взяли в плен.

Ей пришло тогда в голову, что хорошо бы дать знать про все мужу. Она завернула на почту, купила конверт, лист бумаги. Почтмейстер пожаловался ей, что, вот, завели эти новые марки и руки с трудом поднимаются, чтобы класть штемпель на царский портрет.

«Благоверный супруг мой»,— писала она, когда дети ее улеглись: «Я одна без вас. Люди жалеют меня и говорят мне, что я — как вдова».

От письма она с лампочкой переходила к простенку, где было повешено зеркальце, и, посмотрясь, возвращалась.

Она написала про Ваньку и больше всего — про хорошую смерть квартирантки их, Губочкиной: как она обошла всех знакомых и всем говорила: «А знаете, я ведь сегодня умру», а вернувшись — переделалась, легла и послала за батюшкой. Губочкину без нее не хотелось здесь жить. После похорон он собрался и уехал в Самару.

3

Авдотьин отец подкатил к дому вечером двадцать девятого августа, в день «усекновения».³ Завтра у Шурки должны были быть именины, и деда просили остаться.

— Есть синенький-то? — спросил он, впряг мерина и поместил его на ночь в конюшне у отца Яшки Василия.

Дед был костлявый, борода у него была серенькая, стрижен он был под горшок. Он ходил в картузе и клеенчатой куртке.

Он снял сапоги и остался босой. Чтобы дети не трогаali возжи и кнут, он их спрятал на печку.

На улице было тепло, и Авдотья с отцом, вынив синенького и задув в доме лампочку, вышли во двор. Они сели на дроги, и, скрючась, беседовали.

Подымался и утихал лай собак. То далёко, то близко гудели иногда паровозы. «Кукушка», проносясь то туда, то назад, тарактела.

В конюшне Василия лошади переступали. Звезда иногда отрывалась и падала.

Дочь рассказала отцу, как, съезжая со двора генеральши Канатчиковой, продала свою Катьку, корову, и как трудно жить. Рассказала про Ваньку.

Отец был красильщик и возчик. Он красил холсты в деревнях и возил бревна к пристаням.

— Слушай, — сказала Авдотья и высчитала, что, живя возле станции, он бы мог целиком перейти на извоз.

Они долго прикидывали, и уже петухи прокричали, когда они договорились, что дед переседет сюда.

Возбужденные, они наконец вошли в дом и прикончили синенькое, припасенное к завтрашнему именинному дню.

Под воздвижение дед переехал. На дрогах привез утром скарб, выпряг мерина и поскакал на нем за тарантасом и бабкой.

Она была низенькая, в ватной кофте, сужавшейся к талии, в черном с горошинками сарафане и в красных сапожках. Она перекрестилась, войдя, и, сняв пестрый платок, осталась в сатиновом черном чепце.

Дед и бабка устроились в кухне. Кровать у них была деревянная и нарисованы были на ней два кувшина и лев между ними.

В сенях дед развесил парадную сбрую. Она была с бляхами. Шурке при этом он дал держать возжи. Они были вязаные, шерстяные, зеленые.

Бабушка была из староверок. Иконы у нее были черные. В угол она поместила Иисуса Христа, а по бокам — богородицу и Иоанна Предтечу. Он был страшный, с крыльями, с чашей, а в чаше у него был ребенок.

Перед иконами бабка прибила к стенам треугольную полочку и прикрепила к ней ситцевую пелену, а на полку поставила круглую штучку с отверстиями и сказала, что это — кадиальница.

Стали жить. Дед поставил плетень перед домом, построил сарай, навозил дров, картошки, набил сеновал.

Иногда он в свободное время решал почитать и, открыв сундук, доставал из него очень толстую книгу, которая называлась так: «Правда дороже, чем золото».

Весь сундучок изнутри был оклеен картинками, и из него соблазнительно пахло. Для запаха дед в нем держал десять черных стручков. Говоря о них, он называл их «рожками».

Дед клал эту книгу на стол, придвигал табуретку. Очки у него были связаны сзади веревочкой. Он надевал их и начинал читать вслух.

Когда он сел читать в первый раз, все явились, заинтересованные, и расположились вокруг.

— Вот, — сказал он и прочел, что «не должно избегать встреч со священником».

— Некоторые, — читал он, — считают, что встречи сии предвещают несчастье. Но мысль сия внушена самим дьяволом.

Знатный московский купец, выйдя из дому, встретил в дверях поспешавшего на урок к его детям законоучителя и обратился назад.

— Не страшитесь, — ободрял его перей, — но идите, и я говорю вам, что вы получите прибыль.

И что же? Купец торговал в этот день с такой выгодой, как никогда.

На Кавказе один суеверный полковник, идя в поход, встретился с шедшим домой по совершении некоей требы просвитером и приказал своим воинам плюнуть. И тут же настигла его мусульманская пуля, и он испустил вскоре дух.

— Это верно, — сказала Авдотья. Ей вспомнилась встреча с отцом Михаилом и после него — с дедом Мандриковым. — Иногда и священника встретить — не к худу.

В базарные дни заезжали иногда к деду с бабкой какие-нибудь старики из деревни. Дед Мандриков тоже заглядывал по временам и докладывал, сколько мы опять человек взяли в плен.

Иногда, когда в церкви давали «листки из Почаева», он заходил почитать их вдвоем.

Начинались морозики. Кадку с водой из сеней внесли в кухню. «Зал» стали топить. Утром поле и соседние крыши совсем были белы. Плетень и примкнутый к нему рыжей цепью с замком тарантас по уграм были тоже как будто посыпаны солью.

Все меньше удавалось бывать на дворе. Было скучно. Томясь, дети часто принимались мечтать о парнишке из беженцев. Если бы он приходил к ним — как здорово было бы.

С Яшкой они теперь редко встречались. Встречаясь, справлялись, приходит ли этот парнишка к нему, но парнишка еще и к нему не ходил.

Раз вошел, постучась, сын Ивана Акимочкина Аверьян с сундучком и, поставив его, объявил, что пришел сюда жить.

— Не хочу, — сказал он, — покоряться.

Он начал ругать свою мачеху и рассказал, как она придирается, и как наушничает, и как отец его из-за нее в позапрошлом году до того избил Нюрку, которая была тоже от первой жены, что она и сейчас еще чахнет.

— Ну, что же, — сказала Авдотья, смотря на него. — Проживай себе.

Стлать она стала ему на полу, там, где детям, и дети, ложась, уговаривались, если кто-нибудь ночью проснется, будить остальных, чтобы слушать всем вместе, как он интересно хранит.

Через два дня на третий он ездил на соседнюю станцию, где он работал в депо, и дежурил. Когда его не было, дети вытаскивали из кармана его праздничной куртки конверт с фотографиями, на котором напечатано было: «Секретно. Мужчинам-любителям. Жаңр де Пари», и смотрели их.

4

У земледельца Василия Ивановича были похороны. Его Яшка с парнишкой из беженцев пробовал лед на пруду. Оказалось, лед был еще слабый, и Яшка, идя впереди, провалился.

Авдотья решила пойти проводить его. Бабка ее поддержала.

— Кого мы провожаем, — сказала она, — тот нас выйдет встречать на том свете.

Дед тоже решил идти.

— Скоро нам, — пояснил он, — придется просить господина Василия, чтобы он на зиму принял к себе тарантас.

И тогда все оделись и вышли и заперли дом на замок.

Было очень приятно на улице, тихо и солнечно. Точно весной, на дороге попрыгивали и почирикивали воробьи.

Долговязый, задрав вверх голову, на квартал впереди шагал главный. Жена семенила с ним, низенькая, и, оглядываясь, торопила девчонку, которая не поспевала.

— Рассчитывают, — сказал дед, — что весной будут брать у Василия плуг для картошки.

У станции вспомнили Ваньку, как он здесь бахвалился в преображение, и посмеялись, а переходя через линию, глянули на устроенное между главными запасными путями «отхожее место для пленных», и всем пришел в голову Мандриков.

Церковь стояла среди большой площади беленькая, ее крестик блестел и казалось, что небо, везде чуть голубенькое, над ней было совсем густо-синее.

Детям Авдотья дала по копейке для нищих, и нищие что-то пропели им и поклонились им в землю.

Ждать в церкви пришлось не особенно долго. Обедня уже отошла, началась пашихада, и дела отцу Михаилу с дьячком Виноградным было всего на каких-нибудь четверть часа.

Блестя лысиной, главный стоял впереди и крестился. Он был выше всех. А на мертвого дети старались не взглядывать. Желтый, с бумажной полоской на лбу, он пугал их. Никто не сказал бы, что он так недавно играл им на дудке и пел интересную песенку про жеребцов.

Хорошо показалось, когда опять вышли на улицу. Солнышко чуточку грело, и воздух подрагивал. В небе ни облачка не было. Кисочки ягод краснелись еще кое-где на верхушках рябин.

Подошла литовка, кума, и, пристроясь к Авдотье, болтала.

Она сообщила, что беженцы соорудили в порожнем амбаре костельчик и там очень мило. Ей есть теперь где помолиться по-своему. Пленные тоже заходят туда. Они очень воспитанные, и заметно, что с образованием.

Вдруг она стала таинственной и, оглянувшись, спросила:

— Ну, как Аверьян?

— Он такой, — ковырнув рукой в воздухе и сделав губы кружочком, сказала она, а Авдотья, отведя глаза, стала к чему-то присматриваться и спросила, какая это видна там железнодорожная линия.

— Это, — ответил ей дед, — идет ветка на Серные воды.

Он начал рассказывать, как он возил туда лес для железнодорожного доктора Марьяна, разбогатевшего тем, что он делал людей непригодными к воинской службе, и строившего в Серных водах два домика, чтобы сдавать их впаймы.

Этот день, необычно начавшийся, дед захотел и закончить по-праздничному. Когда стало темно, он зажег на кухне лампочку и, открыв сундучок, достал книгу.

Опять все пришли и уселись вокруг, чтобы слушать ее.

Дед раскрыл где пришлось и прочел им о женской неверности.

Случай с Пентефрием и похотливой женой его¹ всех позабавил, и все посмеялись над ней, что она была старенькая, а полюбила мальчишку. Авдотья же стала ее выгораживать и говорить, что ей, может быть, не было даже и тридцати еще лет.

— Ну, да что там, — сказала она, поднялась, погнала детей спать, напихала белья в два котла, залила и поставила в печь — мокнуть к завтрашней стирке.

Когда, отстиравшись, она собралась на ручей полоскать, к ней явилась литовка. Работы у нее было мало, и она могла сколько угодно расхаживать.

— В Рыме, — сказала она, входя, — быть и поща не видать. Я ходила сейчас к мадам главной и, вот, зашла к вам.

Очень шумная, расцеловав надевавшую наскоро на голову поверх чепчика черный платочек с горошками бабку, она обхватила Авдотью за талию и повлекла ее в «зал».

Там она рассказала о беженцах и о приехавшем с ними прекрасном ксендзе, хорошо исповедующем, а Авдотья еще раз с ней вспомнила, как хорошо умерла квартирантка.

— А где Аверьян? — оглядев потолок, словно думала, будто он может быть там, вдруг спросила литовка.

Она захотела узнать то и се, почему он работает на другой станции и что он делает дома.

Авдотья ответила ей, что там — «узел», проходят две разных дороги, и он — на другой, потому что на здешней — сам Ванька, и если бы тут же был и Аверьян, то это было бы слишком заметно и люди болтали бы, что, вот, оба они укрываются.

Дома же он очень мало бывает. Он любит играть на гармонии, а у него ее нет, и он ходит играть на чужой.

— Молодые всегда так, — сказала кума и, сжав губы, внушительная, посмотрела Авдотье в глаза.

Когда вынал уже первый снег и раскис, по грязище, ругаясь, пришла почтальонша Софроновна и принесла письмецо.

Это муж писал с фронта. Он хвастался, что не дает спуску немцам, предостерегал Дуньку от кавалеров и кланялся всем, а Ивану Акимочкину он просил передать, что, вернувшись, расправится с ним, как с германцем каким-нибудь.

Деду понравилось это письмо, и Авдотья ему подарила его. Он прочел его Мандрикову, когда тот завернул, и тот тоже одобрил.

У Мандрикова в этот день оказалась с собою ханжа. Все подвыпили. Дед стал плясать среди кухни, а бабка, которая не смогла встать со стула, сидела, ударяя в ладони, раскачивалась и, веселая, пела:

— Танцуй, Матвей,
Не жалея лаптей.

Тут в трубе стало выть. Когда выглянули, на дворе оказалась метель, и пришлось деду Мандрикову ночевать.

Перед сном поглядели портреты царей, фотографии разных церквей, напечатанные в книге «Правда дороже, чем золото», по-толковали о том, что Толстой, говорят, тоже пишет.

— Священные книги, — сказал дед Матвей, — сорок раз переписаны были, и в них получились ошибки. Там пишется о подставлении левой щеки, а Толстой отвечает на это: «Да так он тебя и совсем убьет».

Все посмеялись, а Мандриков рассказал, что есть книжка про храмы: они — свалка камня, слитие золота и серебра.

— Аверьян ужасно интересный, — удивлялись дети, когда он, подкравшись, схватывал кого-нибудь из них внезапно за подмышки и подбрасывал так высоко, что в животе щекотно становилось.

Иногда он брися, и тогда он оттонял всех, — или чинил примус. Иногда был весел, щелкал пальцами и напевал, притопывая:

Кекуок известный.
Танец повсеместный.

Часто ему снилось, что к нему подходит кто-то, наклоняется и трогает его, а он старается проснуться и не может.

Один раз после того, как он опять увидел это, дети посмеялись над ним и сказали ему, что это не сон, и что их мать на самом деле подходила к нему ночью и, присев возле него на корточки, дотрогивалась до него.

— Да, — согласилась она, — это, правда, было. Я хотела разбудить его, а то он очень уж храпел, да так и не решилась, как-то жаль стало его.

— Ну, в следующий раз решайся, не жалея, — сказал он, и она два раза после этого будила его.

Уже дело подходило к масленице, когда в дом явился вдруг однажды малый в серой куртке, перепачканный мукой, и подал письмо в конверте и сверток.

— Аверьян-Иванычу от Ольги Федоровны, — объявил он.

Сверток очень хорошо был упакован, а конверт был деловой, с печатной надписью: «Колониальные товары. Ф. Суконкин».

Аверьян работал в это время. Все ехидничали и с огромным интересом дожидались его.

Вечером он прибыл, наконец-то. Он прочел письмо. Он бросил его в печку и поохотал темного.

— Влюблена и хочет познакомиться, — сказал он.

Он поджег веревку спичкой и распаковал посылочку.

В ней оказалась булочка с изюмом, вроде кулича, обсахаренная, домашнего изготовления, и ликерчик в глиняной бутылочке.

— Ах, — крикнул Аверьян, схватил его и поднял всем напоказ, а дед расчувствовался и сказал, что это — из запаса.

Бабка же похнула булочку и, дернув носом, повертела головой.

— Не с приворотною ли травкой, — догадалась она.

Молча Аверьян тогда вскочил, схватил кухонный нож, резнул два раза и с куском, не надевая шапки, выбежал.

— Вот кятр, — удивился дед.

Авдотья посмеялась и, пожав плечами, убрала бумагу и веревочку.

Бумага эта оказалась объявлением — из тех, что перед рождеством расклеили на всех углах поселка: холодно в окнах — жертвуйте солдатам теплое белье. Пожертвования принимают доктор медицины Марьин и потомственный почетный гражданин Сукопкин.

Аверьян примчался торжествующий и, в высшей степени довольный, сообщил, что добежал до главного, покликнул сучку Джека, и она не стала этой буаки есть.

Тогда решили ежечь ее, чтобы ее не наготались дети или куры, а к ликерчику присели и, отправив детей спать, распили его.

Он был запечатан, и в него подсыпать ничего нельзя было, но бабушка сообразила, что бутылочка могла быть наговорена и, чтобы обезвредить ее, обкурила ее, положив из печки уголек в кадильницу.

Аверьян форсил и задавался, говорил, что Ольга выдра и свои припасы понараспу израсходовала.

Дед блаженствовал, потягивая, бабка хлопала глазами и закашливалась, а Авдотья, словно ошпынела больше всех, без толку похаживала и хватала Аверьяна за руки.

Когда же, перейдя из кухни в зал, они уселись по своим местам и начали укладываться, то она спросила, что бы он ответил, если бы не Ольга, а она любила его.

— Глуности какие, — сказал он. — Во-первых, ты мне родственная тетка, во-вторых — лет на десяток старше меня, и поэтому я не могу воспринимать подобных чувств.

«Ах, супруг мой», — вскоре после этого отправила Авдотья письмецо: «вы мне глаза кололи кавалерами. Но где они? Нет никого такого. Я одна. Нет никого, к кому бы можно было прислонить мне голову.

Жить трудно. Стирки стало меньше из-за этих беженцев — всё бабы ихние перебивают.

За детьми смотреть не успеваю. Они водятся бог знает с кем и пальцами изображают глуности.

Хотя бы вы на время отпросидесь сюда. Некоторые ведь приезжают на побывку».

На письмо это она не дождалась ответа. С почты ничего ей больше не было. Софроновна два раза появлялась в их конце, но заходила во двор к главному.

Снег стаял. Куры сели выводить цыплят. Стреножив мерина, дед стал пускать его на дерн. Поле начали пахать.

У сучки Джека родились щенята, черные с коричневым, и дети бежали смотреть, как теща главного их тошит.

Тарагас опять стоял у дома — на цепи, с замком, как лодка, а за то, что земледелец принял его на зиму к себе в сарай, дед земледельцу отработывал.

В конце поста говели. Бабушка, идя к причастью, нарядилась в поясок с молитовкой. После причастья ели студень и весь день старались не грешить.

Под пасху были у заутрени. Полюбовались огоньками плошек. Посмотрели на ракеты и послушали хлопнушки перед церковью.

Какому-то мальчишке прострелило из хлопнушки ногу. Он орал, пока его не утащили, и, стоясь вокруг, все слушали.

Уже позеленели ивы над канавами, и мошки появились. С каждым днем все позже опускалось солнце и садилось все правей, все ближе к трубе сахарного.

Дети, подмигнув друг другу, стали удирать во двор и, прощмыгнув под окнами, шататься по поселку.

Иногда они отыскивали Аверьяна у чьего-нибудь забора. Он играл «На сопках» на чужой гармонке, а его друзья отплясывали посреди дороги с девками.

Тогда, взобравшись к Аверьяну на скамейку, дети оставались с ним и вместе возвращались в темноте.

Они цеплялись за него, старались не отстать и тоненькими голосками разговаривали с ним о его картинках для мужчин.

— Ой, — затыкая уши и оглядываясь, восклицал он и учил их говорить прилично, например — «нистон поставить».

6

«Дети наши пляжуются», — отправила Авдотья письмецо на фронт, — «и у меня нет сил что-нибудь сделать с ними.

Я возьмусь дунить их, а они меня комплиментируют подобными словами.

Тарагас у нас украли — кол тот вытащили из земли, к которому он был прикован.

Тарагас этот отец купил недавно, когда ехал к нам. Теперь и денежки пропали и доходы меньше сделалась.

Должно быть, мне придется, дорогой супруг мой, отослать двоих детей на время к вашему отцу и к вашей тетеньке — которая просвирня».

Снова она стала поджидать Софроновну и выбежала ей навстречу, когда она ошущью, читая на ходу, вошла во двор с открыточкой:

«Я девка», — сообщала о себе просвирня, — «и не очень смыслю в детищах. Но ладно, все равно, везите, я управлюсь как-нибудь».

С педельку еще медлили и наконец решились. Дед впряг в дроги мерина, набил травой мешок и положил его на дроги.

Все присели в кухне, встали и, подавленные, вышли. Дед уселся с девочкой. Перекрестились и, когда телега завернула за угол и стука ее колес не слышно больше стало, мячча возвратились в дом.

А к дому приближалась уже и опять несла письмо Софроновна.

— Вам пишут, не гуляют, — снисходительно сказала она.

Это свекор извещал Авдотью, что скоро соберется в отпуск и тогда придет и возьмет ребенка.

Письмецо это все очень похвалили, дед Матвей сказал, что почерк замечательный, Авдотья оживилась и еще раз рассказала, что отец ее мужа писемводитель, потому что у него простуженные ноги и другой работы из-за этого он никакой не может выполнять.

И, как и каждый раз, и дед и бабка с интересом это выслушали, покачали головой и, щелкнув по два раза языком, одобрили.

Он прибыл, и ему гостеприимно предоставили весь зал. Он спал там на кровати, а Авдотья ночевала в кухне на печи. Мальчишек же и Аверьяна выпроводили в сарайчик.

Дед Гребенщиков был жилистый, носил бородку клином и поверх рубахи надевал коричневый пиджак. Штаны на нем были сатиновые, черные, и, по причине ревматизма, он ходил не в сапогах, а в валеных калошах.

Он приехал вечером, а утром, обстоятельно поговорив со всеми, пожелал пройтись.

— Ну, Шурка, — подмигнув, еказал он, — ты меня веди, а завтра я тебя буду везти.

Тут он, довольный, посмотрел на всех, и все поохотали.

Тогда Шурка подошел к нему и подал ему руку. Он был низенький и важный, с красными щеками. Он надел картузик, и они отправились.

Неторопливо они шли, смотрели на ходу направо и налево и беседовали, а увидя лавку, заходили внутрь и прищипывались.

Около вокзала дед купил себе и Шурке по стакану кваса и по прянику, а Шурка рассказал ему, как Ванька здесь хвалился под преображение, что продаст их дом и выгонит их.

— Ишь ты, — понегодовал на Ваньку дед, и скоро перед ними оказалась площадь и на ней бараки и вагоны без колес.

Дед был очень доволен, когда Шурка сообщил ему, что это — помещения для беженцев.

Он быстро огляделся, высмотрел скамейку, поспешил к ней и расположился.

Вынув из кармана пиджака пенсне, он живо насадил его на середину носа и признался, что еще не видел, что это за люди — беженцы.

— Тут Шурка удивился, и они, притихнув, стали смотреть молча на мужчин и женщин, выходивших из барачков и опять входивших, а потом к ним села, чтобы лучше разглядеть их, молодая мать с ребенком, и они потаковали с ней.

Застенчивая, оправая кофту и вздыхая, она им рассказывала, как в тот город, где она жила, прислали первых раненых и поехали от станции до лазарета, забинтованных, а люди подбегали к ним и клали на носики деньги и расстраивались, а потом привыкли, проходили мимо и не взгядывали даже.

А когда солдаты стали отступать и угонять с собой скотину, чтобы не досталась немцам, было слышно, как за городом кричат коровы, потому что их не кормят и не поят, и тогда опять очень расстраивались люди.

— Всякого, должно быть, движимого можно было по дешевке накупить там, — сказал дед. Он поднялся и спел песню:

— Ну, что же? Мы не будем более задерживать вас.

И они простились с ней и завернули на базар и там договорились с мужиком, который собирался завтра ехать по своим делам в Богатое, узнали цены и отправились домой, довольные друг другом и держа друг друга за руку.

На следующий день подъехал их извозчик, все присели в кухне, встали и стояли возле отъезжающих и стали пожимать им руки.

— Шурочка, — расчувствовалась бабка и, закрыв лицо передником, завсхлипывала, — может быть, я не дождусь тебя, — а дед Матвей тихонько рассказал Гребенщикову, как один раз поругался с ней и крикнул ей, чтобы она издохла, а она ему — чтоб он; они поспорили, кто будет первым, и решили тянуть жребий и, вот, жребий выпал ей.

— Большой бы ты был, Шурка, я велела бы, чтобы писал мне, — всхлинула и мать, и Шурка ей ответил:

— Я неграмотный.

Приятно было ехать то между полями, то между лесочками, греметь по мостикам, смотреть на стайки птичек, то взлетающие, то спускающиеся, то выпрямляющиеся, то загибающиеся углом, на пестрые стада, деревни с колокольнями и мельницами и купальщиков, бросающихся с бережков в ручьи.

В Богатом почевали у Маланьи Яковлевны на заезжем, пили чай, и кипяток им приносили в большом чайнике с цветами. Шурке дед давал есть пряники и пояснял при этом, что теперь он не у матери, где видят только корки.

Утром они вместе умывались у крыльца и лили из ведра друг другу на руки, потом молились на Маланьины иконы, снова пили

чай, ходили на базар, приценивались, сговорились с мужиком до Земляного и по случаю купили «Утешение болящим», сочиненное епископом Петром и отпечатанное в городе Казани.

7

Дорога пошла дальше степью. Ехать скучно было. Дед достал из сумки «Утешение» и стал читать его.

❖ Болезнь, напечатано в нем было, может привести нас к смерти или кончиться выздоровлением.

Смерть может быть тяжелая и легкая.

Тяжелую обычно умирают грешные, а легкой — праведные.

Но бывает иногда, что праведные умирают трудной смертью, грешные же мирною и безболезненною, и сие пусть не смущает нас.

Нет праведника, у которого бы не было ни одного греха, и чрез мучительную смерть бог подает ему возможность искупить сей малый грех еще в сей жизни и избежать воздаяния за оный в жизни будущей.

Когда же грешник умирает легкой смертью, это значит, что ему не посылается возможность искупить предсмертными мучениями часть его грехов, и что за все он будет отвечать за гробом.

Но не следует при виде трудной смерти думать, что она дается умирающему в наказание за грех. Так помышляя, мы бы согрешили сами, ибо осудили бы его. Нам надлежит предполагать, что это бог его испытывает.

Часто при заболеваниях употребляются лекарства. Но без воли божьей ни одно лекарство не подаст болящему какого-либо облегчения, и если иногда лекарство помогает, это значит лишь, что бог снабдил его на этот раз целительною силой, чтобы чрез его посредство ниспослать уврачевание болящему.

Однако из сего не следует, что должно отказаться от употребления лекарств, ибо может быть, что бог как раз желает исцелить болящего через сие лекарство.

Поэтому нам должно:

- а) молиться, чтобы бог снабдил лекарство исцеляющею силой,
- б) вкушать лекарство.

— Эта книга, — сказал дед вознице, — очень умная. Заметил, как в ней все показывается и так и этак, и еще по-третьему? И это очень правильно. О всяком деле можно рассуждать и так и этак.

Стало припекавать. Поляньио стало пахнуть. Философствующих начало морить.

Они покрепче сели, заклевали носом и, дремая, доехали до мельницы Земляного.

Тут извозчик вскрикнул, лихо покатались и через минуту, очу-
таясь у церкви, соскочили на землю.

Простясь с ним, дед посоветался с Шуркой, и они решили, что
нет смысла им идти на постоялый, и остановились на ночь у Му-
сульманкула Исламкулова, который торговал вразнос иголками и пу-
говицами.

Он очень мило принял их, любезно улыбался, говорил им: —
Ай! — и брал их за руку и тряс ее обеими руками.

Он был в синей куртке, толстый, и на пальце у него было
серебряное обручальное кольцо.

Он усадил их во дворе у грядки с ноготками, и они весь вечер
пили втроем чай.

Слетелись из потемок на огонь их лампы бабочки и бились об
нее.

Таинственные, наклоня на бок голову по временам, чтобы по-
слушать лай собак вдали, поговорили о делах, и дед сказал: — Му-
сульманкулушка, — и выразил готовность сколько-нибудь времени
не спрашивать должок.

Расчувствовавшись, он проникновенно начал говорить об ум-
ном — как мы обо всяком деле можем рассуждать двояко.

Переночевали, и Мусульманкул сказал им «с добрым утром, ба-
тюшка», и стал прислуживать им. Он принес воды и лил ее им на
руки из медного кувшина.

Не засиживаясь, они выпили по несколько стаканов чаю и пое-
ли воблы.

— Кто это тут едет? — постучал в окно извозчик, и они
отправились.

Хозяин, стоя на крылечке, что-то крикнул им. Они оборотились.
Он расставил руки и прижал их к сердцу, важный и умильный.

Снова была степь. Смотреть надоедало. Солнце начинало
жарить. Путешественники, спрятав языки, покачивались сидя и
дремали.

Уже зной спадал, и между облачками, белая, уже стояла косо,
словно наклоняясь над водой, луна. Вдруг дроги подскочили так, что
зубы у всех лязгнули, и побежали по уклону к мостику. Прогрохота-
ли, взвехали и очутились в деревушке с глиняными избами и глиня-
ными невысокими заборчиками.

Избы эти были выбелены, и по белому на них наведены были
цветною глиной разные узоры и рисуночки.

Здесь дед и Шурка слезли и пошли к избе с подсолнухами и с
картинками «две девки» и «цветы в горшке».

— Дворы у нас, — сказал дед Шурке, открывая перед ним ка-
литку, — крытые, а то бы их из степи заносило снегом.

Выбежала бабка в темном сарафане, сипем фартуке с карманами и сереньком платочке и засуетилась.

— Ах ты, котик мой, — сказала она Шурке и, присев возле него на корточки, пустилась тормошить его.

Он высвободился и, ухватясь одной рукой за деда, а другой отряхиваясь, зашагал с ним в дом.

Как там, откуда он приехал, в доме была кухня и еще другая комната.

Она здесь называлась «чистая», и в ней висели между окнами два зеркала, украшенные бантами, и две картинки в рамках: «Радко Дмитриев» и «Фиорая».

Пока грелся самовар, гудя, и дед расспрашивал старуху о хозяйстве, отворилась дверь, и в дом вошли солдаты.

— Здравием желаем, — крикнули они и стали у порога.

Тут все посмеялись, глядя на них. Оба они были одинаковые и похожие на деда, узкие и жилистые. Петр был контужен, а Иван уволен в отпуск на покос. Приехали они недавно и еще не выветрились, от них несло казармой.

— Натя пять, — приветствовал их Шурка, не вставая с места и протягивая руку.

— Ладно, — сказал дед. — Садитесь и докладывайте, — и они уселись и, куря махорку, доложили ему, что начнут завтра косить на арендованных участках, послезавтра — на своих, что обошли всех должников и всем им сделали распоряжения.

8

Должники косили, а Иван и Петр наблюдали и командовали. Дед пришел позднее.

Ведя Шурку за руку, он обошел участки, говорил «бог помощь», надевал пенсне и слушал, что ему докладывали.

Бабушка с харчами и питьем приковыляла в полдень. Дед, поев, ушел с ней, а солдаты смастерили тень, и Шурка похвалил их и улегся с ними. Тут он подружился с ними и с тех пор всюду стал ходить за ними.

Скоро пришло время Ваньке уезжать, и Петр впряг в телегу лошадь, чтобы отвезти его.

Соседки собрались перед избой взглянуть. Солдатки, оказавшиеся среди них, заголосили.

— Вам-то что? — тихонько говорил им грязный старикашка Тишка и подталкивал их.

Деду тут же донесли об этом, и, приблизившись к Тишке, строгий, он надел пенсне.

Недолго уже оставалось и ему быть дома. В понедельник утром, выпустив скотину, бабка запрягла. Дед с Шуркой кончили свой чай и оба покрестились. Дед набросил на одно плечо пыльник и взял корзиночку с харчами — без углов, овальную, с какою ездил главный, — и брезентовый портфель.

Дом заперли. Ворота за собой закрыли. Шурка крикнул «но», и бабка тронула возжами лошадь.

До конторы, куда деда надо было отвезти на службу, было десять верст. С дороги разглядели вдали Петьку, с должниковым малым Ленькой подымавшего пары. Махнули ему шапками, но, занятый работой, он не смотрел по сторонам.

Контора была каменная, и над ней была пристроена светелка. В ней жил дед, когда служил.

Все поднялись туда. Сушенная трава висела над кроватью — предохраняющая от клопов. На столик положили «Утешение болящим».

Бабка прибрала немного и открыла окна.

— Липа во дворе цветет, — сказала она. — Вот Евграфыч, ты по собирал бы, да и посушил нам на зиму.

В субботу они съездили за ним и взяли то, что он им насушил, а вечером, когда он слушал доклад Петьки, щелкал счетами, снимал и надевал пенсне, жевал губами, — неожиданный, пришел Мусульманкул.

Картинно он развел руками и раскланялся.

— Почтение, — сказал он и спустил с плеч тюк.

Он ночевал. Сидели долго в «чистой» вокруг лампочки и распивали липу. Говорили о делах. Откладывали числа косточками счет. Дед жаловался на завистников и рассказал про Тишку.

Петька тут вскочил и, стукнув себя в грудь, соорудил странное лицо.

— Я головы бы им пооборвал, мерзавцам, — принялся кричать он. — Почему я до сих пор не знал про это?

Мусульманкул, приятно улыбаясь, показал обеими руками в его сторону, а туловищем шевельнул в другую.

— Молодость, — сказал он и полюбовался. — Порох. Ах, какая кровь.

А дед приподнял руки и держал ладони рядом с головой. Когда же Петька перестал шуметь и сел, он начал философствовать и говорить, что обо всяком деле можно рассуждать двояко, и что даже если взять разбойника, которого мы ненавидим, то окажется, что и ему необходимо чем-нибудь прокармливать себя.

Так каждую субботу бабка с Шуркой за ним ездили и каждый понедельник снова отвозили его. Петьку теперь редко можно было видеть. Он, распоряжаясь должниками и поденщиками, убирал пшеницу.

В это время Шурка с разными приятелями бегал по деревне, уходил на речку и за крайним домом, сняв с себя рубаху, надевал ее на пузо, словно фартук. Зубы у него вываливались, и сквозь дырки он стрелял плевками. Петька один раз остриг его большими ножницами для овец, как стриг баранов, косяками и ступеньками, и он расхаживал, пока не оброс снова, с пестрой головой.

Был праздник. Выпили денатурата за обедом. Дед надел пенсне.

— Сын Петр, — произнес он важно и спросил у Петьки, не намерен ли он взять себе жену.

Тут Петька встал во фронт и крикнул «рад стараться». Шурка подмигнул ему, а бабка оживилась и сказала, что тогда ей сделается легче.

Осень наступила уже. Все работы наконец закончились, и на краю деревни, где одна против другой были две кузницы, в избе солдатки Яковлевой, посиделки начались.

У Яковлевой оказался бубен, и когда она плясала, низенькая, черная, растрепанная, как цыганка, и вертящая, то подымала его вдруг над головой и, вскрикивая, ударяла в него.

Петька каждый день ходил туда, и Шурка отпраивался с ним. Он очень веселился там и падал на пол со смеху, когда жгутом из полотенца колошмятили кого-нибудь, кто проиграл в игре.

Все уже знали там, что Петьку дед решил женить, и девки к нему льнули, а мальчишки около него скакали и проделывали пальцами увеселявшие всех знаки.

Из Богатого дед выписал портного Александрыча, который ходил шить по деревням, и он сидел, благообразный, с серенькой бородкой, скрестив ноги, на столе и шил для Петьки свадебное, а для Шурки шубу, деду же и бабке штопал и перелицовывал.

Как выяснилось вскоре, он знал деда Матвея и знаком был с Мандриковым. Он хвалил их. Шурка полюбил сидеть возле него и слушать, как его один раз взяли в плен разбойники и продержали его, пока он их не обшил всех.

Свадьба была пышная. В деревне церкви не было, и ездили венчаться в ближнее село. На дугах с колокольчиками красовались полотенца, гривы и хвосты у лошадей заплетены были и перевиты лентами. Для смеху баб и девок из саней вываливали в снег. Плясали под игру гармошечников, угощались, распивали пенное и брагу до рассвета. Яковлева била в бубен. Утром именитым женщинам показывали на рубахе, снятой с Петькиной жены, пятно.

Молодоженам уступили «чистую», а старики и Шурка поселились в кухне. Дед и бабка называли Петькину жену «молодка» и пристроили ее к уходу за скотом.

Черноволосая и толстомясая, она ходила вперевалку. Часто Петька схватывал ее в охапку и, держа ее, звал Шурку ее шлепать. Все смеялись тогда.

Шурка, в новой шубе и в ушастой шапке, в черных валенках и в шарфе и перчатках из домашней шерсти, низенький и красный, по утрам ходил кататься с горки. Девки и мальчишки, мужики и бабы, гогоча, валялись в розвальни и с пиканьем летели сломя голову в овраг. Пескотно было в животе, захватывало дух и весело было.

9

Зима подходила к концу, и дни сильно прибавились, но очень холодно было — стояли морозы и северный ветер дул.

Бабка сказала, что если к субботе не станет теплей, то она не поедет за дедом — пусть Петька потрудится.

Петька ответил, что он это может и даже не знает, об чем разговор.

В это время явился вдруг дед. Он приехал с «оказией».

— Ну-ка, солдат, — сказал он, снял тулуп, размотал шарф и повел Петьку в «чистую».

Там они долго советовались. Потом, выйдя, они объявили, что, кажется, скоро уже будет мир.

Закусив, дед уехал, а Петька не вытерпел и рассказал, что царя больше нет.

Неожиданно им через несколько дней написала Авдотья.

«Тенерь-то уже», — рассуждала она, — «верно, скоро отпустят солдат. Он придет, и я возьму Шурку».

Она сообщила еще, что на масленице ее мать умерла.

Прочитав это, дед рассказал про нее, как она с мужем бросила жребий и ей выпала первая смерть. Все дивились, а Шурка был горд, что история эта произошла с его родственницей.

— Это что, — похвалялся он, — там и не то еще было, — и он принимался описывать им смерть Губочкиной.

Между тем время шло, а война не кончалась, и дед привозил неприятные новости: черный народ разнахальничался, стал завидовать тем, кто себе что-нибудь заработал, и грабить.

— Сын Петр, — учил он, — сейчас надо жить незаметно, ни в долг не давать никому, ни в аренду не брать ничего, а возделывать, не суетясь, свой падел... Шурка будет тебе помогать.

— Это да, — кивал Шурка, — могу.

Пришло время, и они вышли в поле вдвоем. Они жили в палатке, варили еду на кострах и ложились по очереди, чтобы жулики не увели лошадей.

Раз к палатке явился верблюд из села, куда ездили в церковь, хотел стащить хлеб и свалил ее. Было о чем рассказать потом.

Бабка, когда на короткое время они приезжали домой, умилялась.

Голубчик ты мой,— говорила она, — помогаешь, — и Шурка был рад и, довольный, примерно держал себя, не удирал, приносил в дом пользу, смотрел, не попала ли в воду та курица, которая водит гусят, или пнал с огорода теленка.

Однажды теленок напал на него и, сбив с ног, стал бодать, а молодка, ходившая глянуть, готова ли баня, спасла его. Бабка дала ему вышить крещенской воды, с него сняли рубаху, надели ее на него назад пуговицами и велели ему лежать. Потом бабка отправилась в баню и Шурку взяла с собой. Мыла тогда уже не было. Мылись раствором, в котором мочили овчины, и шерсть попала в нем.

Осень прошла. Наступила зима. Дед по-прежнему по понедельникам сходил в контору, потом приезжал по субботам и вечером, сидя за чаем, беседовал и наставлял.

— Мир навряд ли теперь будет скоро,— однажды сказал он: — Самара уже государство, другие города — то же самое. Этак у нас без конца будет свалка.

Тут Петька вскочил, покраснел и стал бить себя по раскрытой груди кулаком.

— Так и нам без конца,— закричал он, — урезать себя, скаредничать и все делать самим?

Дед приподнял ладони, а голову, кротко вздохнув, он склонил на плечо.

— Сын мой Петр,— согласился он, — да, это очень обидно. Но что можно сделать? Потершим еще.

Он приехал один раз в большом беспокойстве.

— Петр, вот что приходит мне в голову,— сразу сказал он: — Ты слышишь одним только ухом. В России тебя отпустили домой. Но как будет в Самаре? Не вздумает ли она тебя снова забрать?

Озабоченные, они совещались весь день и решили, что дед съездит к доктору Марьину и потолкует с ним.

Выждали несколько, чтобы подсохло, и дед, отпросясь из конторы и взяв с собой Шурку и короб с харчами, отправился.

До Земляного они подремали в телеге с высокими стенками. Сонные, они слышали по временам, как колеса бойко стучат на хорошей дороге, то скрином ворочаются по пескам.

Ночевать они думали у Исламкулова, но он ходил с тюком по селам и, разочарованные, они со своим коробом двинулись на постоялый, и их уложили там в комнате с картой войны на стене и с наклеенными вокруг карты бумажками от карамели «Крючков».

А в Богатом хозяйка заезжей узнала их и, подавая им чайники, поудивлялась, что Шурка подрос. Он моргнул ей и выстрелил молодцевато слюной через дырку в зубах.

Из Богатого выехали на рассвете и днем были дома. В сенях, как и прежде, стояла кадушка с водой и висела парадная сбруя. Зеленые возжи уже стали серыми.

В кухне сидел дед Матвей и читал, а девчонка, которую отвозили к просвирне, писала. Она была жилистая, с длинным носом — в Евграфыча и в евграфычевых сыновей.

Мать была в это время на станции — сделала студень и с младшим мальчишкой пошла продавать.

Возвратясь, она ахнула. — Шурка, — бросаясь к нему, закричала она и, схватив, подняла его.

Высвободясь, он утерся рукой. Младший брат подошел к нему и, приставив каблук к каблуку, отдал честь.

— Ну, — сказал дед Евграфыч, — что нового?

Мать рассказала про бабуку, и он покачал головой. Снова вспомнили Губочкину.

Аверьян, оказалось, уже больше не жил здесь. Осенью он перешел к машинисту Скворцову в зятя.

— Говорят, — подмигнула Авдотья, — что Ольгу Суконкину видели в церкви во время венчанья. Она грызла руки от злости.

Когда пообедали и дед Евграфыч всхрапнул, он сказал:

— Ну-ка, Шурка, я вез тебя, ты же меня поведи. — И опять, как два года назад, все смеялись.

— Идем, — кивнул Шурка. Они собрались и отправились к Марьину, но не застали его.

Возвращаясь, они загляделись на девку в бушлате и розовом фартуке, несшую в каждой руке по скамье.

— Интересно, — сказал дед, — куда это.

Девка вошла, отдуваясь, в какой-то амбар или бывшую лавку, широкие двери которого были открыты, и стала стучать, устанавливая там свои две скамьи.

— Заглянем? — оживляясь и надевая пенсне, спросил дед, и они завернули туда.

Там сидели мальчишки и взрослые, ерзали и перешептывались. На стенах были белые вывески. Шурка, показав на них пальцем, спросил, что там пишется.

— Это мы мигом узнаем, — сказал ему дед, почитал и ответил:

— Божественное.

Впереди стоял столик с водой. Вдруг за ним очутился мужчина из немцев, напился, утер рот платком и сказал, что сейчас здесь незримо присутствует сам дорогой наш господь.

Потом спели по книжечкам песню с припевом «открой»:

Как олень молодой
По тропинке лесной

К ручейку спешит,
Иисус святой
В сердце твое стучит:
Открой! —

и мужчина у столика стал разьяснять о «рабе», что не больше он, чем господин, а, напротив того, должен слушаться своего господина со страхом и трепетом.

Снова поспали, прошла вперед немка в седых завитушках и встала у столика.

— Счастье, — сказала она, — в громкогласной молитве. Оно недоступно для тех, кого дьяволы держат за губы. Таких людей участь — плачевна.

Она проницательно всех оглядела и вызвалась, если здесь есть кто-нибудь из таких, помолиться с ним вместе о его исцелении.

— Есть, я, — объявила, встав, девка в бушлате.

— Идите сюда, — пригласила целительница и с небесной улыбкой ждала.

Вдруг ее кто-то облил чернилами. Визг поднялся. Все повскакивали. Одна лампа погасла.

— Ох, сил нет, — сказал деду Шурка и вышел на улицу походить.

Он узнал там, что скандал этот сделал Егорка, сын Ваньки Акимочкина.

— Молодчина, — хвалил его Шурка, гордясь: — прямо в харю попал. Он наш родственник.

Утром Евграфыч сходил один к Марьину. Марьин его обнадежил.

— Все в наших руках, — похвалился он.

Дед удивился приятно. Они сговорились, прощаясь, что Петька приедет сюда.

10

Мать выходила к поездам с харчами. Шурка помогал ей. Он смотрел за покупателями, чтобы как-нибудь они не изловчились и чего-нибудь не сперли.

Он пилил дрова, колол их, носил в дом, ходил на живодерню за ногами и рубил их на полу в корыте.

Мать варила из них студень для продажи, а мослы наваливала на кухонный стол, и вся семья садилась и обгладывала их.

— Все шуркина работа — приговаривала мать: — Он как отец у нас, на нем дом держится, — и всюду его расхваливала.

В среду на страстной неделе был большой базар, и Мандриков приехал на него с горшками. Теица главного была там и купила у

него кувшин для молока. Он просил ее сказать Авдотье, что есть новость для нее, известие, которое не лишено значительного интереса.

Через час Авдотья прибежала туда и остановилась у его телеги, запылавшаяся и парадная, с кораллами на нее. Ее синее сатиновое платье уже вылиняло, черный кружевной платок стал рыжим.

— Здравствуйте, — сказала она Мандрикову, и тогда он сообщил ей, что произошло с Евграфычем, когда он выехал отсюда: в Земляном он почевал у Исламкудова, а к Исламкудову залезли воры и зарезали обоих. Александрыч в это время шил в той стороне — и, вот, вчера рассказывал.

В день пасхи встали поздно и, принарядясь, отправились на кладбище. Христосовались с встречными и разговаривали с ними о Мусульманкуде и Евграфыче. Добравшись, покрошили красное яйцо и ломтик кулича на бабкину могилу, чтобы воробы слетались туда и клевали. Возвращаясь, потрещивали на колокольне, а когда пришли домой, явился Аверьян — поздравить.

Дед с ним вынул синенького, и они поговорили про Евграфыча и вспомнили другие смерти — бабкину и Губочкиной, и потолковали об Иване — как он затевал присвоить этот дом, и как на материны похороны прибыл прямо в церковь, а на панихиды, певшиеся в доме, носа не казал.

Авдотья присоединилась к ним и тоже выругала Ваньку.

— Нюрку-то свою, — напомнила она им, — искалечил тогда: до сих пор ведь чахнет.

Вечером они еще раз всей семьей прошлись. Они задерживались то с одним знакомым, то с другим и говорили с ними о Евграфыче. У станции они увидели толпу и поспешили посмотреть, в чем дело. Окруженные любителями взрослые и мальчуганы ползали на четвереньках и, светя друг другу спичками, кончали катать яйца.

— Эх, — сказал Матвей, — вот, мы с тобой не взяли по яичку.

Постояли там немного, пока все не разошлось, и вспомнили еще раз, как когда-то Ванька здесь бахвалился.

Проходясь, Аверьян насунился. Он дернулся идти и задержался.

— Знаете, — сказал он и пожаловался, что Скворцовы, его теща и теща, заставляют его день и ночь таскать дрова и воду и считают его, кажется, за батрака.

На радуницу были еще раз на кладбище, молились там и ели. Было очень весело. Кругом везде закусывали, пели панихиды и играли на гармониках. Перед воротами вертелась карусель, сидели бабы с семечками, и фигляры в узеньких штанишках с золотыми блестками домались под шарманку.

Дед здесь подошел к Василию-соседу, земледельцу, и поговорил с ним. Оказалось, что недавно в лес за сахарным упал небесный камень и от этого сгорело несколько деревьев.

— Не к войне ли это? — спросил дед, подумав, и узнал, что — да, и скоро все заговорили о войсках, которые со всех сторон идут сюда, и стали рыть землянки и закапывать имущество.

Суконкин, раздобыв трех пленных, приказал им вырыть подземелье подо всей усадьбой. Дед Матвей возил туда дубовые столбы и тес.

Однажды прилетел аэроплан откуда-то, поколессил вверху и скрылся, пушки стали ухать где-то, и один раз ночью, когда все уже храпели, в дом к Авдотье постучались чехи и велели деду сесть к ним в грузовик и показать им, как проехать к станции.

Авдотья и все дети встали и, обеспокоенные, пачади выскакивать и слушать, не идет ли он уже. Вернулся он ужасно важный и, снимая лапти, рассказал, что было очень страшно.

Утром, неся ведра, чистое и мериново, он повел коня к колодезю. Грузовик с мешками и с хвостом из пыли выскочил из леса, побежал вдоль ветки, а за ним — другие два.

Тут тепа главного, согнувшись, вылезла через дыру в заборе. У нее в руках был сери и кузовок, а на руках перчатки, чтобы жать крапиву. Выпрямясь, она взглянула на грузовики.

— Должно быть, это чехи в сахарные склады понавелись, — сказала она, и дед прескпнул языком два раза.

— Вот дела какие, — сообщил он, возвратясь с колодезца, и тогда Авдотья сшила из дырявой наволоки несколько мешочков и отравила детей на станцию выпрашивать у чехов сахар.

Там уже расхаживали, каянча и прикидываясь сиротами, все Лкимочкины, дети Ивана и его второй жены. Егорка, тот, который окатил тогда чернилами старуху, был губастый малый лет четырнадцати, длинный, с маленькой физиономией и красненькими глазками.

— Пожертвуйте кусочек сахарку, — гнусавил он, протягивая руку, — родненькие дяденьки, бездомному мальчонке.

Шурка стал вертеться около него, почтительно поглядывать и скромно улыбаться, но Егорка не успел заметить его, потому что через несколько минут их всех прогнали.

Скоро стало опять слышно, как стреляют где-то, и однажды утром чехи выпустили нефть, которую накачивают в паровозы, и уехали на поезде. Она стекала в канавы. В полдень пришли красные и приказали всем явиться с банками и ведрами и подобрать ее.

Здесь Шурка узнал от матери и, пошныряв между народом, отыскал Егорку и с своей жестянкой присоединился к нему.

— Ах, и лихо ты тогда плеснул ей в харю-то, — сказал он, и Егорка ухмыльнулся снисходительно.

Авдотья же разулась и с засученными рукавами, деловитая, пристроилась носить наполненные ведра.

— Здравствуйте, кума, — подкрavшись неожиданно, сказала ей литовка и поджала губы. — Издеваются как — а? Ну, прямо нет спасенья. Но не долго это будет, — ксендз нам говорил.

Когда все было сделано и люди привели себя в порядок и пошли домой, Авдотья выругала Шурку. Оказалось, она видела, как он заговорил с Егоркой.

— Ты забыл, — спросила она, — как они хотели нас из дома выжить? Нечего там. Словом, чтобы это было в первый и в последний раз.

Торговки, вышедшие к поезду с съестным, увидели однажды, как пришел мальчишка с кистью и наклеил на изопропункт афишу. Грамотные, поручив соседкам постеречь товар, направились к ней.

— Что там? — спросил Шурка, когда мать прочла все и вернулась, и она ответила, что будет диспут насчет бога и бессмертия души.

— Не знаю, что это за штука, — подивилась она.

Дед же, когда он явился вечером с работы, уж знал все.

— Это такой спор, — сказал он. — Мы будем свое доказывать, они свое, и если возьмет наша, то бог есть.

Всем было интересно, что в конце концов окажется, и множество народа пришло слушать спор. Служители церкви, которые были обещаны афишей, не смогли прибыть:

— Мы очень сейчас заняты, — сказали они, когда к ним пошли поторошить их.

Начали без них. Сначала был доклад, в котором ничего нельзя было понять, потом открылись прения.

Ораторы, обдергивая куртки и приглаживая волосы, всходили на подмости, ударяли кулаком по столику, кричали:

— Бога нет!

или

— Бог есть!

спускались, шли на место и старались успокоиться, а их соседи дергали их за рукав и начинали спорить с ними.

Иногда все воодушевлялись, принимались топотать ногами и выкрикивать:

— Есть!

— Нет!

Мальчишки, сунув пальцы в рот, свистели, председатель вскакивал и начинал звонить, и время шло, а дело ни на шаг не подвигалось.

Вдруг Иван Акимочкин взял слово.

— Господа,— сказал он,— граждане,— и показал обеими руками на Марьина: — Вот доктор. Все мы знаем, что он делает большие операции, режет тело и туда заглядывает. Спросим его, видел ли он там, в середине, душу, и он скажет нам, что нет. А между тем мы знаем, что она находится там. Так-то вот и бог, как говорится: нам его не видно, но он есть.

Тут верующие захлопали в ладоши, закричали:

— Правильно!

и стали ликовать, считая, что теперь все выяснено. Дед Матвей довольный посмотрел на всех, а земледелец Василий Иванович и главный, которые сидели позади него, пожали ему руку и поздравили его. Сияя, он толкнул Авдотью и сказал ей:

— Что ни говорите, а Ванька — голова.

11

Безде хвалили Ваньку и рассказывали, как он ловко осадил безбожников. Матвей со всеми разговаривал об этом, и когда ходил мимо ларьков у станции, уже не вспоминал, как Ванька здесь бахвалился когда-то.

А Авдотья встретила однажды с Виноградовым, дьячком, и он сказал ей, что Иван Матвеевич — новый Златоуст. Польщенная, она ответила на это, что — да, правда, шарики у Ваньки хорошо работают.

Был вечер. Солнце было низко. Колокол звонил. Иван Акимочкин лежал после обеда. Он почувствовал, что словно его кто-то дернул за руку и толкнул в спину, чтобы он пошел на кладбище и навестил могилу своей первой жены Марьи.

Он повиновался и, прийдя туда, нечаянно заметил, что иконка на кресте над прахом Яшки, сына земледельца Василия Ивановича, обновилась.

— Шел я это,— стал рассказывать он всем,— и вдруг смотрю себе: что это? — думаю.

Все начали ходить тогда на Яшкину могилу и дивиться и соображать, что это предвещает. Даже ксендз пришел и, поджав губы, покачал побритой на макушке головой.

— Да, это чудо,— подтвердил он одиннадцати беженкам, которые его сопровождали, и предостерег их, что оно не означает, будто схизматическая вера правильная, а показывает лишь, что бог, где он находит нужным, там себя и проявляет.

— Он свидетельствует о себе,— сказал ксендз и приподнял налечу,— и предупреждает тех, которые ему противятся.

Авдотье, специально забежав для этого, про обновление иконы рассказала земледельца жена, и, проводив ее, все посмеялись, потому что до сих пор она всегда форсила и при встречах отворачивалась.

Сговорясь с другими стационарными торговками, Авдотья после поезда велела Шурке отнести домой корзину, а сама отправилась с ними на кладбище — взглянуть.

Иконка на кресте у Яшки была и в самом деле новенькая. Нескольких мужчин и женщин, глядя на нее, стояли и молчали. Ванька оказался здесь же. Он кивнул Авдотье и поднес два пальца к козырьку.

— Я навеваю здесь своих покойниц, — объявил он громко: — маменьку и первую жену.

Авдотья сделала ему навстречу полшага и протянула ему руку.

— Как вы поживаете? — сказала она. — К нам бы заходили как-нибудь. Папаны будут заинтересованы вас видеть.

— Что же, я вполне сочувствую, — ответил ей Иван.

Он проводил ее и зашел в дом. Дед встал, захопнул свою книгу, посмотрел из-под ладони, точно против света, и стянул с себя очки.

— Вот это радость, — заявил он и, когда уселись, пожалел, что печем ознаменовать ее.

— Найдется что-нибудь, — любезно сказал Ванька, поднялся, пригладил ежик, надел шапку, вышел, завернул к Василию Ивановичу, земледельцу, и принес бутылочку.

После усенья Шурка первый в доме встал, старательно умылся, привязал веревкой к пуговице куртки пузырек с чернилами, взял грифельную доску, кусок хлеба с солью и пошел учиться.

Старшая сестра его, Маринка, проучившаяся в школе уже год, с кровати закричала ему, важничая:

— Ты чего спешить? Пойдешь со мной вдвоем. — Но он не захотел идти с ней.

Он уселся на четвертую скамейку, отвязал свою чернильницу, откинувшись на спинку парты, руки положил на стол, одну поверх другой, и благодушно стал поглядывать, готовый посмеяться, если вдруг случится что-нибудь забавное.

Вошла учительница, Пѣрцова, не очень молодая и одетая порядочно по последней довоенной моде, в длинной юбке и в митенках с кружевом. Она остановилась и, умильно посмотрев, сказала:

— Здравствуйте, ребята, и, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания, потому что я наелась чеснока и луку.

Она села и, протягивая спички, отядела каждого, потом пошла к доске и принялась показывать на ней, как надо выводить крючки и палочки.

На перемене Шурка стал есть хлеб и разговаривать с учениками.

— Вы верблюдов видели? — спросил он, и они должны были признаться, что не видели. Про крытые дворы и про портного Александрыча, который обшивал разбойников, они не слыхивали, в поле не работали, в палатке и на постоялом дворе никогда не спали.

— Мелко плаваете, — посвистев, сказал им Шурка и пахально посмотрел на них. Они падали на него и стали его бить, а он стал отбиваться кулаками и ногами и кричать, что жалко, что нет финки или кистеня, и так они дрались, пока не вошла Щербова и не сказала:

— Это что такое?

Возвращаясь, он увидел на путях у станции вагон, похожий на почтовый, и толпу возле него, которая гаддела и вдруг выстроилась в очередь.

Он подбежал к ней и, пристроясь, вошел с ней в вагон, уселся и, когда погасла лампочка, увидел улицу с пятнадцатипятиэтажными домами. Человек, спасаясь от большой собаки, выбежал из-за угла и вскочил в бочку, а собака покатила ее лапами и выкатила за город и сбросила с обрыва в озеро. К обрыву вдруг гуськом примчались полные разбойников автомобили и по очереди, друг за другом, все свалились в воду.

Скучными казались Шурке станция и маленькие домики поселка, когда, выйдя, он отправился домой. Он думал о красивом городе, который ему только что показывали, и о том, что хорошо бы было жить там.

В воскресенье мать нажарила пшеничных пирогов с капустой, чтобы продавать у поезда, и Шурка пошел с ней на станцию. Там подошел к ним малый, лет семнадцати, заяц, в деревенской шубе, отобрал пятнадцать пирогов и объявил, что тятенька заплатит: он в том доме.

Шурка, добежав с ним, сел и начал его ждать, а он не появлялся. Шурка заглянул в те двери, за которыми он скрылся, и увидел, что проход сквозной.

Горюя и ругая себя, он и его мать распродали то, что у них осталось и, повесив головы, отправились домой. Все уже знали, что произошло, и около аптеки им сказали, что заяц сейчас в чайной и с каким-то погодеем пьет с их пирогами чай.

Сейчас же они бросились туда и, вызвав его, стали требовать уплаты. Он же, подхватив руками полы своей шубы, начал удирать. Авдотья, Шурка и присоединившиеся к ним прохожие бежали за ним следом и кричали встречным:

— Дяденьки, держите его.

Железнодорожник с желтыми усищами, который шел навстречу, растопырил руки, заскакал, чтобы поймать зайку, поперек дороги, укренился на расставленных пожицах и, облапив, задержал его.

— Ну, Шурка, — сказал он, когда погоня добежала, — бей его, — и наклонил воришку, чтобы Шурка мог его достать.

Тут Шурка стал хлестать его то по одной щеке, то по другой, пока Авдотья наконец не смилостивилась и не остановила его.

— Дельно, — похвалил Егорка, оказавшийся в толпе, шагнул вперед, ударил вытиравшего платком лицо и отдававшегося Шурку по плечу и посмеялся одобрительно.

— Мал золотник, да дорог, — сказал он и предложил пройтись с ним.

— Ах, — и деловитый, нахлобучив шапку, Шурка быстро сунул матери платочек, сделал грудь горой, нос вздернул и ответил басом:

— Дуем.

— Надо было шубу у него отнять, у гада, — сказал вдруг Егорка, когда они молча несколько прошли.

— Эх, мы не догадались, черт его возьми, — ударил себя Шурка кулаком по голове и начал сокрушаться и досадовать.

Егорка, подведя его к подъезду станции, остался посидеть у входа, а его послал в середину и велел насобирать окурков.

— Много? — на ходу осведомился Шурка, ринувшийся, чтобы поскорей исполнить это поручение и оправдать доверие, которое Егорка оказал ему.

Покуривая, они стали говорить, что здорово бы было сделаться разбойниками.

Шурка стал расхваливать разбойничье житье и рассказал о нем все, что узнал когда-то от портного Александрыча.

— Им тоже нужно чем-нибудь прокармливать себя, — сказал он.

Рассуждая так, они дошли до дома Ваньки и вошли в каантку палисадника.

Дом был обшитый досками, голубешкий, с зеленой крышей и лиловыми воротами. На двери, как у доктора, сияла начищенная медная дощечка, а на косяке висел железный прут с деревянной грушей на конце.

Егорка дернул его, и за дверью звякнуло. Зашлепали калоши, загремели разные крюки и цепи, Ванькина жена открыла и посторонилась, чтобы дать пройти.

Она была большущая, живот держала выпятя, а плечи отведя назад, как будто несла воду в ведрах. У нее в ушах висели серьги кольцами. Ее лицо было большое и невыразительное, белая ночная кофта выпачкана блохами, а ноги без чулок были толстенные, голу-боватые и обсыпались, как костяные:

— Наше вам, — сказал ей Шурка вежливо и подал руку.

В доме был угар от утюга, грязь, на стенах коричневые пятна от клопов. Возле икон был помещен Петр Первый с усиками и мясистым подбородком, в кудерьках, как баба, отпечатанный на жести, и пучок бессмертников.

— Что ж, Нюрка еще чахнет? — спросил Шурка, подмигнув.

Егорка посмеялся и ответил:

— Чахнет, — и они поохотали.

12

В начале ноября у Ваньки был прием. Все родственники и главнейшие знакомые приглашены были пожаловать к нему по случаю дня именин его жены.

Все было на большую ногу. Подогнали к этому торжественному дню убой свиньи. За самогоном ездили к Василию Ивановичу на телеге.

Стол был накрыт в «заде». Именинница надела свое свадебное платье. Оно было розовое, матовое, и на нем был выткан шелковый узор в виде глазочков из павлиньего хвоста. Лицо она натерла порошком, который приготовила из стружек от стеариновой свечи.

Сам Ванька был в рубашке с отложным воротником и в кителе с затянутыми черным коленкором пуговицами. На шею он пристроил вместо галстука шнурок с помпонами, усы намазал салом и свернул коленками.

Детей в тот вечер рано накормили, подпоили их, чтобы покрепче спали, и упрятали их всех на пещку.

Нюрке маюха велела причесаться на прямой пробор и выдала ей белый фартук. В нем она должна была прислуживать.

Чтобы улучшить в доме запах, зажгли свечку и сожгли на ней кусок бумаги.

Собрались: церковный староста со старостихой, земледелец со своей сунругой, дед Матвей с Авдотьей, Аверьян с женой, отцом жены и ее матерью, литовка с мужем.

Пили самогон и несколько наливок из него. Еда была вся изготовлена из мяса только что заколотой свиньи.

Приняв от всех приветствия и с каждым гостем выпив, именинница сейчас же ошалела и весь вечер просидела молча, хлопая глазами и то вздергивая голову и озираясь, то опять роняя ее.

Ванька лебезил перед гостями. Он пенял дорогим родственникам, что они так долго на него сердились, пожимал им ручки, пил за их здоровье и выражал надежду, что вперед у него с ними будет мир.

Дед радостно ему поддакивал, похлопывал его по плечу, поглядывал на всех и похотывал. Он выпивал стаканчик за стаканчиком, закусывал кусками сала и засаженные пальцы вытирал об волоса.

Литовкин муж пил молча, что-то думал, иногда ребром ладони ударял жену по локтю и, внезапно оживившись на минуту, говорил, показывая головой на стол:

— Шамовка губернаторская.

Аверьян был грустен и смотрел в тарелку. У него горело одно ухо и одна щека. Беременная и одетая в широкий балахон, его жена дремала, а ее родители старались съесть как можно больше и от времени до времени, прикрыв руками рот, тихонько говорили что-нибудь друг другу на ухо и принимались хохотать. Литовка не коса на них поглядывала и, скандализованная, кашляла.

Авдотья была очень хорошо настроена. Она была в кораллах, в вязаной зеленой кофте тещи главного и в гребне со стеклянными брильянтами. Она сидела рядом с Аверьяном, громко говорила и жестиковала. Иногда она притрогивалась к Аверьяновой руке и, словно испугавшись, вскрикивала.

Гости, все доев и выпив, стали собираться. Поблагодарили и надели шубы. Ванька схватил лампу и повел их к двери. Там он стоял и осветил им.

Выйдя, земледелец и его жена решили сделать крюк и часть пути пройти по рельсам, чтобы не свалиться в лужу около Диесперихи. Дед же молодцом взглянул на них, махнул рукой на «крюк» и, обхватив Авдотью, пошатнулся и пошел с ней прямо.

До Диесперихи они несколько раз падали, а около Диесперихи, облезая по забору лужу, сорвались в нее и пролежали в ней до света.

Утром их доставили домой больными. Теща главного увидела в окно, как их везут, и прибежала посмотреть в чем дело и взять кофту.

Уложив их, она позже навестила их еще раз и дала им липового цвета. Они выжили его, но он им не помог, и ночью они сильно бредили, а дети просыпались и им страшно становилось.

В поддень сунула в дверь голову и молча посмотрела, а потом вошла литовка. Она сделала печальное лицо и шепотом спросила:

— Как они?

На цыпочках она подкралась к деду, от него — к Авдотье и потрогала их.

— Ах, — вздохнула она и, взяв вешик, подняла из ковшика полы и подмела их.

А когда стемнело, пришла Нюрка с железнодорожным фонарем в руке. Она была в солдатской ватной куртке и в солдатских башмаках.

Поставив фонарь на пол и не разгибаясь, она стала кашлять, а потом сказала, что ее прислали справиться. Под курткой у нее был кусок сала в тряпке, и она оставила его.

— Не говорите только никому, пожалуйста,— предупредила она.

Шурка перестал учиться. Утром он сидел возле больных, давал есть лошади, пилил дрова с соседями и таскал воду. Вечером, когда Маришка была дома, он бежал к Егорке и шатался с ним. Он собирал окурки для Егорки, задирал кого-нибудь, когда Егорка хотел драться: на него набрасывались, а Егорка за него вступался.

К поезду они являлись на платформу и прогуливались там. Они подмигивали девкам и толкались с пассажирами, носившимися к кинятильнику или толпившимися около торговок.

Один раз Егорка подскочил внезапно к старушонке в капоре, которая стояла около вагона и уписывала черную лешенку, и, пугнувшись, плюнула ей в глаза.

Она схватилась за них, выпустила сумку из руки, Егорка наклонился, поднял ее и шмыгнул под буфера, а Шурка очень испугался, побежал домой, залез скорей на печку и, не засыная, пролежал всю ночь.

Понискивали мыши и скреблись об жесть, которою были забиты щели. Дед хрипел. Авдотья что-то бормотала и выкрикивала, говорила, что ей, может быть, и тридцати еще лет нету.

Наконец Маришка встала, затопила печь и подошла к кровати деда. Дотронувшись до него, она вдруг взвизгнула и выскочила в «зад».

Авдотья, не пошевеливаясь, велела кидкнуть тещу главного и слова стала бредить. Скоро дом наполнился усердными старухами, которые гадали и хозяйничали. Деда вытащили из его постели и, стянув с него рубаху, стали его мыть.

Потом явился Ванька, строго посмотрел на них и объявил им, что он будет здесь распоряжаться.

Дедов сундучок он отпер и распотрошил его. Взял книгу и очки и запасные стекла к ним, а остальное, разный хлам, сбросил обратно.

Хорошить повезли деда на тех дрогах, на которых он извозничал. Последние два дня стоял морозик, и идти за гробом было хорошо.

Процессия составила порядочная. Встречные переходили на середину улицы и присоединялись. Некоторые же останавливали выступавших перед дрогами отца Михайлу и дядька, стоваривались с ними и платили им, чтобы они поехали.

Толстая Диеспериша, важно семенившая сейчас же вслед за родственниками, три раза выходила из толпы, брала свой подол в руки, обгоняла дроги и заказывала пение.

В числе других за гробом несколько кварталов прошла Ольга, дочь купца Суконкина.

Авдотья все еще лежала. Поминать поэтому позвали к Ваньке. К Ваньке же в сарай отправили и дроги вместе с меринком.

— Потом сочтемся, — сказал Ванька.

Как и следовало, на поминках подавали девять блюд. Четыре из них были изготовлены из мяса той свиньи, которую присутствующие уже однажды пробовали, когда праздновали именины Ванькиной жены.

Детей Авдотьи накормили в кухне вместе с Ванькиными. Шурка подтокнул Егорку и напомнил ему случай со старухой, а Егорка подмигнул и снисходительно ответил, что бывало и не этакое.

В доме, когда дети вечером вернулись туда, теща главного и с ней еще одна старуха мыли пол. Когда они ушли, Маришка затопила печь, мальчишки вытащили из-под дедовой кровати сундучок, взломали его, взяли из него «рожки» и съели.

Плохо стало жить. Авдотья все лежала. — «Дорогой супруг мой, — вырвав из Маришкиной тетради лист, писала она и не знала, куда слать письмо.

Она гадала, капая со свечки в воду воск. Из капли должен был получиться гроб, если бы муж ее был мертв. Но ни гроба, ни другого чего-либо у нее не получалось.

В доме было пусто. Налить лампу было нечем. Хлеба тоже не было. За лошадь Ванька прислал с Нюркой четверть керосина и двух коз. Муки, чтобы подбавлять им в пойло, было негде взять.

— Хоть в воду, — сказал Шурка, рассказав Егорке все это, и стукнул от досады кулаком одной руки по кулаку другой.

Егорка поджал губы, поморгал, задрал вверх голову, и предложил ему работать.

Молча и посвистывая, он повел его, как и всегда по вечерам, на станцию. Снег падал, от невидимой за тучами луны светло было, шаги поскрипывали и дышать приятно было.

В «третьем классе», еле освещенном тусклой лампочкой и мутном от махорочного дыма, они сели. Они высмотрели женщину, которая, оставив на скамье корзину, отошла: Егорка велел Шурке идти следом за ней и покараулить ее, а потом бежать к задворкам дома Марьины.

Когда он прибежал туда, Егорка уже ждал его. Взломав корзину, они вытащили вещи, запихали их под шубы и, снеся к Егорке, закопали в сено.

Утром они взяли все, что было белое, и вышли на базар. Цветному они дали полежать пока. Из выручки Егорка выдал Шурке треть.

13

Каждый вечер они стали проводить на станции. Они сидели в «третьем классе» и высматривали, что можно украсть. У спящих они шарили в карманах. К поездам они выскакивали и пныряли по вагонам.

Если ничего не попадалось, что бы можно было им стащить, они протягивали руку и просили милостыню.

Гордый, Шурка возвращаясь около полуночи и, разбудив Маришку, выдавал ей деньги на еду. Авдотье он сказал, что попрошайничает. Она всхлинула и вытерла глаза.

Маришка и Алешка, младший, тоже захотели зарабатывать и стали выходить на станцию, стоять с протянутой рукой перед проезжими и ныть.

Все чаще пассажиры стали умирать в пути, и люди в белых фартуках, неся вдвоем посылки, уже каждый раз, когда на станции был поезд, приходили на перрон.

Все расступались перед ними, и они, взяв из вагонов трупы и накрыв брезентом, уносили их в мертвецкую.

Когда они накапливались там, их вывозили в ямы, выкопанные за кладбищем, глубокие и длинные, как рвы, и присыпали снегом, а землей забрасывали лишь тогда, когда вся яма набивалась ими.

Около мертвецкой с раннего утра похаживали жулики. Одни были небритые, в замызганных шинелях, подпоясанных веревками, сутулые и сонные, другие же — нарядные, сейчас из парикмахерской, в штанах колоколами, в толстых пестрых шарфах и в цветистых кепках, сделанных из одеял.

За трупами, подскакивая на булыжниках, торчащих из укатанной дороги, с грохотом являлась наконец телега, и тогда гуляющие около мертвецкой устремлялись к ямам на песках за кладбищем.

Они присутствовали при разгрузке дрог и, дав им удалиться, обдирали мертвых.

Шурка и Егорка тоже бегали туда и, прячась за сосновыми кустами, издали подсматривали, пока все не расходилось и собаки, отступившие немного, когда собрался народ, не возвращались к ямам.

-- Черт возьми, -- завидовали Шурка и Егорка, выбираясь по снегу из-за своих кустов и глядя вслед ворам, маршировавшим впереди с добычей.

Чем мы виноваты, что еще так молоды? -- ронтали они и, чтобы отвасчь себя от этих горьких мыслей, совещались, как убить кого-нибудь. Тогда бы они сняли с него все.

Однажды они были в клубе и смотрели представление «Для нас весна прошла». Оно растрогало их, и не раз они украдкой отворачивались друг от друга и снимали пальцем набегавшие им на глаза слезинки.

А когда мужчина в черной бороде и в красном вязаном платке на шею объявил, что будет гастролировать сегодня без суфлера, наклонился, чиркнул спичкой, с двух сторон поджег костер, разложенный на жестяном листе, и, уклоняясь от поднявшегося дыма, стал произносить стихотворение «Разбойники», они взглянули друг на друга и пожали друг другу руки.

Наконец, сатирики Дум-Дум и Эва-Эва страшно насмешили их, и они долго хохотали, встав с места, и кричали «бис».

Хваля программу и жалея, что уже все кончено, они пошли к дверям.

-- Эх, здорово участвовали, курицыны дети, -- восхищаясь Шурка, оборачивался и, подняв лицо, заглядывал в глаза толкавшимся вокруг него красноармейцам, железнодорожникам и девкам.

Вдруг Егорка тронул его за руку и подмигнул ему на пьяного, который был один.

Они пошли за ним в какой-то переулок между огородами. Снег под ногами взвизгивал. Луна светила. Тени от пастней и от торчавшей кое-где ботвы лежали на снегу.

Пройдя пешного, пьяный вдруг остановился, растопырил руки, рухнул и остался лежать молча и не двигаясь.

Тогда они приблизились к нему, послушали и, оглянувшись, встали на колени и разули его.

Они сняли с него башмаки и новенькие серые обмотки. Шапка у него была дрянная, а шинель была надета в рукава и подпоясана.

В карманах ее ничего не оказалось, и Егорка напихал в них снегу. Шурка посмеялся.

-- Убивать не будем? -- глядя на Егорку снизу вверх, спросил он.

-- Нет, -- сказал Егорка, -- не из-за чего, -- и Шурка согласился с ним.

У дома они прежде, чем припрятать башмаки в сарае, подошли к окошку и при свете пригляделись рассматривать их. К ним подкрался Ванька, страшно наорал на них и дал им по пощечине, а башмаки забрал себе.

К Авдотье один раз зашел дед Мандриков. Она еще лежала. Он присел возле нее.

— Вот, видите, в каком я состоянии,— сказала она и поплакала немного.

Дед уже в утешение напомнил ей, что кого бог полюбит, того он обыкновенно принимается испытывать.

Тогда она ответила ему, что мало удовольствия от такой любви, и он тихонько посмеялся в бороду.

— А данную Диэспериху,— понегодовал он,— за ее халатность следовало бы поставить к стенке.

— Ах,— сказала ему тут и с благодарностью взглянула на него Авдотья: — Поднести вам нечего,— а он приятно улыбнулся и ответил, что и так доволен.

После этого он рассказал ей новости. Он рассказал ей, что разграблена канатчиковская усадьба, где она жила когда-то, когда муж ее служил там писарем.

— Неужели? — оживилась она и приподнялась. Она расспрашивала обо всех подробностях.

— Что я себе взяла бы там,— сказала она,— это шкаф с зеркальными дверями и рояль.

Пока они беседовали, Шурка соображал, что можно было бы снять с Мандрикова, если бы его убить.

Он делал это теперь с каждым, кто ему встречался. Иногда он шел за кем-нибудь, одетым в новенькую кожаную куртку или в изношенные сапоги, пока тот не входил в какую-нибудь дверь и окончательно за ней не оставался.

— Не судьба, должно быть,— думал он тогда.

Однажды, когда он стоял у поезда и кланчил милостыньку, человек в ушастой шапке с сереньким барашком и в шинели подошел к нему, дал колчаковскую десятку и спросил его, не знает ли он места, где бы можно было временно пристроить заболевшую в дороге женщину с вещами.

— Да,— ответил Шурка, просяив,— я знаю. Есть такое дело. Много ли вещичек? — и не стал отказываться от негодных денег. Мило разговаривая, он повел солдата.

— Вот сюда,— сказал он, заходя в свой двор, и в кухне, засветив лучину, показал солдату стены и кровать с двумя кувшинами и львом, изображенным на спинке.

Он уговорил Авдотью выпустить эту женщину, и к вечеру она была водворена.

Вещичек с нею оказалось две: большой сундук и ящичек. Почти все время у нее был жар, она лежала тихо, и больших хлопот с ней не было.

Солдат являясь иногда, смотрел, жива ли она, отпирал сундук и, сунув что-нибудь себе за пазуху, скрывался.

Про него рассказывали, что он шляется по деревням и кутит там с бабенками. Он мог растащить все добчиста, и чтобы вещи были целы, нужно было поскорей убить его. Все дни и ночи Шурка думал, каким образом устроить это, и не мог придумать.

Тонкой печек, пока мать болела, ведала Маришка. Это дело очень увлекало ее, и она без устали подкладывала в печь полешко за полешком и нажаривала ее точно в бане. К тому времени, когда Авдотья наконец поправилась и встала, дров в сарае уже не было.

Литовка, завернувшая взглянуть, что делается в доме, покачала головой, подумала и обещала как-нибудь уладить это. Ее муж от времени до времени, когда он должен был отправиться на паровозе ночью, стал предупреждать, что между третьей и четвертой верстами он сбросит пять-шесть плах.

Взяв санки и Лешку, Шурка до рассвета выходил туда. Пустые санки грохотали в тишине, и приходилось взваливать их на спину или нести вдвоем в руках.

Однажды, подобрав три плахи, Шурка приказал Лешке караулить их, а сам пошел по шалаам посмотреть, не сбросил ли литовкин муж еще чего-нибудь.

Луна, которая светила до сих пор сквозь тучу, выплыла из-за нее, и сразу сделалось виднее. Прутья кустиков по сторонам дорожки, которая пересекала рельсы, стали красными. За ними на снегу лежало что-то серое, похожее на человека, и, оставив санки, Шурка побежал туда.

Приблизясь, он стал красться, пригибаться и идти не поднимая ног, чтобы под ними как-нибудь не скрипнуло. С тропинки, чтобы быть еще бесшумней, он сошел, и в валенки его набился снег.

Лежавший человек не двигался. Он был одет в шинель, и ноги у него были подкорчены, точно он спал в вагоне на короткой лавке. Шанки на нем не было. Она валялась на дороге. Голову он прикрывал руками.

Это был солдат, который поместил больную у них в доме и проматывал ее пожитки.

— Дяденька, — ударил его Шурка носком валенка по каблуку с подковой, вскрикнул и помчался прочь, схватившись за голову, как Маришка, когда дед, которого она хотела разбудить, вдруг оказался мертвым.

Снова очутившись на рельсах, он остановился, чтобы его сердце стало биться медленней.

— Вещички, — просяив, сказал он, — теперь наши.

Вечером солдата привезли во двор к ним, и Авдотья вышла на крыльцо.

— Вот, можете похоронить, — сказал ей возчик. — Протокол уже составлен. Ваш жилец замерз. Был малость выпивши.

— Он здесь не проживал, — ответила Авдотья и не приняла его.

Умерла больная незаметно, ночью, так что беспокойства никакого не было. Авдотья, чтобы отвезти ее на кладбище, хотела попросить у Ваньки мерина и сани. Шурка же сказал ей, что не стоит связываться с Ванькой: сунет нос в вещички, и тогда с ним будет не разделаться.

— И правда, — согласилась мать. — А гроб кого попросим сделать? — встрепетнулась она: — Может, Аверьян сколотит?

— Да, — ответил Шурка и сам сбегал к Аверьяну.

— Ладно, — сказал он и вечером явился с инструментами.

Он сделал гроб из досок, оторванных от сеновала, и из планок от щитов, которые были расставлены вдоль «ветки», чтобы защищать ее от снега. Шурка натаскал их, когда не было луны на небе.

Подметя, Авдотья бросила в печь стружки. Аверьян помог ей уложить жилицу в сделанный им гроб и вытер руки о штаны.

— Ну, очень вам обязана, — сказала ему, вежливо раскланиваясь с ним, Авдотья, когда он надел пальто и шапку.

— Не за что, — ответил он. — Я столько лет жил в вашем доме, и вы были мне как мать.

— Ах, что вы, — возразила она.

Утром, приведя с базара мужика с дровнями и поставив на них гроб, она пошла за ним с детьми, торжественная, и похоронила свою мертвую жилицу без попов.

— Не знаю, — говорила она встречным, — по какой религии она была прописана.

С холстом и с пестренькими ситчиками, оказавшимися в сундуке жилицы и в ее зеленом ящичке, Авдотья принялась опять за дело.

Мужики ей навозили дров. Муки она купила у Суконкина. Он торговал теперь без вывески и отпускал товар у себя в кухне. Иногда дверь в комнату была полуоткрыта, и Авдотья видела в щель Ольгу, вытирающую тряпкой стулья или шьющую, надев очки, или читающую книгу.

Ольге было восемнадцать лет, она была бесцветная, беловолосая и тощая, и, глядя на нее, Авдотья усмехалась.

Она снова пекла хлеб и пироги и продавала их на станции, а Шурка помогал ей. Поезда ходили не по расписанию, и они сидели

с утра до ночи и ждали. Вдруг являлся воинский, товар весь раскупали, и тогда Авдотья отправляла Шурку притащить еще.

С Егоркой он теперь встречался редко, и ему не так хотелось теперь сделаться разбойником, как стать хорошим спекулянтom или перевозчиком и продавцом беспoшлинного заграничного товара: все хвалили это дело и считали, что оно уж очень прибыльное.

Его шуба, сшитая когда-то Александрычем, была ему уже мала, и из брезента, оказавшегося в сундуке жилицы, ему сделали пальто с запасом на подоле и на рукавах, чтобы под осень, если будет нужно, можно было удлинить его.

Авдотьины приятельницы уверяли Шурку, что пальто это ему очень к лицу, и говорили ему всякие любезности, а он молодцевато взглядывал на них.

Под благовещенье был день его рождения, ему кончалось девять лет, и в доме была выпивка. Явившиеся гости поздравляли его, пили за его здоровье и тормошили его. Он им говорил:

— Пошли вы! — и, освобождаясь от них, подмигивал им.

Скоро все разговорились, стали похвалиться и рассказывать, как здорово им иногда везло. Тут Шурка вызвал мать из «зала» и предупредил ее, чтобы она помакивала насчет случая с вещичками.

Две гостьи, одна низенькая, а другая дылда с крошечной физиономией и постным видом, вдруг переглянулись. Они жили на другом конце поселка, пришли вместе и сидели рядом. Они вспомнили, как летом, года этак два назад, казаки изрубили на Мамонином поле семьдесят мадьяр из пленников. Мадыры эти здесь квартировали, а работали в Кашкинских. Все скопом они шли домой с работы — и такая вдруг история случилась.

Низенькая с скромными ужимками рассказывала, а верзила на всех взглядывала и кивала.

— Всякий, кто успел узнать об этом, поспешил туда, и очень поживились тогда те, кто посильней. Мы сами, хоть уже и старенькие, а вернулись с тремя парами сапог и с разными вещами из карманов — кошелечками и часиками.

— Счастье ваше, что вы тамошние, — стали говорить им слушательницы. — А наш конец глухой, и все у нас проходит мимо, по усам течет, а в рот не попадает.

Тут заблаговестили, и все перекрестились, а Авдотья, приподняв бутылку, показала ее гостям.

— Ладно, дорогие мои дамочки, — сказала она, — что там? Всех кусков не схватишь. Бросим горевать, хлебом еще разочек и пойдём ко всеношной.

Ее дела в то время удавались ей. Она была довольна и всегда сияла. Она сшила себе новенькое платье с голубыми птичками и сделала хорошенькую кофту из шинели. Всех своих детей она одела и обула.

— Прав ты был,— растроганная, говорила она Шурке, — что привел тогда к нам эту женщину. Теперь нас бог вознаграждает за нее, за то, что мы ее призрели у себя.

Все чаще между тем стало случаться, что, являсь к Суконкину, она не заставляла у него товара. Приходилось отправляться к железнодорожникам, разноухивать, кто ездил за съестным, бросаться к нему, становиться в хвост и возвращаться зачастую с тем, с чем и пришла,— другие успевали узнать раньше и примчаться первыми.

Авдотья вспоминала теперь, как когда-то Аверьяну принесли письмо от Ольги. Если б он не пофорсил тогда, то через Ольгу можно было бы всегда осведомляться, нет ли у Суконкина чего-нибудь в продаже.

Скоро ничего уже нельзя было найти такого, чем бы можно было торговать. Жизнь у Авдотьи в домике опять пошла неважная, харчей стало в обрез, и Шурка пораздумал и решил, что нужно снова идти в жулики.

Уже было тепло, но чтобы быть солидней, он надел свое брезентовое новое пальто. Он в нем пошел к Егорке, чтобы переговорить с ним, но его не оказалось дома. У него был тиф, и он лежал в больнице. Через полторы недели он там умер.

Один раз Авдотья, выйдя на канаву к козам, встретила с Василием Ивановичем, земледельцем, и, разговорясь с ним, стала плакаться, а он ей предложил взять Шурку поливать огурчики на хуторе и ездить с лошадьми в ночное.

— Он при нас харчиться будет,— увлекательно сказал он,— и у вас одним ртом меньше станет.

Тут же он зашел за Шуркой, и, припрыгивая, чтобы не отстать от него, Шурка по дороге рассказал ему, какие из сельскохозяйственных работ он делал у Евграфыча.

Калитку им открыла земледельцева жена и сразу же послала Шурку натаскать соломы из соседских крыш. Три курицы квохтали, и она хотела посадить их. Люди же советовали ей, чтобы подстилка была краденая.

Шурка сказал «есть такое», сделал ей под козырек и через несколько минут примчался с ворохом соломы. Чалый был уже впряжен. Василий вынес Шурке квасу и пирог со свеклой и, когда он выпил, отворил ворота и повез его на хутор.

Там он его отдал под начало Гришке, своему племяннику, и Гришка показал ему, что делать.

Правая нога у Гришки была порченая, он хромотал, и Шурка знал, что это доктор Марьин, когда началась война, устроил ему это.

Хутор доходил до речки Генераловки, и воду для поливки гряд накачивала лошадь. Она бегала по кругу и вертела колесо. Ковши

черпали воду, лили в большой жолоб, и оттуда она шла по маленьким. В них были дырки и затычки. Можно было вынимать их и, подставя лейку, наполнять ее и не ходить далеко. Шурке это интересное устройство так понравилось, что он захохотал, когда увидел его.

Гришка был большой любитель музыки и вечером после работы, сидя на крыльце барака, жалостно играл виотьмах на балалайке, а потом рассказывал, как здорово один американец отвечал своей невесте на ее упреки, или задавал загадки, а когда их кто-нибудь отгадывал, то Гришка опечаливался и на время замолкал, брал снова балалайку и побренькивал, насупясь.

Шурка скоро подружился с ним и стал с ним обращаться покровительственно, он же, когда сам Василий не присматривал за ними, давал Шурке пожевать чего-нибудь сверх нормы и не очень донимал его работой.

Перед праздниками Шурка ездил с ним домой. Телега погромыхивала. Ноги, свешенные вниз, покачивались. Около дороги стоял лес. Попахивало свежими березовыми вениками.

Пешеходы, перекинув башмаки через плечо, шли сбоку по тропинке. Шурка их оглядывал, прикидывая, что с них можно снять, если убить их.

Гришка то молчал, то оживлялся вдруг и спрашивал, что больше весит — пуд железа или пуд муки, или какая лошадь, прийдя с луга, больше принесет травинок на спине — с хвостом или бесхвостая, и Шурка отвечал ему, что больше весит пуд железа и что лошадь больше принесет травы бесхвостая: когда ее кусают мухи, ей приходится сгонять их мордой, и из той травы, которую она жует при этом, несколько травинок остается на ее спине.

Обратно они ехали с зарезанной на ужин курицей учительницы Щербовой, которая жила бок о бок с земледельцем, и когда они пускались в путь, им было слышно иногда, как Щербова разыскивает ее, бегает по переулку и выкрикивает:

— Пыри-пыри!

И тогда они смеялись и подмигивали в ее сторону и делали увеселительные жесты.

Уже лето почти все прошло. Уже копали понемногу и возили на базар картошку. Шурку иногда пускали с возом одного, без Гришки, и тогда он останавливался перед своим домиком, Авдотья выходила с ведрами, и он ей насыпал в них.

Один раз, когда под вечер он спинал мешки, развешенные для просушки перед окнами барака, подкатил Василий и, с кнутом в руке, слезая с дрожек, крикнул ему:

— Твой отец приехал.

Шурка бросил все и побежал.

— На огурчики я,— говорил он доробой, — поставлю теперь крест с прибором.

Темнело. Дорога пошла через лес. Там был мрак, точно ночью, и, может быть, были разбойники. Шурка не думал о них. Он бежал, останавливался на минутку, чтобы отдышаться, и снова бежал.

Наконец впереди посветлело немного, лес кончился, и перед Шуркой открылось то поле, за которым стоял его дом. Огонька в доме не было.

Шурке, когда он постучался, открыла Авдотья.

— Приехал? — спросил он и бросился в дом. Человек на кровати со львом и кувшинчиками совал ноги в штаны. Он вскочил, подтянул штаны кверху, Авдотья взяла Шурку за руку и подвела к нему.

— Вот он, — сказала она, — старший сын. Поздоровайся с ним. Пока ты окопчивался невесть где, он был в доме хозяином, и без него я пропала бы.

— Ну, здравствуй, что ли,— сказал тогда Шурке отец и шагнул к нему.

Шурка ответил:

— Ну, здравствуй, — пожал ему руку и сел на скамейку.

Отец был похож на Евграфыча и на солдат — Петьку с Ванькой, но был ниже ростом и шире; и нос у него был короче, а под носом у него были красно-коричневые тараканы усы. Он одет был в солдатское.

— Что же, — сказал он, — по-моему, ночь,— и они улеглись.

Утром Шурка узнал, что отец привез сала и три пуда муки. Затопили печь. Мать стала жарить лепешки. Отец подтащил к ней колоду и сел возле печки. Авдотья его не гнала, хотя он ей мешал. Он сидел, зажав руки коленями, двигал своими усищами и не сводил с нее глаз.

Две недели была суматоха. Приехала бабка Гребенщикова с сыновьями. Она привезла муки, сала и вышивки. Поговорили о том, почему отец Шурки так долго не ехал, о деде Евграфыче, деде Матвее и бабке.

— Диеспериху,— сказал Шурка,— за то, что разводит на улицах лужи, по-правильному, пужно было бы к стенке,— и все согласился с ним.

Начали нить и закусывать. Скоро мужчины, сняв ремни, надели их через плечо, сели вольно и стали покуривать.

Петр пустил дым кольцом, посмотрел на него и сказал:

— Один раз мы стояли в резерве, а он тут как тут.

Все придвинулись ближе. До позднего вечера братья рассказывали интересные случаи, происходившие с ними во время войны.

Петька с Ванькой теперь не пахали, скот продали и поступили на службу. Они взяли отпуск по случаю того, что вернулся их брат, пропадавший шесть лет.

Скоро начали делать визиты родным. Побывали у Ваньки Акимочкина, у литовки. Потом у себя принимали их. Были на кладбище. Там поклонились могилам, взглянули на обновившийся в прошлом году образочек и поудивлялись.

Потом все три брата отправились к тетке-просвирне, вернулись, и гости уехали. Скоро должна была быть однодневная перепись,⁵ и им хотелось в день переписи быть на месте.

— Как здорово вышло,— сказал отец Шурки,— что я подоспел как раз к переписи. Теперь буду записан с семьей.

— И действительно,— стали дивиться все. Шурка порадовался, что не будет записан на хуторе, при огурцах; а Акимочкин мрачно сказал:

— После переписи вы поймете, зачем она делается.

Переписывала эту улицу Щёрбова.

— Вот к вам и я,— объявила она, входя в кухню, и предупредила, что ела чеснок. Она села с листками за столик. У каждого она между прочим расспрашивала о профессии, национальности и о родном языке.

— По родным языком,— разъясняла при этом она,— понимается тот, в котором опрашиваемый обычно говорит с своей матерью.

— Мы,— сказал Шуркин отец,— извините, но все одной нации и говорим на одном языке.

— Не учите меня,— попросила она и прищурилась.

Шурка смотрел на нее и побаивался, что она его спросит, не он ли крад кур у нее этим летом, но Щёрбова, глядя в листки, записала еще кое-что о печах и надворных постройках, сложила бумажки, простилась и двинулась к главному.

Скоро опять Шурка начал учиться. Отец поступил в сельсовет на поселке при сахарном. Кроме того, он писал заявления для тех людей, у которых во время гражданской войны было что-нибудь забрано и им хотелось теперь получить возмещение, и за труды брал натурой. Он был теперь в доме хозяин, Авдотья обо всем с ним советовалась и возилась с ним так, что смешно было видеть, а Шурке теперь от нее был такой же почет, как Маришке с Алешкой, которым она столько лет говорила, что Шурка для них — как отец.

— Ничего себе, — думал он, — здорово.

Ученики его класса дрались с другим классом и всюду носили с собою резинки, к которым привязаны были железные гайки. Они дрались в школе и вечером, встретясь на улице, снова дрались.

Шурка был постоянно избит и ходил в синяках и подтеках. Запаса из новенького пальтеца не пришлось выпускать, потому что за осень пальто изодрали в клоки.

Он не мог один выйти из дома и в школу ходил с двумя братьями Проничевыми, которые жили поблизости и заходили за ним. Они были приезжие из Генераловки, а Генераловка славилась драками. Там выходили «конец» на «конец» и дрались кулаками, а потом кистенями и ножиками. Братья Проничевы наострились там, и их боялись, но скоро они заболели «испанкой» и умерли.

В первый же день, когда Шурка пошел без них в школу, орава мальчишек с резинками подстергла его за домом Щербовой. Он не отбился бы, если бы не Аверьян.

Аверьян шел на станцию. Он разогнал их и сдал Шурку Кольке, пятнадцатилетнему малому, родственнику жены Ваньки Акимочкина, аверьяновой матеши.

Колька был такой же большой, как она, черномазый, плечистый, лицо его было такое же невыразительное. Он им встретился около станции. Он шел согнувшись и нес на спине пуд муки, а в руке белую корзину. В ней были мешочки, бутыл, вобла, мясо, махорка: Акимочкины посылали его в железнодорожную лавку за выдачей, так как у Нюрки, которая обыкновенно была на посылаках, был тиф.

— Подойди-ка, — сказал Аверьян.

Тогда Колька поставил на землю корзину, спустил с плеча пуд и спросил:

— Ну, чего еще?

— Вот, — показал Аверьян, — доведи его до дому и заступись за него, если вдруг нападут злоумышленники.

— Я бы сам, — сказал Шурка, — разделался с ними, да их очень много.

Он взял колькин пуд и, взвалив на себя, пошел с Колькой.

— Мука — это что, — сказал он. — Хуже было бы, если бы это была не мука, а железо. А как ты считаешь, бесхвостая лошадь принесет с поля больше травинок у себя на спине или лошадь с хвостом?

Занеся к Ваньке выдачу и получив по щепотке махорки, они зашли к Кольке во двор.

— Показать тебе фокус? — отчистив пиджак от муки, спросил Колька, и Шурка ударил себя кулаком по ноге и сказал:

— Покажи.

Тогда Колька вошел к себе в дом, вынес корку, встал с ней у калитки, зазвал кобеля, пробежавшего мимо, и дал корку Шурке.

— Верти у него перед носом, — велел он, — а есть не давай. Занимай его, чтобы он не смотрел, что я делаю.

— Есть, — сказал Шурка и стал занимать кобеля. Тогда Колька придвинул колоду, подставил ее под хвост кобелю, взял топор, замахнулся и тяпнул. Кобель обернулся и взвизгнул два раза.

— Ой, смех, — крикнул Шурка и, изнемогая от хохота, лег.

Колька поднял отрубленный хвост и швырнул за забор. Он довел Шурку до дому. Шурка старался понравиться Кольке, солидно держал себя и рассказал, как работал с Егоркой.

— Ты мал, да востер, — сказал Колька. — Зайди как-нибудь.

Они стали вдвоем поворовывать. Колька не решался сбывать вещи здесь, и они продавали их или при сахарном, или на Серных водах.

Они съездили раз даже в город, но он не похож был на тот большой город, который когда-то понравился Шурке в вагоне-кино. Ни высоких домов, ни разбойников в автомобилях там не было.

— Вот бы в Самару попасть, — сказал Шурка. — Там, верно, не то, что здесь. Там даже было свое государство.

— И там побываем когда-нибудь, — пообещал ему Колька.

Когда Шурка прибыл из этой поездки домой, там все спали. Отец отворил ему дверь.

— Где ты шлялся? — спросил он. — Потом, почему ты не ходишь учиться? С Маришкой прислали записку.

— По-моему, ночь, — сказал Шурка, — и нечего нам здесь шуметь.

— Хорошо, посчитаемся завтра, — ответил отец.

— Хорошо, — сказал Шурка.

Он встал раньше всех, взял полхлеба и вышел. Была еще ночь. Тарахтела «кукушка». Ее огоньки подвигались впотьмах в направлении к сахарному. Кобели прикурнули под утро в своих конурах и не лаяли. Улицы были пустынные.

Когда рассвело и к колодуам пошли бабы с ведрами, Шурка вошел во двор к Кольке и вызвал его.

Колька вышел, зевая.

— Чего? — спросил он.

— Уезжаю, — сказал ему Шурка. — В Самару.

— Зачем?

— Как зачем? — спросил Шурка. — Известно зачем: жить, разбойничать.

— Ладно, катись, — сказал Колька. — Разбойничай. Нас не забудь.

— Ну, прощай, — протянул Шурка руку. — Выходит, я еду один.

— А то с кем же?

— Конечно, — сказал тогда Шурка.

На станции он залез в незакрытый товарный вагон, на котором написано было «Самара», достал из кармана коробку со спичками и присмотрел себе угол почище. Он сел там и стал дожидаться, когда пойдет поезд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. е. денатурага.

² Усач — речная рыба из семейства карповых.

³ День усекновения главы Иоанна-Крестителя (Предтечи) отмечается церковью 29 августа.

⁴ Имеется в виду библейская легенда об Иосифе, которого безуспешно пыталась соблазнить жена Пентефрия (Бытие, XXXVII, 36; XXXI, 1).

⁵ Однодневная перепишь проводилась в августе 1920 г.

В. П. НИКИТИН

«КУКУШКИНА»
(ПАМЯТИ А. М. РЕМИЗОВА)

Воспоминания

Публикация Н. Ю. Грякаловой

7 августа 1921 г. А. М. Ремизов навсегда покинул Россию и после непродолжительного пребывания в Берлине «заехал в Париже», приехав туда 5 ноября 1923 г.¹ Ремизову, ощущавшему свое бытие писателя-эмигранта как «расколотое», особенно близким становится жанр автобиографического повествования, в котором его собственные жизнь и творчество предстают в нерасторжимой связи с историей русской культуры и языка. «Сложная многоголосая структура первоначального периода его творчества,— пишет итальянская исследовательница творчества Ремизова,— сменяется в европейские годы монологическим повествованием, объединяющим автобиографию и дневник, историческую эпопею и изложение снов, пересказ легенд и сказок, литературную критику и рассказы, письма и рисунки».²

Мир, увиденный «подстриженными глазами», не заслоняет, однако, реальных лиц и событий, о которых рассказывает автор. Один из постоянных персонажей автобиографической прозы Ремизова 1940—1950-х годов — В. П. Никитин, «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир обезвельвопала».³

¹ Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 7.

² Д'Амелия Антонелла. «Автобиографическое пространство» А. М. Ремизова // Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Paris, [1983]. С. V.

³ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953. С. 158.

Василий Петрович Никитин, автор публикуемых воспоминаний, известный ученый-ориенталист, профессор Школы восточных языков, родился 1 января 1885 г. в Сосновце (Польша). По его собственному признанию, он рано увлекся Востоком и рано сделал свой профессиональный выбор, поступив в 1904 г. в Лазаревский институт восточных языков в Москве.⁴ С 1915 г. Никитин на дипломатической службе, являясь секретарем генерального консульства России в Персии. В июле 1919 г. он переезжает в Париж, навсегда связав свою жизнь с Францией. Как ориенталист Никитин посвятил себя изучению Ирана, его истории, культуры и литературы. Большую известность принесли Никитину его работы о курдах, поставив его имя в первый ряд мировой курдологии. Обобщающий труд Никитина в этой области «*Les Kurdes. Etude sociologique et historique*» (Paris, 1956)⁵ освещает проблемы происхождения курдов, их религиозных верований, касается лингвистических и социально-этнографических аспектов курдологии. Особую группу работ составляют статьи, рассматривающие историю дипломатических отношений стран Ближнего Востока и Европы.⁶ Несомненный интерес представляет его статья-очерк «Русский дервиш» о пребывании В. В. Хлебникова в Иране, опубликованная в Тегеране в 1955 г.⁷ В 1924 г. Никитин стал членом Азиатского общества в Париже и активным сотрудником его печатного органа «*Journal Asiatique*», в 1933 г. — иностранным членом Польского ориенталистического общества, сотрудничая одновременно в его печатном органе «*Rocznik orientalistyczny*». Он являлся также членом Международного антропологического института, действительным членом Международной дипломатической академии.

В 1920-е годы в Париже Никитин сближается с группой деятелей евразийского движения, сторонники которого пытались объяснить произошедшие в России революционные события самобытностью ее духовного уклада и исторического пути, а также особенностями географического поло-

⁴ Биографические сведения почерпнуты из статьи: *Nikitine V. Mes reminiscences polono-orientales (Notes autobiographiques)* // *Folia orientalis*. Kraków, 1960. Т. II, Fasc. 1—2. S. 153—176. В этом же издании помещен некролог Никитину (с. 211—213). В. П. Никитин скончался 8 июля 1960 г.

⁵ На русском языке: *Никитин В. Курды*. Пер. с франц. М., 1964.

⁶ Библиографию работ Никитина см.: *Pearson J. D. Index Islamicus. 1906—1955*. Cambridge, 1958; *Idem. 1956—1960*. Cambridge, 1962.

⁷ См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. Публикация В. Ф. Маркова // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1982. Bd. 10. S. 432.

жения (между Востоком и Западом).⁸ В своих автобиографических заметках Никитин писал: «Я охвачен евразийскими пространствами <...> Среди моих немногочисленных русских сочинений мое любимое — „Иран, Турция и Россия“, сочинение, в котором я подчеркиваю евразийские черты нашего национального характера: турецкая кочевническая простота, богоискательство. И моя статья „Ритмы Евразии“.⁹ К кругу евразийцев в середине 1920-х годов был близок и А. М. Ремизов, знакомый с многими из них еще по Берлину.¹⁰ Вероятно, в этом окружении и состоялась его встреча с Никитиным.

В 1935 г. Ремизовы переезжают на ул. Буало, дом 7, на свою последнюю квартиру, где их соседом оказался Никитин, что закрепило бывшее знакомство. Никитин — среди постоянных посетителей Ремизова; более того, каждое свое посещение он со свойственной ему скрупулезностью фиксирует в записях, составивших своеобразную «ремизовиану». «С 1943 по 1953 я регулярно вел записи моих посещений у А. М. Ремизова, — отмечал Никитин. — Эта *Remizoviana*, за 10 лет, находится в Нью-Йоркском архиве эмиграции.¹¹ Болезни, как А. М., так и мои, нарушили установившийся за долгие годы порядок наших отношений. Я перестал бывать ежедневно <...> Теперь как будто опять налаживается возможность встречаться по-прежнему и вести записи о наших беседах».¹² Эти многолетние записи Никитина — неоценимый биографический материал для изучения окружения Ремизова в годы его парижской эмиграции, интересов и пристрастий писателя в последний период его жизни.

Никитин стал вдохновителем и постоянным участником «восточных бесед», проходивших на квартире Ремизова по четвергам. Знаток Ближнего

⁸ У истоков евразийства стояли Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский, затем к нему примкнули Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон; с 1925—1926 гг. идейным руководителем движения становится А. П. Карсавин. По словам Ф. А. Степуна, это были «славянофилы эпохи футуризма» (Степун Ф. А. Об общественно-политических путях «Пути» // *Современные записки*. Париж, 1926. Т. 29. С. 445).

⁹ *Nikitine B. Mes reminiscences polono-orientales*. S. 175.

¹⁰ Журнал «Версты», один из печатных органов евразийцев, издавался при ближайшем участии Ремизова и охотно публиковал его произведения. В 1926—1928 гг. вышло три номера журнала. См.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov*. Etablie par H. Sinany. Paris, 1978. P. 155.

¹¹ См.: *Sinany H. Archives de L'Université de Columbia (New York) relatives Aleksej Remizov* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Paris, 1976. Т. 17. P. 113—123.

¹² См. «*Remizoviana*. 1956»: ИРАИ, ф. 256, оп.-2, № 42, л. 1. В Рукописный отдел ИРАИ Никитиным были переданы записи за 1954, 1956 и 1957 гг.

Востока, эрудит, умелый рассказчик, он заражал присутствующих своей увлеченностью. Н. В. Резникова писала Никитину 1 октября 1954 г.: «Я была у А. М. вчера --- без Вас наши четверги пусты и унылы, и мы ждем не дождемся восстановления нашей традиции --- четвергов с путешествиями на Восток и в века».¹³ Ремизов был душевно привязан к Никитину. «Дорогой Василий Петрович! --- обращался он к нему в письме от 11 сентября 1954 г. --- Все жду вас. Без вас пусто в Кукушкиной. И спросить некого. И рассказать некому».¹⁴ Для него Никитин --- высший авторитет в области этимологии,¹⁵ которая всегда была притягательна для Ремизова с его пристальным интересом к слову и его истокам.¹⁶ Он консультировался у Никитина по поводу разного рода памятников персидской и арабской литературы и фольклора, а также исторических реалий, спрашивал совета,¹⁷ просил принести нужные книги.¹⁸

Ремизов питал почтение к учености Никитина и, поздравляя его с днем именин, писал со свойственной ему словесной изобретательностью и этимологическими экскурсами: «В какой отмеченный день Вы родились: в навечерие Васильева дня в полночь разговаривают звери. Вот откуда Ваш жребий --- слово и книга. А Ваша пытливость к загадкам. Не разгадан в закличке Велесовых (Васильевых) книг песен припев: Таусень-Таусень. Новогодний Василий недавнее, а Таусень кликала Ольге Малуша. Эту закличку, я

¹³ ИРЛИ, ф. 256, оп. 4, № 18, л. 1. Ср. также в письме от 5 сентября 1955 г.: «Я надеюсь застать Вас и А. М. здоровыми --- надеюсь на продолжение наших мирных и содержательных восточных бесед» (там же, л. 6).

¹⁴ ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 7.

¹⁵ В письме от 3 октября 1954 г. он спрашивал: «Откуда у нас чай? Чану соответствует котел. У Ушакова нет. Буду Вам очень благодарен» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 9). Ср.: «Нашел смешное слово „фуфлыга“ --- Сам Эмир не знает, что это значит» (*Кодрянская И.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 104).

¹⁶ Постоянно интересуясь этимологией своей фамилии и создавая вокруг нее мифопоэтический ореол, Ремизов учитывал и возможные восточные ассоциации, но-видимому проконсультировавшись по этому вопросу у Никитина. Ср.: «Из колынок меня заняли древнейшие песни: и по времени и по имени: о ремесе-птице. Есть таинственная птичка и имя не простое: по-арабски „рема“ --- „тайна“» (*Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 333). Ср. в настоящем издании «Приложение» --- статью В. П. Никитина «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“» (С. 303---306).

¹⁷ См., например, в письме к Никитину от 11 сентября 1954 г.: «Что посоветуете, какое имя? <...> Зебраф вышел из десчаного холма --- сын солнца. Душой себе он выбрал ручей. Какое имя (женское) соответствовало бы Зебрафу?» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 7).

¹⁸ В письме от 17 декабря 1948 г. Ремизов обращался к Никитину с просьбой взять для него книгу «История семи мудрецов», вып. I и II (ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 1).

уверен, Вы слышали».¹⁹ Проникновенные страницы посвящены Никитину в книге Ремизова «Мышкина дудочка», где раскрываются не только привлекательные черты личности ученого, но и «восточнические» пристрастия самого писателя. «Я люблю Восток,— пишет Ремизов в главе «Оракул»,— а Персию особенно: мое пристрастие к каллиграфии — „Тысяча и одна ночь“ — Огонь — Заратустра — Мани <...> В Казани в мечетях меня принимали за своего, и я обряжался в туфли, как правоверный, с тибетскими ламами я не чувствовал себя „иностранцем“ <...> Мое восточное соединяет меня с нашим востоковедом „эмиром“ Василием Петровичем Никитиным, чудесником нашего Оракула и чернокнижником (Черными книгами²⁰ весь его подвал забит). Жил „Эмир“ на 4-м <...> а теперь на 8-м, выше некуда. В светлые ночи, после трудов, любитесь он на Париж, вышептывая любимые стихи Мохамеда Икбала²¹ из Лагора:

Долина любви очень далека, дорога длинная, но
свершение столетнего пути в одном вздохе мгновенно.
В поисках трудись и не выпускай из рук полы надежды,
богатство там, ты обретешь его в конце пути мгновенно.

<...> Его называют „марид“ — „дух отречения и изгнания“; возможно, что он и есть „марид“, но только добрый из маридов — „инфид“ <...> Он знает мое пристрастие к словам и чудесному — к тому, что не бывает, а только живет в человеческом желании,— к легендам, сказкам, вымыслам. Из каждого нашего свидания я всегда что-нибудь получаю чудесное и всегда жду персидской субботы».²²

Как становится известно из записей Никитина, он знакомил Ремизова с образцами арабской поэзии,²³ с персяязычной прозой,²⁴ — все это нахо-

¹⁹ См. письмо от 13—14 января 1954 г.: ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 5—5 об.

²⁰ В «Черной книге», написанной тайным шрифтом, изложена религиозная доктрина иезидов — курдской мистической секты.

²¹ Икбал Мухаммад (1873 или 1877—1938) — индопакистанский поэт и философ, писал на урду и персидском языке. Об интересе Ремизова к Икбалу см. в записи Никитина от 8 июля 1954 г. (ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 41, л. 24 об.).

²² Ремизов А. Мышкина дудочка. С. 69, 70. Ср. «Приложение».

²³ «Начиная приблизительно с августа 1955 я, несколько недель подряд, читал А. М. <...> первую главу „Арабесок“, моих воспоминаний, которые его, по-видимому, заинтересовали. Я начал уже и вторую главу, о пребывании в Лазаревском институте восточных языков, и прочел из нее включительно до рассказа о преподавании там арабского языка. Приведенные мною образчики арабской поэзии доисламской, Кастада Шанфара, а также поздней, Мутаннабия, А. М. нашел очень характерными, и я дал ему их копии» («Remizoviana. 1956»: ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 42, л. 1 об.). Рукопись мемуаров В. П. Никитина «Арабески: почему я стал восточником?» хранится

дило отклик в душе писателя и запечатлевалось в творческом сознании. В знак многолетней дружбы и общности интересов Ремизов получил в подарок книгу Никитина о курдах — плод его углубленных занятий Ближним Востоком — с надписью: «Мы часто беседовали о Востоке, эта книга о том же — от любящих Вас А. А. и В. П. Никитиных».²⁵

Интересно и немаловажно отметить роль Никитина в последних творческих замыслах Ремизова. Речь идет о подготовленной писателем книге «Павлиньим пером», основанной на обработке образцов восточного фольклора.²⁶ Возможно, замысел ее выкристаллизовался в период работы над «Повестью о двух зверях. Ихнелат» (Париж: «Оплешник», 1950), представляющей собой пересказ древнерусского памятника «Стефанит и Ихнелат» в редакции XVII в., имеющего индийские («Панчатантра») и арабские («Калила и Димна») источники.²⁷ Есть все основания предполагать, что по-

в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), см.: *Russia in the Twentieth century. The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture.* Boston; Massachusetts, 1987. P. 71.

²⁴ Ср. запись от 21 июня 1956 г.: «... я прочел А. М. из книги „Рассказы персидских писателей“. А. М. — „хорошо сделано!“» («Remizoviana. 1956», л. 16—16 об.).

²⁵ Приведена в записи Никитина от 20 января 1957 г. («Remizoviana. 1956», л. 24). А. А. — Лаура Леандровна, жена Никитина.

²⁶ Рукопись, подготовленная к печати, была впоследствии передана В. Б. Сосинским в ЦГАЛИ. См.: *Ремизов А. Павлиньим пером.* Сборник сказок. Машинопись, вырезки из газет, ксерокопии с правкой и пометами автора и В. Б. Сосинского // ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 20 (103 л.) и 21 (106 л.). Состав книги следующий: «Часть первая. 1. Присказка. 2. Под быком. 3. Чуткур. 4. Тигр. 5. Черный змий. 6. Алтан — золотое слово. 7. Царь зайцев. 8. Кошка-подвижница. 9. Мышонок. 10. Журавлиная мудрость. 11. Пификово сердце. Часть вторая. 1. Повесть о Петре и Февронии. 2. Повесть о Аполлоне Тирском. 3. Царь Аггей. 4. Авраам. Часть третья. I. Басуркуны (тексты соответствуют вошедшим в сборник «Басуркуны сказки». — Н. Г.). II. Шакал. Сказ кабилский. 1. Дрозд. 2. Кабаниха. 3. Лев в сапогах. 4. Рябка. 5. Песнь шакала. 6. Ловушка. 7. Коза. 8. Воль. 9. Еж. 10. До дна. III. Заяц. Сказ тибетский. 1. Заячья доля. 2. Заяц — добрый. 3. Разные зайцы. 4. Заячий указ. 5. Злой заяц. 6. Звериное дерево. IV. Суфийная мудрость. 1. Из-под овечьей шерсти. Грешник — пьяница — дитя — женщина. Негр. Рабийя. Хромой толкачик. 2. Сказание о шейхе Базиде. Отмеченный. Праведная увертка. Неведение. Самоотречение. Откровение. В пламени. Не выдержал. Легкомыслие. Собака открыла глаза. 3. Зун-Нун. Подвижник. Слепая птица. Целитель. Колецо. Колдовство. 4. Жельв и утки. 5. Халифат и Имамат. Предисловие. Имамы. 1. Джафар Садэг. 2. Бишр Хафи». В книгу должно было войти в качестве предисловия к четвертому разделу третьей части «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“, написанное В. П. Никитиным (см. «Приложение»).

²⁷ См.: *Лурье Я. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат» // Русская литература.* 1966. № 4. С. 176—179.

моиъ в работе Ремизов получал от Никитина.²⁸ В письме к Н. Кодрянской от 9 августа 1947 г. Ремизов делился своими впечатлениями от «восточных» бесед с Никитиным: «Никитин рассказывал о Панчатантре (перевод с французского). Рассказывают два шакала о зверях. Оказывается, есть персидские павлиньи сказки, и есть попугайные — монгольские».²⁹ Подтверждает факт творческого сотрудничества и свидетельство Кодрянской: «Материалы Алексею Михайловичу доставал и переводил с арабского и персидского его долголетний друг и сосед ориенталист В. П. Никитин. Эти сказки вошли в сборник „Павым пером“, последнюю книгу Ремизова, подготовленную им к печати».³⁰ Именно персидские сказки и дали название книге, возможные варианты которого приведены в авторском примечании: «Книга написана павлиньим пером. Вариации в черновиках: 1) Павлинье перо. Деять сказок и татарская.³¹ 2) Павым пером. 3) Павым пером(!). И еще один вариант: Павлиное перо».³²

Мемуаристы пишут также о задуманной Ремизовым книге «Суфийская мудрость»,³³ однако теперь, реконструируя замысел писателя на основании архивных разысканий, можно сказать, что речь идет об одной из частей книги «Павлиньим пером».³⁴ В примечании В. Б. Сосинского отмечено, что писатель работал «по персидским источникам (материалы, сообщенные

²⁸ В письме к итальянскому слависту Ло Гатто от 8 мая 1953 г. Никитин сообщал о Ремизове: «Он всегда очень интересовался Востоком, благодаря чему мы смогли вместе изучить некоторые рассказы XVII столетия восточного происхождения, хотя они проникали в Россию западным путем — польским и чешским» (письмо В. П. Никитина к Ло Гатто (на франц. яз.) (отпуск) см.: ИРАИ, ф. 256, оп. 4, № 14, л. 1). Речь идет о работе над новеллистическим сборником XVII в. «История семи мудрецов», арабским прототипом которого является «Книга Синдбада».

²⁹ См.: *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 69.

³⁰ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 112.

³¹ Этот вариант названия указан в списке книг, представленных Ремизовым в «Опелешник» (анонс в «Мышкиной дудочке», 1953 г.).

³² ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 20, л. 1. Подборка сказок под заглавием «Павлинье перо» (1) Присказка; 2) Под быком; 3) Чуткур; 4) Тигр) была опубликована в 1955 г. в журнале «Возрождение».

³³ По словам Н. Резниковой, в книгу должны были войти «сказанья секты Суфи, тексты которых переводил с персидского сосед, востоковед В. П. Никитин» (*Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания об Ал. Ремизове. Berkeley, 1980. С. 142).

³⁴ Более точно Н. Кодрянская, когда сообщает: «В 1956 году Алексей Михайлович (...) работал над суфийской мудростью. Из этого материала зазвучат на русские лады сказки» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 112). Ср. в авторском примечании к сборнику: «Предлагаемые сказки пишу по материалам книги — монгольские, санскритские, арабские. Из затаенных веков доносит мне голос, и переговариваю по-русски — русскими ладами» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 20, л. 4).

В. П. Никитиным)». ³⁵ Сюда вошли жизнеописания знаменитых суфиев («Рабийя», «Хромой толкачик», «Сказание о шейхе Баязиде», «Зун-Нун»), рассказ в жанре назидательной истории о достопамятных встречах Хасана Басрийского («Грешник — пьяница — дитя — женщина»), персидская версия басни из «Калилы и Димны» («Жельв и утки»), эпизоды из жизни главы магометанских тайновидцев («Джафар Садэг»), изречения западно-халифатского аскета Бишра Босоногого («Бишр Хафи»).

Обращаясь к фольклору Востока и пантеистической теософии суфизма, Ремизов продолжал поиски — те поиски, которые определили его писательскую оригинальность, — глубинных оснований для диалога разных культур, в данном случае Востока и Запада, и находил такую объединяющую основу в фольклорно-мифологическом и религиозно-мистическом сознании.

Всю жизнь Ремизов размышлял о природе художественного творчества, его первоосновах. Как писателя его привлекали те особые состояния сознания, когда уравниваются и влияют друг на друга сон и явь, вымысел и реальность, когда грани между ними становятся зыбкими и взаимопроникаемыми, а мир открывается в новом, неожиданном свете. Достижение такого сумеречного состояния и пребывание в нем — необходимый момент творческого процесса. «Я люблю все, что не „реально“, — отмечал Ремизов. — Описание из „реальной“ жизни для меня как картофельная кожура. Или как упражнение в писательском ремесле». ³⁶ По его мнению, высказанному еще в 1903 г., «нужно высвободиться из-под налетающей пыли житейских впечатлений: И! — такие песни услышим, не „завянут уши“». Тогда и жизнь сама явится в ином виде — другим лицом». ³⁷ Отсюда и призыв Ремизова — «записывайте свои сны», и его собственные многолетние записи снов. В главе «Сонник» неизданной книги «Мерлог» он объясняет причины своего интереса к сфере бессознательного. «Реальная жизнь, — пишет Ремизов, — ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляются чувство „свободы“ и сейчас обнаруживаются чудеса „совместности“ и „одновременности“ действия, немислимые в дневном состоянии <...> Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей пре-

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 21, л. 209. См. «Приложение».

³⁶ Кордянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 96.

³⁷ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подготовка текста и комментарии Антонеллы д'Амелия // *Europa Orientalis*. Roma, 1985. Т. 4. S. 162.

рывности и связанности с бодрствованием „предсказывают“ и „открывают“ будущее». ³⁸

Учитывая постоянное внимание Ремизова к «пограничным» состояниям, к потасненным законам сна и памяти, ³⁹ к передаче интуитивного опыта в слове, можно объяснить его интерес к суфизму — мистическому течению в исламе, обогатившему мировую культуру высокими образцами философской и любовной поэзии. Путь мистического познания Истины в суфизме предполагает высвобождение внутренних сил души, благодаря чему возникает особое видение реальности «глазом сердца» и ощущение ее «чувством ума». ⁴⁰ Следующая стадия мистического опыта — видение Бога; в этом состоянии суфия называли человеком с двойным зрением, ибо ему открывалась, с одной стороны, абсолютная сущность, с другой — безграничное разнообразие явлений. Кратковременность, точнее «вневременность» мистического озарения («хала»), в момент которого и происходит чаемое слияние суфия с Богом, ⁴¹ вызвала трудность передачи в слове этого тончайшего психологического переживания. В суфийской лирике возникает изощренный язык символов (своеобразная «заумь») как «замещенный» язык божественного общения. На мистифицированном языке эротической поэзии велся разговор о богатстве интуитивного знания, о блаженстве самозабвения, о достижении подлинного бытия и в конечном счете о непосредственном явлении божественной сущности. ⁴²

³⁸ Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог». Публ. Антонеллы д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. № 3. С. 229—230.

³⁹ Ср.: «О смерти Авраама я читал в апокрифах и мне приснился Авраам, вознесенный на небеса <...> По моему жаркому чувству, я как бы находился эту минуту с Авраамом <...> Та же острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в „войнстве“ Сатанаила, в <...> крестный час смерти Христа <...> я провожал Петра, когда пропел петух, и раскаяние выжгло мои следы <...> Я с Николаем прошел всю русскую землю и путями друидов от Нанси до Нанта» (Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж: «Оплетник», 1954. С. 95). Показательно, что эту способность Ремизова к «ясновидению» и мысленному перевоплощению Никитин сопоставлял с мистическим опытом мусульманских шейхов. Ср. у Ремизова: «Глаз — на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований)» (Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог». С. 229).

⁴⁰ См.: Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987. См. также: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. М., 1989.

⁴¹ Ср. у Ремизова в «Сказании о шейхе Баязиде»: «Баязид Бистами, персидский шейх суфи 10 века из Бестама. Баязид достиг состояния „аль-фана-фи-Алля“ — исчезновения в Боге, слияния с Ним. Это высшая ступень исламской мистики, соответствует нирване браминов Индии» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 21). См. «Приложение».

⁴² См.: Бертельс Е. Э. Основные моменты в развитии суфийской поэзии // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1. См. также: Бертельс Е. Э. Избр. труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.

Экзотический мир Ближнего Востока, знакомый с детства по сказкам «Тысячи и одной ночи», теперь открылся взору писателя своими новыми гранями, в чем, несомненно, сказалось общение с Никитиным. Пересказ на «русский лад» восточных сказок и назидательных историй, осуществленный Ремизовым в книге «Павлиньим пером», не может рассматриваться лишь как стилизация. Вхождение в новую культурную ситуацию предоставляло писателю новый материал для осмысления природы художественного творчества именно в том направлении, которое он избрал в молодости и которого последовательно придерживался на протяжении своего долгого пути художника. Создаваемая им «субъективная реальность» возникает как особая «зона перехода» между разными сферами сознания (рациональное и иррациональное), разными типами художественного творчества (фольклор и литература). Ремизов интересовался «следами» культур прошлого в современности, художественно-языковой и духовной напряженностью между ее различными состояниями и традициями (Восток и Запад).

Увлеченность Ремизова фольклором, древнерусской книжностью, языком допетровской Руси спускала ему репутацию писателя-стилизатора, «архаиста», работающего на специфическом русском материале. Однако взгляд на творчество Ремизова в целом, включая его прозу эмигрантской поры, свидетельствует, что писатель пытался понять сверхнациональные основы культуры. И поэтому укорененность в русском языке и культуре не мешала ему тонко воспринимать культуру Запада не только в классических образцах, но и в современных ее проявлениях.⁴³ И разве не закономерно признание Ремизова французской литературной элитой, внимание к нему ученых-славистов, каким был удостоен писатель на склоне лет?

Воспоминания Никитина воссоздают бытовую сторону жизни Ремизова. Но эта сторона неотделима от его писательского бытия и от той игро-

⁴³ Ср. мнение Н. Резниковой: «...среди русских писателей трудно назвать кого-нибудь, кто бы так глубоко знал и понимал культуру Запада, как Ремизов. Он прекрасно разбирался в различных течениях в искусстве и мысли Запада, включая самые современные, никогда не застывал на месте и с жадным интересом прислушивался к новому» (*Резникова Н.* Огненная память. С. 62). Ср. полемически заостренное, но не лишненное оснований суждение Н. Ульянова: «Ремизовская манера „выражаться по-русски“ наибольшим успехом пользовалась, кажется, у французов, узревших в ней кладезь своего французского „сюрреализма“. Давно уже нам ясно, что никаким учеником Аввакума и Епифания он не был, а был захвачен литературным анархизмом начала XX века — Андреем Белым, Пименом Карповым, Крученых, Хлебниковым, Бурлюками. Знаменитый его синтаксис и словотворчество — отсюда. А кикиморы, куринасы, коловертыши, гори-цветы, яркулы, шеломайки, русальный гуд — все это маскировка под народность. Народные говоры и допетровскую письменность превратил он в колонию, в источник сырья для футуристической промышленности» (*Ульянов Н.* Свиток. Нью-Хэвен, 1972. С. 51).

вой стихии, в которой он жил и творил. Тип жизненного поведения, избранный в соответствии с созданным самим писателем образом сказочника, чудака,⁴⁴ он не изменил и в годы эмиграции. Где бы он ни жил — в Петербурге,⁴⁵ Берлине⁴⁶ или Париже,⁴⁷ — он сохранял сказочно-игровой антураж своего бытия. «Кукушкина» — комната, давшая название мемуарам Никитина, стала местом, где писатель прожил больше 20 лет, где были написаны его последние книги и где он закончил свои дни.

Текст «Воспоминаний» печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе ИРЛИ в фонде А. М. Ремизова (ф. 256, оп. 2, № 44). В качестве приложения публикуется статья В. П. Никитина «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“», которая печатается по копии (отпуск), хранящейся в фонде А. М. Ремизова в ИРЛИ (ф. 256, оп. 4, № 1).

⁴⁴ См.: *Синявский А.* Литературная маска Ремизова // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* Ed. by G. Slobin. Slavic Studies. Columbus, 1987. Vol. 16. P. 30.

⁴⁵ См., например: *Волошин М.* Алексей Ремизов. «Посолонь» // *Русь.* 1907. 5 апреля (вошло в кн.: *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 508-515); *А.* В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // *Огонек.* 1911. № 44. Приведем описание последней петербургской квартиры Ремизова из неопубликованных воспоминаний В. В. Смиренского: «Стены большой, квадратной комнаты раскрашены пестро и причудливо. Вдоль комнаты протянута нитка, на которой висят, покачиваясь, обезьянки, пауки и всякие чудища. В одном углу, наиболее ярко раскрашенном, в симметричном порядке развешаны игрушки: тут тоже обезьянки, палочки, хвостики, какие-то цветные камни. Одна стена сплошь занята книгами. На столе хозяина с исключительной аккуратностью разложены альбомы и рисунки, крошечные книжечки в старинных цветных переплетах, рукописи. Здесь же, на краю, стоит большой деревянный ящик, в который бережно сложены окурки.

— Когда нечего курить,— объясняет Алексей Михайлович, заметив мой несколько удивленный взгляд,— пригораются и окурки. А без курения трудно работать! <...>

— И стены вы сами раскрасили? — спрашиваю я.

— Не место красит человека,— усмехаясь, отвечает Ремизов,— а человек место. Я эту поговорку помню и потому крашу свое место всегда сам» (ГПБ, ф. 1049, № 3. л. 1, 2).

⁴⁶ См., например: *Алексеев Глеб.* Живые встречи. Берлин, 1923. С. 5.

⁴⁷ См., например: *Arland M.* L'écrivain russe Remizov continue à tisser ses rêves // *Figaro Littéraire.* 1954. 23 janvier; *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов С. 120; *Рутан Avril.* А. М. Ремизов. По воспоминаниям 1948—1957 гг. // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* P. 104.

Воспоминания.

Я не сторонник посмертного разглашения повседневных подробностей о жизни покойного писателя, изображаемого «в туфлях». Подобные мелочи вряд ли помогают в оценке его творчества. В лучшем случае они позволяют узнать вкусы и привычки ушедшего, в худшем тут дело в пустой болтовне и сплетнях. Автор подобных описаний, подчеркивая свою близость к известному писателю, заботится прежде всего о себе, дает понять, как его оценил писатель, откровенничая с ним.

Но, несмотря на мое отрицательное отношение к подобным упражнениям, мне почему-то кажется, что несколько страниц о квартире и комнате, в которой Алексей Михайлович провел больше двадцати последних лет жизни, могут представить некоторый интерес. А я лично как бы прощаюсь с «кукушкиной». Ее больше нет и никогда не будет.

Улица Буало, где в доме № 7 помещалась на II этаже (по-французски, а по-русски на III, так как мы ошибочно считаем этажом так называемое *rez de chaussée*,³ что на уровне улицы) квартира А. М. из трех комнат, носит свое название с 26 октября 1792 г. в память поэта, автора знаменитых «Сатир».¹ До того это была заурядная *rue des Garennes* — сиречь «короличья», в тогдашней деревне Auteuil.

Усадьба Буало находилась на углу улицы Буало и (много позже проложенной) улицы Молитор, пересекая ее, по обе стороны, то есть в нескольких минутах ходьбы от № 7. Буало дружил с Мольером и Расином, но, так как он был у себя собственником долгие годы, они проживали в Auteuil не постоянно, в наемных квартирах, местоположение которых остается невыясненным. Принято только считать, что сохранившийся поныне под своим историческим названием ресторан «Auberge du Mouton Blanc» на *rue d'Auteuil* любил посещать Мольер.

В истории русской, пооктябрьской, эмиграции Auteuil является кварталом Парижа, где, кроме А. М., жили писатели: И. А. Бунин,² Мережковский с Зинаидой Гиппиус,³ Шмелев,⁴ М. А. Алданов;⁵ политические деятели: Н. Д. Авксентьев (председатель уфимского «правительства»),⁶ М. В. Вишняк (секретарь Учредительного собрания),⁷ М. М. Вишавер⁸ и много других, менее известных, рос-

³ первый (цокольный) этаж (*франц.*).

сиян. Об этом и посейчас свидетельствуют две церкви: Знамения Богородицы, Boulevard Etelmans, 87, признающая патриарха Константинопольского, и Православно-Вселенская (русско-католическая, под главенством Папы римского) на rue F. Gerard. А. М. справлял ежегодно панихиду по своей жене⁹ у Знамения, но его самого отпевали в церкви Трех Святителей Московской патриархии, на rue Pétel, что в XV arrondissement, по ту сторону Сены.

Что же касается пищи не духовной, ее поставлял гастрономический магазин братьев Сухановых,¹⁰ со всякой русской снедью и соответствующими напитками; такая же лавка под фирму «Vita» и франко-русский ресторанчик Касьяныча, на rue Michel Ange. Гастрономические продукты, когда набегали деньжата или приносили друзья, забирались у Суханова. Там, особенно под большие праздники, народу ступа непротолченная. Лакомились не одни русские, но и французы. На семгу и икру все падки!

Я набросал фон, на котором протекали дни, месяцы и годы А. М. Должен тут же оговориться, что он, особенно за последнее до кончины время, почти что не выходил из дому, «на волю», по его словам. Разве что как-нибудь «африканский доктор» (Унковский)¹¹ выводил его на прогулку поблизости. Есть, между прочим, фотография, по-моему одна из удачных, где А. М. снят со своей белой палкой слепого у мраморного бюста Л. Н. Толстого, в сквере этого имени, у Сааковского поля.¹²

В годы немецкой оккупации Парижа я часто сопровождал А. М., когда он около полудня ходил в ресторан «Coral», где на кухне, куда он пробирался с заднего хода (А. М. смеялся над одним французом, знавшим русский язык, но ошибавшимся: «с заднего прохода»), русский повар великодушно наполнял его манерку («горячим» (суп, по-московски), в котором иногда оказывался и кусочек мяса. Ресторан, под неожиданным, южноафриканским названием «Coral» (если я не забыл Майн Рида и буров, оно обозначает загон из колючек для скота), был заведением весьма подозрительным, широко отворявшим двери гитлеровской солдатне, распоясавшейся еще у входа. А на оголенной бляхе — Gott mit uns.⁶ По утрам они отбивали шаг сапожищами и будили нас, выкрикивая что-то воинственное. «Законом для скота» заведовала какая-то не то латышка, не то эстонка. Она закрывала глаза на поведение повара, но в один, далеко для А. М. не прекрасный день, почему-то запретила ему впредь подкармливать голодающих соотечественников.¹³

⁶ с нами бог (нем.).

Пора, однако, по существу. О «кукушкиной». Двери квартиры А. М. чаще всего оставались открыты. На них был прикреплен кусочек синей, плотной бумаги с соответствующей надписью по-ремизовски (А. М. прекрасно писал вязью, лучшими образчиками его искусства являются выдававшиеся им грамоты «Об(ез)велволпала», т. е. «Обезьянней Великой Вральной Палаты»,¹⁴ члены которой имели «одни права, никаких обязанностей»; к ней принадлежал Горький). Иногда бывала приколотая белая бумажка, сообщавшая посетителю, что А. М. отсутствует, либо на прогулке, либо у кого-нибудь из русских в этом же доме (но у Н. Н. Евреинова,¹⁵ жившего тут же, А. М. не бывал), либо по делам, или у окулистки и т. п. Все эти бумажки находили затем свое место на левой стене коридора, за вешалкой и столиком, куда складывались №№ газеты «Figaro». А. М. был верным подписчиком, но ее не читал.

Направо от входа стенной шкаф («placard»), где в счастливые дни ютились бутылки вина и коньяка, приносимые лицами, знавшими вкусы А. М. Кроме этих питийных подношений А. М-чу сплошь и рядом вручалась пачка-другая папирос. Курил он нещадно, одну за другой, даже когда стал уже задыхаться («задох» одолевает), говоря, что курение помогает ему откашливаться! Упомянув бутылки, я вовсе не имею в виду пристрастие к ним у А. М. Но он любил «вспрыскивать» успехи друзей, когда мог и сам пригубить рюмочку, а то и бокал, если раскупоривалось шампанское или Asti sprumante в особо торжественных случаях.

От стенного шкафа проход в кухню, ванную и уборную. Когда А. М. был еще здоров и мог передвигаться, он обыкновенно кушал на кухне. В день его 70-летия помню там же Бунина. Он был не дурак выпить и закусить селедкой. То же и А. М. со мною. В дни панихиды по Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, строго соблюдавшейся А. М-чем, в мае месяце, на кухне царило особое оживление, по возвращении из церкви (А. М-ча туда возил Чижов, он же Холмский, когда ежегодно устраивал вечера русских романсов, а также и присяжный парикмахер, когда стриг А. М-ча машинкой, той же, что свою собаку, шутил А. М.; Чижов, шофер, московский студент, поклонник Пушкина, о ком подобрал недурную библиотеку).¹⁶ По языческому обычаю справлялась тризна, иногда устраивались и блины, когда, например, писатель Ульянов¹⁷ прислал из Канады кетовой икры. Но обычно ограничивались бутербродами и чаем. Бывали блинчики. Гости (человек в среднем пятнадцать бывало на панихиде) топтались на кухне и в «кукушкиной», где от табачного дыма не продохнуть. А. М. все это было по

душе. Он любил поговорить и посмеяться с близкими. Однако он был очень недоволен, если в обыденные дни являлись неожиданные посетители. Вся неделя у него была точно расписана для определенных занятий, особенно в последние годы, для чтения добрыми душами, так как зрение его сильно ослабело. Это не мешало ему три-четыре раза перерабатывать текст машинописи, поручавшейся госпоже Гривцовой, в поэзии Горской.¹⁸

Но я опять отвлекся от моей темы, описания жилища. По правую руку, в коридор, который вел в «кукушкину», выходили двери двух комнат, почти что не жилых, где была кое-какая мебель, по главным образом полки с книгами, папками и журналами. Вторую комнату в свое время занимала Серафима Павловна, а после ее смерти (1943 г.) она пустовала, но сохраненная в том же виде, как при ее жизни. А когда состояние здоровья А. М. потребовало постоянно присутствия лица за ним ухаживавшего, в комнате Серафимы Павловны поселилась Ольга Владимировна фон Дервиз, по кличке «Утенок» или «Фурий» (когда А. М., бывший очень капризным, на нее сердился). А. М. скончался на ее руках.¹⁹

В конце коридора находилась кладовка (по-франц. — *débargas*) со всякой всячиной: одеждой, обувью, бельем и т. п. предметами первой необходимости. После освобождения Парижа от гитлеровской оккупации (август 1944 г.), когда возобновились почтовые сношения с внешним миром, к А. М-чу посыпались посылки из США, Мексики и чуть ли не Австралии. У него во всех концах русской Диаспоры были добрые знакомые и друзья. Посылки были со съедобным, но и с принадлежностями гардероба. Одно время в кладовке оказалось чуть ли не две дюжины штанов! Все это, как еду, так и штаны и прочее, что на потребу, А. М. раздавал друзьям. Сам он ограничивался необходимым, а из съестного многого и не любил (например, рис, чем, должен признаться, воспользовался пишуший эти строки, привыкший по Персии к плову). Когда прошел первый порыв доброхотных посылок и таможня стала взysкивать довольно высокие пошлины, А. М. забил тревогу и попросил прекратить этот вид помощи, обходившийся ему слишком дорого, не по карману.²⁰

И вот я, наконец, добрался до «кукушкиной», налево в конце коридора. Необычная комната с одним окном на улицу Буало, где против нашего дома находится гараж, содержимый русским же человеком, сибиряком силищи медвежьей. Рядом с ним была мертвецкая соседнего госпиталя (где скончалась Серафима Павловна, а

до нее умер друг А. М-ча философ Шестов).²¹ Стены этих, а также и угол нашего № 7, около которого выходило окно «кукушкиной», носили следы воздушной бомбежки (3. 6. 1940) Парижа итальянскими летчиками. От нее пострадал и сам А. М., раненый в голову осколками оконных стекол, о чем он упоминает в одной из своих книг.²² Почему итальянцы бомбардировали наш мирный квартал, не имевший никакого военного значения, мне не понятно. Разве что заодно с находящимся по ту сторону Сены автомобильным заводом Citroën, что несколько сот метров от улицы Буало по птичьему полету?

«Кукушкина» носила свое название по тому, что в ней находились часы с гирями и кукушкой, давно испорченные, хотя от времени до времени их заводили, по старой памяти, и кукушка невпопад куковала. Направо от входной двери помещалась кровать-диван. Покрывавшие ее одеяла именовались: тяжелое — слон, под ним легкое, вязаное, розовое — Оля. Около кровати стол, покрытый клеенкой, и на нем довольно большим шкафчиком красовался старомодный радиоприемник. А. М. любил слушать музыку и не стеснялся давать полный ход аппарату, чтобы какая-нибудь опера или симфония производила должный эффект. Не обходилось без протестов соседей, а как-то и сам А. М. должен был выносить пиликание на скрипке над своей головой, по поводу чего состоялась даже любопытная переписка. Это, в повседневном масштабе, иллюстрировало известное изречение А. М-ча: «человек человеку бревно...». Ближе к окну был другой стол, поменьше, письменный, за которым А. М. работал. На этом столе главным лицом, если можно так выразиться, была куколка в черном колпачке, по прозвищу Feuerhämmchen («огневик»?), направо от сидения опиравшийся на коробку человек.²³ Судя по имени, А. М. привез его из Берлина, где он после высылки из России прожил, до переезда в Париж, года два-три.²⁴ В столе было два ящика, правый и левый. Каждый имел свое назначение для хранения денег и деловых бумаг, что А. М-чем строго соблюдалось. Кроме огневого человечка на столе были две пепельницы, будильник, банка с чернилами, голова негра, служившая прессом, и, конечно, жестянка из-под бисквитов, всегда полная папирос, и прочие вещи, которым место на писательском столе.

Однако не писательский стол, а то, что было над ним, заслуживает больше всего описания, а именно веревка, протянутая поперек «кукушкиной». Чего только на ней не было подвешено.

«Там, на неведомых дорожках, следы невиданных зверей. Избушка там на курьих ножках стоит без окон и дверей...». А. М.

войдет в историю русской литературы как большой, своеобразный писатель. Насколько я его знал, он прежде и больше всего сказочник и спотолкователь. Два качества, которые один ученый немец (они, как известно, и обезьяну выдумали) соединил под общим названием своего исследования, озаглавленного «Traum und Märchen», о чем случалось беседовать с А. М-чем.* Сказка порождена, имеет начало во сне. Немец приводит, как полагается ученому (иначе собратья могут высмеять, а то и заклюют), примеры главным образом из сказок тех народов, которые зовут Naturvölker. Я отсылаю желающих углубить затронутую тут тему к немецкой книге и воспроизводить эти доказательства не намерен. Упомяну лишь попутно, что в моих восточнических занятиях меня заинтересовал вопрос о роли сна у персидских мистиков и богословов.

Так или иначе, А. М. очень хорошо пишет о своем призвании сказочника в предисловии к сказкам Наталии Владимировны Кодрянской, чье дарование в этой области он оценивал высоко.²⁵ Все это попросилось под перо по поводу веревки, протянутой в «кукушкиной». Она своей неожиданностью вызвала удивление у лиц, впервые приходивших к А. М-чу. Да и нельзя не удивляться при виде подвешенных на ней рыбьих позвоночников с костями, напоминавших расчески; елочных украшений и разноцветных бархаток; замысловатого искривленного корня, почти что легендарной мандрагоры; человека из теста с изюминками для глаз (подарок моей жены); серебристой, прозрачной кожицы, сброшенной змеей, как ненужный чехол, весною... и т. п., и т. д.! Я, к сожалению, когда это можно было сделать, не удосужился составить подробный инвентарь всей этой ремизовской необычной коллекции, как и он сам — в его татарской тюбетейке и «шкурках» (этим названием обозначались всякие теплые кофты и жилеты, без которых А. М., очень зябкий, не обходился). А нос у него, как он сам говорил, чайником.²⁶ В иллюстрациях к сказке Н. В. Кодрянской «Глобусный человечек» художник Рожанковский в нескольких рисунках изобразил профиль «чайником» А. М-ча.²⁷

Сказанного о веревке в «кукушкиной» достаточно, чтобы читатель представил себе зрелище необычайное. Если он к тому же вообще знаком с творчеством А. М., то само собой ему приходит в голову мысль о всех тех кикиморах, леших, калечине-малечине, карпато-русских унырях и майках и прочей «нечисти», нашедшей в А. М-че своего бытописателя.

* По проверке в моей библиотеке, более точно: «Märchen und Traum, mit besonderer Berücksichtigung des Orients», von Georg Jacob. Hannover, 1923. Orient-Buchrandlung Heinz Lafaire. (Примеч. В. П. Никитина).

Недаром один досужий критик (таких господ А. М., видимо, очень раздражал, не подходил к обычному писательскому двору?) серьезно доказывал, с надлежащими цитатами, что А. М. Ремизов чуть ли не поклонник дьявола, а с чертом он, конечно, свой брат.²⁸ Для меня этот интерес А. М-ча к русской «демонологии», тесно связанный с нашими народными верованиями и сказочным творчеством, является лишним доказательством его исконной и коренной «русскости» уроженца Замоскворечья. Черта врожденная, ее не придумать. Благодаря ей как бы прикасаешься к родной языческой «матери-сырой земле». Если же этого чувства у вас нет, то вы станете бормотать что-то невразумительное о чертовщине, вроде упомянутого критика.

А что касается дьяволопоклонства, то об этом я, по своей восточнической специальности, разуверивал А. М-ча. Мы оба смеялись над зачислением его в ряды курдской секты иезидов.²⁹ Мне кажется, что на нее возвели много напраслины «правверные» мусульмане. В основе ее лежит верование в «Зло», без чего, приходится согласиться, — нам было бы недоступно дорогое нам понятие «Добра». Что же касается ночных радений, со свальным грехом, как в хлыстовстве, то эти «ужасы» я, как и некоторые другие восточники, отношу к клеветничеству господствующей в этих краях религии ислама. Закончу это отступление указанием, что наши закавказские курды принадлежат (теперь следует сказать «принадлежали»?) к этой секте, а среди новейших исследований о социально-экономической ее природе назову Л. Н. Котлова («Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке», изд. Академии наук, 1958).

Возвращаюсь, однако, в «кукушкину». Кое-что о снах. Следовало бы больше, так как, по словам А. М., он не мог себе представить жизнь без снов. Сны ему казались более действительной жизнью, нежели явь. Он их видел еженощно, всегда очень интересные, и, если не ошибаюсь, никогда сновидений не забывал и записывал.³⁰ Записи, надеюсь, сохранились в его бумагах. Он любил их рассказывать и рассказывал так же хорошо, как говоря о своих литературных намерениях. Более того, А. М. толковал многое из Гоголя и Достоевского как бы сквозь призму сна. Одна из последних его книг недаром носит название «Мартына Задеки».³¹

А. М. во сне вел разговоры со своими живыми или уже покойными собеседниками. Очень любопытно отметить по этому поводу в скобках, как я выше указываю, что многие шиитские мыслители³²

* Об иезидах позволяю себе сослаться на мою французскую книгу «Les Kurdes» édition de l'Imprimerie Nationale (Paris, 1956). (Примеч. В. П. Никитина)

отличались подобной же способностью, в такой степени, что если в их разговоре во сне с каким-нибудь имамом им, по пробуждении, что-нибудь казалось неясным, то, вновь пребывая во сне, они переспрашивали того же имама, который опять им снился, и получали от него должное объяснение.

Но «кукушкина» была не только спальней, но и рабочим кабинетом для А. М-ча. Против письменного стола с *Feuertischchen* у стены стояла узкая кушетка, с подушкой, где усаживались посетители. Хотя А. М. уже плохо различал людей, но предпочитал, чтобы они сидели перед ним, а не сбоку. Слышнее? — За спиной А. М. виселись ящики из-под мыла марки Lux, приспособленные очень удачно под библиотечные полки. Такие же ящики, в три этажа, были расположены вдоль левой от входа стены, между дверью и кушеткой. Кроме того, к кушетке примыкал небольшой столик, тоже весь в книгах. На нем лежали словари Даля и Ушакова, служившие для постоянных справок (хотя нужнее всего был бы Срезневский), и несколько записных книжек среднего формата, называвшиеся золотыми книгами (*livres d'or*). Каждый новый гость приглашался А. М-чем расписаться с указанием числа и адреса и что-нибудь нарисовать. Когда рисовал Добужинский, старый друг А. М. по С.-Петербургу («Бесовское действо», пьеса А. М-ча, была поставлена в его декорациях и костюмах),³³ навещавший его на rue Voïseau, то рисунок художника в объяснениях не нуждался, но чаще всего гости изображали по настоянию А. М-ча что-то весьма несуразное. Как бы то ни было, эти записные книжки останутся свидетелями ремизовского окружения за последние годы его жизни.

Я только что упомянул ящики из-под мыла, превращенные в книжные полки. А. М. получал немало книг от разных авторов, зачастую дебютантов, просивших *об* отзыве (я подчеркиваю *об*, так как А. М. считал, что так писать не следует, а всегда *о*, хотя бы и перед гласной; русский язык *об* не употреблял), кое-что покупал, но говорить о библиотеке по-настоящему не приходится. Мне не известно вообще, что стало с его книгами, из-за моей болезни, совпавшей с предсмертными и посмертными днями А. М-ча. Перечислю тут только то, что мне припоминается. Основным фондом, если можно прибегать к этому внушительному термину, являлись разные истории русской литературы, десятка полтора книг русских, польских, английских, итальянских и немецких авторов. Они стоя-

ли в той же части своеобразного «книжного шкафа», что и сочинения самого А. М. (разумеется, не все, которых насчитывается 81, из них 37 написаны в России, с 1907 по 1921 г.).³⁴ Там же находились папки личного архива А. М. и экземпляры некоторых литературных иностранных журналов («Cahiers du Sud», «Nouvelle Revue Française» и т. п.), со статьями А. М. или о нем. У противоположной стены, на таких же полках и на столике у кушетки лежали новоприобретения, среди которых почетное место занимали «Н. К.» Гудзий и тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», самое любимое чтение А. М-ча, с наслаждением погружавшегося в языковую среду XVI и XVII вв., в допетровскую Московскую Русь.³⁵ «Тут русский дух, тут Русью пахнет...».

Были, конечно, у А. М. и тома «Истории СССР», и всякие исследования по русскому языку. Он ведь считал, что «ходить по русской словесной почве» было его главным призванием (см. «Посолонь»)³⁶ Какие-нибудь монастырские поземельные тяжбы, посольские «сказки», перечень дьяков посольского приказа, показания Ваньки Каина — русская речь, не испорченная еще «неметчиной» или сохранившаяся в народном говоре, представляла особую прелесть для А. М. Я лично ему глубоко признателен за все, с чем он меня в этой области познакомил. Но, например, «Словом о полку Игореве» А. М. не восторгался из-за казавшейся искусственной (сусальной?) славянщины, зато «Голубиную книгу» и всякие религиозные сказы он изучал с любовью.³⁷ Нужно ли подчеркивать, что язык Аввакума стоял выше всего другого в глазах А. М-ча, посвятившего протопопу замечательные строки в «Летающем Демоне».³⁸ Добавлю, наконец, что А. М. широко пользовался книгами из библиотеки Школы восточных языков,³⁹ русский фонд которой отличается исключительным богатством, благодаря Paul Boyer, другу русских, долголетнему директору школы.⁴⁰ Профессор Pierre Pascal, преемник Р. Воуе по изучению русской культуры и литературы, много помогал А. М-чу в его сношениях с библиотекой школы. Не забуду упомянуть, что А. М. имел все тома «Grand Larousse Illustré», энциклопедического словаря, к которому он часто прибегал, так как хотел иметь обо всем, что встречалось, точное представление.

Там, где стены «кукушкиной» не были заняты ящиками с книгами, их поверхность была украшена кусками картона, расчерченными геометрическими рисунками и раскрашенными в темных тонах, с преобладанием темно-красного, коричневатого оттенка. Куски прилегали плотно один к другому, прикрепленные кнопками. На одном из них были вделаны или приклеены куски оконного стекла,

воспоминание о бомбардировке итальянской авиацией Luteuil 3. 6. 1940 г. Стенную роспись описанного стиля А. М. называл своими «конструкциями». Он вообще питал большое пристрастие к графике, и «конструкции» удовлетворяли его эстетические вкусы, украшая в то же время «кукушкину» и придавая ее общему виду очень своеобразные черты, которые как-то согласовались, может быть, благодаря зеленой окраске, со всей необычной гирляндой, веревкой с подвешенными на ней, как у колдуна, всякого рода страшными безделушками и вешицами неизвестного для профана назначения. Не хватало лишь пучков каких-нибудь целебных трав и лягушечьих косточек, чтобы почувствовать себя в гостях у чародея, ласково всех принимавшего и смотревшего из-за очков с еле уловимой иронией.

Что «кукушкина» производила какое-то таинственное впечатление своим убранством, свидетельствуют французские репортажи (еженедельник «Nouvelles Littéraires», левая газета «Combat» и т. д.).⁴²

А. М. принадлежал к тому разряду русских писателей, которые, начиная с А. С. Пушкина, оставили нам рисунки на полях рукописей, подобно Виктору Гюго, обладавшему настоящим талантом рисовальщика. Более того, А. М. является автором целого ряда альбомов с рисунками.⁴³ Их продажа была для него известным подспорьем для всегда хромавшего бюджета. Самая значительная часть таких альбомов, насколько я знаю, находится в коллекциях С. Лифаря.⁴⁴ За годы моего знакомства с А. М. чем он нарисовал несколько десятков иллюстраций к «Мелюзине», «Тристану и Изольде»⁴⁵ и т. д.

Теперь мне остается сказать о лицах, посещавших А. М., оживлявших своим присутствием «кукушкину». Мой перечень, разумеется, будет весьма поверхностный. Более полный список — «когда-нибудь монах трудолюбивый...» сможет составить, используя записи в «золотых книгах». О них было выше.

Назову главным образом нескольких русских писателей и поэтов: Б. К. Зайцев,⁴⁶ приходивший из соседнего пригорода — Boulogne, дружески относившийся к А. М. и помогавший устраивать его статьи в газете «Русская мысль»; они часто вспоминали Москву первых годов их выступлений на литературном поприще; Шмелев, живший тоже на улице Буало; его я встречал у А. М. во время гитлеровской оккупации и с удовольствием слушал его русскую речь, хотя не одобрял его сотрудничества с оккупантами.⁴⁷ Одно время часто бывал у А. М. сибиряк, инженер-химик,

Пантелеймонов, оставивший две-три книги недурных бытовых рассказов.⁴⁸ А. М. выправляла пантелеймоновский текст на свой лад, а когда Пантелеймонов показывал его И. А. Бунину, тот вычеркивал «ремизовщину», бывшую ему не по вкусу. По этому поводу упомяну, что Бунин как-то зло обмолвился о А. М. — «Ремизова любят те, кто не знает русского языка».⁴⁹ Известна, однако, и оценка Алексея Толстого (1942): «Всем, что я знаю по русскому языку, я обязан Ремизову».⁵⁰ Регулярно, по воскресеньям, навещал А. М.-ча В. Н. Емельянов, автор «Романа Собаки», живущий рядом, на rue d'Auteuil.⁵¹ Всю неделю Емельянов зарабатывал на жизнь утомительным физическим трудом в каком-то предприятии по изготовлению красок. Бывал иногда у А. М. писатель Л. Ф. Зуров, влюбленный в свою родную Псковщину, о которой он говорит в своей прекрасной книге «Отчина».⁵² Не следует забывать «африканского доктора», Унковского, тоже причастного к литературе, а также А. П. Струве⁵³ (сына П. Б. Струве⁵⁴ и отца Никиты А. Струве, ассистента на кафедре русского языка университета в Бордо).⁵⁵ А. П. Струве хорошо знаком всем русским парижанам как библиофил, обладатель редких русских изданий, принимающий заказы по их розыскам. Он был очень полезен А. М.-чу, доставал для него нужные книги. Тут же следует назвать, в этой же области, Бутчика,⁵⁶ библиотекаря Institut d'Etude Slaves, составителя весьма полезной библиографии русских авторов, переведенных на французский язык, постоянно им дополняемой. Забегал к А. М. его друг по Берлину, музыковед П. П. Сувчинский, евразиец.⁵⁷ Часто приходил Спаский,⁵⁸ специалист по церковным вопросам (А. М. ими всегда интересовался, чему доказательством является его книга о Николае Чудотворце;⁵⁹ он знал все праздники и святцы). Бывал и А. Г. Савченко, сотрудник «Русских новостей» (Дедов).⁶⁰

Из поэтов на первом месте упомяну маститого С. К. Маковского (ремизовская кличка — «копытчик»), бывшего издателя «Аполлона»;⁶¹ В. А. Мамченко,⁶² одного из постоянных воскресных посетителей, очень симпатичного и талантливого; он приходил вместе с художником Сосинским (кличка «барон»).⁶³ Из поэтов назову С. Ю. Прегель (одно время издававшую сначала в США, потом в Париже, журнал «Новоселье»);⁶⁴ упомянутую выше Горскую;⁶⁵ жену В. Н. Емельянова, О. Н. Можайскую;⁶⁶ Аллу Головину.⁶⁷ Приездом из Англии посещала А. М.-ча почтенная Ариадна Тыркова-Вильямс.⁶⁸

Несколько особое место в этом перечне следует отвести Наталии Владимировне Кодрянской.⁶⁹ Главным образом сказочница, она была внимательной ученицей А. М.-ча и, благодаря финансовому положению ее мужа, одновременно его меценаткой. Но

Н. В. Кодрянская живет в США и в Париже бывает только наездом. Тут не место вдаваться в рассуждения о причинах положения в разные эпохи русской эмиграции в Париже. Хочется только упомянуть И. С. Тургенева, являющегося как бы провозвестником литературной эмиграции. Им была создана библиотека, носившая его имя, бывшая культурным центром для русских до расхищения ее гитлеровцами.⁷⁰ Куда они ее увезли, мне неизвестно.

Из нерусских друзей, знакомых, а то просто случайных визитеров прежде всего выделяю особо милейшего графа Иосифа Чапского,⁷¹ поляка, поклонника А. М-ча, по профессии давнишнего парижского художника, сподвижника генерала Андерса и автора трогательной книги «Ziemia Nieuludzka», переведенной по-французски («Terre inhumaine»). Трогательной, так как она повествует о русско-польских отношениях сороковых годов, в Отечественную войну, участником которых являлся ее автор. Чапский весьма объективно излагает эпопею польских вооруженных сил, оказавшихся в Северной России и готовившихся, как предполагалось, бороться совместно с советской армией против гитлеровских захватчиков, но вместо этого попавших, очевидно по воле Сталина, в положение почти что военнопленных в Средней Азии, откуда им в конце концов удалось выбраться через Персию на соединение с западными союзниками, вместе с кем поляки отличились главным образом в Италии, при взятии неприступной вражеской позиции Monte Cassino. Описывая все перипетии безрезультатных переговоров с советскими военными властями, не скрывая испытанной им горечи от всего пережитого, Чапский в то же время отмечает положительные стороны советской действительности — богатство и организованность библиотек, человеческое отношение в госпиталях. Он был для этого как нельзя лучше подготовлен, так как их имение находится в Минской губернии⁷² и он окончил гимназию в С.-Петербурге, а в русской, варшавской, эмиграции был хорошо знаком с Философовым⁷³ и вообще отлично разбирался в русских литературных и общественных течениях. Он, между прочим, написал очень вдумчивую и прочувствованную статью о А. М. в польском парижском журнале «Kultura». Чапский познакомил А. М. с стихами польского поэта Норвида,⁷⁴ о котором мы плохо осведомлены.

Тут приходится к слову сказать, что А. М. питал особое расположение к полякам, хотя и не знал их языка. Его знакомство с ними восходит к ссылке в Усть-Сысольск и Вологду, где среди сосланных у А. М. были знакомые поляки, мастеровые.⁷⁵ Говорил со мною

А. М. также о Савинкове⁷⁶ и Каляеве,⁷⁷ русских из Варшавы, возненавидевших царский гнет благодаря нелепой политике русификации.

Когда я думаю о дружеских отношениях А. М. и Чапского, мне невольно припоминается другой пример, знакомство Пушкинина с Мицкевичем. Дело не в «старинном споре славян между собой». Родившись по месту службы отца (родом петербуржца) в Польше, имея со стороны матери (яркой православной белоруской, уроженкой Вильно) родственников поляков, окончив гимназию в Варшаве, где нас сажали в карцер за разговор по-польски с товарищами, вспоминая расправу полиции и казаков с манифестантами 3 мая (годовщина последней польской конституции до раздела),⁷⁸ — я очень болезненно отзываюсь на польско-русскую вражду, взаимное недоверие, не хочу говорить — ненависть. Мне всегда казалось, что мы можем сговориться и понять друг друга, если найдем в себе достаточно сообразительности и желания забыть прошлое и перестанем прислушиваться к напентываниям тех, кто придерживается принципа *divide et impera*.⁸ Славяне, я уверен, выйдут на широкую дорогу истории, если прекратят свои распри и будут опираться в политической и культурной плоскости на то, что их сближает и роднит, а не «на» то, что их разделяет и восстанавливает друг против друга.

Ярким доказательством возможности русско-польского сговора для меня служат поляки типа Чапского или Ледницкого⁷⁹ и русские, как Герцен, которые, оставаясь преданными своему народу, готовы протянуть дружескую руку соседу к соседу.

Так или иначе, повторяю, А. М. любил поляков, как и его жена, урожденная литвинка, Довгелло,⁸⁰ от которой мне досталось полное собрание сочинений Мицкевича. Добавлю, что А. М. находил в стиле Бестужева-Марлинского польское влияние. Довольно, впрочем, может быть, о славянстве (по-болгарски мы с А. М. читали серьезное профессорское исследование о богумильстве; меня оно интересует отзвуками иранского дуализма, через манихейзм). Упомяну все же навестившую как-то А. М-ча молодую чету. Он — американец, студент Колумбийского университета, подготовлявший диссертацию о Блоке,⁸¹ она — словенка, изучавшая Тургенева. Фамилии не помню.

Обращаюсь к французам, у кого мы, беженцы, нашли приют и возможность свободно говорить и писать о чем угодно, при единст-

⁸ в разделай и властвуй (лат.).

венном условии — не вмешиваться в французскую политику, что вполне понятно. У А. М. в французской писательской среде было много добрых друзей, ценивших его талант. Когда он был еще здоров, то встречался со многими из них на ежегодных светских приемах у госпожи Barbara Church (австриячки, американки по мужу)⁸² в ее богатой пригородной вилле, в частности с сотрудниками самого феешенебельного издательства «Gallimard» («Nouvelle Revue Française» и др.) — Arland,⁸³ Paulhan, Price-Pavain (знающий русский язык). Этих литературных «вельмож» я в «кукушкиной» не видывал, но познакомился у А. М. с Marcel Brion⁸⁴ (не то ирландского, не то шотландского когда-то рода), писателем тоже крупного калибра, получившим, между прочим, миллионную премию принца Монакского. У Бриона был общий с А. М.-чем интерес к немецким романтикам, с Новалисом во главе. Он принадлежит к тем немногочисленным французским литераторам, которые не замыкаются в своей национальной сфере, но считают, что и иностранные писатели заслуживают внимания. У Бриона очень широкий писательский диапазон. У него есть исследования исторические, например о Спартаке; музикологические — о Шумане; фантастическая повесть на тему о городе в Средней Азии, засыпаемом песками; туристическое описание Умбрии; ряд романов. Брион написал о А. М. большую статью в строгом, несколько старомодном журнале «Revue des Deux Monde».⁸⁵ Его жена имеет какое-то отношение к России, кажется через своего деда. По крайней мере она развлекала нас, припоминая слышанные ею в детстве русские слова. Она занимается историей искусства и что-то уже опубликовала (о Сезанне?). Как все люди, зарабатывающие во Франции на жизнь пером и словом (без так называемого *second métier* — какой-нибудь платной синекуры), Брион много трудится: радио, газеты, издательства.

Другой французский писатель (и в то же время чиновник в *Ministère de la Santé Publique*), любивший бывать у А. М.-ча, по фамилии Guigues, итальянского происхождения, гораздо менее плодовитый и известный, нежели Брион, хотя его произведения издаются у Gallimard, что немногим удается. Чаше, чем сам Guigues, почти еженедельно приходила его жена, итальянка, с немецким именем Emma, безвременно скончавшаяся. Очень милая, молодая еще сравнительно (хотя уже бабушка) женщина. Ее смерть всех нас глубоко опечалила. Emma Guigues имела немало знакомых среди издательств. Она делала все возможное, чтобы устраивать рассказы А. М.-ча. Жили Guigues в Passy, квартале, примыкающем к нашему Auteuil. У дома Бальзака, внизу, на глухой улочке Berton имеется

межевой камень, с надписью около него, что тут проходила граница между Seigneuries d'Auteuil et de Passy.

Говоря о статьях А. М-ча, попадавших в французские журналы, уместно назвать тут нескольких дам, занимавшихся переводами его вещей. Писательницу, корсиканку, M-me Bonielli-Vallécalle, Анну Михайловну, по-ремизовски, с которой сотрудничала Елена Александровна Costes (урожденная Холмогорова), по кличке «черпа»,⁸⁶ лекторша русского языка в Школе восточных языков (из-за напыля учащихся там теперь два преподавателя русского языка и шесть или больше лекторш; самой старшей была г-жа Кончаловская, чуть ли не сорок лет учившая в Школе, скончавшаяся в 1957 г.). Г-жа Costes переводила также с помощью M-me Vassole, знакомой, директорши лицея. Особо следует, конечно, назвать Наталию Викторовну Резникову (урожд. Чернову).⁸⁷ Она не только переводчица автобиографической повести А. М. «Подстриженными глазами», изданной по смерти А. М-ча у Gallimard, но в последние годы его жизни ухаживала за ним, как любящая дочь, и ведала его перепиской и архивом, который А. М. ей и завещал. Он знал ее еще ребенком в России. Ее сестра, близнячка, замужем за Владимиром Андреевым, сыном Леонида Андреева, служащим в секретариате ООН.⁸⁸ Присяжным переводчиком А. М. был, как известно, Jean Chuzeville,⁸⁹ по прозвищу Chanoiné, знавший его еще по Москве. Но Chuzeville уже много лет как оставил Париж и живет в Риме. Когда он бывал у А. М., то мастерски готовил на кухне, надевши фартух, вкусные блюда. От его воспитания в семинарии у Chuzeville сохранилась какая-то, я бы сказал, вкрадчивая споровка католического pater'a. Профессор Pierre Pascal (женат на русской, автор исследования об Аввакуме, его докторская диссертация)⁹⁰ захаживал от времени до времени, любил беседовать с А. М. на русские, литературные и языковые темы. Но он слишком занят делами своей кафедры в Сорбонне, где подготавливает кандидатов на так называемую agrégation (соответствует как-то советской кандидатуре?), чтобы бывать чаще. К А. М-чу охотно приходила литературная французская молодежь. Назову, например, Bisiaux. Он начинает уже приобретать писательское имя, но в те годы он с ему подобными были еще робкими дебютантами, им издавался пупленький, никому, вероятно, не известный, журнальчик по названию «84»,⁹¹ которое соответствовало номеру дома, где он жил, на L'Île Saint Louis, в самом сердце Парижа, неподалеку от Notre Dame. Журнал был полон самых передовых образчиков дерзающей прозы в духе, напоминающем декадентов и символистов. Глава последней школы, Supervielle,⁹² был знаком с А. М-чем, питавшим некоторую

слабость к символизму. Припоминаю еще французского молодого поэта с неожиданно русско-татарской фамилией Ибрагимов,⁹³ студента-медика, приехавшего с женой, школьной учительницей, тоже не чуждой поэзии, из Sainte Genéviève (местечко в окрестностях Парижа, где Русский Дом призерения и кладбище, населенное уже, если можно так выразиться, многими громкими и менее звучными именами).⁹⁴ Измаилов читал и подносил А. М-чу свои поэмы. Я забыл фамилию французского писателя, автора симпатичной книжки о Советской России под заглавием «Mon ami Vassia». Он описывает в ней среду рудокопов Донецкого бассейна, куда он попал по недоразумению после занятия Советской Армией Румынии, где он был журналистом.

Прежде чем расстаться с французской писательской братией, хочу отметить, что А. М. высоко ценил любовное отношение, своего рода инетет, французов к родному слову и тщательную литературную обработку, шлифовку, по смыслу и по звучанию. Это и есть, говорил А. М., настоящее *métier*, т. е. «ремесло», добросовестное выполнение своего дела. «Звучание» играло большую роль в литературной деятельности у А. М-ча. Кроме *métier* А. М. оценивал по содержанию, по смыслу — *sensibilité nouvelle* — новое восприятие, новая чувствительность, по-новому отзывающаяся на выдвигаемые теперешними условиями жизни вопросы. Но выражение «социалистический реализм» было непонятно А. М-чу, как он не понимал также, почему его кое-кто причисляет к «формалистам».

Итальянский специалист по России, проф. Ettore Lo Gatto,⁹⁵ бывая во Франции, всегда заглядывал к А. М-чу, подносил свои труды и был его настоящим другом. Закончу мое очень, повторяю, беглое описание «кукушкиных» посетителей группой лиц восточных. Среди них фигурировал японец, профессор русской литературы в Токийском университете; писатель-армянин Месроп, поклонник Советской России (в его очередном романе героем был попавший ребенком к бедуинам — во время пасальственного переселения армян турками в войну 1914—1918 гг. — юноша, выросший среди арабов, но в зрелые годы почувствовавший себя армянином, и т. д.), и приведенный мною мой старый приятель Абд-оль-Хусейн Санати Задэ Кермани, автор ряда исторических романов.⁹⁶ После интересной беседы мы втроем ходили сниматься к фотографу на rue d'Auteuil (у него сейчас в витрине хороший большой портрет А. М-ча). Любопытнее всего, однако, не эта фотография с А. М-чем и Санати Задэ, дорогое воспоминание, но неожиданный и смутивший добрейшего А. М-ча жест писате-

ля-перса, поцеловавшего при прощании его руку. Санати Задэ объяснил мне, что в его глазах А. М. является как бы шейхом (старцем, главою) дервишеского ордена!

Отреченность от мира сего, приличествующая мистик-дервишу, стремящемуся к слиянию с Божеством, поразила моего тегеранского друга при виде того, что, когда мы пошли к фотографу, А. М., уходя из квартиры, оставил дверь незапертой (как он это обычно делал, после того как, однажды, вернувшись, не мог, без помощи слесаря, открыть дверь...) ⁹⁷

Как я указываю в начале данного описания, не будучи литературным критиком, я не ставил себе задачей оценку творчества А. М. В ожидании надлежащего труда на эту большую тему, сошлюсь на статью Чапского в журнале «Preuves» ⁹⁸ и введение М. Arland к французскому переводу «Les yeux tondus». Кроме того Н. В. Резникова имела в виду издать посмертный сборник, содержание которого А. М. наметил еще при жизни, ⁹⁹ тогда как перу Н. В. Кодрянской принадлежит книга «Беседы с А. М. Ремизовым», имеющая вскоре появиться. ¹⁰⁰ Что же касается «кукушкиной», то мне хотелось просто дать некоторое представление об обстановке, в которой жил и работал А. М.

Mortcerf, 17. 6. 1958.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буало Никола (1636—1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма.

² И. А. Бунин жил в квартале Отей на ул. Жака Оффенбаха в доме 1 с 1922 г.

³ Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус переехали в Париж из Варшавы в октябре 1921 г. и жили на ул. Колонель Бонне, в доме 11-бис в Пасси.

⁴ И. С. Шмелев (1873—1950) в описываемый период жил в Париже на ул. Буало, в доме 91. О нем см. главу «Центурион» в кн.: *Ремизов А. М.* Мышкина лудочка. Париж, 1953. С. 151—158.

⁵ Марк Александрович Алданов (наст. фам. — Ландау) (1889—1957) — писатель, автор исторических романов, сотрудник «Современных записок», «Иллюстрированной России» и других эмигрантских журналов и сборников.

⁶ Н. Д. Авксентьев (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров, министр внутренних дел во Временном правительстве, в 1918 г. член Директории, избранной на Уфимском совещании; в 1920—1940 гг. один из редакторов журнала «Современные записки».

⁷ М. В. Вишняк (1883—1976) — член партии эсеров, один из редакторов журнала «Современные записки». Автор мемуаров «„Современные записки“: Воспоминания редактора» (Indiana Univ. Publications, 1957).

⁸ М. М. Винавер (1862—1926) — один из основателей кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы, председатель Еврейского историко-этнографического общества. Редактор журнала «Звено». Автор мемуаров «Недавнее. Воспоминания и характеристики» (Париж, 1926).

⁹ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло умерла 13 мая 1943 г.

¹⁰ Об И. Н. Суханове см.: *Ремизов А. М. Мышкина дудочка*. С. 48—53.

¹¹ Владимир Николаевич Унковский (1888—1964?) — литератор и беллетрист, врач по образованию. Был знаком с Ремизовым еще в 1910-е годы, являясь почитателем его творчества (см. его письма к Ремизову за 1915—1919 гг.: ИРАИ, ф. 256, оп. 3, № 214). Под именем «африканского доктора» выведен в мемуарных книгах Ремизова; см., например, главу «Золотые туманы» в книге «Встречи. Петербургский буерак» (Paris, 1981). Автор романа из эмигрантской жизни «Перелом» (Париж, 1934), путевых заметок об Африке «В мире экзотики. Из личных впечатлений» (Числа. 1934. № 10. С. 265—270), юбилейной статьи о Ремизове «А. М. Ремизову — 80 лет» (Возрождение. 1957. № 66. С. 32—57).

¹² Фотография (1956 г.) воспроизведена в книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959. Между С. 96 и 97).

¹³ Об этом эпизоде см.: *Ремизов А. М. Мышкина дудочка*. С. 124—128.

¹⁴ Об «Обезвелопапе» см.: *Ремизов А. М.* 1) Ахру. Повесть петербургская. Берлин; Пб.; М., 1922; 2) Взвихренная Русь. Париж, 1927. См. также: *Гречишкин С. С.* Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной Палате» Ремизова // *Studia Slavica*. Budapest, 1980. Т. 26, № 1—2.

¹⁵ Николай Николаевич Евреинов (1879—1953) — режиссер, драматург, историк и теоретик театра. В «Обезьяньей палате» имел знак «комедианта». По воспоминаниям Ремизова, «Евреинов бесподобно читал на вечерах „Кикимору“ <...>, передавая задор и жуль ее „га“ и „ха“» (*Ремизов А. М. Мышкина дудочка*. С. 42; см. также с. 33—41 и др.). На смерть Евреинова Ремизов откликнулся статьей-некрологом «Потихоньку, скоморохи, играйте (о Н. Н. Евреинове)» в газете «Новое русское слово» (1953. 1 ноября) (включена в кн.: «Встречи. Петербургский буерак»).

¹⁶ Г. Чижов имел знак «обезьяньего куафера». О нем см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания об Ал. Ремизове. Berkeley, 1980. С. 100—101.

¹⁷ Николай Иванович Ульянов (1904—1985) — историк, писатель, публицист, автор исторического романа «Атосса» (1952), рассказов, статей на философские и литературные темы (см.: *Ульянов Н. И.* Диптих. Сб. статей. Нью-Йорк, 1967; 2) Скрипты. Сб. статей. Ann Arbor, 1981), ряда исторических исследований. Две статьи, посвященные творчеству Ремизова, вошли в сборник «Свиток» (Нью-Хэвен, 1972). О нем см.: Отклики. Сб. статей памяти Н. И. Ульянова. Нью-Хэвен, 1986. Эпизод, описанный в «Воспоминаниях», отражен Никитиным в записной книжке: «Блины с кетовой икрой, что Ульянов прислал из Монреаля, сеledкой, сметаной и топленым маслом — были выше всякой похвалы» (запись от 4 марта 1954 г.).

¹⁸ Антонина Алексеевна Гривцова (псевд.— Антонина Горская; 1893—1972) — поэтесса, автор стихотворных сборников «Раздумья» (Париж, 1938), «Тревога» (Париж, 1947), «Ограда» (Париж, 1960); ею написана статья «Памяти А. М. Ремизова» (Возрождение. 1968. № 193).

¹⁹ О последних часах жизни Ремизова рассказано Н. В. Резниковой в книге «Огненная память».

²⁰ См., например, письмо Ремизова от 20 октября 1955 г. к В. Ф. Маркову в США: «Как я ни зарюсь, а вынужден отказаться — не посылайте мне съедобного соблазна — пошлина меня задушит. Лучше вложите в письмо сколько-нибудь, а я куплю необходимое в Париже» (*Wiener Slawistischer Almanach*. 1982. Bd 10. S. 429—430), а также письмо от 24 октября 1955 г.: «Приношу мою благодарность за чай и

сахар, хлеб и кофий и натканные в посылаку „шкурки“: приготавливаюсь к койцу ноября к встрече таможенника-почталовца» (Ibid. S. 430).

²¹ С А. И. Шестовым (1866—1938) Ремизова связывала многолетняя дружба, начавшаяся в Киеве в 1904 г. Он являлся постоянным персонажем автобиографической прозы Ремизова и его спов. См.: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 86—87. Ремизовым была написана статья-некролог «Памяти Льва Шестова» (Последние новости. 1938. 24 ноября; см. также: *Ремизов А. М.* Встречи. Петербургский буерак. С. 267—269).

²² См.: *Ремизов А. М.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 314—320.

²³ Ср. у Н. В. Резниковой: «Под лампой — Фейерменхен, матерчатый человек, гном или клоун <...> в черном колпачке, с грустным и ласковым взглядом. Фейерменхен — дух огня, от него свет и тепло» (*Резникова Н. В.* Огненная память. С. 32). Ср. рассказ Ремизова: «В Берлине первым появился *цверг* — *Feuermännchen*, и он вызвал ко мне целый мир ни на что не похожих, загадочных существ» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 120).

²⁴ В Берлине Ремизовы прожили с августа 1921 по ноябрь 1923 г.

²⁵ Н. В. Кодрянская (1904—1983) — детская писательница, ученица Ремизова, его друг и доверенное лицо. В предисловии к «Сказкам» Кодрянской (Париж, 1950) Ремизов писал: «Сказочником не делаются, а рождаются. Заглушить в себе охоту сказывать нельзя. И невольно потянет сказывать на новый лад старое сказанное, или подхватить, как песню, и ее разделить по-своему. Так случилось со мной после моей „Посолони“, я перешел к сказочным материалам, я прислушивался к голосам из веков и продолжал эти голоса, наполняя своим» (с. 12). См. также его рецензию на книгу Кодрянской под заглавием «Дар сказывания» (Грани. 1953. № 18). По мнению Ремизова, «душа Кодрянской овевана сказкой <...> Сказки Кодрянской — поэзия и волшебство. Ее глаз проникает в жизнь вещей» (*Кодрянская Н.* Сказки. С. 15).

²⁶ Ср. описание внешности Ремизова у Кодрянской: «...нос чайником, вздернутый над улыбкой, большим лягушечьим ртом» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 11—12).

²⁷ *Кодрянская Н.* Глобусный человек. Сказочное путешествие. Иллюстр. Ф. Рожанковского. Париж, 1954. Ремизов сообщал В. Ф. Маркову: «А в „Глобусном человеке“ вы узнаете меня — так зорка рука художника Рожанковского» (*Wiener Slawistischer Almanach.* Bd 10. S. 442).

²⁸ После осуществленной Ремизовым обработки апокрифов и «отреченных повестей» у него сложилась репутация в литературных кругах как о «дьяволопоклоннике». Ср. также замечание Н. И. Ульянова о Ремизове: «О черте он во всяком случае знает больше, чем о Боге» (*Ульянов Н.* Свиток. Нью-Хэвен, 1972. С. 56).

²⁹ Йезиды (езиды) — секта внутри ислама, к которой принадлежит большинство курдов. Религиозный культ иезидов содержит элементы зороастризма, иудаизма, христианства и ислама. Доктрина иезидов изложена в эзотерических «Книге откровений» и «Черной книге». См.: *Никитин В.* Курды. Пер. с франц. М., 1964. С. 324—329.

³⁰ О роли снов в формировании своей творческой индивидуальности Ремизов рассказал в книге «Иверень. Загогуины моей памяти» (Berkeley, 1986. С. 22—24). См. также: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 122—124.

³¹ *Ремизов А. М.* Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954. Толкование творчества Гоголя и Достоевского «сквозь призму сна» дано в книге Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Paris, 1954).

³² Шиизм — одно из основных наряду с суннизмом направлений в исламе.

³³ См. главы «Ремизовское „Бесовское действо“» и «Ремизов» в кн.: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987.

³⁴ В эмиграции было издано 45 книг Ремизова.

³⁵ Об интересе Ремизова к изучению древнерусской литературы в СССР свидетельствуют его письма к В. И. Малышеву, опубликованные С. С. Гречишкиным и А. М. Панченко (*Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год.* Л., 1979. С. 203—215).

³⁶ *Ремизов А. Посолонь.* СПб., 1906. «Моя „Посолонь“ — ведь это не выдумка, не сочинение — это само собой пришло — дыхание и цвет русской земли — слова» (*Ремизов А. Иверень.* С. 25).

³⁷ См., например, книги Ремизова «Голубиная книга» (Гамбург, 1946; вышла без ведома автора), «Образ святого Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (Париж, 1931).

³⁸ См.: *Ремизов А. М. Пляшущий демон. Танец и слово.* Париж, 1949. См.: *Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву.* С. 207 и след.

³⁹ Школа восточных языков (Ecole de Langues Orientales) в Париже основана в 1669 г. (в настоящее время — Национальная школа живых восточных языков); в программу изучения и преподавания входили не только языки Ближнего и Дальнего Востока, но и Восточной Европы, в том числе русский. С. П. Ремизова-Довгалло с 1924 по 1939 г. при курсе русского языка читала курс по славяно-русской палеографии.

⁴⁰ Буайе Поль (1864—1949) — французский славист; знакомство с ним Ремизова состоялось в 1910 г. (см. письмо П. Буайе к Ремизову от 21 июня 1910 г.: ГПБ, ф. 634, оп. 1, № 63).

⁴¹ Паскаль Пьер (Петр Карлович, 1890—1983) — французский славист, крупнейший специалист по допетровской Руси и, в частности, по творчеству протопопа Аввакума, почетный профессор Школы восточных языков (1937—1950) и Сорбонны (1950—1960). См.: *Водов В. (Wodoff W.). Пьер Паскаль [Некролог] // Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1990. Т. 43. С. 434—436. Ремизовым было написано послесловие к статье Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР» (*Русские записки.* 1939. № 18). О нем см. в «Мышкиной дудочке» в главе «Чудеса в решете» (с. 13, 15). Ученому принадлежат несколько статей о Ремизове (*Русская мысль,* 1968. 9 мая; *La Quinzaine Littéraire.* 1978. № 285). Ср. рассказ К. Померанцева о выступлении П. Паскаля на вечере памяти Ремизова: «Паскаль «говорил» о корнях ремизовского языка. Это было нечто необычайное: не только эрудиция, но и тончайший анализ своеобразия литературного явления, не отделимого от сущности содержания и личности автора» (цит. по: *Ремизов А. Иверень.* С. 363 (примеч. О. Раевской-Хьюз)).

⁴² По свидетельству Н. Резниковой, в 1947 г. в газете «Combat» появилась статья М. Арляна «Птица Ремиз». См. также: *Arland M. L'écrivain russe Remizov continue à tisser ses rêves // Figaro Littéraire.* 1954. 23 janvier.

⁴³ В конце 1933 — начале 1934 г. в Праге Н. В. Зарецким была устроена выставка, на которой экспонировалось свыше тысячи рисунков Ремизова. См. также: *Slobin G. The Writer as artist // The Catalogue of the Exhibition of Aleksei Remizov.* Amherst, 1985.

⁴⁴ Сергей Михайлович Лифарь (1905—1987) — танцовщик и балетмейстер, автор монографии «История русского балета. От 17 в. до „Русских балетов“ Дягилева» (Париж, 1945), коллекционер. О нем см.: *Ремизов А. М. Пляшущий Демон.* С. 27—28.

⁴⁵ Мелюзина и Брунцвик. Париж: «Оплешник», 1952; Тристан и Изольда. Бова Королевич. Париж: «Оплешник», 1957.

⁴⁶ Борис Константинович Зайцев (1881—1972), эмигрировавший в 1922 г., поселился в Булони.

47 В годы оккупации Парижа И. С. Шмелев сотрудничал в коллаборационистских изданиях.

48 Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888—1950) — писатель, автор сборников рассказов «Зеленый шум» (Париж, 1947), «Звериный знак» (Париж, 1948). О нем см.: Ремизов А. М. Мышкина дудочка. С. 132-150; Резникова Н. В. Огненная память. С. 101. По словам Ремизова, «Бунин, как и Шмелев, появились после смерти Серафимы Павловны. Шмелев приходил редко. А Бунин приходил с Пантелеймоновым: Пантелеймонов приносил водку и закуски, мы обыкновенно сидели на кухне. Говорил Бунин, уничтожая Достоевского. Да и Гоголю попадало: лубок» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 118).

49 О сложных отношениях Бунина и Ремизова см.: Кодрянская Н. В. Встречи с Буниным // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84, кн. 2. С. 342—348. Ср. суждение Ремизова в письме к В. Ф. Маркову от 10 июля 1956 г.: «Был еще фрукт — Бунин, хорошо описывал погоду и памятаивый на мужичкие выражения — „русский стиль“» (Wiener Slawistischer Almanach. Bd 10. S. 436).

50 По свидетельству Н. Резниковой, эти слова были сказаны А. Толстым И. Чапскому в Ташкенте в 1942 г. и приведены последним в книге воспоминаний «Terre inhumaine» (Paris, 1949) (см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 65). См. также: Czapsky J. Rencontre avec Remizov // Preuves. Paris, 1954. № 42. P. 33.

51 Виктор Николаевич Емельянов (1894—1963) — писатель, автор романа «Свидание Джима» (Париж, 1964) и др.

52 Леонид Федорович Зуров (1902—1971) — писатель, автор сборника рассказов «Отчина» (Рига, 1923), романов «Древний путь» (Париж, 1934), «Поле» (Париж, 1938) и др.

53 Алексей Петрович Струве (1899—1977) — библиограф.

54 Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — социолог, экономист, литературный и общественный деятель, редактор журнала «Русская мысль» (Пб., 1907—1918; София, 1921; Прага, 1922—1923), в годы эмиграции — газет «Россия» (1927—1928), «Возрождение» (1925—1927), «Россия и славянство» (1928—1934).

55 Никита Алексеевич Струве (род. 1931) — славист, профессор Сорбонны, специалист по русской литературе XX в. Автор мемуаров «Встречи с писателями. 1. Ремизов. 2. Бунин» (Вестник русского христианского движения. 1971. № 100. С. 306—309).

56 В. В. Бутчик — библиотечкарь Института славяноведения при Парижском университете.

57 Петр Петрович Сувчинский (1892—1983) — музыковед, один из лидеров евразийского движения, входил в редакцию ряда евразийских сборников «Исход к Востоку», «На путях», «Евразийский временник» и др., являлся соредактором журнала «Версты». В одном из своих писем к Кодрянской Ремизов отмечал: «Меня всегда радует П. П. Сувчинский: с ним в кукушкину входит музыка» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 43). См. также: Ремизов А. М. Неизданный «Мерадог». Публикация Антонеллы д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. № 3. С. 246.

58 См., например: Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. (По современным мнениям). Париж, 1951. См. о нем: Ремизов А. М. Мышкина дудочка. С. 150.

59 К образу Николая Чудотворца Ремизов обращался не однажды. Посылая В. С. Мирялобову «николину притчу» «Золотое стремя», Ремизов сообщал: «До чего хороши и теплы народные былички о батюшке Николае Угоднике Милостивом!» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 998, л. 6; письмо от 4 января 1916 г.). См.: Ремизов А. Николины притчи. Пг., 1917.

60 А. Г. Савченко (псевд. — А. Дедов) — журналист, в издательстве «Опасник» взял на себя обязанности корректора. См.: *Ремизов А. М.* Письма к В. И. Малышеву. С. 204–205, 212. На смерть Ремизова Савченко откликнулся статьей в газете «Русские новости» (1957. 6 декабря).

61 Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт, художественный критик, мемуарист, редактор журнала «Аполлон» (1909–1917). О нем см.: *Ремизов А. М.* Мышкина дудочка. С. 44–45.

62 Виктор Андреевич Мамченко (1901–1982) — поэт, автор стихотворных сборников «Тяжелые птицы» (Париж, 1936), «Звезды в аду» (Париж, 1946), «В потоке света» (Париж, 1949), «Земля и апрель» (Париж, 1951), «Воспитание сердца» (Париж, 1964) и др. О нем см.: *Ремизов А. М.* В розовом блеске. С. 314–315.

63 Владимир (Бронислав) Брониславович Сосинский (1903–1987) — художник и литератор, муж младшей сестры Н. В. Резниковой — Ариадны. О нем Ремизов писал в 1952 г.: «Бронислава Сосинского знаю с 25 лет [...] До войны Сосинский помогал мне в моих работах. Более образцового секретаря не умею кого назвать, а корпю над буквой считай подавляю [...] Чем я ему за его труд платил? Да моей работой: мое словесное — его страсть, стало быть, никакой и самой благородной валютой не покрывается» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 4. № 26, л. 1).

64 Софья Юльевна Прегель (1897–1972) — поэтесса, автор стихотворных сборников «Разговор с памятью» (Париж, 1935), «Полдень» (1939), «Берега» (1953) и др. В 1942–1950 гг. — редактор и издатель журнала «Новоселье». Была чтицей у Ремизова в 1954 г. Ср.: «Путешествие послов XVI—XVII вв. читает Софья Юльевна Прегель — лучший из моих чтецов» (*Кодряжская П.* Алексей Ремизов. С. 43).

65 См. примеч. 18.

66 Ольга Николаевна Можайская (наст. фам. — Емельянова; род. 1896) — поэтесса, автор поэмы «Разлука и верность» (Париж, 1963) и статей о творчестве Н. Оцуца, А. Лхматовой, М. Цветаевой.

67 Алла Сергеевна Головина (урожд. бар. Штейгер; 1909–1987) — поэтесса, участница стихотворных сборников «Круг», «Якорь» и др., автор сборника «Лебединая карусель» (Берлин, 1935).

68 Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) — писательница, общественная деятельница, член кадетской партии. Автор мемуаров «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952). Сотрудничала в газете «Северный край» (Ярославль), куда Ремизов посылал свои произведения. Ей принадлежит рецензия на книгу Ремизова «Подстриженными глазами» (Возрождение. 1952. № 24).

69 См. примеч. 25.

70 О русской библиотеке в Париже см.: Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева. Сотрудники, друзья, почитатели. Paris, 1987 (рецензия: Вопросы литературы. 1988. № 9).

71 Иосиф (Юзеф) Гутен-Чапский (1896–1993) — художник-авангардист, литератор. В 1942 г. был сотрудником штаба генерала Андерса в Янги-Юле под Ташкентом. После окончания войны вместе с другими офицерами и солдатами армии Андерса был лишен польского гражданства и с тех пор поселился в Париже. Отрывок из книги Чапского «На жестокой земле», повествующей о встречах с А. А. Лхматовой в Ташкенте, опубликован: *Ахматова Анна.* Requiem: В 5 кн. М., 1989. С. 170–174. См. о нем: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 101. См. также примеч. 50.

72 В имени Чапских «Морды» останаывались Мережковские в конце 1919 — начале 1920 г., по пути из Петрограда в Варшану.

73 Дмитрий Владимирович Философов (1872--1940) — критик, публицист, близкий друг Мережковских, вместе с ними 25 декабря 1919 г. покинул Петроград. Жил в Варшаве.

74 Норвид Циприан Камиль (1821--1883) — польский поэт, творчество которого получило признание в начале XX в. Ремизов писал В. Ф. Маркову 5 октября 1956 г.: «Когда выучите польский язык, обратите внимание на поэзию Норвида» (Wiener Slawistischer Almanach. Bd 10. S. 439). См. также: Ремизов А. Иверень. С. 200.

75 См.: Ремизов А. Иверень. С. 158--159 и др.

76 Б. В. Савинков (лит. псевд. -- В. Ропшин; 1879--1925) — один из главных руководителей боевой организации эсеров, прозаик и поэт, автор романов «Конь бледный» (1909), «То, чего не было» (1914) и др. Ремизов познакомился с Савинковым в вологодской ссылке. См. очерк о нем в книге «Иверень» (С. 264--272).

77 И. П. Каляев (1877--1905) — член боевой организации эсеров, непосредственный исполнитель террористических актов против членов царской фамилии. См. о нем: Савинков Б. Воспоминания // Былое. 1917. Кн. 24. С. 68--110. Ремизовым совместно с Каляевым был переведен этюд С. Пшибышевского «Госка» (см.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Сост., подгот. текста и примеч. П. Альберта Енеена и П. У. Меллера. Copenhagen, 1976).

78 Имеется в виду конституция Речи Посполитой, принятая 3 мая 1791 г. В 1795 г. произошел третий, последний раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией.

79 Ледницкий Вацлав (1891--1967) — известный польский славист, жил в США. См.: Новый журнал. 1967. № 89. С. 263--266.

80 О происхождении рода Довгело (исконное написание — Довкгело) см.: Бунич-Ремизов Б. Б. Из воспоминаний о семье С. П. Ремизовой-Довкгело // ИРАИ, ф. 256; оп. 2, № 54.

81 Речь идет о Ф. Д. Риве (F. D. Reeve), американском слависте, авторе монографии о Блоке «Alexandr Blok. Between Image and Idea», (New York; London, 1962). Согласно записям В. Никитина, он посещал Ремизова в марте-мае 1956 г. («Remizoviana. 1956», л. 7, 10).

82 Генри Чёч возглавлял журнал «Mesures», где печатался и Ремизов. См. главу «Гиппопотам» в «Мышкиной дудочке» (С. 167--171).

83 М. Арлян с 1953 по 1977 г. совместно с Ж. Поляном издавал журнал «La Nouvelle Revue Française». Автор статьи о Ремизове в газете «Combat» и предисловия к французскому переводу повести «Подстриженными глазами», вышедшему в издательстве «Gallimard» в 1958 г. (перевод Н. В. Резниковой). Им написан некролог Ремизову в журнале «La Nouvelle Revue Française». См.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 129.

84 Брион Марсель (р. 1895) — французский писатель, автор ряда книг и эссе на музыкальные, исторические, искусствоведческие темы. Ремизов сообщал В. Ф. Маркову в письме от 22 ноября 1955 г.: «О Моцарте вышла хорошая книга Marcel Brion, автор о Шумане» (Wiener Slawistischer Almanach. Bd 10. S. 432).

85 См.: Brion Marcel. Alexei Remizov // La revue des deux Mondes. 1954. № 4. P. 726--736. В. Никитин в записи от 25 февраля 1954 г. отметил: «Очередная сенсация — статья Marcel Brion'a», в записи от 25 марта того же года: «Мнение о статье Brion'a А. М. Ремизова — „доброе известие“» («Remizoviana. 1954»: ИРАИ, ф. 256, оп. 2, № 41, л. 8, 11). См. также его статью к памяти Ремизова в газете «Le Monde» (1958. 25--26 March).

⁸⁶ Е. А. Холмогорова (Costes) участвовала в переводах произведений Ремизова на французский язык и пропагандировала его творчество, предлагая для экзаменов ремизовские тексты, что, однако, не всегда встречало поддержку французских русистов. См. запись Никитина от 4 февраля 1954 г.: «Холмогорова пишет, что для экзамена выбрали „Деревню“ Бунина, а не что-нибудь ремизовское. А. М. морщится, так как Бунин описывает деревню не существующую» («Remizoviana. 1954», л. 5). Ср. также запись от 25 марта 1954 г.: «Предадали „В розовом блеске“ — 2 члена комиссии, а А. Mason — против — „областной язык“» (там же, л. 11 об.)

⁸⁷ Наталия Викторовна Резникова (урожд. Колбасина, удочеренная В. М. Черновым) — близкий друг и душеприказчик Ремизова, переводчик его произведений на французский язык, автор мемуаров «Огненная память».

⁸⁸ В. А. Андреев (1902.—1976) — поэт, прозаик и мемуарист, муж сестры Н. В. Резниковой — Ольги; в 1957 г. вернулся в СССР. См.: *Андреев В.* История одного путешествия. М., 1974.

⁸⁹ Шюзевиль Жан — поэт, критик, переводчик русской литературы. В 1912 г. приехал в Россию. См.: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 200—201. См. его работы о Ремизове: *Chuzeville J.* 1) *En guise de preface // Sentiers vers l'invisible.* Tr. J. Chuzeville. Paris, 1945; 2) *I miei ricordi su Remizov // Giovedì.* 1953. 8 janvier. В «Мышкиной дудочке» Ремизов называет его «большим знатоком и любителем античного искусства» (с. 41).

⁹⁰ См. примеч. 41.

⁹¹ Журнал «84» за 1949 г. был передан Н. Кодрянской в Рукописный отдел Пушкинского Дома. На обратной стороне обложки — автограф Ремизова: «Тут мое китайское из книги „Les yeux Tondu“» (ИРАИ, ф. 256, оп. 2, № 125). В номере помещена глава «Китай» («Chinois») из книги «Подстриженными глазами».

⁹² Сюпервьель Жюль (1884—1960) — французский писатель, автор стихотворных сборников, рассказов, романов.

⁹³ Первоначально было «Измаилов», далее не исправлено. О ком идет речь, установить не удалось.

⁹⁴ В Сент-Женевьев де Буа находится русское кладбище, где похоронены И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и другие русские эмигранты. А. М. Ремизов умер 26 ноября 1957 г. и, согласно его желанию, похоронен в той же могиле, где покоился прах его жены, на кладбище Банье в Париже.

⁹⁵ Ло Гатто Этторе (1890—1983) — один из ведущих зарубежных славистов, переводчик, исследователь и пропагандист русской литературы. В 1930-е годы приехал в СССР. Был лично знаком со многими русскими писателями. См.: *Lo Gatto E.* I miei incontri con la Russia. Milano, 1976; *Studi in Onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver.* Roma, 1962; *Studi in Onore Ettore Lo Gatto.* Roma, 1980. О посещениях им Ремизова см. в записях Никитина: «Remizoviana. 1956», л. 2—3, 7. Ло Гатто принадлежит несколько статей о Ремизове. См.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov.* Etablie par H. Sinany. Paris, 1978.

⁹⁶ Санати Задэ Кермани Абд оль-Хосейн (1885—1973) — персидский писатель, автор первого исторического романа на персидском языке «Расставители тенет, или Мстители за Маздака» (1925—1926), приключенческих повестей («Повесть о художнике Мани» и др.). См.: *Бертельс Е. Э.* Избр. труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 367, 372.

⁹⁷ Ср. описание этого эпизода у Н. В. Резниковой: «Однажды он (В. П. Никитин) привел своего друга, персидского поэта, и они вдвоем пошли к фотографу, чтобы сняться. Поэт потом написал Ремизову, что его поразило, что А. М., выходя, не

запер своей квартиры, а оставил ее открытой „подобно келье дервиша“ на случай прихода друзей» (Резникова Н. В. Огненная память. С. 100).

⁹⁸ И. Чапский в статье «Rencontre avec Remizov» (Preuves. 1954. № 42. P. 33, 35; здесь же воспроизведен портрет Ремизова работы Чапского) писал: «Проза Ремизова кажется сложной, но не связью обычных слов, а живой тканью, осязаемой всеми нашими чувствами <...> Даже знакомясь с лучшими переводами Ремизова, понимаешь, что Ремизов непередадим, настолько вес его слов, их плотская чувственность связаны с самим духом его русского языка, на котором он говорит с загадочным пиететом». О чтении Чапским своей статьи Ремизову см. запись Никитина от 18 февраля 1954 г.: «Чапский был в субботу, читал А. М. статью, написанную о нем для „Preuves“. Это приблизительно то же, что польская статья в „Kultura“» («Remizoviana. 1954», л. 7 об.).

⁹⁹ Имеется в виду сборник А. М. Ремизова «Павлиньим пером».

¹⁰⁰ Речь идет о книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

В. П. НИКИТИН

Объяснительное слово к «Суфийной мудрости»

Те, кому дорога память А. М., кто ценит его творческое наследие, все, что обрисовывает его литературный облик, будут признательны Н. В. Резниковой за ее чисто дочернее усердие, проявленное для посмертного издания книги, содержащей между прочим и «Суфийную мудрость», о чем он говорил с ней всего за несколько дней до кончины.

А. М. имел в виду мое предисловие о суфийстве, чем вызваны настоящие строки. Я считаю нелишним высказаться в них о нашем общем интересе к Востоку. Мои замечания облегчат, может быть, впоследствии задачу литературоведов, когда они встретятся с восточными отзвуками в сочинениях и архиве А. М.

Хотя он там никогда не бывал, А. М., не боюсь ошибиться, один из редких русских писателей, чувствовавших и любивших Восток. Стоило лишь посмотреть на него самого, на черты его лица, на тубетейку, чтобы понять его влечение к московской, полуазиатской Руси. Отсюда и близость его к евразийству, отвечавшего ему тем же. Его упоминание о происхождении матери, крестьянки из села Батыева. Мое толкование его фамилии от арабского слова — «рамз», т. е. «тайна», было приятно А. М. Он ведь не то тибетский лама одного из его рассказов, не то суфийский старец-шейх. Таким признал его приведенный мною к А. М. мой тегеранский друг, писатель Санати Задэ, поцеловавший руку смутившемуся А. М. Есть фотография, где мы сняты втроем.

Впервые прозвучавшая в русской художественной прозе «Суфийная мудрость» сообщалась ему мною на основании исследования современного персидского мыслителя Хасана Казем Заде Ираншехра. За исключением замечательного коротенького рассказа о «Хромой мышке», заимствованного мною из «жития» суфийского шейха в Ардебиле Сафи-эд-Дина, родоначальника первой национальной династии Сефевидов (III—VII вв.) в Персии, под заглавием «Сяфват-ос-Сафа́» («Чистота чистот», т. е. чистейшая чистота, сочинение XIV в.) — она не исчерпывает содержания наших с А. М. восточных бесед и занятий. Мы читали «Повесть о семи мудрецах», восходящую к индийскому оригиналу, изучавшуюся специалистами, — Срезневским, Веселовским, Буслаевым. Знакомились с «Калидой и Димпой» в издании широко известного арабиста И. Ю. Крачковского. А. М. извлек из этих басен повесть «Стефанит и Ихнелат» (по славянской, через Византию, версии) и сказку о черепахе и утках (персидская версия — «Анвар-и-Сохэйли»). А. М. очень ценил восточную образность в этой сказке. В тихой заводи две утки подружились с черепахой. Когда вода стала иссякать, утки собрались улететь. Черепаха взмолилась. Утки взяли ее с собою, «она» уцепилась ртом за палку, подхваченную ими. Но вопреки условию рта не раскрывать, не удержалась, увидев людей, удивлявшихся внизу, раскрыла рот (чтобы объяснить им), упала и разбилась. В арабских касидах поэтов Шанфара (доисламского периода) и Мутанаббия (X в.) образы еще красочнее и сильнее.

В переписке Москвы с Крымом (XV—XVI вв.) мы любовались сочным русским языком, не искаженным позднейшей неметчиной. А. М. не мог с нею примириться. Хотели прочесть странствия Косьмы Индикоплова, путешествие Федора Котова а Персию, но, увы, это намерение не осуществилось. Зато я бережно храню «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, подарок А. М.

Я не успел ознакомить А. М. с главными персидскими поэтами-суфиями (Низамий, 1141—1203; Ферид эд-Дин Аттар, 1119—1230), хотя среди его бумаг находятся, вероятно, мой перевод знаменитой пантеистической поэмы Джалаль-эд-Дина Руми (1207—1273) «Кто я?» и стихотворение современного поэта Мохаммеда Икбала из Лагора. Оно очень понравилось А. М., и он изложил его по-русски.* К 70-летию А. М. я поднес ему не-

* Мой дословный перевод: «Долина (мистической) любви далекая и долгая. || Но столетний путь совершается иногда в одно мгновение. || Продолжай стараться и не выпускай из рук полы надежды. || В конце пути иногда обретешь богатство». (Примеч. В. П. Никитина).

сколько четверостиший Омар Хайяма (умер 1123) в персидском начертании, с переводом. Джемаль Задэ, мой дорогой друг, прекрасный писатель, прислал А. М. к его 80-летию стихи из «Гулистана» Саадия (1184—1291). А. М. в свое время по моей просьбе прислал Джемаль Задэ «La Taison Bourkov», за что тот его очень благодарил, по-французски.

Перейду, однако, к суфийству (или суфизму?), о чем тут главным образом речь. С моей стороны было бы ошибкой спугнуть читателя нагромождением восточных имен и выражений. Ограничусь необходимым.

Термин «суфи», т. е. «сермяжник» (суфии ходили в рубище), появляется около половины VIII в. в Сирии, где тогда был основан первый мусульманский монастырь. Это слово обозначало правоверного монаха-мусульманина, соблюдающего сунну (традицию; изречения первых халифов), умерщвляющего плоть. Как все религиозные движения, суфизм проходит через ряд этапов в его развитии. Хасан Басрийский (642—728) являлся действительным основателем исламского монашества. Участие женщин вносит в мистицизм необходимый элемент любви: Рабия, современница Хасана (ум. в 753 г.). Передвигаясь на Восток, суфизм на персидской почве приобретает некоторый оттенок ереси. Персы, обращенные в ислам силою меча, никогда не переставали чувствовать связи с Индией, с буддизмом. Так или иначе, к началу X в. мы видим в суфийстве три течения: 1) суфий — правоверный мусульманин-аскет (Бишр Босоногий, ум. в 841 г., и др.); 2) аскет-мистик (Зу-н-пун и др.); 3) сознательный пантеист (аль-Бестахий, казнен в 873 г.; Халлядж, казнен в 912 г., и др.). В течение X в. суфизм развивается в двух основных направлениях: 1) западном, арабском (правоверные мистики-деисты); 2) восточном, индо-персидском (мистики-пантеисты). Это различие ощущается до наших дней, но все же мистицизм служит связующим звеном. Важнейшие дервишеские ордена возникли в период XII—XIV вв. (Кадирийе, Рафайие, Мевлеви, Шазели, Накшбэнди и др.).

Теология восточного суфизма — обыкновенное пантеистическое представление о Боге: он есть во всем, он содержится в мире и мир в нем. Мир есть эманация божества и имеет лишь призрачное существование («Майя»). Его разнообразие — обман чувств. Мир един, как едино божество. Оно разлито в мире в виде божественной Души («психэ» неоплатоников), и в человеке есть ее часть. Высшее счастье человека — отрешиться от своего «я», погрузиться в созерцание божества (таухид), расплыться в нем (фэнá) и воссоединиться с ним (иттихад). Для достижения этого идеала

суфии должны пройти четыре постепенные стадии (маназиль): шариат --- закон; тарика́т --- путь (в нем самое существенное: выбрать старца --- шейха, сделаться его послушником --- мурид'ом --- и под его руководством убивать волю и личность, не рассуждая о приказах шейха, углубляясь в себя, размышляя о божестве), и, наконец, путем экстаза --- халь --- суфий доходит до третьей стадии --- маарифа́т --- познание (суфий становится ариф'ом, познает единство вселенной в Боге, призрачность мира, равенство религий, добра и зла). До четвертой стадии --- хакика́т --- истина --- удается дойти лишь немногим: созерцание Божества, пребывание между бытием и небытием.

Читатель не посетует на меня за эти подробности, когда узнает, что А. М. считал необходимым во всех вопросах по возможности «доходить до точки» (см. его работу о св. Николае). Не забудем, что у нас, в России, Шамиль воевал во главе послушников --- муридов, что царствующий теперь в Ливии Эмир Мохаммед Идрис Сенуси является главой ордена его имени, что в Турции запрещенное дервишество ушло в подполье, что в Персии мы с ним сталкиваемся на каждом шагу и т. д.

10.2.<19>58.

М. Ш. Файнштейн

ИЗ ИСТОРИИ СОБРАНИЯ А. Ф. ОНЕГИНА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Музей А. Ф. Онегина уже давно привлекает внимание исследователей. Казалось бы, история его достаточно изучена. И все же, обращаясь к архивным материалам, можно найти новые интересные факты, позволяющие представить эту историю полнее.

В 1860 г. бывший студент Петербургского университета Александр Федорович Отто (1845—1925) обосновался в Париже и, существуя случайным заработком, — он давал уроки — стал собирать прижизненные издания Пушкина и книги, посвященные его творчеству после 1837 г. Поклонение его Пушкину было настолько велико, что он со временем присвоил себе фамилию одного из его героев — Онегина.

Начало коллекции Онегина-Отто положил его товарищ по петербургской гимназии П. В. Жуковский, подаривший пакет с рукописями Пушкина, принадлежавший В. А. Жуковскому. Позднее он получил еще документы, имевшие отношение к дуэли и смерти поэта, к изданию его посмертных сочинений, к делам опеки над его детьми и имуществом. Эти бумаги и стали ядром коллекции. Знакомство и связи начинающего коллекционера с жившими за границей и в России русскими писателями (среди которых был И. С. Тургенев) позволили увеличить его собрание за счет новых рукописей и реликвий. В его коллекции — автографы М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. К. Толстого, Я. П. Полонского, И. С. Аксакова, А. И. Герцена, Е. П. Ростопчиной, Байрона, Гете, Шиллера, Гейне и других представителей литературы России и Западной Европы. Одних пушкинских рукописей насчитывалось около 70. Среди них черновые наброски «Братьев разбойников», отрывки из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», «Египетских почей», некоторые варианты стихотворения «Пора, мой друг, пора...», отрывки из «Арапа Петра Великого», собрание ико-

нографии Пушкина. Собрание Онегина постоянно приумножалось. В русских периодических журналах появлялись описания некоторых пушкинских документов из его коллекции, на что обратили внимание как историки литературы, так и издатели, готовившие к печати сочинения поэта. Так, при подготовке Обществом для пособия нуждающимся ученым и литераторам (Литфондом) «Сочинений» А. С. Пушкина (1887) редактор издания П. О. Морозов обратился к опубликованным в журналах «Вестник Европы» (1882, № 10) и «Русская мысль» (1886, № 5) черновым отрывкам из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Родословной моего героя».

Особенно возрос интерес к этой коллекции к 1899 г., в канун 100-летия со дня рождения Пушкина. Велась работа над полным собранием сочинений поэта и документов о его жизни. Естественно, что исследователи особо интересовались неизвестными еще материалами.

К 1900 г. относятся и первые попытки установления Петербургской Академией наук контактов с Онегиным-Отто. Найти его оказалось довольно сложно. Через иностранного члена-корреспондента известного слависта Луи Леже удалось выяснить парижский адрес коллекционера. От имени Академии к Онегину обратился литературовед и историк М. И. Сухомлинов, предложивший Александру Федоровичу принять участие в подготовке издания собрания сочинений Пушкина.

В ответном письме от 12 декабря 1900 г. Онегин выразил согласие участвовать в академическом предприятии, оговорив при этом, что все рукописи его собрания останутся при нем. Он предложил такое условие: из Петербурга в Париж должны приходиться корректуры, и, просматривая их, коллекционер будет вставлять новые или ранее не известные сведения из хранящихся у него рукописей. Из этого письма стало известно о публикации в Риге и Ревеле некоторыми лицами, побывавшими в парижской квартире Онегина, документов без указания имени владельца.¹ Из-за этого вышли недоразумения с П. О. Морозовым, редактором «Сочинений» Пушкина. Участие же в академическом издании полностью отвечало намерениям Онегина. Лишь через год решился вопрос о его участии в редакционной коллегии академического издания.

На одном из февральских заседаний Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) в 1902 г., проходившем под председательством акад. А. Н. Веселовского, подчеркивалась несомненная важность означенных бумаг как для академического издания сочинений Пушкина, так и вообще для истории русской литературы, и решено было обратиться к Онегину с предложением под его редакцией печатать это собрание автографов под общим названием «Историко-литературные ма-

¹ Архив АН СССР (далее: ААН), ф. 101, оп. 2, д. 78, л. 1 об.

териалы А. Ф. Онегина».² При этом оговаривалось, что Онегин будет получать гонорар в размере 100 руб. за печатный лист. Парижский корреспондент ОРЯС уже официально избирается членом образованной комиссии по изданию полного собрания сочинений Пушкина.³ В письме от 14 июня 1902 г. Онегин согласился принять участие в этой важной работе.

В 1902—1907 гг. между Академией и Онегиным завязывается интенсивная переписка, в которой обсуждаются вопросы уточнения пушкинских текстов. Онегина беспокоит и финансовая сторона дела. Он торопит с присылкой корректур; как член редколлегии издания, он горд своей миссией, явно доволен, что его драгоценное собрание тоже участвует в этом важном и нужном деле. Особенно теплые отношения у Александра Федоровича установились с А. Н. Веселовским, который готовил к изданию переписку В. А. Жуковского с М. А. Прютасовой. Онегин, владевший богатейшим рукописным собранием Жуковского, предоставил ученому все необходимое.⁴

В начале 1907 г. Академия предпринимает попытку договориться с Онегиным о приобретении у него всего собрания.⁵ Это было вызвано тем, что доставка копий из Парижа и их публикация шли очень медленно. Кроме того, признавалось нецелесообразным нахождение ценнейшего собрания автографов в частных руках и за рубежом. Необходимо было «спасти для России и для потомков богатое литературное собрание».⁶ Онегину делается предложение уступить материалы Академии наук, оговорив при этом свои условия (время, сумма, частями или полностью).⁶

После длительных переговоров в 1908 г. Онегин, заинтересованный в сохранности своего собрания, согласился продать коллекции Академии наук. Для ознакомления с музеем и уточнения юридических и финансовых сторон этого дела в начале 1909 г. в Париж выехал член совета Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский. С его помощью был составлен договор, который определил будущий статус музея и обозначил сумму вознаграждения. Согласно положениям этого документа, Александру Федоровичу одновременно выплачивалось 10 000 рублей и устанавливалась ежегодная пенсия в 6000 рублей. Музей же оставался в его пожизненном пользовании, а после смерти его хранителя переходил бы в ведение Академии. В договоре оговаривалось право пользования при необходимости собранием Онегина как сотрудниками русско-

² ААН, ф. 9, оп. 1, д. 764, л. 3.

³ Там же, л. 5.

⁴ ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, д. 581, л. 1—30.

⁵ ААН, ф. 9, оп. 1, д. 764, л. 26—26 об.

⁶ Там же, л. 27.

го посольства в Париже, так и сотрудниками Академии наук или исследователями, разрабатывавшими по поручению Академии темы по истории русской литературы. Результатом этой поездки в Париж явилось краткое описание Модзалевским онегинской пушкинианы в сборнике «Пушкин и его современники» (вып. 12).⁷

Заключение Академией договора с А. Ф. Онегиным не исчерпало всех проблем, связанных с его выполнением. Не всегда регулярно удавалось выплачивать своему новому сотруднику означенные в договоре суммы. Это вызывало вполне понятное беспокойство Онегина. Да и удаленность местонахождения музея и его бесценных раритетов задерживали многие начинания, которыми занимались в Пушкинском Доме: подготовку собраний сочинений писателей, чьи автографы находились у Онегина, публикации литературоведческих сборников. Особенно усложнились контакты с музеем в Париже в период первой мировой войны, когда вообще научные связи Академии наук со своими зарубежными коллегами значительно ослабли. События октября 1917 г., потрясшие до основ всю Россию, и последовавшая за ними гражданская война окончательно эти связи нарушили.

До 1922 г. об академическом музее в Париже не было никаких известий. И вот, наконец, до Петрограда дошли тревожные слухи о смерти хранителя музея, о продаже всех коллекций в Америку. Появились публикации материалов коллекции в искаженном виде. Все это не на шутку встревожило научную общественность молодой Страны Советов. К счастью, удалось установить, что все слухи о смерти Онегина ложны, а сам хранитель подтверждает основной пункт договора 1909 г. — право Академии на музей и стремится продолжить с русскими учеными прерванные войной контакты. Но установить прямую связь из Петрограда с хранителем музея в Париже было не так-то просто. Правительство Франции не признавало Советскую Россию, активно участвовало в ее политической и экономической блокаде. И Академия взяла инициативу прямых связей на себя. 30 мая 1922 г. французским ученым был направлен меморандум, подписанный неперменным секретарем Российской Академии наук С. Ф. Ольденбургом, в котором советские ученые просили своих коллег в Париже помочь сохранению коллекций и способствовать переводу музея в Петроград. Сообщалось также, что во Францию для изучения этого вопроса на месте готовы выехать директор Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский и ученый хранитель М. А. Гофман. В конце июля из Парижа в Россию

⁷ Впоследствии каталоги коллекций А. Ф. Онегина публиковались в сборнике «Неизданный Пушкин» (Пг., 1922; 2-е изд. — 1923), в описании М. А. Гофмана «Музей Онегина в Париже» (Париж, 1926), в изданиях «Описание материалов Пушкинского Дома» (Л., 1958. Т. 4. И. С. Тургенев) и «Библиотека Жуковского» (Томск, 1981. Т. 2. Описание В. В. Лобанова).

был направлен ответ. Непременный секретарь Академии надписей и изящных искусств в Париже Е. Бабелон, которому поручили ответить на запрос русских коллег, писал, что сложность прямых контактов в этом вопросе между учеными двух стран значительно затруднена отношениями между Францией и РСФСР. Далее ответ гласил: «Г. Онегину может быть предложено поместить рукописи в Национальную библиотеку с поручением одному из должностных лиц Библиотеки осуществлять надзор над ними. Рукописи будут возвращены, как только русское правительство будет признано правительством Французской республики».⁸ Конечно, такое предложение не устраивало ни Академию, ни Онегина, состояние здоровья которого уже внушало серьезные опасения. С. Ф. Ольденбург обращается за помощью к Советскому правительству. В Москве принимается решение полностью уплатить задолженность Академии Онегину и способствовать на всех уровнях возвращению ценнейшего собрания домой: направляются соответствующие указания советским дипломатам, 23 октября 1922 г. принимается постановление «О Пушкинском музее в Париже» Коллегии Наркомпроса, с обещанием оказывать полное содействие Академии в этом вопросе.⁹

Академия решила направить к Онегину своего представителя. Им стал ученый хранитель рукописей Пушкинского Дома Модест Людвигович Гофман, известный своими работами о Пушкине, его литературном окружении, постоянный комментатор произведений поэта. Подчас в работах, посвященных возвращению Пушкинского музея из Парижа домой, имени этого ученого уделяется мало внимания, либо вообще о нем не упоминается.¹⁰ На наш взгляд, это можно объяснить тем, что командированный Академией ученый, сам много сделавший для возвращения коллекций домой, в СССР не вернулся. И лишь, обратившись к хранящимся в Ленинградском отделении Архива АН СССР документам, переписке о возвращении музея Онегина, среди которых имеются и письма Гофмана в Академию из Парижа, можно получить

⁸ ААН, ф. 2, оп. 1 (1922), д. 11, л. 1 об. (перевод документов с французского языка Э. Н. Филипповой). В 1920 г. Онегин составил завещание, подтверждающее договор 1909 г. Однако в этом документе хранитель музея, озабоченный отсутствием связей с родиной и дальнейшей судьбой собрания, в случае смерти назначил своими душеприказчиками находящиеся в эмиграции В. Н. Коковцева и М. К. Марченко, а также посла Временного правительства во Франции В. А. Маклакова (ААН, ф. 150, оп. 1 (1922), д. 3, л. 87). В этой связи нельзя не подчеркнуть, что только активная гражданская позиция ученых Российской Академии наук спасла музей от распродажи. Несмотря на исключительную занятость, вызванную также и общим тяжелым положением в стране, что ставило перед Академией особые задачи, непрременный секретарь С. Ф. Ольденбург, понимая колоссальную ценность Онегинского собрания, нашел время для того, чтобы непосредственно руководить работами по возвращению коллекций в СССР.

⁹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1922), д. 3, л. 1.

¹⁰ См., например: *Степанов А. Н.* У книг своя судьба. Л., 1974. С. 48—50; *Кунин В. В.* Библиофилы и библиоманы. М., 1984. С. 325—406, и др.

ответ на этот вопрос и восстановить картину кропотливой работы ученых и советских дипломатов, стремившихся как можно скорее переслать все собрание Онегина в Ленинград. Обратимся к рукописным источникам, проследим всю историю вновь.

Итак, 10 июня 1922 г. М. А. Гофман выехал из Петрограда. В Париж ученому удалось прибыть лишь в начале сентября — в Берлине долго пришлось добиваться визы на въезд во Францию, правительство которой упорно не признавало РСФСР. Путь ученого из России лежал на улицу Мариньян, д. 25 — туда, где находился музей Онегина. Облаченный полномочиями вести переговоры с хранителем музея, Гофман сообщил Александру Федоровичу о скорейшем возмещении задолженной суммы — она составила 4200 рублей золотом. Но Онегин запросил больше. Дело в том, что в 1918 г. умер П. В. Жуковский, завещавший своему другу бумаги отца, которые увеличили рукописную часть музея почти вдвое. Финансовые дела были улажены прибывшим в Париж председателем Комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса З. Г. Гринбергом.¹¹ Наконец, Гофман и Онегин составили договор, по которому Онегину было выплачено 100 000 франков. Это стало возможным лишь потому, что Советское правительство, за помощью к которому обратилась Академия, в сложнейших условиях разрухи народного хозяйства сумело понять всю важность культурного наследия хранящихся в Париже ценностей, смогло изыскать средства для разрешения этого конфликта. По договору определялась не только передача музея в Россию, но и завещались Пушкинскому Дому финансовые накопления его директора на сумму 300 000 франков. Письма Гофмана в Академию показывают, насколько сложной была задача составления договора. Вести переговоры по завещанию было также очень нелегко, так как это усугублялось особенностями характера тяжело больного к тому времени Онегина. Для нас, историков литературы, в этом вопросе важно то, что первым пунктом нового договора явилось требование составить подробнейшую опись всего передаваемого собрания. Работа отняла у Гофмана около четырех месяцев. Кроме того, ученый подготовил к переизданию за границей сборник «Неизданный Пушкин». Решение об этом было принято дирекцией Пушкинского Дома накануне отъезда Гофмана. Деньги вырученные от продажи этого издания, предполагалось передать Онегину в счет погашения задолженности. Но этот «научно-финансовый план» принес командированному одни неприятности. Дело в том, что 11 октября 1922 г. было принято постановление Совнаркома «О воспреещении государственным учреждениям издавать литературу за границей».¹² Всякая деятельность подобного рода за гра-

¹¹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1922), д. 3, л. 32 об.

¹² Там же, л. 1.

ницей запрещалась. Скорее всего Гофман мог и не знать ничего об этом правительственном акте — он был опубликован в «Известиях» лишь в конце ноября. Именно в это время Модест Людвигович передал несколько своих статей о музее Онегина в парижские издательства. Кроме того, он решил переиздать и свою работу «Домик в Коломне» в берлинском издательстве Ладыжникова. Это вызвало большие осложнения. Академия требовала возвращения ученого к 1 июля 1924 г.; Гофман попал в тяжелое положение. Осложнилось также и его и без того трудное финансовое положение (деньги из Ленинграда поступали крайне нерегулярно), возникли непредвиденные трудности с оформлением выездных документов. Из писем Гофмана мы узнаем, что он тяжело заболел. В то же время председатель Комиссии пограничным покупкам Гринберг, которому пересылались описи коллекций, требовал завершения работ в музее.

Вдобавок ко всему тяжесть положения Гофмана усугублялась тем, что до него дошли сведения о его увольнении со службы. Ярким свидетельством душевных переживаний Модеста Людвиговича служит его письмо-заявление директору Пушкинского Дома Н. А. Котляревскому: «Еще менее допускаю я возможность исключения меня из Пушкинского Дома, вследствие моей деятельности в Париже в качестве представителя Пушкинского Дома, ибо блестящее, смею сказать без хвастовства, выполнение поручения, возложенного на меня Пушкинским Домом, стоившее мне потери здоровья, работа в Музее и заключение такого договора, на который нельзя было и надеяться, — могут мне ставиться только в заслугу, но никак не в вину <...>

Поступив глубоко несправедливо со мной, Пушкинский Дом, сместив меня с должности и исключив мое имя из списка даже нештатных сотрудников, в то же время и очень осложнил то дело, для которого я был командирован в Париж. На прошлой неделе у А. Ф. Онегина пошла кровь горлом, и к нему были вызваны его душеприказчики, так как доктора опасались его кончины. Опасность эта миновала, и я прошу мне сообщить, должен ли я принимать какие-либо меры, которые гарантировали бы передачу Музея Пушкинскому Дому, хотя признаюсь, что мне будет очень трудно действовать в качестве представителя Пушкинского Дома, отрешенного от должности и исключенного из списка научных сотрудников».¹³ Даже после увольнения ученый продолжал считать себя обязанным завершить порученное дело.

В начале 1925 г. умер А. Ф. Онегин. Необходимо было срочно перевезти музей в Ленинград. Завершить работу Академия попросила известного советского дипломата, полпреда СССР во Франции Л. Б. Красина, назначив его своим уполномоченным. К этой работе дипломат привлек и Гофмана. Вероятно, в глазах Красина он не утра-

¹³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1927), л. 16, л. 7 об. — 8.

тил доверия. Ученый заново восстановил описи собрания, систематизировал их по группам. Завершив в 1926 г. эту работу, он решает остаться в Париже.¹⁴

После завершения описания музея необходимо было подготовить все к отправке в СССР. Полномочия на это получил командированный летом 1927 г. в Париж на конгресс исторических наук академик М. М. Богословский. Но до отправки было еще далеко. Если юридически право владения музеем Академией французскими властями не оспаривалось, то вопрос о передаче денег, оставленных Онегиным Пушкинскому Дому, было решить сложно. По законам страны пошлина с завещанных сумм составляла 55%. Посольству пришлось пойти на это. Основная часть денег должна была покрыть расходы по пересылке коллекций. Все это требовало времени, командировка Богословского заканчивалась, и тогда решили обратиться за помощью к находившемуся в то время в Париже в длительной командировке видному специалисту по судостроению академику А. Н. Крылову. Ученый и его секретарь А. Б. Ферингер энергично взялись за дело, и уже в начале 1928 г. первые посылки стали поступать в Ленинград. «Позвольте обратиться к Вам от имени Пушкинского Дома, прежде всего за тем, чтобы выразить глубокую благодарность за все заботы и хлопоты об Онегинском музее, которые Вы взяли на себя ради пользы Пушкинского Дома, и несли и несете уже несколько месяцев. Благодаря энергичным действиям Вашим и Алексея Николаевича Крылова дело, тянувшееся более пяти лет, казавшееся иногда совершенно безнадежным, приходит к концу, и если теперь уже скоро Онегинский музей будет в стенах Пушкинского Дома, то этим в значительной степени мы будем обязаны Вам и Алексею Николаевичу», — с благодарностью обращаясь к этим энтузиастам Н. В. Измайлов.¹⁵ В марте 1929 г. в Пушкинском Доме была завершена полная разборка доставленных из Парижа коллекций и выработаны правила пользования исследователями драгоценным собранием. Право публикации неизвестных еще рукописей бесспорно признавалось за ведущим научно-исследовательским центром страны. Теперь необходимо было познакомить с этими редкостями советскую научную общественность. В Президиум Академии наук был представлен план издания описания собрания. Приводим здесь этот документ.

¹⁴ Там же, л. 62—63 об. Оставшись в Париже, М. А. Гофман продолжал заниматься изучением жизни и творчества Пушкина. Среди его работ того времени: «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (1926), «Пушкин. Психология творчества» (1928), «Египетские ночи» (1935), «Пушкин и его эпоха» (1937), «История создания „Евгения Онегина“» (1937), «Дуэль и смерть Пушкина» (1937), «Невеста и жена Пушкина» (1937).

¹⁵ ААН, ф. 150, оп. 1 (1927), л. 16, л. 30.

ОНЕГИНСКОЕ СОБРАНИЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

(План издания)

Издание должно включать: 1) перечневое описание коллекций, по возможности сжатое; 2) публикацию важнейших и интереснейших материалов, с прибавлением вступительных и объединяющих статей. Издание, ввиду обилия материалов, распадается на 2 тома.

Том I

1. Введение: История Онегинского собрания, его приобретения АН, его разработки; общее его значение	3/4 печ. л.
2. Описание собрания:	
а) рукописей	4 печ. л.
б) иконографии и музейных предметов	2 печ. л.
в) книг	1/2 печ. л.
3. а) Общий обзор и научная оценка рукописей Пушкина (статья)	3/4 печ. л.
б) Дополнения и поправки к текстам «Неизданного Пушкина»	1 печ. л.
в) Документы, относящиеся к дуэли и смерти Пушкина, к его рукописному наследию, опекунству, к изданию «Современника» и посмертного собрания сочинений (неизданные, не вошедшие в исследование П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»)	6 печ. л.
4. Рукописи В. А. Жуковского: неизданные произведения и дневники (частью напечатанные М. А. Гофманом в Париже); варианты и черновые редакции известных произведений; творческая история ряда важнейших произведений	5 печ. л.
Всего 20 печ. л.	

Том II

Переписка В. А. Жуковского. Письма Жуковского: к матери, к Е. А. Протасовой, Е. Я. Свербеевой, П. Я. Убри, П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. Н. Голицыну, М. Т. Каченовскому, И. И. Дмитриеву, Гете и др. лицам.

Письма к Жуковскому: М. А. Бакунина (7), Г. С. Батенкова (2), А. Д. и Д. Я. Блаудовых (26), А. Я. Булгакова (119), А. Ф. Воейкова (15), М. Н. Волконской, гр. Вильгорских (42), П. А. и В. Ф. Вяземских (56), И. И. Дмитриева (41), А. П. Елагиной (10), С. П. Жихарева (39), А. П. Зонтаг (9), Н. М. Карамзина (11), М. Т. Каченовского (50), И. В. Киреевского (5) и документы по делу о запрещении «Европейца», И. И. Козлова (30), А. И. Кошелева, Н. А. Мельгунола (5), А. Н. Оленина, П. А. Плетнева, А. А. Плещеева (38), Е. Г. Пушкиной (24), В. А. Соллогуба (3), Д. П. Северина (57), А. И., А. М. и Н. И. Тургеневых (27), А. А. Шаховского, П. Я. Чаадаева, З. А. Волконской, А. О. Ищимовой, Карамзиных, Н. П. Огарева, многих декабристов и их жеп и мн. др.

Всего около 600 №№, которые, конечно, не все войдут в издание, а лишь по выбору.

Письма И. С. Тургенева к Ральстону (42), к П. В. Жуковскому (27), к А. Ф. Онегину (32) и др. Они были напечатаны, но не полностью и очень не исправно, по плохим копиям в сборнике «Недра» 1925 г. Повторение их необходимо для полноты и точности издания. Документы и письма, касающиеся Н. В. Гоголя. Разные документы из коллекции Онегина: переписка Д. П. Северина, А. О. Смирновой, автографы Е. П. Ростопчиной и др. русских писателей; Байрона, Гете, Шиллера, Гейне и др. иностранных писателей и проч. Письма к П. В. Жуковскому разных лиц.

Всего 25—30 печ. листов.

Издание должно быть иллюстрировано снимками с автографов, портретов, редких книг, картин, вещей и пр.¹⁶

Так предполагалось познакомить советскую научную общественность с Онегинским собранием. Непосредственное знакомство с этими коллекциями состоялось вскоре после их доставки в Ленинград — в феврале 1930 г. В Пушкинском Доме все собрание экспонировалось на выставке. Сегодня же задачи, обозначенные в плане-проспекте, выполнены лишь частично: вниманию исследователей представлено описание бумаг И. С. Тургенева и библиотеки В. А. Жуковского. Непроходящий интерес к этому собранию позволяет надеяться, что последующие описания коллекций представят нам много нового о русской и европейской литературе.

¹⁶ ЛАН, ф. 150, оп. 1 (1922), л. 3, л. 104—104 об.

ПИСЬМО О. Н. ЧЕРНОСВИТОВОЙ Т. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Публикация М. М. Павловой

Публикуемое письмо принадлежит Ольге Николаевне Черносвитовой (урожд. Чеботаревской; 1872—1943), в семье которой провел последние годы жизни выдающийся поэт-символист Федор Сологуб. Со времени болезни и трагической гибели жены писателя, Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб, Ольга Николаевна добровольно взяла на себя заботы о Федоре Кузьмиче, проявляя к нему исключительное внимание и искреннее сочувствие. Во время предсмертной болезни Сологуба О. Н. Черносвитова вела тетрадь, куда записывала свои беседы с ним, с его слов она составила ценную биографическую справку, переписала некоторые из бумаг, ныне находящиеся в архиве Сологуба (ф. 289).

В письме Черносвитовой сестре Татьяне¹ содержится подробная история передачи архива писателя в Рукописный отдел Пушкинского Дома, дана высокая оценка как самому хранилищу, так и работе его научных сотрудников. Помимо этих сведений Ольга Николаевна хорошо передает атмосферу дома, в котором довелось прожить Сологубу несколько лет; ее рассказ вносит также дополнительные штрихи к облику писателя, творчества и биография которого в настоящее время недостаточно изучены.

Текст письма печатается по рукописи (ИРАИ, Поступление № 16 за 1988 г.). Допущенные в начале и в конце текста сокращения содержат факты, непосредственно касающиеся только семьи Черносвитовых.

¹ В семье Чеботаревских было три брата и четыре сестры: Александра, Татьяна, Анастасия и Ольга.

Дорогая Танюша!

Вчера отправила тебе открытку, а сегодня хочу чиркнуть неск^олько слов. Давно не имею от тебя сведений ни прямо, ни косвенно, как прежде через Ф^едора К^узьмича, которому ты писала. Сама тоже не писала, как всегда, когда неважно живет... Ко всему постоянная мысль о Ф^едоре К^узьмиче, я и не думала, что так тоскливо без него мне будет. Помимо соображений общего характера, не хватает его как друга, который все эти годы неизменно был так доброжелателен ко мне, так вникал во все мои дела, делишки и интересы. Чем дальше отходило время от его кончины,¹ тем больше вспоминалось из прошлого, хорошего, милого с его стороны. Очень долго работали мы над его перепиской и вообще бумагами, бывшими у меня наверху. Все разобрали, привели в порядок (с Дм^итрием Мих^айловичем Пинесом), одних писем оказалось около 3 1/2 тысяч. Составили всему точнейшие списки, также и всем мелким предметам из кабинета Ф^едора К^узьмича, которые брали наверх, и все это передали с соблюдением полной формальности в Пушк^инский Дом. Сношения с ним приходилось вести через Модзалевского, и за это время я вполне убедилась, что этот милый, ласковый и любезный человек до фанатизма предан литературе и собиранию ее архивов и памятников. Ни о какой компенсации материальной не могло быть и речи, «потому» что Пушк^инский Дом и не в состоянии был бы такую предоставить, да и не уместно это, а в смысле ценности и сохранности это лучшее место для хранения. Я обещала Модзалевскому, что я и ты непременно придем в Пушк^инский Дом и дополним кое-какие сведения о карточках и проч^ем, ему переданных. К несчастью, как, может быть, ты читала в газетах, Б. Л. Модзалевский недели 3 тому назад заболел припадком грудн^ой жабы и на днях скончался. Это был один из самых больших знатоков Пушкина, много работавший для издания его переписки, организации дома и т. д., и в последние годы присоединивший к Пушкину и др^угих писателей вплоть до Блока. Все архивы также хранятся у него в образцовом порядке. Для приемки всего этого приезжал от него научн^ый сотрудник — Ник^олай Вас^ильевич Измайлов, тоже в высшей степени культурный и симпатичный, заведующий архивом. Переписка Ф^едора К^узьмича вся подложена по алфавиту, т. е. в том порядке, которого он сам всегда держался в своем архиве рукописей и в библиотеке. Переписка большей частью делового характера, устройство лекций по всей России, издатели, редакторы, по частным объявлениям (целые годы — о переписчицах, натурщицах, домах, дачах), и ко-

нечно много также от товарищей по перу (Мережковские, Андреев, Блок и т. д.) — не особенно интересно, т. е. не так интересно, как можно было бы ожидать, потом большое количество от читателей и почитателей обоего пола, и наконец от родных. Переписку с Настей я не дала пока совсем, а все письма просмотрены: близкие — мной, а более далекие — Пинесом и мной (более поверхностно мною). Та же работа проделана с письмами Насти, их оказалось тоже около 2000, они в полном порядке находятся у меня, причем близкие письма отложены. Есть письма от литераторов, причем к Насте они интереснее, пожалуй, так как более жизненны, там у Федора Кузьмича всегда носят характер холодноватого преклонения. Думаю, что разберу еще и рукописный ее архив и тогда, посоветовавшись с тобой, тоже можно отдать на хранение в Пушкинский Дом с условием, чтобы в ближайшие столько-то лет они никому не выдавались, кроме нас, поместивших туда эти рукописи, но во всяком случае эти дорогие бумаги дома хранить не безопасно — могут пропасть, могут быть отобраны при шальном случае и т. д. Когда увидимся — поговорим.

Что же касается нижних вещей и архива,² то все затормозилось, не знаю, то ли от финотдела, то ли за болезнью Модзалевского. Не знаю, благодаря ли моему письму к Ачуначарскому³ или просто так, но дело это имело такие перипетии. Накануне своего припадка В. А. Модзалевский как раз мне звонил и говорил, что дело обстояло так. Сначала пришла телеграмма от Анатолия Васильевича Ачуначарского, чтобы не распылать архива Федора Кузьмича. Потом Пушкинский Дом вошел в соглашение с представителями Наркомпроса (кажется и от Главнауки), что обстановка комнат Федора Кузьмича не будет продаваться Собесом, а вся по истечении законного срока передается на хранение Пушкинскому Дому, туда же передается на хранение и наиболее ценное — нижний архив рукописей. Теперь Пушкинский Дом, зная, что на некоторые вещи претендовала я, хотел на другой день прислать мне сотрудника с официальным письмом, в котором бы собирался передоверить и просить меня принять на хранение те вещи, которые я хотела. Все отпало вследствие внезапной болезни Бориса Львовича, случившейся тогда же, и на другой день его уже не было на работе. На Пасхальной неделе они все же хотят вывозить вещи, не знаю, что теперь будет без Бориса Львовича Модзалевского. Хотелось бы знать, как ты думаешь, Танюша, когда Пушкинский Дом получит на хранение до истечения законного срока, т. е. в 6 месяцев, следует ли еще куда-нибудь что-либо заявлять или довольно того письма Анатолия Васильевича Ачуначарского, которое ты пересылала. Не слыхала ли ты каких-либо указаний на этот счет,

когда бывала там в Главнауке у секретаря? Буду ждать твоего мнения. <...>

Составляю кое-какие заметки о Федоре Кузьмиче (хотя работаю слабо). А тебе очень бы советовала написать о его летах в Эстляндии все, что помнишь. Ну вот подробно о нас написала, напиши и ты о себе, если не приедешь. <...>

Оля.

¹ Ф. Сологуб скончался 5 декабря 1927 г.

² С 1922 по 1927 г. писатель жил по адресу: Ждановская набережная, д. 3/1, кв. 22. На четвертом этаже в этом же доме жили Черносвитовы, к ним и переехал Сологуб во время болезни (из квартиры во втором этаже). «Нижний архив», т. е. вещи и бумаги, находившиеся в квартире второго этажа.

³ Брат А. В. Луначарского, Платон Васильевич, был женат на сестре мужа Ольги Николаевны, Н. Н. Черносвитова — Татьяне Николаевне (во втором браке Смидович — ее мужем стал П. Г. Смидович, брат В. В. Вересаева).

Д. В. Базанова

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX вв.,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ЗА 1978—1980 гг.**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность писателям В. П. Астафьеву, Б. А. Ахмадулиной, Я. Я. Бакланову, В. И. Белову, А. Г. Битову, Д. А. Грашину, М. А. Дудину, В. В. Конецкому, Ю. М. Нагибину, академику Д. С. Лихачеву, критику В. Я. Лакшину и другим, открывшим личные фонды в Рукописном отделе и пополняющим их новыми материалами. Рукописный отдел сердечно благодарит также за принесение в дар архивных материалов М. П. Бицилли и Л. П. Мещерского (Болгария), В. Ф. Бокова, В. И. Брауде, В. П. Бударагина, А. М. Верцелиус, Г. Г. Вершинину, С. С. Воронина, В. В. Гельмерсена, К. П. Гемп, А. К. Грунтова, Т. Г. Девиз, Е. Г. Доронину, И. А. Евлахова, Д. И. Зиневича, В. Я. Ионаса, Т. В. Кладо, Е. Л. Коварскую, Н. А. Коржавину, Г. Ф. Кравченко, М. В. Крестовскую, Н. В. Кузнецова, М. В. Куликова, А. А. Лаппа-Страженецкую, И. В. Лебедеву, В. В. Лукьянова, И. Менье (Франция), А. М. Небольсину, А. В. Пазухина, Ю. В. Полевою, Н. М. Полякову, Ю. Ф. Помозова, З. Д. Прянишникову, семью Вс. А. Рождественского, Н. М. Романову, Т. Л. Рудыковскую, И. П. Румянцеву, В. Н. Семину-Кононыхину, В. П. Серебровского, В. В. Сладкопевцеву, А. И. Смиренскую, А. А. Смольевского, Н. Б. Столбина, С. Д. Умникова, В. С. Фраерман, Н. И. Ховрякова, Н. В. Чижевскую, А. А. Шмакова, И. Д. Якубович и выражает признательность памяти дарителей академика М. П. Алексева, профессоров Д. Е. Максимова и В. А. Мануйлова.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Петров Всеволод Николаевич (1912—1978), историк русского искусства, художественный критик, прозаик, мемуарист. Фонд 809.

Проза В. Н. Петрова: «Философские рассказы», 8 рукописных сборников, 1939—1946, переплеты работы Т. Г. Глебовой, Е. К. Лившиц, В. В. Стерлигова, П. И. Басманова; «Трава», рассказ, черновой автограф, 1945 (из сборника «Философские рассказы», № V); «Турдейская Манон Леско. История одной любви» (посвящено памяти М. А. Кузмина), повесть, черновой автограф, правленая машинопись, с вариантами, б. д.

Воспоминания В. Н. Петрова: «Калиостро», воспоминания о М. А. Кузмине, 2 варианта, черновые автографы, б. д. (опубликовано, частично: *Петров В. Н.* Из «Книги воспоминаний» // Панорама искусств. З. М., 1980; Новый журнал. 1986. № 163); «Встречи с Н. А. Тырсой», 2 варианта, черновой автограф и машинопись с авторской правкой, 1962 (опубликовано: *Петров В. Н.* Из «Книги воспоминаний...»); «Фонтанный дом», 3 варианта, черновые автографы, б. д. (опубликовано: Наше наследие. 1988. № 4); «Воспоминания о П. И. Басманове», черновой автограф, б. д.; «В. В. Воинов в Русском музее (из воспоминаний)», машинопись с авторской правкой, б. д.

Доклады и речи В. Н. Петрова: «Слово современника. Воспоминания о А. Ф. Пахомове и размышления о его творчестве», черновой автограф, <1971>; «Врубель и символисты в системе экспозиции Русского музея», черновой автограф, б. д.; «Речь на обсуждении выставки рисунков и акварелей К. С. Петрова-Водкина...», черновой автограф, 1947; «В. М. Ермолаева», черновой автограф, 1972—1976; «Д. И. Митрохин», черновой автограф, б. д.; «Н. И. Кульбин», черновой автограф, б. д.; «А. Л. Осьмеркин», черновой автограф, б. д., 1967; «Н. А. Тырса», черновой автограф, б. д.; «В. В. Стерлигов», черновой автограф, 1974; «Н. И. Альтман», черновой автограф, 1971; «В. И. Курдов», черновой автограф, б. д.; «В. В. Лебедев», черновой автограф, 1973; «И. Э. Грабарь», черновой автограф, 1946; «П. И. Басманов», черновой автограф, 1940; «Н. Н. Пунин», черновой автограф и машинопись, 1968.

Дневник «Путешествие за границу». 1960.

Материалы разных авторов в фонде В. Н. Петрова.¹ Ахматова А. А.: «Поэма без героя», 1940—1942, список рукой В. Н. Петрова

¹ Автографы Даниила Хармса (Д. И. Ювачева), списки его произведений рукой В. Н. Петрова, находящиеся в фонде 809, описаны А. А. Александровым в настоящем издании.

с пометами А. А. Ахматовой; «Реквием», части поэмы, 1940, 1957, 1961, список рукой В. Н. Петрова.

Вагинов К. К. «Звукоподобие», сборник стихов, 1930 и б. д.; списки рукой В. Н. Петрова.

Введенский А. И. «Элегия» («Осматривая гор вершины...»), б. д.; «Четыре описания», поэма, б. д.; «Некоторое количество разговоров», рассказ, б. д. Списки рукой В. Н. Петрова.

Вертер В. А. Стихотворения 3, б. д.: «Маскарад на улице (Бенедикту Лившицу)» («Вспыхнули тюльпаны февраля...»), «В театре» («А днем здесь страшно: зал глядит сурово...»), «Острее жалит осень ласкою...» Беловые автографы.

Голлербах Э. Ф. Стихотворения 3, 1930: «Бенедикту Лившицу» («Как Вы могли, наследник Тютчева...»), «Давид Бурлюк» («В сонных недрах подсознания...»), «Было время: на арене...». Беловые автографы.

Егунов А. Н. (псевд. — Андрей Николаев): «Среди теней неодинокий...», стихотворение, 1964, список рукой В. Н. Петрова.

Кузмин М. А. «Влюбленный дьявол. Пантомима», <1917>, черновой автограф; «Переселенцы» («Чужое солнце за чужим болотом...»), стихотворение, 1920-е годы, список рукой В. Н. Петрова; Предисловие к переводу В. А. Вертер «Королевства вод» Анри де Ренье, машинопись, 1913.²

Стенич (Сметанич) В. И. Стихотворения 2, 1919 и б. д.: «когда заснет усталый город...» «Петр» («Мы никогда не позабудем...»), беловой и черновой автографы.

Терапиано Ю. К. «Будете, как боги», поэма, 1919, машинопись.

Письма к В. Н. Петрову: Ю. А. Васнецова 2 (1969, 1970), В. В. Лебедева (б. д.), В. А. Мануйлова 5 (1956—1976) и др.

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940), писатель, драматург. Фонд 369.

«Стенограмма», шуточная сценка, беловой автограф, <1929>.³

Рисунки М. А. Булгакова 2, с авторскими пояснениями: «Портрет Бутона (не закончен — повернулся)» (1930) и «Банге-Рогаш с кольцом (5 карат)» (1928). Письма М. А. Булгакова жене Любови Евгеньевне Булгаковой (урожд. Белозерской) 18 (1928—1933 и б. д.). Шутливые записки М. А. Булгакова Л. Е. Булгаковой 8 (б. д., <1924—1929>).

² Материалы М. А. Кузмина, находящиеся в фонде В. Н. Петрова, готовятся к публикации в следующем выпуске «Ежегодника Рукописного отдела».

³ Опубликовано Я. С. Лурье, см.: Русская литература. 1990. № 3. С. 103—104.

Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, художник, литературный критик, переводчик. Фонд 562.

Альбом стихотворений 1903—1932 гг., посвященных М. А. Волошину и М. С. Волошиной (урожд. Заболоцкой). Беловые автографы, авторизованная машинопись. Тексты стихотворений в альбом вклеены или вложены. В альбоме — стихотворения В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, Ю. К. Балтрушайтиса, Э. Ф. Голлербаха, Вс. А. Рождественского, И. Г. Эренбурга, С. Я. Парнок, П. С. Соловьевой (псевд. — Allegro), Ю. А. Оболенской, В. К. Звягинцевой и др. Кроме того, в альбом вложен беловой автограф стихотворения Ф. К. Сологуба «Из Египтийских светлых далей...» («Н. Г. Чулковой») (б. д.).

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, писатель, общественный деятель. Фонд 134.

Письма А. Ф. Кони к Юлии Федоровне Львовой (урожд. Львова, в первом браке Платонова, во втором — Ваксель, в третьем — Львова, композитор и пианистка; 1873—1950) 17 (1906—1915 и б. д.). Фотографии А. Ф. Кони 2 (1906 и б. д.) с детскими надписями Ю. Ф. Львовой (Ваксель).

Никритина Анна Борисовна (1900—1982), актриса, жена А. Б. Мариенгофа. Фонд 741?

Воспоминания Анатолия Борисовича Мариенгофа «Это — вам, потомки. Пятидесятые годы» («1957»). Упоминаются С. А. Есенин, Андрей Белый, О. Э. Мандельштам, В. Г. Шершеневич, И. Э. Бабель, М. М. Зощенко, Д. Д. Шостакович, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Г. Оксман, М. Ф. Андреева, Ю. П. Герман, С. Т. Коненков, С. Д. Лебедева и др.

Письма к А. Б. Никритиной: Р. М. Беньяш 3 (1977 и б. д.); К. С. Есенина 3 (1978 и б. д.), Л. А. Крона 20 (1976—1979 и б. д.), В. Я. Лакшина (1978), Е. А. Лопаревой (1976), Карела Милоты (K. Milota) 8 (1965—1968), С. В. Образцова 11 (1978—1979 и б. д.), Н. Оттена (Н. Д. Поташинского) 33 (1976—1979), Р. Б. Судаковой (урожд. Мариенгоф) 27 (1978—1979 и б. д.) и др.

Форш (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873—1961), писательница. Фонд 732.

Письмо к И. П. Харитонову (1951).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Андрионикова (в первом браке Андреева, во втором — Гальперн) Саломея Николаевна. Письма 26 (1959—1978) к Вере Федоровне Шухаевой, жене художника В. И. Шухаева. Упоминаются

М. И. Цветаева, А. А. Ахматова, М. М. Зданевич (псевд. - Ильязд), С. А. Рафалович, А. С. Эфрон, З. А. Пешков (З. М. Свердлов), А. Е. Яковлев, Н. Э. Радов, Т. А. Яковлева и др. Фотографии С. Н. Андрониковой 7 (1910—1958).

Ахматова Анна Андреевна. «Поэма без героя», машинопись с авторской правкой, 2 варианта (1942; 1946). В варианте 1946 г. авторская рукописная вставка в первой главе 1-й части поэмы.

Блок Александр Александрович. «Молитва», вариант стихотворения 1901 г. «Мой путь страстями затемнен...», беловой автограф под копировальную бумагу (для публикации в «Биржевых ведомостях», 1916, 6 января); подпись и помета «Для крещенского номера» — автограф чернилами (1916).

Вагинов (Вагенгейм) Константин Константинович, поэт, прозаик. Альбом стихотворений (94): «Весенняя элегия» («Моя душа — это старая, заглушенная столица...»), «Счастье» («Счастье — это странная девочка в розовом платье...»), «Безумие» («Я построил себе из слоновой кости башню...»), «Кошмар № 1» («Ах, зачем звезды неярки...»), «И будет день и Петроград погибнет...», «Нерон» («Нерон! Нерон, я один тебя понимаю...»). «Россия» («Полуженщина и полумужчина...») и др. Беловые и черновые автографы, 1917. С дарственной надписью Вагинова Константину Максимовичу Маньковскому 1921 г.

Стихотворение «Помню последнюю ночь в доме покойного детства...», 1922, 11 апреля, беловой автограф; в «Опытах соединения слов посредством ритма» (Л., 1931) опубликовано под заголовком «Юноша» и датировано мартом 1922 г. В автографе Пушкинского Дома — вариант последней строки: «Стая белых людей лошадь грызет при луне».

Ваксель Ольга Александровна (в первом браке Смольевская, во втором — Вистендаль), поэтесса. Стихотворения (35), беловые и черновые автографы, 1920–1932; тетрадь стихотворений, беловые и черновые автографы и машинопись с авторской правкой, 1913–1924. Фотографии О. А. Ваксель одиночные 4 (б. д.) и с Г. В. Кусовым, Ю. Ф. Львовой,¹ М. А. Волошиным в Коктебеле («1916»).

Васильева Елизавета Ивановна (урожд. Дмитриева; псевд. - Черубина де Габриак), поэтесса, прозаик, переводчица. Тетрадь стихотворений 1907–1909 гг., в том числе пародии на поэтов-современников (Блока, Сологуба, Кузмина и др.). Статья о поэме «У самого моря» А. Ахматовой и сборнике «Корабли» А. Радовой, черновой автограф, б. д. Рассказ «Алое сердце», черновой автограф, «до середины 1923 г.». Тетрадь стихотворений 1925 г.: «Ты не

¹ Мать О. А. Ваксель. См. выше раздел «Дополнения к фондам», письма А. Ф. Коши к Ю. Ф. Львовой.

уйдешь от прожитой любви... (После биографии Гумилева)» и другие стихи, беловые и черновые автографы, 1925, на обложке — «Черубина де Габриака». Пьеса «Черные братья», черновой автограф и машинопись (с незначительными разночтениями), <1920-е годы>. Статья о драме Альберта Штеффена «Четвероликий Зверь», черновой автограф, <1924—1927>. Пьеса для детей «Лутоношка», копия рукой неустановленного лица, пролог — рукой Е. И. Васильевой, 1927.

Георгиевский Александр Иванович, историк, публицист, государственный деятель, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1866—1870). «Мои воспоминания и размышления», машинопись с авторской правкой и вставками, главы I—VII (I—L), варианты и редакции, <1901—1911>. Главы I—III опубликованы: Русская старина. 1915. № 2; 4—6; 1916. № 2-6.

Грибоедов Александр Сергеевич. Записка Анастасии Ивановне Колечицкой (урожд. Лыкошиной), <1823—1824>, на французском языке. Опубликована впервые (в русском переводе): А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

Гумилев Николай Степанович. Альбом стихотворений, подаренных им М. М. Маркс: «Я в лес бежал из городов...», «Альпийский стрелок. Из Шиллера», «Я вечернею порою, над заснувшею рекою...» и другие стихи, <1902>, беловые автографы. Опубликовано: Литературная Грузия. 1988. № 1.

Зиневич Дмитрий Иванович, инженер-кораблестроитель, поэт. «О детскосельском поэтическом кружке. Воспоминания участника», беловой автограф, 1979. Сборники стихов (3 машинописных, 1 рукописный) участников «детскосельского поэтического кружка» (литературных вечеров круга Вал. Кривича (В. И. Анненского), а после его смерти — Е. А. Анненской), 1939—1940.

Клюев Николай Алексеевич. «Как лебедь в первый час прилетала...», 1930, беловой автограф отрывка из поэмы «Песнь о Великой Матери». Вариант текста, опубликованного в статье Л. Швецово́й и С. Субботина «Эти гусли — глубь Онега. (Из поэзии Николая Клюева конца 20-х—начала 30-х годов)» (Север. 1986. № 9).

Кривич (Анненский) Валентин Иннокентьевич, поэт, мемуарист. «Старые стены. Вторая тетрадь стихов». Посмертный сборник стихов, составленный Е. А. Анненской и участниками детскосельского поэтического кружка, 1938, машинопись. Письма к Д. И. Зиневичу 2 (1934 и б. д.).

Мандельштам Осип Эмильевич. «Отравлен хлеб и воздух выпит...», беловой автограф стихотворения 1913 г., б. д. Вверху листа — заголовок: «Из книги „Камень“».

Маньковский Константин Максимович. Альбом с автографами стихотворений и записями Конст. Вагинова, Б. В. Смиренского, Андрея Скорбного (В. В. Смиренского), М. М. Шкапской, В. Я. Шишкова, Вс. А. Рождественского, М. А. Кузмина, Ю. И. Юркуна, А. И. Тинякова, Вл. Пяста, С. Е. Нельдихена и др., с рисунком Н. И. Кравченко, подписью-автографом А. М. Ремизова (вклеена, как и некоторые стихотворные автографы). 1920—1922.

Пешкова Екатерина Павловна, общественная деятельница, первая жена М. Горького. Письма П. Н. Мартынову 2 (1962), авторизованная машинопись.

Преображенский Александр Григорьевич, преподаватель, составитель учебников церковнославянского языка и теоретической словесности. Письмо академику Алексею Александровичу Шахматову, 1914.

Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич, поэт, переводчик, мемуарист. Стихотворение «Но за одно уже это...», белой автограф, 1921. Посвящено переводчику и литератору Василию Васильевичу Гельмерсену.

Радлова (урожд. Дармолатова) Анна Дмитриевна, поэтесса, переводчица. Тетрадь стихотворений, белые и черновые автографы, 1916—1917. 24 стихотворения из 52, содержащихся в тетради, опубликованы (с некоторыми разночтениями) в первой книге стихов Радловой (Соты. Пг., 1918). Кроме самостоятельных стихотворенных текстов, в тетради находятся черновые автографы полного текста «Поэмы о Марии Деве» (21 глава, 7 из них также опубликованы в «Сотах»).

Распутин Валентин Григорьевич, советский писатель. «Прощание с Матерой», черновой автограф глав 1—3 (главы 1—5 окончательной редакции), б. д.

Роллан Ромен (Rolland Romain), французский писатель, публицист, музыкальный критик. Письмо к В. К. Сенкевичу, авторизованная машинопись, 1937. На французском языке.

Синклер Эптон (Sinclair Upton), американский писатель социалистической ориентации. Письмо А. Л. Чижевскому, авторизованная машинопись, 1936. На английском языке.

Толстой Лев Николаевич. Письма к Л. Н. Толстому:⁵ Буланже Павла Александровича (псевд. — П. Хлебников) (писатель-толстовец, публицист, переводчик, мемуарист) (1890); Гольцева Виктора Александровича (публицист, общественный деятель, с 1885 г. фактический, а в 1905—1906 гг. официальный редактор «Русской мыс-

⁵ Письмо Н. С. Лескова, поступившее вместе с нижеперечисленными, опубликовано А. А. Гореловым: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1980. Л., 1984. С. 164—174.

ли») («1890»); Ещенко Емельяна Максимовича (крестьянин хутора Гирлы Острогожского уезда Воронежской губернии, после ухода из хлыстовской общины последователь Толстого) (1889); Орлова Александра Ивановича (актер, литератор) (1891); Страхова Николая Николаевича (философ и литературный критик) (1890); Толстой Софьи Андреевны (урожд. Берс) (письмо адресовано Л. Н. и Т. А. Толстым) (1891); Толстой Татьяны Львовны (в замужестве Сухотина) (1890); Черткова Владимира Григорьевича (издатель, публицист, редактор Толстого) (6) (1890).

Усов Дмитрий Сергеевич, детский писатель, переводчик, историк литературы. Стихотворение «Баллада о дороге туда и обратно», машинопись, б. д.

Федин Константин Александрович, советский писатель. Письма (6) Ю. Ф. Помозову (1964—1974 и б. д.).

Чижевский Александр Леонидович, ученый, художник, поэт, философ. Стихотворения 1904—1958 гг., беловые и черновые автографы.

Сборники стихотворений: «Избранные стихотворения. 1910—1916», беловой автограф, правленная машинопись; «Избранные стихотворения. 1910—1925. Лирические пейзажи и натюрморты», машинопись с авторской правкой; «Альце, стихотворения. Караганда, 50-е годы», беловой и черновой автографы, правленная машинопись, в составе сборника — стихи 1911—1952 гг.

Тетрадь стихотворений, черновой автограф, 1913—1957.

«Поэма о Человеке», черновой автограф, 1919.

Статья «О современной поэзии (хулиганство в поэзии)», черновой автограф, правленная машинопись, 1921.

Статья «Великие задачи и мелкие люди», черновой автограф, 1933.

«Встречи с А. М. Горьким и его окружением», воспоминания, черновой автограф. 1963.

Чижевская Нина Вадимовна. «Неполный список литературных и научно-популярных статей А. А. Чижевского, а также биографий, рецензий, открытых писем в прессе и проч. с 1915 по 1940 гг.», авторизованная машинопись, 1979; «Биография профессора А. А. Чижевского», авторизованная машинопись, б. д.

Яковлев Михаил Алексеевич, поэт, театральный критик, сотрудник «Северной пчелы»; в 1820—1821 гг. издатель журнала «Невский зритель» (совместно с И. М. Сниткиным и др.).

Тетрадь с беловыми и черновыми автографами стихотворений, шарад, эпиграмм, эпитафий, прозаических произведений, «середина 1810—середина 1820 годов». Многие тексты публиковались анонимно или под псевдонимами в «Невском зрителе» и «Благонамеренном».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБА	Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГЛМ	Государственный Литературный музей.
ГПБ	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГРМ	Государственный Русский музей.
ГЦТМ	Государственный центральный Театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ИМЛИ	Институт мировой литературы им. А. М. Горького.
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАЛИ (СПб.)	Центральный государственный архив литературы и искусства (С.-Петербург).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

- Аввакум, протопоп. 173, 179, 277, 287, 293, 298
 Авксентьев Н. Д. 279, 295
 Агаповы 110
 Адамович Г. В. 217
 Азадовский К. М. 169, 170, 174, 175
 Азбелев С. Н. 3, 15
 Аксаков И. С. 307
 Алданов М. А. (наст. фам. Ландау) 279, 295
 Александр II, имп. 85
 Александров А. А. 184, 202, 322
 Алексеев Г. В. 278
 Алексеев М. П. 4, 321
 Альтман Н. И. 322
 Алянская Н. С. 26
 Амелия Антонелла, де 268, 275, 276, 299
 Андерс В., генерал. 290, 300
 Андреев В. М. 214
 Андреев В. Л. 293, 302
 Андреев Л. Н. 293, 319
 Андреева М. Ф. 324
 Андреева О. В. 302
 Андроникова (в 1-м бр. Андреева, во 2-м — Гальперн) С. Н. 324, 325
 Анисимовы 179
 Анненская Е. А. 326
 Анненский В. И. см. Кривич В. И.
 Анненский Н. Ф. 92
 Антонова О. М. 46
 Апостол О. Н. 78
 Апостол П. Н. 78
 Апостолы 77
 Апулей 50
 Арбенина-Гильдебрандт О. Н. 25, 28, 191
 Арлян М. 298, 301 см. также Arland M.
 Аронян С. 40
 Архипов Н. И. 161, 169
 Астафьев В. П. 321
 Аттар Ферид эд-Дин 304
 Ауслендер С. А. 51, 53
 Ахмадулина Б. А. 321
 Ахматова А. А. 17, 22, 58, 59, 184, 185, 300, 322, 323, 325
 Ашенбреннер М. Ю. 209
 Бабелон Е. 311
 Бабель И. Э. 102, 324
 Базанов В. В. 170
 Базанова Д. В. 321
 Байрон Д.-Г. 72—75, 77—81, 85, 88, 89, 307, 316
 Бакланов Г. Я. 321
 Бакунин М. А. 316
 Балаховская-Пэти С. Г. 78 см. также Valachovsky-Petit
 Балиев Н. Ф. 45, 46
 Балтрушайтис Ю. К. 72, 77, 78, 81, 96, 97, 324
 Бальзак О., де 68, 292
 Бальзаминов 114, 157—159
 Бальмонт К. Д. 324
 Баратынский (Боратынский) Е. А. 79, 80, 110
 Барбье Ж.-П. 41
 Баршев Н. В. 214
 Басманов П. И. 322
 Батенков Г. С. 316
 Батюшков Ф. Д. 98, 99

¹ Составила Н. А. Прозорова.

- Бах И.-С. 186, 193, 195, 200
 Бахтерев И. В. 200
 Бахтин В. С. 216
 Башилов А. А. 197
 Белов В. И. 321
 Белов С. В. 26
 Белый А. (наст. фам. Бугаев В. Н.)
 102, 165, 277, 324
 Бельман К. 196
 Бельский Л. П. 10
 Беньяш Р. М. 324
 Беранже П.-Ж. 34
 Бердяев Н. А. 98, 99
 Бертельс Е. Э. 276, 302
 Бестахий, аль 305
 Бестужев-Марлинский А. А. 291
 Бёме Я. 192, 200
 Битов А. Г. 321
 Бицилли М. П. 321
 Бишр Босоногий 275, 305
 Благовещенская М. П. 187
 Блинова Е. М. 55
 Блок А. А. 18, 36, 59, 73, 74, 87,
 110, 161, 291, 301, 318, 319,
 325
 Блох Е. И. 28
 Блох Я. Н. 28
 Блудовы А. Д., Д. Я. 316
 Богомоллов Н. А. 37, 38, 40, 59
 Богословский М. М. 314
 Бодлер Ш. 55, 56
 Божерянов А. И. 33, 61
 Боков В. Ф. 321
 Бонди С. М. 75
 Борисов Н. Г. 163
 Борисова З. Э. 163
 Борисовы 163
 Боцяновский В. Ф. 87
 Брауде В. И. 321
 Браудо И. А. 186
 Браун Н. А. 165, 172, 174
 Брион М. 292, 301
 Брюсов В. Я. 47, 49—51, 60—62,
 73, 76, 77, 80, 87, 93, 100, 301,
 324
 Буайе П. 298 см. также Вуер Р.
 Буало Н. 279, 295
 Бугаев В. Н. см. А. Белый
 Бударагин В. П. 321
 Буланже П. А. (псевд. — П. Хлеб-
 ников) 327
 Булгаков А. Я. 316
 Булгаков М. А. 323
 Булгакова (урожд. Белозерская) Л. Е.
 323
 Бунин И. А. 279, 281, 289, 295,
 299, 302
 Бунич-Ремизов Б. Б. 301
 Буренин В. П. 87
 Бурлюк Д. Д. 323
 Бурлюки 277
 Бурцев А. Е. 19, 35
 Буслаев Ф. И. 10, 304
 Бутчик В. В. 289, 299
 Бухгольц Ф. Ф. 164
 Буш В. 193, 201
 Бычков А. Ф. 11
 Бэлза И. Ф. 100
 Бэлза С. И. 100
 Вагенгейм К. К. см. Вагинов К. К.
 Вагинов К. К. (наст. фам. Вагенгейм)
 323, 325, 327
 Вагнер Р. 24, 87
 Валлонтон Ф. 55
 Вальбе Б. С. 102, 103
 Ваксель (в 1-м бр. Смольевская,
 во 2-м — Вистендаль) О. А. 325
 Васильева (урожд. Дмитриева,
 псевд. — Черубина де Габ-
 риак) Е. И. 325, 326
 Васнецов Ю. А. 185, 323
 Введенский А. И. 193, 195, 196,
 200, 202, 323
 Венгеро́в С. А. 72—100
 Венгерова З. А. 77, 78, 82
 Вергилий (Виргилий) 27, 31
 Вересаев В. В. (наст. фам. Смидович)
 320
 Верлен П. 109
 Вертер В. А. 323
 Верховские 21
 Верховский Ю. Н. 20
 Верцемус Л. М. 321
 Вершинина Г. Г. 321
 Веселовская А. А. 12

- Веселовский А. Н. 2—16, 89, 304, 308, 309
 Виельгорские 316
 Винавер М. М. 279, 296
 Виноградов В. В. 187
 Виноградов Г. С. 3, 4
 Виноградов П. Г. 82, 85
 Вишневецкий И. Г. 38
 Вишняк М. В. 279, 295
 Владимиров Ю. Д. 200
 Власов С. А. 165, 180, 182
 Водов В. 298
 Воейков А. Ф. 316
 Воинов В. В. 322
 Волконская З. А. 316
 Волконская М. Н. 316
 Волошин М. А. 93, 102, 278, 324, 325
 Волошина М. В. см. Сабашникова М. В.
 Волошина (урожд. Заболоцкая) М. С. 324
 Волынский А. А. (наст. фам. Флексер Х. А.) 55, 56
 Воробьева З. П. 170
 Воронин С. С. 321
 Врубель М. А. 322
 Вьеле-Гриффен Ф. 34
 Вяземские 316
 Вяземский П. А. 315, 316

 Гамсун К. 186-188, 193
 Гартман 213
 Горязин А. А. 63
 Гатто Ло Э. 178, 274, 302 см. также Gatto L. E.
 Гейне Г. 307, 316
 Гельмерсен В. В. 321, 327
 Гемп К. П. 321
 Георгиевский А. И. 326
 Герман Ю. П. 324
 Герцен А. И. 291, 307
 Гете И.-В. 307, 315, 316
 Гизебрехт 85
 Гильдебрандт О. Н. см. Арбени-на-Гильдебрандт О. Н.
 Гиншус З. П. 279, 295, 302
 Гиршфельд О. 83, 86
 Глебова Т. Г. 322
 Глебова Т. Н. 190, 200
 Глебова-Судейкина О. А. 30, 57, 58, 69
 Глинка М. И. 186, 187, 193
 Глоцер В. И. 189
 Гоголь Н. В. 186—188, 193, 285, 297, 299, 307, 316
 Голицын А. Н. 315
 Голлербах Э. Ф. 323, 324
 Головина (урожд. Штейгер) А. С. 289, 300
 Гольцев В. А. 327
 Гор Г. С. 187, 214, 215
 Горбачева В. Н. 170, 173, 176
 Горелов А. А. 327
 Горин И. А. 176
 Горнунг Б. В. 38
 Городецкий С. М. 50, 51, 97
 Горская А. А. (наст. фам. Гривцова) 282, 289, 296
 Горький М. 101, 102, 103, 219, 281, 327, 328
 Гофман М. А. 18, 310—315
 Гофманстааль Г. 94
 Грабарь И. Э. 170, 322
 Гранин Д. А. 321
 Гревс И. М. 83
 Гречишкин С. С. 54, 62, 269, 298
 Грибоедов А. С. 326
 Гривцова А. А. см. Горская А.
 Григорьев А. А. 215
 Гринберг З. Г. 312, 313
 Грунтов А. К. 321
 Грякалова Н. Ю. 268
 Губер П. К. 67, 69
 Гудзий Н. К. 287
 Гумилев Н. С. 326
 Гуно Ш.-Ф. 41
 Гуревич А. Я. 62, 63
 Гурмон Р., де 55, 56
 Гусев В. Е. 15, 16
 Гюго В. 288

 Давл. В. И. 286
 Данте А. 99, 100
 Даныко Е. Я. 112
 Дасов А. см. Савченко А. Г.

- Дервиз О. В. 282
 Дервиз Т. Г. 321
 Дестунис Г. 11
 Дешарт О. (Шор О. А.) 22, 86
 Джемаль Задо 305
 Диккенс Ч. 50
 Дмитриев И. И. 315, 316
 Дмитриевская Д. М. 99
 Добролюбовы 161
 Добужинский М. В. 33, 286, 297
 Добычин А. И. 2, 214—267
 Довгелло, семья 301
 Довгелло С. П. см. Ремизова-Довгелло С. П.
 Довгелло (урожд. Самойлович) А. П. 40
 Доронина Е. Г. 321
 Достоевский Ф. М. 50, 83, 201, 285, 296, 299
 Дроздов А. П. 215
 Друскин Я. С. 186, 187, 193, 194, 196, 200, 201
 Дрызина Н. Н. 211
 Дудин М. А. 321
 Дункан А. 107
 Дягилев С. П. 298

 Евлахов И. А. 321
 Евреинов Н. Н. 281, 296
 Егунов А. И. (псевд. — Андрей Николаев) 323
 Елагина А. П. 316
 Емельянов В. Н. 289, 299
 Емельянова О. Н. см. Можайская О. Н.
 Енсен Альберг П. 301
 Епифаний, инок 277
 Ермолаева В. М. 322
 Ерофеев В. В. 214
 Есенин К. С. 324
 Есенин С. А. 101, 107, 161—165, 324
 Есенина-Толстая С. А. 165
 Ещенко Е. М. 328

 Жданов И. Н. 10
 Жирмунский В. М. 11, 15
 Житков Б. С. 186

 Жихарев С. П. 316
 Жуковский В. А. 74, 79, 307, 309, 310, 315, 316
 Жуковский П. В. 307, 312, 316

 Заболоцкий Н. А. 195, 200, 202, 203
 Зайцев Б. К. 78, 288, 298, 302
 Замятин Е. И. 69, 101, 102
 Замятина М. М. 98
 Заратустра 272
 Зарецкий Н. В. 298
 Засулич В. И. 209
 Звягинцева В. К. 324
 Зданевич М. М. (псевд. — Ильязд) 325
 Зимин С. М. 46
 Зиневич Д. И. 321, 326
 Зиновьев Д. В. 81
 Зиновьева-Аннибал (в 1-м браке Шварсалон) А. Д. 78, 79, 85, 93, 98
 Зноско-Боровский Е. А. 57
 Зом 85
 Зонтаг А. П. 316
 Зоценко М. М. 172—174, 214, 324
 Зу-н-пун 305
 Зуров Л. Ф. 289, 299

 Ибрагимов 294
 Иванов А. И. 59
 Иванов Вс. В. 162, 178, 216
 Иванов Вяч. И. 2, 17, 21, 22, 72—100
 Иванов И. Т. 82, 85
 Иванов Ф. В. 177
 Иванов-Разумник Р. В. 17, 109, 162, 167, 169, 173
 Иванова А. В. 99
 Иванова (урожд. Преображенская) А. Д. 82, 85
 Ивановский А. 34
 Ивановы 98
 Ивнев Р. (наст. фам. Ковалев М. А.) 179
 Ивойлов Вал. Н. см. Княжнин В. Н.
 Иезуитова Л. А. 2
 Измаилов 294, 302

- Измайлов А. А. 35, 37, 64, 65, 86
 Измайлов Н. В. 314, 318
 Икбал М. 272, 304
 Ильин Н. Н. 25, 26
 Ильяд см. Зданевич М. М.
 Индикоплов Косьма 304
 Ионас В. Я. 321
 Ираншехр Хасан Казем Задэ 304
 Ишимова А. О. 316
- Каверин В. А. 214
 Казароза Н. Н. (наст. фам. Шнырё-
 ва) 46
 Калиостро А. (Бальзамо Дж.) 27,
 69, 322
 Калитин П. 174
 Калитина С. 172, 174
 Каляев И. П. 291, 301
 Карамзин Н. М. 316
 Карамзины 316
 Карл III Простой 34
 Карпов П. И. 277
 Карре М. 41
 Карсавин А. П. 270
 Карсавина Т. П. 69
 Каченовский М. Т. 315, 316
 Кизеветтер А. А. 61
 Киреевский И. В. 316
 Кладо Т. В. 321
 Клинт Г. 91
 Клычков Г. С. 174, 179, 182
 Клычков С. А. 170, 173, 179
 Ключев Н. А. 2, 160—183, 326
 Княжнин Вл. (наст. фам. Ивой-
 лов В. Н.) 94
 Князев В. Г. 22, 57—60
 Князева Н. Г. 38
 Кобылинский А. Л. см. Эллис
 Ковалев М. А. см. Ивнев Р.
 Коварская Е. А. 321
 Ковтун Е. Ф. 200
 Коган, следователь 213
 Коган Д. З. 55, 58
 Кодрянская Н. В. 271, 274, 275,
 278, 284, 289, 290, 295—297,
 299, 300, 302, 303
 Кожебаткин А. М. 57, 59
 Козлов И. И. 316
- Козляков Вяч. 18
 Коковцев В. Н. 311
 Колечицкая (урожд. Лыкошина)
 А. И. 326
 Коллинъон Л.-М. 95
 Колмачевский Л. З. 12
 Кольцов А. В. 19
 Колюбакина Нат. И. 201, 213
 Конашевич В. Н. 185
 Коненков С. Т. 324
 Конецкий В. В. 321
 Кони А. Ф. 324, 325
 Кончаловская, педагог 293
 Коржавина Н. А. 321
 Короленко В. Г. 101
 Котлов Л. Н. 285
 Котляревский Н. А. 88, 310, 313
 Котов Ф. 304
 Котрелев Н. В. 87
 Кошелев А. И. 316
 Кравченко, семья 161—163, 166
 Кравченко Б. Н. 160—183
 Кравченко В. Н. 162
 Кравченко Г. Ф. 321
 Кравченко (урожд. Дайлидо) Л. Э.
 161, 162, 177
 Кравченко Н. И. 327
 Кравченко Н. П. 161, 162, 167, 170
 Красин Л. Б. 313
 Краснов П. Н. 86
 Краснопольская Т. см. Шенфельд
 Т. Г.
 Крачковский И. Ю. 304
 Крестовская М. В. 321
 Кривич В. И. (наст. фам. Анненс-
 кий) 326
 Крон А. А. 324
 Крученных А. Е. 277
 Крылов А. Н. 314
 Кузмин А. А. 18
 Кузмин М. А. 2, 17—71, 184, 185,
 191, 322, 323, 325, 327
 Кузмин П. А. 18
 Кузнецов Н. В. 321
 Кузнецова О. А. 72
 Кулаковская, владелица дачи 98
 Куликов М. В. 321
 Кульбин Н. И. 322

- Кунин В. В. 311
 Куняев С. С. 38
 Курдов В. И. 322
 Курсинский А. А. 86
 Кусов Г. В. 325
 Кэрролл Л. 188
- Лавров А. В. 2, 33, 69
 Ладыжников И. П. 313
 Лакшин В. Я. 321, 324
 Ландау см. Алданов М. А.
 Лаппа-Страженецкая А. А. 321
 Лапченко А. Ф. 2, 214
 Лассота Э. 10
 Лебедев В. В. 185, 322, 323
 Лебедева И. В. 321
 Лебедева С. Д. 324
 Левин Б. М. 200
 Левинсон А. Я. 46
 Ледницкий В. 291, 301
 Леже А. 308
 Лепорская А. А. 190
 Лермонтов М. Ю. 307
 Лесков Н. С. 327
 Лившиц Б. К. 323
 Лившиц Е. К. 322
 Ликиардопуло М. Ф. 35, 46—49,
 51—54
 Липавский А. С. (псевд. — Л. Са-
 вельев) 193, 196, 201
 Лир Э. 188
 Лифарь С. М. 288, 298
 Лихачев Д. С. 321
 Лобанов В. В. 310
 Лопарева Е. А. 324
 Луис П. 50
 Лукьянов В. В. 321
 Луначарская (урожд. Черносвитова,
 во 2-м бр. Смидович) Т. Н. 320
 Луначарский А. В. 319, 320
 Луначарский П. В. 320
 Лурье Я. С. 273, 323
 Львова (урожд. Львова, в 1-м бр.
 Платонова, во 2-м — Ваксель,
 в 3-м — Львова) Ю. Ф. 324, 325
 Лютер А. 87
- Маделунг О. 301
- Маквей Г. 174
 Македонов А. В. 203
 Маклаков В. А. 311
 Маковицкий Д. П. 209
 Маковский С. К. 289, 300
 Максимов Д. Е. 321
 Малевич К. С. 190, 193, 200
 Малич М. В. 196
 Маллармэ Ст. 56
 Мамстад Дж. 24, 25, 37, 38, 45,
 46 см. также Malmstad J. E.
 Малышев В. И. 298, 300
 Мальский И. С. 212
 Мамченко В. А. 289, 300
 Мандельштам И. Б. 68, 70
 Мандельштам О. Э. 324, 326
 Мансуров П. А. 193, 200
 Мануйлов В. А. 321, 323
 Маньковский К. М. 23, 325, 327
 Мариенгоф А. Б. 324
 Марков В. Ф. 21, 24, 25, 37, 269,
 296, 297, 299, 301
 Маркс М. М. 326
 Мартынов П. Н. 327
 Марченко М. К. 311
 Маршак С. Я. 201
 Матренина М. М. 3
 Мейер Э. 94
 Мейринк Г. 188
 Меллер П. У. 301
 Мельгунов Н. А. 316
 Менье И. 321*
 Месроп 294
 Мережковские 300, 301, 319
 Мережковский Д. С. 87, 279, 295,
 302
 Мещерские, кн. 167
 Мещерский А. П. 321
 Милиоти В. Д. 48
 Миллер О. Ф. 7, 8
 Миллер С. В. 57
 Милота К. 324
 Мин Д. Е. 100
 Миролюбов В. С. 299
 Миролюбов И. П. см. Ювачев И. П.
 Митрохин Д. И. 322
 Михайлов А. И. 160
 Михайлова А. Н. 60, 62

- Михайловский Н. К. 101
 Мицкевич А. 291
 Модзалевский Б. Л. 309, 310, 318, 319
 Можайская О. Н. (наст. фам. Емельянова) 289, 300
 Мозалевский В. И. 35
 Мольер Ж.-Б. 279
 Моммзен Т. 83, 85, 86
 Морев Г. А. 38
 Морозов П. О. 93, 308
 Морозовы 179
 Моцарт В.-А. 195, 301
 Мусоргский М. П. 20
 Мутаннабия 272, 304
- Нагибин Ю. М.** 321
 Нагродская Е. А. 35
 Надельман Е. 49
 Налимов А. 86
 Наумов В. А. 21, 51
 Небольсина А. М. 321
 Неверов А. С. 216
 Нежданова А. В. 182
 Нельдихен С. Е. 327
 Непринцев Ю. М. 165
 Нестеров М. В. 164
 Низами 304
 Никитин Аф. 304
 Никитин В. П. 268—306
 Никитина Л. Л. 273
 Никитины 273
 Николаев П. 86
 Николай I, имп. 193
 Никритина А. В. 324
 Ницше Ф. 80, 83, 85, 87
 Новалис (Фр. фон Ханденберг) 292
 Норвид Ц. К. 290, 301
 Носов В. В. 33
 Носова Е. П. 33, 57
- Оболенская Ю. А. 324
 Образцов С. В. 324
 Огарев Н. П. 316
 Одоевцева И. В. 69
 Оксман Ю. Г. 324
 Олег Святославич, кн. 103
 Олейников Н. М. 195
- Оленин А. Н. 316
 Ольденбург С. Ф. 310, 311
 Онегин-Отто А. Ф. 307—316
 Орлов А. И. 328
 Осоргин М. А. 218
 Осьмеркина А. А. 322
 Оттен Н. Д. (наст. фам. Поташинский) 324
 Оцуп Н. А. 300
- Павлова М. М.** 109, 317
 Пазухин А. В. 321
 Панаева А. Я. 199
 Пантелеймонов Б. Г. 289, 299
 Панченко А. М. 298
 Панченко Н. Т. 74
 Паперная Э. С. 195, 196
 Парнис А. Е. 35, 59, 64
 Парнок С. Я. 324
 Паскаль П. 298 см. также Pascal P.
 Пастернак Б. Л. 186
 Пахомов А. Ф. 322
 Персиц Т. М. 67, 69
 Пестовский В. А. см. Пяст
 Петер Коля см. Петров В. Н.
 Петров В. Н. (псевд. Коля Петер) 59, 184—189, 200, 201, 208, 212, 322, 323
 Петров Н. Н. 184
 Петров-Водкин К. С. 165, 170, 322
 Пешков З. А. (З. М. Свердлов) 325
 Пешкова Е. П. 327
 Пиндар 83, 86
 Пинес Д. М. 318, 319
 Пичурин А. Ф. 160
 Платонов А. П. 218
 Плетнев П. А. 315, 316
 Плещеев А. А. 316
 Плутарх 27
 Полевая Ю. В. 321
 Полонский Гр. 97
 Полонский Я. П. 307
 Поляков С. А. 50—54, 56, 57
 Полякова Н. М. 321
 Полян Ж. 301
 Померанцев К. 298
 Помозов Ю. Ф. 321, 328
 Порет А. И. 185, 188, 190, 200

- Поташинский Н. Д. см. Оттен Н. Д.
 Поярков Н. Е. 76
 Прегель С. Ю. 289, 300
 Преображенский А. Г. 327
 Прилуков В. М. 199
 Пришвин М. М. 101
 Прокофьев А. А. 165, 169, 170
 Пронин Б. К. 35
 Протасова Е. А. 315
 Протасова М. А. 309
 Прутков К. (кол. псевд. Толстого
 А. К., Жемчужникова А. М.,
 Жемчужникова В. М.) 188
 Прянишникова З. Д. 321
 Пулин Л. И. 169, 170
 Пунин Н. Н. 185, 322
 Пушкин А. С. 19, 28, 72, 75, 76,
 93, 96, 187, 281, 288, 291,
 307—312, 314, 315, 318
 Пушкина Е. Г. 316
 Пшибышевский С. 301
 Пяст В. А. (наст. фам. Пестовский)
 327
- Радаков А. А. 57, 58**
 Радлов Н. Э. 325
 Радлова (урожд. Дармолатова) А. Д.
 24, 25, 30, 31, 69, 325, 327
 Радошанский Н. Н. 46
 Раевская-Хьюз О. 298
 Ральстон В. 316
 Расин Ж. 279
 Распутин В. Г. 327
 Рафалович С. Л. 325
 Рахманов Л. Н. 214
 Резник О. С. 216
 Резникова (урожд. Колбасина,
 удочер. Чернова) Н. В. 40, 271,
 274, 277, 293, 295—303
 Ремизов А. М. 2, 40, 268—306, 327
 Ремизова-Довгелло С. П. 39, 40,
 275, 281, 282, 291, 296, 298,
 299, 301, 302
 Ремизовы 40, 270, 297
 Ренье А. 27, 28, 323
 Риве Ф. Д. 291, 301
 Рид М. 280
 Римский-Корсаков Н. А. 19
- Рожанковский Ф. 284, 297
 Рождественский Вс. А. 165, 321,
 324, 327
 Розафов В. В. 194—195, 201
 Роллан Р. 327
 Романова Н. М. 321
 Ропшин В. см. Савинков Б. В.
 Ростовцев М. И. 83, 94, 95
 Ростопчина Е. П. 307, 316
 Рудыковская Т. А. 321
 Руми Джеляль-эд-Дин 304
 Румянцева И. П. 321
 Рундальцев 197
 Русакова Э. А. 211
 Руслов В. В. 21
 Рылов А. А. 165, 180, 182
- Саади 305**
 Сабашников М. В. 87, 100
 Сабашников С. В. 87, 100
 Сабашникова М. В. 93
 Сабуров 112
 Савельев Л. см. Липавский Л. С.
 Савинков Б. В. (псевд. — В. Ропшин)
 291, 301
 Савинский В. Е. 165
 Савченко А. Г. (псевд. — А. Дедов)
 289, 300
 Садов А. И. 212
 Салтыков-Щедрин М. Е. 217
 Санати Заэд Кермани Абд Оль-хо-
 сейн 294, 295, 302, 303
 Сапунов Н. Н. 57
 Сарабьянов Д. В. 184
 Сафи-эд-Дин 304
 Саянов В. М. 165
 Свербеева Е. Я. 315
 Святополк-Мирский Д. П. 270
 Северин Д. П. 316
 Сезанн П. 292
 Сейфулина Л. Н. 216, 218, 219
 Селезнев И. Ф. 163
 Семевский В. И. 92
 Семенов В. С. 102, 108
 Семенов М. И. 35
 Семина-Кононыхина В. Н. 321
 Сенкевич В. К. 327
 Сенуси Идрис М. 306

- Сенченко И. А. 208
 Сервантес Сааведра М., де 11
 Серебров см. Тихонов А. Н.
 Серебровский В. П. 321
 Синклер Э. 327
 Синявский А. Д. 278
 Скаадин А. Д. 87
 Скатов Н. Н. 2
 Скорбный Андрей см. Смиренский В. В.
 Скотт В. 175
 Скрыбина Т. Ф. 70
 Сладкопепцева В. В. 321
 Сметанич В. И. см. Стенич В. И.
 Смидович П. Г. 320
 Смиренская А. И. 321
 Смиренский Б. В. 327
 Смиренский В. В. (псевд. — Андрей Скорбный) 278, 327
 Смирнова А. О. 316
 Смоленский С. В. 20
 Смольевский А. А. 321
 Сниткин И. М. 328
 Соколов Н. 73, 100
 Сологуб В. А. 316
 Соловьев Вл. С. 83, 86, 90
 Соловьев С. М. 11
 Соловьева П. С. (псевд. — Allegro) 72, 324
 Сологуб Ф. К. (наст. фам. Тетерников) 36, 58, 92, 100, 109—159, 317—320, 324, 325
 Сологубы 58
 Сомов К. А. 26, 48, 57
 Сорин С. А. 35, 66
 Сосинская А. В. 300
 Сосинский В. Б. 273, 274, 289, 300
 Сосулька 149, 157
 Спартак 292
 Спасский Ф. Г. 289, 299
 Срезневский И. И. 286, 304
 Сталин И. В. 174, 290
 Стеклов Ю. М. 112
 Стенич В. И. (наст. фам. Сметанич) 323
 Степанов А. Н. 311
 Степанов В. Я. 35
 Степанов Н. А. 76
 Степанченко Д. И. 179
 Степаняну М. Т. 276
 Степун Ф. А. 23, 32, 270
 Стерлигов В. В. 200, 322
 Столбин Н. Б. 321
 Страхов Н. Н. 328
 Стрельников Н. М. 26, 34
 Струве А. П. 289, 299
 Струве Н. А. 289, 299
 Струве П. Б. 60—62, 289
 Субботин С. И. 174, 179, 182, 326
 Суворова К. Н. 18
 Сувчинский П. П. 270, 289, 299
 Судакова (урожд. Мариенгоф) Р. Б. 324
 Судейкин С. Ю. 35, 52—58
 Суетин Н. М. 190
 Сутугина (в замуж. Кюнер) В. А. 67, 69
 Суханов И. Н. 280, 296
 Сухановы 280
 Сухомлинов М. И. 308
 Сытины 179
 Сюннерберг К. А. (псевд. — Эрберг) 33, 36, 96—98
 Сюпервьель Ж. 302 см. также Supervielle
 Тайкевич А. 68
 Тарский К. 87
 Терапиано Ю. К. 323
 Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф. К.
 Тетерникова О. К. 112
 Тетерникова Т. С. 110
 Тименчик Р. Д. 22, 33, 35, 58, 59, 64, 69, 217
 Тимофеев А. Г. 17, 37, 38, 39
 Тиняков А. И. 327
 Тихонов А. Н. (псевд. — Серебров) 67, 69
 Толмачев М. С. 87
 Толстая (урожд. Берс) С. А. 328
 Толстая (в замуж. Сухотина) Т. Л. 328
 Толстой А. К. 307
 Толстой А. Н. 107, 162, 165, 289, 299

- Толстой А. Н. 50, 165, 192, 194,
201, 280, 327, 328
- Тотубалин Н. И. 102
- Третьяковский В. К. 74
- Тримингэм Дж. С. 276
- Троицкая 77, 78
- Троицкий В. 69
- Трубецкой Н. С. 270
- Тумповская М. 70
- Тургенев И. С. 101, 290, 291, 307,
310, 316
- Тургеневы А. И., А. М., Н. И., 316
- Туфанов А. В. 201, 202
- Тушинский М. Д. 70, 71
- Тыркова-Вильямс А. В. 289, 300
- Тырса Н. А. 185, 322
- Тютчев Ф. И. 110, 323
- Убри П. Я. 315
- Ульянов Н. И. 277, 281, 296
- Умников С. Д. 321
- Унгерн Р. А., барон 46
- Унковский В. Н. 280, 289, 296
- Усов Д. С. 328
- Устинов А. Б. 38
- Ушаков Д. Н. 271, 286
- Файнштейн М. Ш. 307
- Федин К. А. 165, 328
- Феодосий Печерский 103, 108
- Феофилактов Н. П. 47, 49, 53, 54,
56, 57
- Ферингер А. Б. 314
- Филдинг Г. 27
- Филиппов Г. В. 2
- Филиппова Э. Н. 311
- Филонов П. Н. 200
- Философов Д. В. 290, 301
- Флексер Х. Л. см. Вольтман А. Л.
- Флобер Г. 50
- Флоровский Г. В. 270
- Форш (урожд. Комарова) О. Д.
324
- Фраерман В. С. 312
- Франс А. 67—69
- Хаям О. 305
- Халлядж 305
- Хардинов Ю. А. 160
- Харитонов И. П. 324
- Хармс Д. И. (наст. фам. Ювачёв)
2, 184—213, 322
- Хасан Басрийский 275, 305
- Хемингуэй Э. 194
- Хлебников В. В. 269, 277
- Хлебников П. см. Буланже П. А.
- Ховряков Н. И. 321
- Ходасевич В. Ф. 102
- Холмогорова (в замуж. Costes) Е. А.
293, 302
- Хохшулер М. 87
- Христофорова-Садомова Н. Ф. 173,
174
- Царькова Т. С. 2
- Цветаева М. И. 300, 325
- Цветков В. И. 178
- Цветова Н. С. 101
- Цыбульский Н. К. 35
- Чаадаев П. Я. 316
- Чайковский П. И. 20
- Чапские 300
- Чапский И. Г. 290, 291, 295, 299,
300, 303
- Чапыгин А. П. 2, 101—108, 165,
170
- Чапыгина Н. М. 102, 103, 108
- Чеботаревская Т. Н. 317—320
- Чеботаревская-Сологуб А. Н. 36,
58, 110, 317, 319
- Чеботаревские 317
- Чернов В. М. 302
- Черносвитов Н. Н. 320
- Черносвитова (урожд. Чеботаревс-
кая) О. Н. 110, 317—320
- Черносвитовы 317, 320
- Чертков В. Г. 328
- Черубина де Габриак см. Василь-
ева Е. И.
- Чехов А. П. 217, 219
- Чёч Г. 301
- Чижевская Н. В. 321, 328
- Чижевский А. Л. 327, 328
- Чижев Г. (Холмский) 281, 296
- Чистяков П. П. 163

Чичерин Г. В. 18—20

Чудакова М. О. 38

Чуковская М. 215

Чулков Г. И. 51, 75

Чулкова Н. Г. 324

Шамиль 306

Шанфар К. 272, 304

Шапо, врач 197

Шахматов А. А. 327

Шаховской А. А. 316

Шварц А. И. 193, 201

Шварцман А. И. см. Шестов Л. И.

Швейцер А. 200

Швецова Л. К. 326

Шевченко Т. Г. 163

Шекспир В. 194

Шенфельд Т. Г. (псевд.— Т. Красно-
польская) 33

Шерон Ж. 51 см. также Cheron G.

Шершеневич В. Г. 324

Шестов Л. И. (наст. фам. Шварц-
ман) 283, 297

Шиллер И. Ф. 307, 316, 326

Шишков В. Я. 101, 162, 165, 178,
179, 327

Шкапская М. М. 327

Шкловский В. Б. 34

Шмаков А. А. 321

Шмаков Г. Г. 24, 38

Шмелев И. С. 279, 288, 295, 299,
302

Шопенгауэр А. 83, 114

Шостакович Д. Д. 324

Штеффен А. 326

Штрайх С. Я. 69

Шуман Р. 292, 301

Шумихин С. В. 40

Шухаев В. И. 324

Шухаева В. Ф. 324

Шюзевиль Ж. 302

Щеголев П. Е. 21, 315

Щербачков В. И. 165

Эйхенбаум Б. М. 324

Эллис Л. Л. (наст. фам. Кобылин-
ский) 55, 56

Эрберг см. Сюннерберг К. А.

Эренбург И. Г. 324

Эрлих В. И. 26

Эскил 87

Эфрон А. С. 325

Эфрон С. Я. 270

Эфрон А. М. 87

Ювачев Д. И. см. Хармс

Ювачев И. П. (псевд.— Миролю-
бов) 192, 201, 208—213

Ювачёва (урожд. Колюбакина)
Над. И. 200

Ювачёва-Грицына Е. И. 199, 208

Ювачёвы 192, 211

Юркун Ю. И. (наст. фам. Юркунас
И. И.) 26, 30, 62, 63, 67, 327

Юркунас И. И. см. Юркун Ю. И.

Яковлев А. Е. 325

Яковлев М. А. 328

Яковлева Т. А. 325

Якубович И. Д. 321

Яр-Кравченко А. Н. 161—183

Allegro (наст. фам. Соловьёва П. С.)
72, 324

Arbor A. 296

Arland M. 278, 292, 295, 298, см.
также Арлян М.

Atonian S. 40.

Balachovsky-Petit 77, 78

Barnstead J. A. 22

Bilang K. 91

Bisiaux 293

Bleibtreu K. 89

Blok A. 301, см. также Блок А. А.
Bonielli-Vallecalle 293

Boyer P. 287, см. также Буайе П.

Brion M. 292, 301

Buron D. 89, см. также Бай-
рон Д. Г.

Charms 212, см. также Хармс Д. И.

Cheron G. 22, 25, 51, 64

Church V. 292

Chuzeville J. 293, 302

- Coleridge H. 89
 Collignon L.-M. 94, 95
 Costes 293, 302
 Czapsky J. 299, см. также Чапский И. Г.

 Dante A. 100, см. также Данте А.
 Davidson P. 100

 Elze K. 89
 Engel E. 89

 Gatto L. E. 294, 302, см. также Гатто Ло Э.
 Gourmont R., de 56, см. также Гурмон Р., де
 Guigues 292
 Guigues E.

 Jacob G. 284
 Johannes, von 22

 Klimt G. 91
 Koepfel E. 89

 Malmstad J. E. 18, 21, 22, 38, 39, 45, 46, 54, 71, см. также Малмстад Дж.
 Markov V. 18, 38 см. также Марков В. Ф.
 Mason A. 302
 Meyer E. 94
 Milota K. 324
 Moch-Bickert E. 58

 Nikitine B. 269, 270 см. также Никитин В. П.
 Noel R. 89

 Pascal P. 287, 293, см. также Паскаль П.
 Paulhan 292
 Pearson J. D. 269
 Poljakov S. 54, см. также Поляков С. А.
 Price-Pavain 292
 Prothera R. E. 89
 Руман А. 278

 Reeve F. D. 291, 301
 Remizov A. 278, см. также Ремизов А. М.
 Rolland R. 327

 Sinany H. 270, 302
 Sinclair U. 327
 Slobin G. 278, 298
 Supervielle 293, см. также Сюпервьель Ж.

 Vassole 293

 Wodoff W. 298

 Zakles (наст. фам. Иванов Вяч. И.) 85, см. также Иванов Вяч. И.

**А. Н. Веселовский в имени А. С. Усовой Караево
Фото. 1880-е годы. (Р. О. Пушкинского Дома)**

А. П. Веселовский и А. С. Усова в именин Карасю.
Фото. 1880-е годы. (Р. О. Пушкинского Дома)

М. А. Кузмин и Е. А. Нагородская.
Фото. 1910-е годы. (Р. О. Пушкинского Дома)

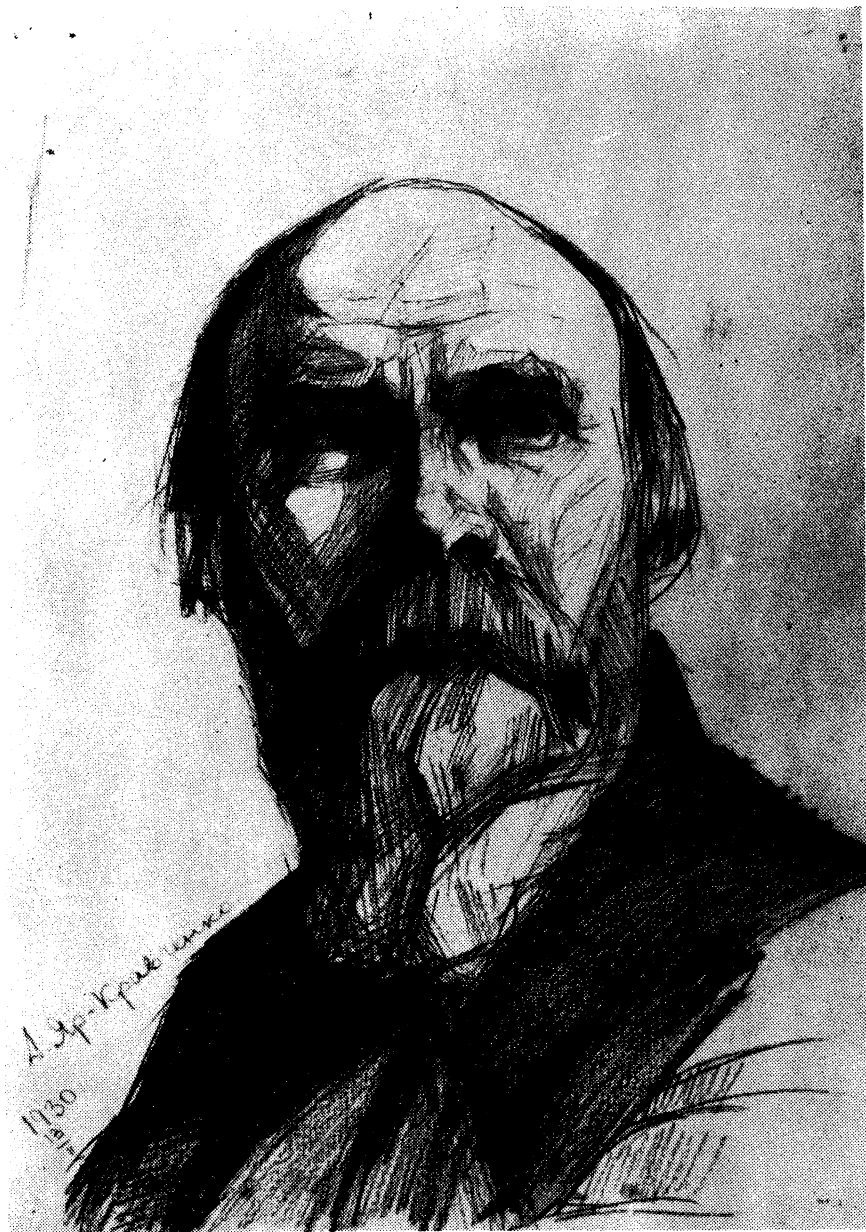
А. М. Ремизов. Фото. 1910-е годы.
(Р. О. Пушкинского Дома).

А. М. Ремизов. Фото. 1930-е годы.
(Р. О. Пушкинского Дома)

В. И. Иванов. Рисунок К. де Клуве (?).
Карандаш. Рим 1937 г. (Р. О. Пушкинского Дома)

А. Н. Яр-Кравченко. Портрет П. Клюева.
13 февраля 1930 года. (Р. О. Пушкинского Дома)

Тов. Григорьев,
приходите ко мне
по адресу Троица-
тово в восемь часов
и послушайте усе-
ние, в которое я
перед Вами и еще
двумя-тремя. Умо-
вениями (гор) двумя
пустятся.

Добычин.

Мойка, 62, кв. 8,
вход с Демидова (2.2)
в ворота, дверь первая
направо.

Л. И. Добычин. Записка А. Л. Григорьеву. Автограф.
1936 год. (Р. О. Пушкинского Дома)

124-12
Это начал 1980
нашего знакомства.
Осень 1935-ого года
Затем последовали
частые отъезды,
Л.И. приходил ко
мне по воскресеньям
и договаривался
со мной. Я уговора
вал его не писать
рукописей, предлагать
автобиографию, статьи
повесть, рассказы
1936 году, накануне
его самоубийства
он в море отплыл
оставил мне рукописи
и фотографии

А. Л. Григорьев. Сопроводительная записка к рукописям Л. И. Добычина, переданным в Пушкинский Дом А. Л. Григорьевым незадолго до смерти.
24 февраля 1988 года. (Р. О. Пушкинского Дома)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>С. Н. Азбелев</i> . Рукописи А. Н. Веселовского по народному эпосу.....	3
<i>А. Г. Тимофеев</i> . Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома.....	17

II. ПУБЛИКАЦИИ

<i>М. Кузмин</i> . Стихотворения. Пьеса. Переписка. Публикация <i>А. Г. Тимофеева</i>	37
Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым. Публикация <i>О. А. Кузнецовой</i>	72
<i>А. П. Чапыгин</i> . Дневниковые записи. Публикация <i>Н. С. Цветовой</i>	101
<i>Федор Сологуб</i> . Цикл «Из дневника». (Неизданные стихотворения). Публикация <i>М. М. Павловой</i>	109
К биографии <i>Н. А. Клюева</i> последнего периода его жизни и творчества. (По материалам семейного архива <i>Б. Н. Кравченко</i>). Публикация <i>А. И. Михайлова</i>	160
Материалы о <i>Данииле Хармсе</i> и стихи его в фонде <i>В. Н. Петрова</i> . Публикация <i>А. А. Александрова</i>	184
<i>Л. И. Добычин</i> . Шуркина родня. Публикация <i>А. Ф. Латченко</i>	214
<i>В. П. Никитин</i> . «Кукушкина». (Памяти <i>А. М. Ремизова</i>). Воспоминания. Публикация <i>Н. Ю. Грякаловой</i>	268

III. ИЗ ИСТОРИИ ФОНДОВ

<i>М. Ш. Файнштейн</i> . Из истории собрания <i>А. Ф. Онегина</i> в Пушкинском Доме.....	307
Письмо <i>О. Н. Черносвитовой</i> <i>Т. Н. Чеботаревской</i> . Публикация <i>М. М. Павловой</i>	317

IV. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

<i>Д. В. Базанова</i> . Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1978—1980 гг.....	321
Список сокращений.....	329
Указатель имен.....	330

Сдано в набор 10.09.93. Подписано в печать 02.11.93. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Тираж 2000 экз.
Заказ 3499.

Текст набран в лаборатории компьютерного набора
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Наб. Макарова, 4.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Великолукской городской типографии
Упринформпечати Псковской области,
182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12